

Женщины-художницы всех эпох и всех стран

Э. Ф. Эллет

WOMEN ARTISTS

IN ALL AGES AND COUNTRIES.

By MRS. ELLET,

AUTHOR OF "THE WOMEN OF THE AMERICAN REVOLUTION," ETC.

NEW YORK:

HARPER & BROTHERS, PUBLISHERS,

FRANKLIN SQUARE.

1859.

Электронная книга проекта "Гутенберг" о женщинах-художницах всех эпох и всех стран

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и в большинстве других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Женщины-художницы всех эпох и всех стран

Автор: Э. Ф. Эллет

Дата выхода: 29 января 2023 [Электронная книга № 69897]

Последнее обновление: 19 октября 2024

Язык: Английский

Оригинальная публикация: Соединенные Штаты: Harper and Brothers, 1859

Кредиты: Команда онлайн-распространяемой корректуры по адресу <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений генеро, недавно предоставленных интернет-архивом)

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА" ЖЕНЩИНЫ-ХУДОЖНИКИ ВСЕХ ВОЗРАСТОВ И СТРАН ***

ЖЕНЩИНЫ-ХУДОЖНИЦЫ ВСЕХ ЭПОХ И ВСЕХ СТРАН

От МИССИС ЭЛЛЕТ,
АВТОР КНИГИ "ЖЕНЩИНЫ АМЕРИКАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ" И ДР.

НЬЮ-ЙОРК: ИЗДАТЕЛЬСТВО
HARPER & BROTHERS,
ФРАНКЛИН-СКВЕР.

1859.

Внесен, согласно Акту Конгресса, в тысяча восемьсот пятьдесят девятом году компанией Harper & Brothers, в канцелярию окружного суда Южного округа Нью-Йорка.

К МИССИС КОВЕНТРИ УОДДЕЛЛ, ЧЕЙ ИЗЫСКАННЫЙ ВКУС И ПОНИМАНИЕ ИСКУССТВА, А
Также ЧЬЯ ЩЕДРАЯ ДОБРОТА К ХУДОЖНИКАМ ВОСПИТАЛИ АМЕРИКАНСКОГО ГЕНИЯ,

Этот том подписан ЕЕ ДРУГОМ

АВТОР.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Я не знаю, чтобы когда—либо публиковалась какая—либо работа о женщинах-художницах - либо группирующая их, либо дающая общую историю их творчества, - за исключением небольшого тома, выпущенного в Берлине Эрнстом Гулем и озаглавленного “Die Frauen in die Kunstgeschichte”. В этой работе обзор заканчивается восемнадцатым веком, и женщины-поэтессы включены вместе с художниками, скульпторами и граверами в категорию художников. Находя наброски профессора Гуля о состоянии искусства в последующие эпохи полностью правильными, я использовал их и собранные им факты, добавив детали, опущенные им, особенно в личной истории выдающихся женщин, посвятивших себя работе с кистью и резцом. Были проведены тщательные консультации с властями, слишком многочисленными, чтобы их упоминать, на французском, итальянском, немецком и английском языках. Я в особом долгу перед работами Вазари, Декампеа и Фиорильо. Биографии Мадемуазель. Бонер, Фовоз и Госмер взяты, с небольшим сгущением и приданием формы, из последних номеров этого превосходного периодического издания “The Englishwoman's Journal”. Эскизы многих ныне живущих художников были подготовлены из материалов, предоставленных ими самими или их друзьями.

Очевидно, что в произведение такого рода невозможно включить даже имена всех женщин-художниц, которые достойны упоминания. Среди тех, кто работает в наши дни, много таких, у кого еще нет достаточного опыта, чтобы отдать должное своим собственным способностям, и любая критика их произведений была бы преждевременной и несправедливой.

На следующих страницах не предпринималось попыток дать лабораторный критический анализ или связную историю искусства. Цель состояла просто в том, чтобы показать, чего добилась женщина, при общих условиях, благоприятных или неблагоприятных для ее усилий, и дать такое представление о характере каждой выдающейся художницы, какое можно получить из достоверных записей ее личного опыта. При взгляде на раннюю борьбу и испытания, на

упорное трудолюбие и заслуженные триумфы одаренных можно узнать больше, чем при самом эрудированном или тонко закрученном исследовании. Следует ПЭРусал моей книги вселяют мужество и резолюции любая женщина, которая стремится преодолеть трудности в достижении почетного независимости, или это должно привести к увеличению общего уважения к полномочиям женщин и их уготовано место в области искусства, Моя цель будет выполнена.

Е. Ф. Е.

Содержание.

ГЛАВА I.

РАННИЕ ВЕКА.

Женщины в искусстве. — Вид живописи, которым они больше всего занимались.— Женские занятия в ранние века.—Ярмарка Египтянок.—Женщины Ассирии и Вавилона.— Греческие женщины.—Скульптура и живопись Греции.—Дочь Дибутада.—Профиль Влюбленного.—Первый барельеф.— Тимарата.—Елена.—Анаксандра.—Калло.— Сирена.—Калипсо.—Другие ученики греческого искусства.—Римская женщина.—Художница Лайя.—Лала.— Влияние христианства на искусство.— Украшение, отвергнутое ранними христианами.—Искусство деградировало на протяжении веков.—Женское влияние среди народов, поднявшихся на руинах Рима.— Мудрые и сообразительные принцессы.—Анна Комнина.—Первая герцогиня Германии.— Первая редакторша Циклопедии.—Искусство освещения.—Монахини, занимающиеся копированием и раскрашиванием рукописей.—Агнес, настоятельница Кведлинбурга. —Принцессы за работой.— Сестры монастыря копируют и украшают религиозные произведения.—Печать монахинь-press.—Первая скульпторша Сабина фон Штайнбах.—Ее работы в Страсбургском соборе.—Элементы, пронизывающие скульптуру средневековья.—

Страница 21

Картина, изображающая архиепископа, коронующего Сабину.

ГЛАВА II.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК.

Начало истории современного искусства.—
Причины бесплодия этого столетия среди художниц.—Упадок рыцарства неблагоприятен для их умственного развития.—Уход идеального и Сверхъестественного элемента в искусстве.—Новое чувство к природе.—Новая жизнь и действие в живописи.—Изображение чувств Сердца.—Освобождение Живописи от оков.—Для художников необходимы более серьезные исследования.—Женщина исключена из конкурса.—Требуется покровительство.—По одной художнице, представляющей каждую известную школу.—Margaretta von Eysck.—Ее миниатюры.—Обширная известность.—Ее оформление рукописей.—Работать в помощь своим братьям.—“Одаренная Минерва”.—Согромным Блаженством.—Еще одна

32

Маргаретта.—Копирует и иллюстрирует рукописи в Картезианском монастыре.—Заполнено восемь фолиантов.—Катерина Вигри.—Ее миниатюрные картины.—Основывает женский монастырь.—“Болонская святая”.—Чудесная картина.—Дева—воительница Онората.—Дукрашает дворец в Кремоне.—Нанесенное ей оскорбление.—Она убивает Обидчика.—Бегство в мужской одежде.—Жизнь солдата.—Произносит Кастеллеоне.—Смертельная рана.

ГЛАВА III.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ВЕК.

Этот век богат великими художниками.—Не беден на художниц.—Незабываемый период как в поэзии, так и в живописи.—Теперь видны плоды труда предыдущего столетия.—Ученицы во всех школах итальянского искусства.—Превосходство Болонской школы.—Проперция Росси.—Ее красота и законченное

38

образование.—Резьба по косточкам персика.—Ее скульптуры.—Знаменитый барельеф жены Потифара.—Несчастливая любовь Проперции.—Клевета и преследования.—Ее работы и слава.—Визит папы Римского.—Смерть Проперции.—Традиционная история.—Изабелла Маццони, скульптор.—Женщина—фрескист.—Сестра Плавтилла.—Ее работы для монастырской церкви.—Другие работы.—Женщины-художницы римской школы.—Теодора Данти.—Женская гравюраверсия.—Диана Гизи.—Ирен ди Спиллиберг.—Ее образование в Венеции.—Ее портрет Тициана.—Сонет Тассо в ее честь.—Поэтическая дань уважения в связи с ее смертью.—Ее работы и достоинства.—Винченца Армани.—Мариетты Тинторетто.—Ее красота и музыкальные достижения. —Отрывки из выступлений в мальчишеской одежде с отцом.—Ее портреты.—Они становятся “Писком моды”.—Приглашение от императора.—От Филиппа Испанского.—Отказ отца.—Ее замужество и смерть.—Ее портрет.—Женщины-художницы Северной Италии.—Барбара Лонги и другие. Монахини Генуи.

ГЛАВА IV.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ВЕК.

Шесть замечательных сестер.—Sofonisba Anguisciola.—Ее ранние наброски.—Отец трех сестер.—Ее успех в Милане.—Приглашение ко двору Мадрида.—Пышность ее путешествия и приема.—Бриллиант.—Рисует королевскую семью и Цвет дворянства.—Ее подарок папе Пию.—Его письмо.—Ее стиль.—Картина Лючии.—Софонисба, гувернантка инфанты. Брак с сеньором Сицилии.—Его смерть в Палермо.—Путешествие вдовы.—Доблестный капитан.—Вторая любовь и замужество.—Ее резиденция в Генуе.—Королевские гости.—Потеря зрения.—Вандик, ее гость.—Ее влияние на искусство Генуи.—Ее портрет и работы.—Sofonisba Gentilesca.—Ее миниатюры с изображением испанской королевской семьи.—Caterina Cantoni.—

Ludovica Pellegrini.—Angela Criscuolo.—Cecilia Brusasorci.—Caterina dei Pazzi.—Ее стиль демонстрирует вливание нового элемента религиозного энтузиазма в искусство.— Традиция ее живописи с закрытыми глазами.— Ее канонизация.—Женщины во Франции в этот период.—Изабелла Катрепом.—Женщины в Испании.—Женщина-доктор богословия.— Изменения, внесенные протестантизмом в положение женщины.—Его влияние на искусство.—Английская художница.—Лавиния Беник.—Кэтрин Шварц в Германии.—Ева фон Айберг в Швейцарии.—Женщины-художницы в Нидерландах.—Женский талант в Антверпене.—Упоминание Альбертом Дюрером Сюзанны Джерард.—Катрин Хамсен.—Анна Сегерс.—Клара де Кейзер.— Визиты Льюиса А. Беннинга и Сюзанны Хьюрембу в Англию.— Гравер Барбара.— Голландский гравер.—Констанция, художница по цветам.

ГЛАВА V.

СЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК.

Появилась новая почва для прогресса.—
 Больше разнообразие стилей.—
 Натурализм.—Караччи сыграли важную роль в придании живописи импульса реформ.—Их академия.—Одну открыла миланская леди.—
 Ученая поэтесса в день ее сорокового юбилея.—
 Женщины—художницы и граверы.—Лавиния Фонтана.—Поспешное суждение.—Лавиния ученица Караччи.—Персонаж ее картин.—Ей воздаются почести.—Ухаживает член Королевской семьи.—Ее красота и поклонники.—Романтический любовник.—
 Картины Лавинии.—Завершение периода воплощения христианского идеала в искусстве.— *Шеф-повар Лавинии*.—Ее дети.—
 Профессиональные почести.—Ее смерть.—
 Ученицы школы Караччи.— Ученики Доменикино, Ланфранко и Гвидо Рени.—
 Грубый Гверчино, презирающий женщин.—
 Племянница и наследница кардинала.—Ее великие картины.—Основывает монастырь.—
 Артемизия Джентилески, ученица Гвидо.—Ее

портреты.—Визит в Англию.—Благосклонность Карла I.—Роскошная резиденция в Неаполе.— Ее соответствие.—Оценка ее картин.— Elisabetta Sirani.—Ее артистический характер.—Ее семейная жизнь.—Трудолюбие и скромность.—Ее добродетели и изящество.—Завистливые художники.— Борьба с клеветой.—Ее загадочная судьба.— Предположения на этот счет.—Похоронные церемонии.—Ее первыеработы.—Ее влияние на художниц.—Ее ученицы.—Другие художницы Болоньи.

ГЛАВА VI.

СЕМНАДЦАТЫЙ ВЕКУ.

Школа академиков после Караваджо.— Неидеализированная природа.—Очерчены грубые и неистовые страсти.—Темная и бурная сторона человечества.—Темные краски и тени.—Мрачное и страстное, выраженное в Картинах, появилось в Жизни художников.— Обычное дело прокурора и чаши с ядом.— Aniella di Rosa.—Ученица Станциони.— Персонаж ее картины.—Романтическая любовь и брак.—Разрушенный счастливый дом.—Змея из домашнего очага.—Ревность.— Мнимое доказательство.—Френсис и убийство.—Другие прекрасные неаполитанки.—Королева Мессины.—В школах Болоньи и Неаполя представлены самые выдающиеся итальянские картины.— Начало рисования карандашом.—Знатные дамы Тосканы, культивирующие искусство.— Розальба флорентийской школы.—Искусство в городе Цезарей.—Римский Флоу- живописец.—Граверы.—Резчики для медальонов.—Женщина-архитектор.— Римская скульпторша.—Женщины-художницы венецианской школы.—В Павии.—Четыре дочери художника.—Кьяра Варотари.— Разделяет труды своего брата.—Умелая медсестра.—Ее ученицы.—Другие художницы того времени.—Школы Северной Италии.—Их художницы.—Джованна Фрателлини.

74

ГЛАВА VII.

СЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК.

85

Спротиворечия между академиками и натуралистами, а также между французской и испанской школами живописи.—Особенности каждой.—Знатные дамы Мадрида, ученицы Веласкеса.—Обучение королевских детей искусству.—Мадридский гравер.—Каждый город на юге Испании может похвастаться женщиной-художницей.—Изабелла Коэльо.—Другие в Гранаде.—В Кордове.—Севильская скульпторша.—Луиза Ролдан; ее резьба по дереву.—Каноны “проданы”.—Приглашение в Мадрид.—Скульпторша короля.—Другие женщины-художницы в Испании.—Во Франции положение женщины более значимо, чем в предшествующую эпоху. — Испорченность придворных манер.— Недостойные женщины у власти.—Женщины во всех отделах литературы.—Мадемуазель де Скюдери.—Мадам де Лафайет.—Madame Dacier.—Женщины в богословских занятиях.— Их влияние в искусстве не так уж велико. — Художники миниатюры и цветоводства.— Граверы.—Элизабет Софи Шерон. — Лидер в росписи по эмали.—Ее портреты и исторические произведения.—Ее заслуги и успех.—Ее переводы Псалмов.—Музыкальные и поэтические таланты.—Почести, щедро оказанные ей.—Любовь и брак на высоте.—Ее щедрость к нуждающимся.—Стихи в ее честь.—Исторические картины.—Мадлен Массон.—Маркиза де Помпадур.

ГЛАВА VIII.

СЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК.

94

Две разные системы живописи на Севере.— Фламандская школа, представленная Рубенсом.—Голландцы, созданные Рембрандтом.—Особенности стиля Рубенса.— Нет феминистских учеников.—Не подходит для изучения женщин.—Некоторые художницы первой половины века.—Особенности голландской школы.—Широкое поле для женской энергии и трудолюбия.—Живопись *любого жанра*.—Ее особенности.—Положение вещей, благоприятствующее женской

предприимчивости.—Ранние попытки в жанровой живописи.—Среди непосредственных учеников Рембрандта мало женщин.—Жанровая живопись адаптируется к женскому таланту.—“Голландские музы”.—Еще одна женщина-архитектор.—Голландские художницы и граверши.—Мариа Шалкен и другие.—“Вторая Шурманн”.—Маргаретта Годевик.—Художник-поэт.—Anna Maria Schurmann.—Замечательный гений в области языков.—Ранние познания.—Ее ученость и положение среди ученых.—Художник, скульптор и гравер. — Называется “Чудо творения”.—Королевские гости.—Путешествие в Германию.—Принимает религиозные догматы Лабади.—Его доктрины.—Присоединяется к его группе.—Собирает своих последователей и ведет их во Фрисландию.—Бедность и смерть.—Визит к ней Уильяма Пенна.—Ее портретаит.—Ее современницы в искусстве.—Цветочная живопись в Нидерландах.—Его пионеры. — Мария Ван Остервик.—Ее рождение и образование.—Ранние постановки.—Отмечались при иностранных дворах.—Подарки от друзей-императоров.—Огромные цены за ее картины.—Королевские покупатели.—Тихий художник за работой.—Визит любовника.—Испытания и неудачи любовницы.—Стиль ее живописи.—Рейчел Рейш.—Величайший художник-флорист.—Раннее обучение.—Распространение ее славы.—Домашние заботы.—Профессиональные почести.—Приглашения ко двору.—ЕеПокровитель, курфюрст.—Ее работы в старости.—Ее характер.—Редкость ее картин.—Личная внешность.

ГЛАВА IX.

СЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК.

Неблагоприятные обстоятельства для живописи в Германии.—Последствия тридцатилетней войны.—Проявление национальной любви к искусству в знаках жизни.—Влияние Реформации.—Неполноценность немецкого искусства в этом

столетии.—Высокопоставленные дамы в литературе.—Женщина-астроном.—Слава Шурманна пробуждает соперничество.—Выдающиеся женщины.—Начало создания поэтических орденов.—Зесен, Покровительница пола.—Женщины, культивировавшие искусство.—Художницы Нюрнберга.—Барбара Хелена Ланге.—Цветочницы и граверы.—Лепка из воска.—Женщины—художницы в Аугсбурге.—В Мюнхене.—In Hamburg.—Принцесса Голландина.—Ее картины.—Maria Sibylla Merian.—Ранняя любовь к насекомым.—Материнское противодействие.—Ее брак.—Публикация ее первой работы.—Присоединяется к лабадистам.—Реобращается к бабочкам.—Любопытство увидеть американских насекомых.—Путешествие в Суринам.—История мух-фонарей.—Возвращение в Голландию.—Опубликованы ее работы.—Впоследствии переиздано в Париже.—Ее дочери.—Ее внешность.—Датские художницы.—Анна Краббе.—Королевские дочери.—Вкусы в искусстве Дании и Англии определяются вкусами зарубежных стран.—Художницы Англии.—Наиболее известные поэтессы.—Миниатюристы.—Портретисты.—Офортисты.—Леди Знатоки.—Дочь карлика.—Анна Карлайл.—Мари Бил.—Ученица сэра Питера Лели.—Характер ее работ.—Слухи о привязанности Лели к ней.—Стихи в ее честь.—Записные книжки мистера Била.—Энн Киллегрю.—Ее портреты королевской семьи.—Исторические работы и натюрморты.—Ее портрет работы Лели.—Ее характер.—Ода Драйдена ее памяти.—Опубликованы ее стихи.—Мадемуазель Роза.—Художница по шелку.—Чудесные эффекты.—Ее работы - курьезы.—Мастер ножниц.—Ее исключительные способности к подражанию.—Копии старинных картин.—Ее черенки.—Ножницами делают все виды.—Королевские и императорские гости.—Ее трофей для императора Леопольда.—Стихи в ее честь.—Швейцарская художница Анна

Вассер.—Ее образование и работа.—
Судебные поручения.—Алчность ее отца.—
Пребывание при дворе.—Возвращение
домой.—Фатальный случай вмятина.—Ее
литературные достижения.

ГЛАВА X.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК.

Общее расширение художественной
культуры.—Большой размах придается
тенденциям, зародившимся в
предшествующую эпоху.—Воспоминания о
былой славе искусства, действовавшего в
первой половине века.—Фламандская и
итальянская школы в моде.—Эклектика.—
Влияние французской школы смешалось с
влиянием великих мастеров.—Стиль рококо.—
Совокупность женского труда больше чем
когда-либо прежде.—Не сопровождается
большей глубиной.—Менее заметна
индивидуальность.—Величайшая
артистическая активность среди женщин в
Германии.—Следующая во Франции.—В
следующей Италии.—В других странах
меньше.—Быстрый рост искусства в
Берлине.—В Дрездене.—Ученость и
литературное положение женщин в первой
половине века.—Поэты и их вдохновение.—
Принцессы - хранительницы писем.—Ничего
нового или поразительного в искусстве.—
Революция в литературе первой половины века.—
Обучение искусству как отрасль
образования.—Дилетанты высокого ранга.—
Ученицы известных художников.—Менгс и
Карстенс.—Карстенс - основатель
современного немецкого искусства.—Его
стиль не приспособлен к женскому таланту.—
Прекрасная фигура, стоящая между ним и
Менгс.—Женщина-штамповщица.—
Художница по восковым фигурам.—По
лепнине.—По огранке драгоценных камней.—
Барбара Прейслер.—Другие художницы.—
Модный вкус в живописи.—Марианна Хейд.—
Миниатюристы.—Анна Мария Менгс.—Ее
работы.—Миниатюра и пастель-живопись.—
Цветы и пейзажи - страсть.—Подражатели

Рейчел Рейш и мадам Мериан.—Знаменитости в росписи цветов.—Гравировка на меди. Леди—художницы высокого ранга.—Другие приверженцы искусства.

ГЛАВА XI.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК.

Angelica Kauffman.—Происхождение и рождение.—Прекрасные пейзажи ее родины.—Ранний импульс к живописи.—Перенимает стиль Менгса.—Ее резиденция в Комо.—Обучение.—Музыка или живопись?—Красота окружающей природы.—Письмо Анжелики о Комо.—Побег от Купидона.—Переезд в Милан.—Знакомство с великими произведениями искусства.—Исследования ломбардских мастеров.—Герцог Моденский, ее покровитель.—Портрет герцогини Каррарской.—Успех.—Возвращение в Шварценберг.—Фресковая живопись.—Домашняя жизнь художника.—Милан и Флоренция.—Рим.—Знакомство с Винкельманом.—Анжелика пишет его портрет.—Едет в Неаполь.—Учится в Риме.—В Венеции.—Знакомствос благородными английскими семьями.—В Лондоне.—Блестящая карьера.—Привязанность Фузели к ней.—Назначен профессором Академии художеств.—Романтический эпизод ее путешествия по Швейцарии.—Усталые путники.—Лорд-распутник.—Возмущение девицы.—Выжидали следующей встречи в аристократических кругах Лондона.—Возобновлен иск лорда.—Отвергнут с презрением.—Его ранг и титул отвергнуты.—Мечь.—Самозванец в обществе.—Анжелику обманом заставили выйти замуж.—Сообщает она королеве.—Подозрения ее отца.—Раскрытие измены.—Отчаяние жены.—Фиктивный брак аннулирован.—Сочувствие королевы.—Истории кокетства Анжелики.—Брак с Цукки.—Возвращение в Италию.—Смерть ее отца.—Резиденция в Риме.—Круг литературных знаменитостей.—Произведения Анжелики.—Критические замечания.—Мнения Менгса и Фузели.—Портреты в галерее

Питти.—Смерть Цукки.—Вторжение в Италию.—Меланхолия Анжелики. — Путешествие и возвращение.—Ее смерть и похороны.

ГЛАВА XII.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК.

Художницы в скандинавских странах.—В Швеции.—Ulrica Pasch.—Датские художницы.—Богатый урожай в Нидерландах.—Бельгийская скульпторша. — Мария Верелст.—Ее картины и достижения в языках.—Резиденция в Лондоне.— Любопытный анекдот.—Замечание Уолпола.— Женщины-художницы в Голландии.— Поэзия.—Henrietta Wolters.—Ее портреты.— Приглашение от Петра Великого.— Голландские художницы.—Молодой гравер. — Кэролайн ШеффХудожница—пейзажистка.— Последовательница Рейчел Рейш.—Гравер.— В Англии.—Живопись подходит женщинам.— Литературные леди.—Эффект внедрения новой манеры в искусство.—Многочисленные дилетанты.—Женщины-скульпторы.—Миссис Самон.—Миссис Сиддонс и другие сестры.— Миссис Деймер.—Аристократического происхождения.—Ранняя любовь к учебе и искусству. — Ее советник Гораций Уолпол.— Беседа с Хьюмом.—Первая попытка стать моделью.—Мраморный бюст и критика Хьюма.—Сюрприз гей-мира.—Уроки и работы мисс Конвей.—Неудачный брак.—Вдовство.— Политика.—Мнение Уолпола о скульптурах миссис Деймер.—Строки Дарвина.— Скульптуры.—Зависть и неприятие.—Поездка за границу.—Побег от опасности.— Благородные амбиции.—Возвращение в Англию.—Политика и поцелуи.—Частные спектакли.—Три героя.—Пятница прощание с императрицей.—Завещание Уолпола.— Салонные представления и т.д.—Переезд.— Проект улучшения Индии.—Миссис Работы Дамер.—Мнения о ней.

ГЛАВА XIII.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК.

Мэри Мозер.—Дом Ноллеkenов.—Мастерство росписи цветов.—Мода.—Королева Шарлотта.—Пейшенс Райт.—Родилась в Нью-Джерси.—Родители-квакеры.—Детское увлечение модельным бизнесом.—Замужество.—Вдовство.—Вакс-мОделинг.—Соперники мадам Тюссо.—Резиденция в Англии.—Сочувствие Америке в восстании.—Переписка с Франклином.—Переданные разведданные.—Свобода слова Вашему Величеству.—Постскриптум Франклина.—“Прометеевский моделист”.—Письмо Джефферсону.—Патриотизм.—Ао моде.—Аристократичные леди-художницы.—Живопись принцесс.—Леди Боклерк.—“Шкаф Боклерка”Уолпола.—Рисунки и портрет.—Леди Лукан.—Ее иллюстрации к Шекспиру.—Критика Уолпола.—Другие работы.—Мэри Бенвелл и другие.—Анна Смайтерс и другиехудожники.—Мадам Престел.—Миссис Грейс.—Миссис Райт.—Художники-флористы.—Кэтрин Рид и другие.—Мария Косуэй.—Опасность в младенчестве.—Уроки.—Решение принять постриг.—Визит в Лондон.—Женитьба.—Картина Косуэй.—Тщеславие и экстравагантность.—Прекрасная итальянская паинька.—Расчетливость и менеджмент Косуэя.—Блестящие вечерние приемы.—Друзья-аристократы.—Эпиграмма на воротах.—Великолепный новый дом и мебель.—Слабеющее здоровье.—Франция и Италия.—Учреждение в Лоди. —Исключительный случай.—Смерть Косуэя.—Возвращение в Лоди.—Стиль и работы Марии.

ГЛАВА XIV.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК.

Завершение золотого века искусства во Франции.—Разложение нравов.—Влияние женского гения.—Правление Людовика XVI.—Женская энергия в революции.—Шарлотта Корде.—Большее количество женщин-художниц в Германии.—Причины почему.—Француженки посвятили себя гравировке.—Штамповщицы.—Влюбленная скульпторша.—Несколько художниц.—Число

181

199

увеличивается.—Влияние великих французских мастеров.—Севрская живопись.—Жанровая живопись.—Ученики Греза.—Портретная живопись в моде.—Кэролайн Саттлер.—Художники по цветам и т.д.—Граверы.—Две выдающиеся художницы.—Аделаида Винсент.—Брак.—Портреты и другие работы.—Революция.—Элизабет Лебрен.—Талант к живописи.—Восхищение ее отца.—Наставления.—Дружба с Верне.—Бедность и труд.—Скупой отчим.—Ее заработок разбазаривается прим.ред.—Успех и искушение.—Знакомство с Лебреном.—Материнские советы по поводу брака.—Тайный брак.—Предупреждения слишком запоздали.—Маска падает.—Роскошь для мужа, труд и лишения для жены.—Успех и скандал.—Французское общество.—Дружба с Мари Антуанетт.—Стихотворение Ла Гарпа.—Вечерние приемы.—Великолепные развлечения.—Нехватка мест.—Маленькие супчики.—Греческий банкет.—Отчеты по этому поводу.—Отъезд из Франции.—Триумфальное шествие.—Прием в Болонье.—В Риме.—В Неаполе.—Во Флоренции.—Портрет мадам Лебрен.—Замечания Гете.—Новые почести.—Прием в Вене.—Старый друг в Берлине.—Резиденция в России.—Возвращение во Францию.—Верность.—Ее фотографии.—Смерть мужа и дочери.—Преклонный возраст.—Автобиография.—Символическая жизнь.

ГЛАВА XV.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК.

Женщины-художницы в Испании.—Их участие 221
- проверка общего интереса.—
Представительницы самых важных школ.—
Севильской.—Мадридской.—Художница "Дон Кихота".—Высокопоставленные дамы—члены Академии.—Мария Тибальди.—Две художницы помимо двух поэтесс в Португалии.—Урожай больше в Италии.—Немногие достигли возвышения.—Ученые дамы.—Женщины-врачи и профессора.—Присвоенные им степени в области юриспруденции и

философии.—Примеры.—Девятилетний ученый.—Женщина-профессор математики.— Женщины-преподаватели.—Сравнение с английскими леди.—Блестящие приверженцы игры на лире.—Женский талант в важных школах искусства.—Женщины-художницы во Флоренции.—Граверы и раскрашивательницы.—В Неаполе.—Кухонные принадлежности.—В городах северной Италии.—В Болонье.—Принцессы.—В Венеции.—Rosalba Carriera.—Работа ее ребенка.—Осознанный гений.—Обучение.— Увлекается пастельной живописью.— Достоинства ее работ.—Знаменитость.— Приглашения в Париж и Вену.—Визит короля Дании.—Приглашены императором и королем Франции.—Портрет для великого герцога Тосканского.—Король Польши, ее покровитель.—Неиспорченный почестями.— Ее моральное достоинство.—Резиденция в Париже.—Ее картины.—Дама, переодетая служанкой.—Недостаток красоты.—Анекдот об императоре.—Дневник Розальбы.—Визит в Вену.—Предчувствие беды.—Портрет темными листьями.—Слепота.—Потеря рассудка.— Смерть и погребение.—Ее портрет.—Другие венецианки.

ГЛАВА XVI.

-ИДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК.

Более энергичный рост отраслей, выбранных для женского предпринимательства.— Прогресс ускорился к концу прошлого столетия.— Еще более примечательный за последние пятьдесят лет.—Большое количество женщин, активно занимающихся искусством.—Лучшая интеллектуальная мотивация и растущий вкус.—Расширение свободы женщины.— Ярмарка нынешних перспектив.—Растущее понимание важности женского образования.—Женщины добиваются независимости.—По мере расширения ручей мелеет.—Несколько примеров выдающихся способностей.—Более полный охват влияния французских мастеров в девятнадцатом

веке.—Дэвид, художник-республиканец.—Его ученицы.—Анжелика Монжез.—Мадам Давен и другие.—Ученики Греза.—Женщины-ученые из Реньо.—Ученики учеников Давида.—Ученики Флери и д'Конье.—Мадам Шоде.—Виды живописи в моде.—Принцесса Мария Орлеанская.—Ее статуя Орлеанской девы.—Ее последняя работа.—Обещание величия.—Скульптура мадам де Ламартин.—“Париж - это Франция”.—Роспись по фарфору.—Мадам Жако и другие.—Состояние искусства в Германии.—Карстенс.—Women Artists.—Maria Ellenrieder.—Louise Seidler.—Baroness von Freiberg.—Madame von Schroeter.—Художницы Дюссельдорфской школы.—Наибольшее количество в Берлине.—Пышный расцвет женских талантов в Вене и Дрездене.—Перемены в Италии.—Перспектива не из приятных в Испании и Скандинавии.—В Англии скульптура и живопись успешно культивировались.—Фанни Корбо. —Выдающаяся библиистка.—Нидерланды в этом столетии.—Поощрение женщин к упорству. —Мнение доктора Гуля.Учитель истории современности.

ГЛАВА XVII.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК.

Felicie de Fauveau.—Происхождение.—Ее мать 246
легитимистка.—Лояльность, унаследованная дочерью.—Переезды.—Учеба Фелиции.—Учится на модель.—Решает стать скульптором.—Трудиться, чтобы стать благородной женщиной.—Ее первые работы.—Ранние триумфы.—Круг общения в Париже.—Вечерние занятия.—Возрождение своеобразного вкуса.—Средневековая мода.—Бронзовая лампа.—Эскиз лошади.—Эффект революции 1830 года.—Две Фелиции покидают Париж.—Сельский заговор.—Визит по месту жительства.—Побег дам.—Обнаружение и поимка.—Военная хитрость в гостинице.—Побег переодетой мадам.—Заключение мадемуазель.—Работает в тюрьме.—Возвращение в Париж.—Снова политика.—Фелиси изгнана.—Разрушает свою

студию.—Бедность и лишения.—Резиденция во Флоренции.—Яркие дни.—Характер Феличет.е..—Внешность.—Ее жилище и студия.—Ее работы.—Отливка бронзовой статуи.—Трудолюбие и выход на пенсию.—“Хорошая женщина и великая художница”. — Роза Бонер.—Она родилась в Бордо.—Ее отец.—Роза в детстве была дурочкой.—Ее попугай.—Бродяжничают.—Испанский Поэт Аниш.—Переезд в Париж.—Революция и несчастье.—Смерть мадам Бонер.—Дети в школе.—Роза ненавидит книги и любит бродяжничать.—Повторный брак Бонера.— Роза - швея.—Ненавидит эту профессию.— Предпочитает работать на токарном станке.— Ее несчастье.—Место в школе-интернате.—Ее шалости и карикатуры.—Отвращение к учебе.—Унижение из-за отсутствия у нее красивой одежды.—Решает добиться имени и места в мире.—Недовольство и уныние.— Вернуться домой.—Предоставлена самой себе.—Работает в студии.—Ее призвание очевидно.—Учеба в Лувре.—Ее пыл и прилежание.—Пророчество англичанина.— Роза поклялась искусству.—Посвятила себя изучению животных.—Экскурсии по стране в поисках моделей.—Посещает *Скотобойни*.— Изучение различных видов.—Посещает музеи истолы.—Посещает ярмарки лошадей и крупного рогатого скота в мужской одежде.— Любопытные приключения.—Анатомические исследования.—Преимущества ее экскурсий.—Ее отец, ее единственный учитель.—Семья художников.— Домашние птицы и овцы Розы.—Ее первое появление.— Растущая репутация.—Также золотая медаль.— Провозгласила новая лауреатка.—Смерть ее отца.—Роза, директор Школы дизайна.—Ее сестра - профессор.—“Конный рынок”.— Картины Розы.—Дарит свое состояние другим.—Ее ферма.—Рисунки, подаренные благотворительным организациям.— Требование на ее картины.—Ее право на Крест Почетного легиона.—Отказ императора даровать его Женщине.—Описание ее жилища и студии.—Розу нашли спящей.—Ее

внешность.—Платье.—Ее характер.—Ее профессия.—Мадемуазель Микас.—Моночные прогулки.—Визит Розы в Шотландию.—Ее жизнь в горах.—В испанской Посаде.—Угроза голодной смерти.—Приготовление лягушек.—Погонщики мулов.—Скотч-терьер Розы.—Ее решение никогда не выходить замуж.

ГЛАВА XVIII.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК.

Практика искусства в Америке.—Число женщин-художниц растет.—Перспектива лестная.—Несовершенство эскизов ныне живущих художников.—Розальба Т.Орренс.—Мисс Мюррей.—Миссис Лаптон.—Мисс Деннинг.—Мисс О'Хара.—Миссис Дарли.—Миссис Гудрич.—Мисс Фоули.—Мисс Макинтош и другие.—Миссис Болл Хьюз.—Миссис Чапин.—Набросок миссис Дункан.—Семья Пил.—Анекдот о генерале Вашингтоне.—Миссис ПунктуальностьВашингтона.—Мисс Пил, художница из Филадельфии.—Рисует миниатюры.—Копирует картины великих художников.—Она и ее сестра почетные члены Академии.—Ее успешная карьера.—Рисует со своей сестрой в Балтиморе и Вашингтоне.—Брак и вдовство.—Вернулсяиз Филадельфии.—Второй брак.—Счастливый дом.—Миссис Йейтс.—Мисс Сара М. Пил.—Успех.—Переезд в Сент-Луис.—Мисс Розальба Пил.—Мисс Энн Лесли.—Ранний вкус к живописи.—Визиты в Лондон.—Копии фотографий.—Мисс Сара Коул.—Миссис Уилсон.—Страстная любовь к Искусство.—Ее скульптуры.—Ее импровизированная лепка головы Эмерсона.—Миссис Корнелиус Дюбуа.—Ее вкус к искусству скульптора.—Ее группы.—Учеба в Италии.—Ее камеи.—Ее доброта к художникам.—Мисс Энн Холл.—Ранняя любовь к живописи.—Уроки.—Копирует старыерисунки в миниатюре.—Ее оригинальные картины.—Ее достоинства высочайшего порядка.—Группы в миниатюре.—Похвала Данлэпа.—Ее

постановки многочисленны.—Мэри С. Легаре.—Ее происхождение.—Миссис Легаре.—Ранняя любовь к искусству, проявленная дочерью.—Ее учеба.—Маленькая красавица, яПейзаж ей знаком.—Сочувствие полковника Когделла.—Успех в копировании.—Посещение Голубого хребта.—Великолепные виды.—Картины с горными пейзажами.—Переезд в Айову.—“Колледж Легаре”.—Ее эрудиция и энергия.—Ее брак.—Эрминия Дассель.—Обратная сторона судьбы.—Зарабатываю на жизнь живописью.—Посещаю Вену и Италию.—Переезд в Америку.—Успех и замужество.—Ее социальные достоинства и благотворительность.—Мисс Джейн Стюарт.—Миссис Хилдрет.—Миссис Дэвис.—Книга цветов миссис Бэджер.—Миссис Хоторн.—Миссис Хилл.—Миссис Грейторекс.—Миссис Вудман.—Мисс Гоув.—Мисс Мэй.—Мисс Грэнбери.—Мисс Оукли.

ГЛАВА XIX.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК.

Миссис Лили Спенсер. — Яркое проявление таланта графа.—Переезд в Нью-Йорк.—В Огайо.—Жизнь на свежем воздухе.—Охота на оленя.—Встреча со свиньей.—Поднятие бревна.—Наброски на стенах ее спальни.—Поощрение.—Любопытство посмотреть на ее картины.—Ее учеба.—Переезд в Цинциннати.—Ревность к художникам.—ЛоР.Д. Морпет.—Замужество Лили.—Возвращение в Нью-Йорк.—Учеба.—Ее картины.—Кухонные сцены.—Успех и слава.—Ее дом и студия.—Луиза Ландер.—Наследование таланта.—Страсть к искусству.—Развитие вкуса к скульптуре.—Проживание в Риме.—Ученик Кроуфорда.—Ее постановки.—“Вирджиния Дэйр”.—Другие скульптуры.—Поздние работы.—Мэри Уэстон.—Детская любовь к красоте и искусству.—Устройства для удовлетворения потребностей.—Учеба.—Отъезд из дома.—Возвращен.—Упорство в трудностях.—Поездка в Нью—Йорк.—Видит работу художника.—Находит друзей.—Визит в

Хартфорд.—Возвращение в Нью-Йорк на уроки.—Замужество.—Ее картины.—Мисс Фримен.—Разносторонне одаренная.—Мисс Дюпре.—Мисс Уизерс.—Миссис Чивз.—Миссис Ханна.

ГЛАВА XX.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК.

Эмма Стеббинс.—Благоприятные обстоятельства ее юности для изучения искусства.—Образцы ее мастерства, демонстрируемые в частных кругах.—Получает наставления от Генри Инмана.—Правильность ее портретов.—“Книга молитв”.—Возрождает вкус к иллюминации.—Ее портреты карандашом.—Копии картин.—Занимается многими видами искусства.—Становится скульптором.—Проживает в Риме.—Инструкция, полученная от Гибсона и Эйкерса.—Поздняя работа ее стамески.—“Шахтер”.—Харриет Госмер.—Жилище скульптора Гибсона в Риме.—Его студия и мастерская.—“Синьорина”.—Американская скульпторша.—Ее детство.—Физическая подготовка.—Школьная жизнь.—Анекдоты.—Учится дома.—В Сент-Луисе.—Ее независимость.—Путешествие по Миссисипи.—“Геспер”.—Отъезд в Рим.—Решение мистера Гибсона.—Отрывок из письма мисс Госмер.—Оригинальные рисунки.—Обратная сторона судьбы.—Тревога.—Разрешение.—Промышленность, экономика и успех.—Поздние работы.—Визит премьер-министра Уэльса.

346

ЖЕНЩИНЫ-ХУДОЖНИЦЫ.

ГЛАВА I. РАННИЕ ВЕКА.

Женщины в искусстве. —Вид живописи, которым они больше всего занимались.—Женские занятия в ранние века.—Прекрасные египтянки.—Женщины Ассирии и Вавилона.—Греческие

женщины.—Скульптура и живопись Греции.—Дочь Дибутада.—Профиль влюбленного.—Первый барельеф.—Тимарата.—Елена.—Анаксандра.—Калло.-Сирена.-Калипсо.—Другие ученики греческого искусства.—Римские женщины.—Художница ЛэйА.—Лала.—Влияние христианства на искусство.—Украшение, отвергнутое ранними христианами.—Искусство деградировало на протяжении веков.—Женское влияние среди народов, поднявшихся на руинах Рима.—Мудрые и сообразительные принцессы.—Анна Комнина.—Первая поэтесса Германии.—первая редакторша Циклопедии.—Искусство освещения.—Монахини, занимающиеся копированием и раскрашиванием рукописей.—Агнес, настоятельница Кведлинбурга.—Принцессы за работой.—Сестры монастыря копируют и украшают религиозные произведения.—Печатный станок монахинь.—Первая скульпторша ScСабина фон Штайнбах.—Ее работы в Страсбургском соборе.—Элементы, пронизывающие скульптуру средневековья.—Картина, изображающая архиепископа, коронующего Сабину.

“Мужчины не жалели для женщин, - говорит современный писатель, - венков литературной славы”. В истории литературы нет периода, когда их влияние не было очевидным, когда им не оказывались почести”; и социальному положению женщины, как правило, позволялось измерять уровень интеллектуальной культуры в стране. Хотя всфере искусства ее успех более сомнителен, она все же может претендовать на то, что существенно способствовала его прогрессу. Женщина является украшением нашей жизни и придает существованию очарование, которое вдохновляет художника и дает ему объект для усилий. Ее врожденная неосознанная грация и красота представляют собой модели, точное копирование которых является его высшей заслугой.

Богослов из Новой Англии говорит: “Женщина, как и мужчина, хочет, чтобы ее мысль стала чем-то”. “Все, что относится к чисто естественному, - говорит ОбиГиппель, - находится в пределах ее сферы”. Таким образом, тот вид живописи, в котором на первый план выступает *объект*, больше всего практиковался художницами. Среди них в фаворе портреты, пейзажи, цветы и изображения животных. Историческими или аллегорическими сюжетамиони сравнительно пренебрегали; и, возможно, достаточной причиной для этого было то, что они не могли потратить годы на изучение, необходимое для достижения в них выдающихся результатов. Гравировкой на меди занималось больше людей, чем любым другим видом искусства, и многие были художниками-миниатюристами.....

Такими занятиями можно было заниматься в строгом домашнем уединении, к которому обычай и общественное мнение обязывали честного ученика. Они также не противоречили узам дружбы и любви, за которые цеплялась ее нежная натура. В большинстве случаев женщин приобщали к искусству по выбору родителей или братьев. Хотя нет ничего более распространенного, чем видеть молодых людей, выбирающих профессию вопреки желанию своих семей и столкнувшихся с трудностями, пример женщины, принимающей такое решение самостоятельно, чрезвычайно редок.

Мы мало знаем о занятиях искусством женщинами в древние времена. Деградированное положение пола в восточных странах сделало женщину простой рабыней и игрушкой своего господина; но именно это обстоятельство дало ее художественным идеям возможность развиваться в самостоятельное действие. Они впервые проявили себя в любви к одежде и выбору украшений. С ранних веков существования мира прядение и шитье также были женскими занятиями, в которых были скрыты неумирающие зародыши искусства; ибо человеческой

природе свойственно никогда не удовлетворяться тем, что просто соответствует необходимости. Древние гробницы и погребенные дворцы, обнаруженные в результате современных открытий, демонстрируют любовь кукрашениям, преобладавшую у народов древности. Женщины оказывали помощь в работах по дереву и металлу, а также, чаще всего, в изготовлении ткацкого станка. Белокурые египтянки покрывали свои паутины тончайшими узорами, а одеяния умерших и орнаментированные занавеси в их жилищах свидетельствовали об мастерстве женщин Ассирии и Вавилона.

Шали и ковры восточного производства и другие предметы роскоши, украшавшие дворцы европейских монархов, часто были делом тонких рук, хотя ни одна традиция не сохранила имен тех, кто преуспел в таких трудах.

У древних греков положение женщины, хотя и оставалось замкнутым и рабским, делало ее жизнь более благородной. Верховные божества изящных искусств были представлены массовому восприятию в женском обличье, и, несомненно, благотворное влияние, которое оказывал пол во все века, было тогда в какой-то мере признано. У поэзии были свои приверженцы, и до сих пор помнят имена, которые заслуживают того, чтобы жить с Саффо. Философскими школами руководили одаренные и образованные женщины.

Скульптура и архитектура, искусства, доведенные до величайшего совершенства, тогда намного опережали живопись; по крайней мере, мы не знаем никаких реликвий, которые могли бы подтвердить стремление греков к превосходству в последней. “Что осталось, - пишет автор в “Вестминстер Ревью”, “от Апеллеса и Зевксиса? Те немногие реликвии античной живописи, которые пережили череду веков и руку разрушителя, - все они относятся к эпохе Римской империи; и ни фрески, обнаруженные под термами Тита, ни украшения Помпей и Геркуланума, ни даже две или три кабинетные картины, найденные под погребенным городом, не могут быть признаны прекрасными образцами греческой живописи, пережившей свой зенит”..”

ДОЧЬ ДИБУТАДЕСА.

Но, хотя немногие греческие женщины держали в руках карандаш или резец и женщин систематически держали в некотором невежестве, мы находим здесь, на пороге истории искусства, женское имя — Кора, или, как ее называли, Каллироя, дочь гончара по имени Дибутадес, уроженца Коринфа, который, как говорят, проживал в Сицилии примерно в середине седьмого века до нашей Эры. Плиний сообщает нам, что она помогала своему отцу в пластилин. Когда его труды были разложены по полочкам, прежде чем его дом, который покупатели обычно остаются вакантными до вечера. В обязанности его дочери, по словам одного причудливого хроникера, входило наполнять изысканные вазы отборными цветами, на которые молодые люди приходили пораньше, чтобы посмотреть, надеясь мельком увидеть грациозную девушку-художницу.

Когда она, закутанная в вуаль, ходила на рыночную площадь, то часто встречала юношу, который впоследствии стал помощником ее отца в его работе. Он был искусен во многих науках, неизвестных уединенной девушке, и в игре на тростинке; и повседневная жизнь отца, дочери и возлюбленного представляла собой иллюстрацию греческой жизни и красоты. В конце концов юноша был вынужден уйти, но прежде чем он ушел, они с Корой обменялись клятвами о помолвке. Он и Кора.

Канун их расставания был печальным. Когда они сидели вдвоем при свете лампы, девушка внезапно встала и, взяв с жаровни кусочек заостренного угля и велев молодому человеку оставаться на месте, нарисовала на стене очертания его прекрасного греческого профиля в память о том, что он будет далеко. Дибутадеc увидел сделанный ею набросок и распознал сходство. Он тщательно залил контур глиной, и получился законченный медальон. Это был первый рельефный портрет! Так в мире родилось новое искусство, развитие которого принесло изобретателю богатство и славу! Эта история, по крайней мере, столь же вероятна, как история о том, как Сауриас открыл для себя правила рисования эскизов и контуров по тени своей лошади. Это был непервый и не последний раз, когда Любовь стала учителем. Не может ли басня о Мемноне таким образом найти свое воплощение?

Рассказывают, что Дибутада, украсивший свои медальоны бюстами, стал настолько знаменит, что многие греческие государства присвоили себе честь его рождения; и что любовник его дочери, который вернулся, чтобы жениться на ней, лепил целые фигуры в Коринфе. Примерно в это же время в Сицилии была открыта школа моделирования, основателем которой был Дибутадеc.

В более поздний период мы слышим о Тимарате, дочери художника, которая сама обладала значительным мастерством, о чем свидетельствует Плиний, который видел одну из ее картин в Эфесе, изображающую богиню Диану.

Несколько имен художниц сохранилось со времен Александра Македонского и его пышныхнаследников. Искусство стало развиваться богаче и разнообразнее, и женщины получили больше свободы следовать своим склонностям в этом занятии. Один принадлежащие к этому возрасту было Елены, который, как говорят, рисовал, одного из Ptolomies, сцена БаттЛЕ, в которой Александр победил Дария; картинка думал, с некоторой долей вероятности, были первоначально известного мозаики, найденные в Помпеях.

Анаксандра, дочь и ученица греческого художника, по-видимому, трудилась под тем же царским покровительством, а также другая художница по имени Калло, одна из картин которой, представленная в Храме Венеры, была удостоена похвалы классической поэтессы; прекрасная художница была объявлена такой же красивой, как ее собственная работа. Среди этих учеников греческого искусства мы знаем также Сирену, дочь Кратиноса, чья картина с изображением Прозерпины сохранилась; Аристарита, автора картины с изображением Эскулапа; Калипсо, известную как *жанрист*. Ее портреты Теодора, жонглера, и танцора по имени Ацисфен былипрославлены, и говорят, что она выполнила один из них, который был перенесен из руин Помпей в Неаполь и теперь называется “Мать, наблюдающая за туалетом своей дочери”. Помнят имя Олимпиады, хотя у нас нет упоминаний о ее работах. Кроме этих нескольких имен, мы ничего не знаем о женщинах-художницах Греции.

РИМСКАЯ ХУДОЖНИЦА.

Среди римлян мы находим только одну женщину-художницу, и она была греческого происхождения и по образованию. Жизнь римских матрон не ограничивалась более узкой сферой, и влияние, оказанное им, могло быть в высшей степени благоприятным для развития ими искусства. Но в стране солдат, правившей миром, изящные искусства не были таким привычным занятием, как на родине в Эллине. Они процветали не так пышно в самые пальмовые дни Рима, как в период упадка Империи. Героические женщины, прославленные в

истории республики и римской литературе, не имели соперниц в области скульптуры и живописи. Та, чье имя дошло до современных времен, - Лайя. Она упражнялась в своем мастерстве в Риме примерно за сто лет до Рождества Христова. То немного, что мы знаем о ее картинах, очень интересно, поскольку она была пионером в отрасли, которую впоследствии развили многие из ее представителей пола, — рисовании миниатюр. Ее женскими портретами восхищались, и она преуспела в миниатюрах на слоновой кости. Говорят, что одной из ее работ является большая картина в Неаполе. Она превосходила всех остальных быстротой исполнения, и ее работы ценились так высоко, что ее name была поставлена в один ряд с самыми известными художниками того времени, такими как Сополис, Дионисий и др. Плиний, который приводит это свидетельство, добавляет, что ее жизнь была посвящена искусству и что она никогда не была замужем. Некоторые другие упоминают гречанку, *Лалу*, как современницу Клеопатры, которая прославилась своими бюстами из слоновой кости. Римляне приказали воздвигнуть в ее честь статую.

ВЛИЯНИЕ ХРИСТИАНСТВА.

Живописи было суждено достичь большего совершенства под мягким влиянием христианской религии, чем в более суровые времена классической античности. Женщина постепенно поднялась над состоянием рабства и начала руководить элементами, которые составляли поэзию жизни. Но по прошествии веков были необходимы перемены, прежде чем Арт смогла избавиться от своего афинского одеяния и с благоговением облачиться в чистый свадебный наряд, подходящий для ее бракосочетания. После разрушения Римской империи наступил долгий промежуток, в течение которого мы не слышали ни о каких достижениях, кроме византийских реликвий и мозаик женских монастырей и семетериев.

Даже красота раннего искусства, ассоциировавшаяся с формами языческой мифологии, вызывала отвращение у приверженцев чистой и святой веры. Ранние христиане отвергали украшения, которые они считали несовместимыми с их простыми догматами, и мерзостью в глазах Бога. Таким образом, в течение семисот лет искусство деградировало, и лишь постепенно оно поднялось из праха.

Тем временем влияние женщин стремительно росло среди народов, поднявшихся на руинах Рима. Амаласунта, дочь Теодориха Великого, была достойна своего отца мудростью и знанием государственного дела, в то время как говорят, что она превзошла его в общем развитии и оказала ему существенную услугу в его строительных предприятиях. Теуделинда, наследница Лонгобардов, украсила свой дворец в Монце картинами, прославляющими историю ее народа; и со времен Карла Великого каждое столетие могло похвастаться несколькими женщинами, пользовавшимися политической и литературной известностью. Была знаменитая монахиня Хросвита, которая в своем монастыре в Гандерсхайме сочинила оду во славу Оттона и религиозную драму в манере Теренция; была греческая принцесса Анна Комнина, украшение византийского двора; была первая поэтесса Германии Ава; вместе с Хильдегардис, аббатисой Бингенской; Элоиза, возлюбленная Абеляра; аббатиса Гогенбургская, предпринявшая смелое предприятие по созданию общеизвестной энциклопедии; и множество других. из других.[1]

[1] Позже Анхела де Фолиньо прославилась как преподаватель теологии. Кристина Пизани написала произведение “Город дам”, которое было опубликовано в Париже в 1498 году. В нем рассказывается об ученой и знаменитой Новелле, дочери профессора права Болонского

университета. Она посвятила себя тем же исследованиям и отличалась своей ученостью. Она вела дела своего отца и, обладая такой же красотой, как и ученостью, имела обыкновение появляться в суде в пятнадцатилетнем возрасте..

ИЛЛЮМИНАЦИИ.

Знатные женщины стали покровительницами искусства, особенно той отрасли, которая культивировалась с наибольшим успехом в период упадка остальных — миниатюрной живописи на пергаменте. Из простого украшения это стало необходимостью в рукописных книгах благочестия, а яркие цвета и нежная отделка иллюстраций часто были результатом прикосновения женских рук. Обительницы женских монастырей тратили много времени на раскрашивание и украшение книг, на копирование лучших произведений древнего искусства, и на роспись по стеклу; особенно монахини занимались копированием и иллюминированием рукописей. Агнес, настоятельница Кведлинберга, прославилась как художница-миниатюрист в двенадцатом веке, и некоторые из ее работ пережили многовековое запустение. “Мастера этого очаровательного искусства были разделены на два класса — миниатюристов, так называемых в собственном смысле этого слова, и миниатюрных каллиграфов. Это была провинция первых, кто раскрасил исторические сюжеты и арабески, а также наложил на них золотые и серебряные украшения. Second написал книгу, и начальные буквы, которые так часто выводились красным, синим и золотым шрифтами, назывались "Pulchri Scriptores", или честные писцы. Живопись этого описания была сугубо религиозным занятием. Она хорошо подходила для мирной и уединенной жизни монастыря. Для этого не требовалось близкого знакомства со страстями человеческого сердца, с бурными сценами жизни, столь необходимыми для других, более высоких форм искусства”.

Труды монахинь в области декоративного искусства в средние века не ограничивались иллюминацией и миниатюрной живописью; но не в нашей компетенции перечислять продукты их промышленности или вести хронику преимуществ, которые они приносили больным и бедным. Прекраснейшие принцессы не брезговали изготовлением алтарных изделий и вышивкой одежды для своих друзей и возлюбленных.

В начале четырнадцатого века в Павии жила художница по имени Лаодиция, и Вазари упоминает доминиканскую монахиню Плаутилу Нелли. “В 1476 году фра Доменико да Пистойя и Фрара Пьетро да Пиза, духовные наставники доминиканского монастыря, установили в его стенах типографию; монахини служили наборщиками, и между 1476 и 1484 годами из этой типографии вышло много произведений значительной ценности, когда после смерти Бартоломео да Пистойя монахини прекратили свою работу”.

ПЕРВАЯ СКУЛЬПТОРША.

Германии выпала честь создать первую женщину—скульптора, о которой что-либо известно, - Сабину фон Штайнбах, дочь Эрвина фон Штайнбаха, который в своей замечательной работе "Штрасбургский собор" воздвиг столь великолепный памятник своей памяти.

Задача украсить это благородное здание была в значительной степени возложена на молодую девушку, чей гений уже проявился в модельном бизнесе. Ее скульптурные группы, и особенно те, что расположены попериметру южного прохода, отличаются удивительной красотой, и посетители восхищались ими на протяжении веков. Здесь изображены аллегорические фигуры,

представляющие христианскую Церковь и иудаизм; первые с возвышенной осанкой и обаятельной грацией, с коронованными головами, несущие в правой руке крест, а в левой - освященное воинство. Другие фигуры стоят с опущенными глазами и опущенной головой; в правой руке сломанная стрела, в левой - разбитые скрижали Моисеева Закона. Помимо многих других групп, здесь есть четыре барельефа, изображающих прославление Пресвятой Девы; ее смерть и погребение на одной стороне, а на другой - ее вознесение на небеса и триумфальная коронация.

Можно с полным основанием сказать, что в этих произведениях воплощены идеальные и сверхъестественные элементы, которые пронизывают скульптуру Средневековья; и казалось наиболее уместным, чтобы вкус и мастерство женщины развили в таких элементах чистоту и глубину чувств, которые придают этим скульптурам очарование, признаваемое каждым зрителем.

На одном из свитков, который держал апостол Иоанн, на латыни начертаны следующие строки:

“Да пребудет с тобой благодать Божья, о Сабина,
Чьи руки из этого твердого камня сформировали мой образ”.

На старой картине в Страсбурге изображена эта юная скульпторша, преклоняющая колену ног архиепископа, чтобы получить его благословение и лавровый венок, который он возлагает ей на лоб. Эта картина подтверждает распространенное предание о том, что Сабина, увидев свои статуи, расставленные в нишах, была встречена процессией священников, которые пришли во главе с прелатом, чтобы оказать ей эту честь.

ГЛАВА II. ПЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК.

Начало истории современного искусства.—Причины бесплодия художниц этого столетия.—Упадок традиции рыцарства, неблагоприятный для их умственного развития.—Уход идеального и сверхъестественного элемента в искусстве.—Новое чувство к природе.—Новая жизнь и действие в живописи.—Изображение чувств Сердца.—Освобождение Живописи от оков.—Художникам необходимы серьезные исследования.—Женщина исключена из конкурса.—Требуется покровительство.—По одной художнице, представляющей каждую известную школу.—Margaretta von Eyck.—Ее миниатюры.—Обширная известность.—Ее оформление рукописей.—Работа в помощь своим братьям.—“Одаренная Минерва”.—Одинокое блаженство.—Другая Маргаретта.—Копирует и иллюстрирует рукописи в Картезианском монастыре.—Заполнено восемь фолиантов.—Катерина Вигри.—Ее миниатюрные картины.—Основывает монастырь.—“Святая Болонья”.—Чудесная картина.—Воительница Дева Онората.—Украшает дворец в Кремоне.—Нанесенное ей оскорбление.—Она убивает Обидчика.—Бегство в мужской одежде.—Жизнь солдата.—Освобождение Кастеллеоне.—Смертельная рана.

Пятнадцатый век, с которого можно было бы начать историю современного искусства, бесплоден для художниц. Это, несомненно, отчасти объясняется изменением социального положения женщины, последовавшим за упадком рыцарства, этой “поэтической ложью”, как называет ее Рахель. В течение двух столетий, предшествовавших этому периоду, к прекрасному полу относились как к какому-то обожанию. Красота была темой менестрелей и источником вдохновения для солдат, а суды любви, придавая власть интеллектуалам среди женщин, стимулировали их к развитию своего ума, а также к украшению своей личности.....Падение с их поэтической высоты было неблагоприятно для умственного развития, и только в начале шестнадцатого века появились симптомы выздоровления от этой реакции.

Более того, искусство в пятнадцатом веке приобрело характер, неподходящий для особых дарований женщины. Она рассталась с идеальным и сверхъестественным элементом, который составлял одновременно очарование и слабость Средневековья и который, как и в случае с Сабиной фон Штайнбах, взрастил и развил человеческий талант. Родилось новое чувство к природе; новый мир жизни и действия ждал, когда его добавят к области искусства; в то время как тщательная учеба и неутомимая энергия требовались для более масштабных завоеваний. Правильнее выставок человеческого каЭК, действий, и страсти начали занять место форм, что раньше был просто обычным или деятельностью в области архитектуры; и изображать чувства, в которых человеческое сердце может сострадать, заменило спокойствие религиозные творения более раннем возрасте. Пейнтинг наконец-то сбросила жесткие оковы, которые она носила.

Трудности на пути разработки этих новых концепций и изучение анатомии, необходимые для достижения совершенства в очерчивании формы, в значительной степени исключили женщин из этого занятия. Гервинус замечает, что женщины любят воплощать в жизнь новые идеи; но по большей части это те идеи, которые легко находят применение в повседневной жизни и которые не требуют упорного изучения, чтобы применить их на практике. Даже триумфы литературного таланта в тот трудный век во многом были обязаны покровительству великих людей. Мы находим многих дам высокого положения, ищущих благосклонности муз на королевском пути к возвышению.

Несмотря на малочисленность женщин—художниц, мы находим по крайней мере по одной, представляющей каждую из выдающихся школ живописи -фламандскую, итальянскую и немецкую.

MARGARETTA VON EYCK.

Первой среди них заслуживает упоминания Маргаретта фон Эйк. Она была сестрой Хьюберта и Джона фон Эйк, которые отличались не только расширенными представлениями об искусстве, но и открытием и внедрением масляной живописи.

В то время как эти люди своими работами готовили почву для важной революции в методе живописи, Маргаретта занималась главным образом рисованием миниатюр. Она работала под покровительством великолепного и либерального бургундского двора, и ее слава распространилась даже на страны романтического юга. Это интересное зрелище, эта скромная женская работа рядом с более важными предприятиями одаренных братьев, которая ценится по достоинству и служит примером на все времена. Иногда сестра работала вместе с братом над

оформлением дорогих рукописей. Одним из лучших памятников их объединенного мастерства был требник — ныне хранящийся в императорской библиотеке в Париже — того герцога Бедфорда, который в 1423 году женился на сестре Филиппа Доброго. Миниатюры Маргаретты сохранились также в рукописных романах того периода. Один из первых историков фламандского искусства, Карл фон Мандер, называет ее “одаренной Минервой” и сообщает нам, что она отвергла знакомство с “Гименеем и Люциной” и прожила свои дни в одиночестве и блаженстве.

ЕЩЕ ОДНА МАРГАРЕТТА.

Как у Маргаретты фон Эйк великие усилия фламандского искусства нашли выражение, измененное женской природой, так и у школы в Нюрнберге благодаря трудам другой Маргаретты — монахини, с 1459 по 1470 год служившей в Картезианском монастыре, где она копировала и иллюстрировала религиозные произведения. Восемь фолиантов были заполнены ее неумными руками готическими буквами и миниатюрами, представляющими собой любопытный образец сочетания искусства писца и художника, столь распространенного в средние века.

КАТЕРИНА ВИГРИ.

Третья художница этого периода принадлежала к Италии. Катерина Вигри, ученица болонской школы, сочетала в себе высокий уровень таланта со спокойной мягкостью и достойными манерами, что снискало ей всеобщее уважение. Она родилась в дворянской семье в городе Феррара, в 1413 году, и применила ее мастерство, главным образом в Miniature живопись, хотя ряд крупных работ, признаются ее. Один святой Урсулы, infolding в халатике ее на коленях товарищей, выставлена среди других честных мучеников в Pinacothek Болоньи, и, с чистое, спокойное выражение лица, свойственное Productions предыдущего возраста, сочетает в себе утонченность, изящество, правильность рисунка, и свобода с твердостью оцупь, не часто встречается в это время. Одна из ее картин хранится в Зале Палладиана Венецианской академии. Воспитанная в духе самого возвышенного мистицизма, она была основательницей монастыря “Корпус Кристо”, который существует до сих пор и хранит могилу Катерины, а также многие ее работы. Она вложила в них весь свой религиозный энтузиазм. Ее учителем был маэстро Витале. Она умерла в благоухании святости, и о ней говорили как о “Святой Болоньи”. В 1712 году католическая церковь внесла ее имя во вторую категорию святых с титулом “Беата”, в силу чего она и по сей день почитается как покровительница прекрасного города. Традиция рассказывает историю об одной из ее картин на дереве — младенце Иисусе, обладающем силой исцелять болезни у тех, кто прикасался к губам на картине.

ДЕВА-ВОИТЕЛЬНИЦА.

Рядом с этим святым персонажем стоит тот, кто соединил доблесть солдата с гением художника. Онората Родиана родилась в Кастеллеоне в Кремоне в начале пятнадцатого века и, будучи еще молодой, приобрела такую высокую репутацию как художница, что маркиз Габрино Фондоло, тиран Кремоны, назначил ее украшать свой дворец.

Девушка, в расцвете своей юности и красоты, была занята этой работой, когда случайное происшествие изменило весь ход ее жизни. Придворный распутного нрава, случайно увидевший ее занятой росписью стен комнаты во дворце, вошел и осмелился предложить

оскорбительную вольность. Молодой художник оттолкнул его; но, не в силах избежать его насилия без отчаянной борьбы, пылкая девушка в конце концов выхватила кинжал и вонзила ему всердце. Затем она выбежала из дворца, переоделась в мужскую одежду и покинула город, заявив, что скорее умрет в неизвестном изгнании, чем согласится на роскошный дом в качестве платы за бесчестье.

Маркиз Габрино сначала пришел в ярость из-за ее побега и приказал своим солдатам броситься в погоню по горячим следам; но вскоре после этого он смягчился, объявил ей полное прощение и призвал вернуться и завершить свою работу, которую никто другой не мог завершить. Онората, однако, тем временем изучила военное дело и в отряде кондотьеров Олдрадо Лампуньяно, и ее дух и отвага вскоре возвысили ее до командного поста. Она любила солдатскую жизнь и продолжала жить в ней, рисуя в течение тридцати лет.

Когда ее родной город Кастеллеоне был осажден венецианцами, она поспешила со своим отрядом на помощь. Победа увенчала ее в сражении, но она пала смертельно раненной. Она умерла в 1472 году, возможно, это единственный в мировой истории пример женщины, которая одновременно владела ножами мечом.

ГЛАВА III. ШЕСТНАДЦАТЫЙ ВЕК.

Этот век богат великими художницами.—Не беден художницами.—Незабываемый период как в поэзии, так и в живописи.—Теперь видны плоды труда предыдущего столетия.—Ученицы во всех школах итальянского искусства.—Превосходство болонской школы.—Проперция Росси.—Ее красота и законченное образование.—Резьба по косточкам персика.—Ее скульптуры.—Знаменитый барельеф жены Потифара.—Несчастливая любовь Проперции.—Клевета и преследования.—Ее работы и слава.—Визит папы Римского.—Смерть Проперции.—Традиционная история.—Изабелла Маццони, скульптор.—Женщина—фрескист.—Сестра Плавтилла.—Ее работы для монастырской церкви.—Другие работы.—Женщины-художницы римской школы.—Теодора Данти.—Женщины—граверы.—Д. Яна Гизи.—Ирен ди Спиллиберг.—Получила образование в Венеции.—Ее портрет Тициана.—Сонет Тассо в ее честь.—Поэтическая дань уважения в связи с ее смертью.—Ее работы и достоинства.—Винченца Армани.—Мариетты Тинторетто.—Ее красота и музыкальные достижения.—Экскурсии в мальчишеской одежде со своим отцом.—Ее портреты.—Они становятся “Модными”.—Приглашение от императора.—От Филиппа Испанского.—Отказ отца.—Ее замужество и смерть.—Ее портрет.—Женщины-художницы Северной Италии.—Барбара Лонги и другие.—Монахини Генуи.

Шестнадцатый век, беспрецедентно богатый великими людьми, не был беден художницами, чьи работы достойны внимания. И в поэзии, и в живописи этот период был запоминающимся и славным. Труды предшествующей эпохи способствовали развитию цивилизации и воспитанию нравственных и умственных качеств, плоды которых были заметны даже в Германии, в то время как в Италии урожай был наиболее обильным. В этот период появились Виктория Колонна, Вероника Гамбара, Гаспара Стампа и другие женщины литературного происхождения, в то

время как произведения Микеланджело, Рафаэля, Леонардо да Винчи, Тициана и др. стали памятниками восхищения последующих поколений. Доктор Гуль метко замечает: “Пятнадцатый век был временем труда; шестнадцатый - сезоном сбора урожая”.

Ни одна из многочисленных школ итальянского искусства не обходилась без учениц. Болоньезе возвышалась над всеми остальными и в этот период задавала законы искусству. Здесь мы находим

ПРОПЕРЦИЯ, СКУЛЬПТОРША.

Первой женщиной, получившей репутацию скульптора в Италии, была Проперция ди Росси. Она родилась в Болонье в 1490 году и обладала не только замечательной красотой лица, со всеми достоинствами, которые законченное образование могло привить утонченной натуре, но и различными женскими качествами, особенно выдающимися, как говорит нам Вазари, в ее аккуратном ведении домашнего хозяйства. Она пела и играла на нескольких инструментах “лучше, чем любая женщина своего времени в Болонье”, в то время как во многих научных исследованиях она добилась отличия, “хорошо рассчитанного, - говорит итальянский историк, - чтобы пробудить зависть не только женщин, но и мужчин”. Эта девушка с богатыми способностями была наделена особой легкостью воплощать в жизнь творения фантазии и поначалу использовала для этого странный способ. Она взялась за мелкую резьбу по персиковым косточкам и преуспела в этом настолько, что сделала достоверным то, что было записано о двух скульпторах древности. Говорят, что Мирмекид вырезал колесницу, запряженную четверкой лошадей, с возничим, такую маленькую, что муха с расправленными крыльями закрывала всю ее целиком. Калликрат вылепил муравья с мельчайшей точностью. Проперция вырезала на персиковой косточке распятие нашего Спасителя; работа, состоящая из множества фигур - палачей, учеников, женщин и солдат, — замечательная тонким исполнением мельчайших фигурок и восхитительным распределением всех. Серия ее инталий находится во владении графа Болоньи Грасси. В двуглавого орла из серебряной нити (герб Грасси) вставлены одиннадцать персиковых косточек, и на каждой с одной стороны вырезан один из первых апостолов, под каждым из которых написан символ веры; с другой - одиннадцать святых дев с именем святой на каждой и девизом, объясняющим ее особые добродетели. В шкафу с драгоценностями в галерее Флоренции хранится буква из вишневой косточки, на которой вырезан хор святых, в котором можно насчитать семьдесят голов.

Вскоре Проперция вместе с теми, кто был свидетелем ее успеха, начала думать, что жаль тратить столько труда на орех! В то время фасад Сан-Петро-Ниньо в Болонье был украшен скульптурами и барельефами. Молодая девушка училась рисованию у Антонио Раймонди, и когда три двери главного фасада должны были быть украшены мраморными фигурами, она обратилась к управляющему с просьбой принять участие в работах. От нее требовалось представить образец своего таланта. Молодая скульпторша выполнила бюст графа Алессандро де Пеполи с натуры из тончайшего мрамора; это понравилось семье и всему городу и немедленно получило заказы от суперинтендантов.

Одно из ее произведений, ставшее самым знаменитым, - барельеф из белого мрамора, изображающий жену Потифара, пытающуюся удержать Иосифа, держа его за одежду. Совершенство рисунка, изящество действия и эмоция, которой дышит все лицо и фигура, получили высокую оценку за это исполнение. Вазари называет это “прекрасной картиной, выполненной с женственной грацией и более чем достойной восхищения”. Но зависть

воспользовалась случаем, чтобы сделать этот памятник гению Проперции поношением ее памяти. Сообщалось, что она была глубоко влюблена в молодого дворянина, Антона Галеаццо Мальвазию, который мало заботился о ней; и что она изобразила свою собственную несчастную страсть в прекрасном творении своей резьбы. Вероятно, это было правдой, что ее жизнь была пропитана этой безответной любовью. Один из ее соотечественников говорит, что гордый патриций побрезговал взять в жены женщину, носившую менее древнее имя; и что он потерпел неудачу в своей попытке убедить ее стать его женой на менее почетных условиях. Профессиональная ревность способствовала попытке подавить тоскующего художника. Амиго Альбертини вместе с несколькими мужчинами-художниками начал крестовый поход против нее и оклеветал ее перед надзирателями с таким эффектом, что надзиратели отказались платить надлежащую цену за ее труды над фасадом. Даже ее альтовому барельефу не было позволено занять отведенное ему место. У Проперции не хватило духу бороться с этим недостойным мужчины преследованием; она никогда не пыталась выполнять какую-либо другую работу в здании, и горе, на которое она была брошена, окончательно иссушило источники жизни.

В церкви Сан-Петронио есть барельеф с двумя ангелами, искусно изваянный ею; а другая работа ее руки, изображающая царицу Савскую в присутствии Соломона, хранится в так называемой “почитаемой комнате”. Другие ее работы были признаны выполненными с высочайшим вкусом. Говорят, что она создала несколько замечательных архитектурных проектов. В гравюре на медных пластинах ей удалось вызвать восхищение, и многие из ее выполненных пером и тушью офортов с работ Рафаэля получили самую высокую оценку. “Этой бедной любящей девушке, - говорит Вазари, - удалось все, кроме ее несчастной страсти”.

Слава о ее благородном гении распространилась по всей Италии, и папа Климент VII, приехав в Болонью, чтобы присутствовать на коронации императора Карла V. Он спросил о прекрасной скульпторше, о которой он слышал такие удивительные вещи. Увы! она умерла на той же неделе — 14 февраля 1530 года, — и ее останки были похоронены, согласно ее последней просьбе, в домеритал della Morte. Сograждане оплакивали ее, считая одним из величайших чудес природы. Но что толку от посмертных восхвалений жертве несправедливости и клеветы?

Была рассказана история о беседе Проперция с папой римским; что, отклонив его предложение поселить ее в Риме, она опустилась на колени, чтобы попрощаться, когда ее упавшая вуаль открыла лицо неземной красоты, достаточно печальное, чтобы вызвать сочувствие понтифика. Но более вероятно, что она умерла до его прихода.

СЕСТРА ПЛАВТИЛЛА И ДРУГИЕ.

Изабелла Маццони также была известна в этот период как скульптор. Мы также слышим о Марии Калаврезе, которая рисовала фресками; и Плавтилла Нелли — сестра Плавтилла, как ее обычно называют, — заслуживает большего, чем мимолетное упоминание. Ланци рассказывает нам, что она происходила из знатной флорентийской семьи и родилась в 1523 году. У нее не было никакой помощи в развитии ее замечательного таланта, кроме изучения рисунков фра Бартоломео, одного из лучших мастеров флорентийской школы. Она стала монахиней доминиканского монастыря Святой Екатерины Сиенской во Флоренции и, приобретая значительную репутацию благодаря своему мастерству в живописи, закончила для церкви картину “Сошествие с креста”, как говорят, по рисунку Андреа дель Сарто; и картину собственного сочинения “Поклонение волхвов” — произведение, получившее высокую оценку. В первом можно заметить ту же чистоту контуров, ту же гармонию света и тени, изящество

драпировки и уверенный покой, которые характеризуют работы Андреа. В хоре монастыря Санта-Лючия, в Пистойе, висела ее большая картина, изображающая Мадонну с младенцем на руках в окружении святых; а в монастыре во Флоренции - большая картина, изображающая Тайную вечерю. Мы не пытаемся перечислять работы, приписываемые ей, включая ее копии лучших мастеров, особенно фра Бартоломео, которому было нелегко подражать, поскольку он превосходил Рафаэля по цвету и соперничал с Винчи в кьяро-оскуро. Некоторые картины в Берлине, приписываемые ей, отмечены его чистотой и тщательностью исполнения, глубиной и есерьезностью. Она также была художницей-миниатюристкой. Она была настоятельницей монастыря и дожила до шестидесяти пяти лет. Одной из ее успешных учениц была Агата Трабаллези.

Известных женщин-художниц римской школы не было, но мы можем упомянуть Теодору Данти, которая написала несколько картин интерьеров в стиле Перуджино. Головы ее фигур отличались изяществом, и у нее было много легкости в движениях и свежести колорита, но была определенная сухость в формах и бедность в драпировке.

Жена знаменитого гравера Маре Антонио Раймонди также гравировала на меди; а Диана Гизи копировала в своих гравюрах работы Рафаэля и Джулио Романо. Вазари говорит о ней: “Она так превосходно гравировала, что это настоящее чудо. Что касается моей собственной дочери, которая увидела себя — а она очень приятная и грациозная девушка, — а также свои работы, которые являются самыми изысканными, я был этим крайне поражен”.

IRENE DI SPILIMBERG.

Ярким примером и гордостью венецианской школы в свое время была Ирен ди Спилимберг, родившаяся в Удине в 1540 году в благородной и прославленной семье немецкого происхождения. Она занималась своим искусством в период его наивысшего расцвета. Она получила образование в Венеции, окруженная роскошью внешней и интеллектуальной жизни, и ее учителем был Тициан. Однако ее слава зиждется скорее на свидетельствах современников, чем на ее собственных работах. Тициан, всегда ценивший женскую красоту и художественные достоинства, увековечил ее прекрасным портретом; а Тассо воспел ее очарование в одном из своих сонетов. Она умерла в расцвете своей славы, в расцвете молодости и красоты, едва достигнув девятнадцатилетнего возраста. Ее смерть была оплакана в стихах и речах, сборник которых был опубликован в Венеции через двадцать лет после этого события, чтобы выразить великолепное обещание, которое разрушитель так несвоевременно пресек.

Среди ее сохранившихся работ - "Вакханалии в Монте-Альбе" и небольшие картины на религиозные сюжеты, которые, как говорят, находятся во владении семьи Маниаго. Ланзи замечает: “Рисунок небрежен, но колорит достоин лучшей эпохи искусства. Мы видим отраженные лучи славы ее великого мастера, мягкие, но быстрые оттенки, четкие штрихи, повторяющиеся применения цвета, которые придают оттенкам завуалированную прозрачность; продуманная группировка, сочетание величия и грации в фигурах, которые составляют некоторые из достоинств Тициана”. Говорят, что Ирен была женщиной высочайшей умственной культуры. Рудольфи включает свою любовь к нескольким женщинам-художницам, которых он упоминает.

Шестнадцатый век был примечателен не только появлением талантов, но и их признанием. Другим художником, принадлежащим к венецианской школе, был Винченца Армани, который преуспел в гравюре и лепке извоска, а также был известен как поэт и музыкант.

МАРИЕТТА ТИНТОРЕТТО.

Мариэтта Робусти, дочь и ученица великого художника Тинторетто — того, кого называли “громом искусства” и кто преуспел в создании могущественного и ужасного, — родилась в 1560 году. У нее былживой нрав и большой энтузиазм; она была очень красива внешне, обладала прекрасным голосом и превосходно играла на лютне и других инструментах. Неудивительно, что она была предметом гордости и привязанности своего отца. Она сопровождалаего повсюду, одетая как мальчик; и он развивал ее талант к искусству не столько наставлениями, сколько живым примером своего собственного труда. Его картины питали и оплодотворяли ее воображение, и шаг за шагом она преданно следовала за ним. Трудился ли оннад своими моделями, изучал ли античные статуи, слепки с Микеланджело, колорит Тициана или обнаженную фигуру, она была рядом с ним. Она заметила его первый набросок в лихорадочный момент создания и наблюдала за ходом его выполнения. Его поразительнаясвобода в обращении с кистью, сила и точность рисунка, богатство красок достались ей. Она узнала его секрет придания пропорций и единства многим фигурам, а также сложное искусство ракурса; затем, скопировав егокартины, она могла сказать: “Я тоже художник”. Она выбрала ту живопись, которая соответствовала ее полу. Исторические произведения требовали слишком большого изучения и применения, и было утомительно создавать обнаженные фигуры в подражание антиквариату. Писать портреты было проще, и это обещало более быстрые результаты.

Ее первым портретом был портрет Марко деи Вескови. Им очень восхищались, особенно бородой, и некоторые осмелились сказать, что она была похожа на своего отца. Вскоре она стала знаменитой, и среди венецианской аристократии было в моде, когда ее рисовала Мариетта. Ее отец был в восторге от ее поразительных успехов.

Якопо Страда, антиквар императора Максимилиана, заказал у нее свой портрет и подарил его в качестве диковинки своему императорскому повелителю. Это и еще одна ее собственная картина снискали ей большую репутацию. Император поместил их в своих покоях и пригласил ее стать художницей при его дворе. Такое же предложение было сделано ей Филиппом II Испанским и эрцгерцогом Фердинандом. Она была послушной дочерью и подчинилась воле Тинторетто, который отказался расставаться с ней даже для того, чтобы она могла удостоиться придворной чести. Чтобы обезопасить ее от принятия столь заманчивых предложений, он отдал ее руку Марио Августу, богатому немецкому ювелиру, при условии, что она останется под отцовской крышей. Она выполнила несколько оригинальных проектов и написала множество портретов. Ее изысканный вкус, мягкие и нежные прикосновения и умение раскрашивать были замечательны как в работах ее собственного изобретения, так и в тех, которые были созданы благодаря гению ее отца.

Тинторетто не суждено было долго радоваться успехам своей прелестной дочери. В расцвете лет, в 1590 году, она ушла из этой жизни, оставив своего мужа и отца скорбящими до конца их дней. Она была похоронена в церкви Санта-Мария-дель-Орто. Другой художник изобразил Тинторетто, перенеся на холст черты своего ребенка, все еще прекрасные после смерти. Несколько ее работ находятся в Венеции. Одна из них, в Пале-Рояль, изображает человека в

черном, сидящего, положив руку на раскрытую книгу, лежащую на столе, где также находится секретер с бумагами, часами и распятием.

Компания Desampres опубликовала гравюру с портретом Мариетты. Выражение лица очень мягкое и кроткое; коса волос обрамляет макушку, а рулетка убрана со лба назад. На груди перекрещен носовой платок, а вокруг шеи - нитка крупных бус.

Заслуживают упоминания некоторые выдающиеся художники школ северной Италии. Вазари говорит о Барбаре, дочери художника Лукаса Лонги из Равенны, как об обладательнице большого таланта. В Генуе Томмаса Фиекса был известен как художник и гравер, а также как автор мистических трактатов. Она и ее сестра Елена были доминиканскими монахинями и умерли в 1534 году.

ГЛАВА IV. ШЕСТНАДЦАТЫЙ ВЕК.

Шесть чудесных сестер Л.—Sofonisba Anguisciola.— Ее ранние наброски.—Картина "Три сестры".—Ее успех в Милане.—Приглашение ко двору Мадрида.—Пышность ее путешествия и приема.—Бриллиант.— Рисует королевскую семью и Цвет знати.— Ее подарок папе Пию.—Его письмо.—Ее стиль.—Фотография Люции.—Софонисба, гувернантка Инфанты. Брак с сеньором Сицилии.—Его смерть в Палермо.—Путешествие вдовы.—Доблестный капитан.—Вторая любовь и замужество.—Ее резиденция в Генуе.—Королевские гости.—Потеря зрения.—Вандик, ее гость.—Ее влияние на искусство Генуи.— Ее портрет и работы.—Sofonisba Gentilesca.— Ее миниатюры с изображением испанской королевской семьи.—Caterina Antoni.—Ludovica Pellegrini.—Angela Criscuolo.—Cecilia Brusasorci.—Caterina dei Pazzi.—Ее стиль демонстрирует привнесение нового элемента религиозного энтузиазма в искусство.—Традиция ее живописи с закрытыми глазами.—Ее канонизация.—Женщины во Франции в этот период.—Изабелла Катрепом.—Женщины в Испании.—Женщина-доктор богословия.—Изменение, вызванное протестантским ментизмом в Положении Женщины.— Его влияние на искусство.—Английская художница.—Лавиния Беник.—Кэтрин Шварц в Германии.—Ева фон Айберг в Швейцарии.— Женщины-художницы в Нидерландах.—Женский талант в Антверпене.—Упоминание Альберта Дюрера о Сюзанне Джерард.—Катрин Хамсен.—Анна Сегерс.—Клара де Кейзер. —Визиты Ливины Беннингс и Сюзанны Хьюрембу в Англию.—Гравер Барбара.—Голландский гравер. —Констанция, художник по цветам.

Теперь мы переходим к шести замечательным сестрам Ангишолы: Елене, Софонисбе, Минерве, Европе, Люции и Анне Марии, одаренным в музыке и живописи. Вазари описывает свой визит "в дом Амилькаре Ангишиолы, счастливого отца благородной семьи; самый дом живописи, а также всех других достижений". В "Орландо Фуриозо" Ариосто мы читаем:

"Le Donne son venute in eccellenza
Di ciascun' arte, ov' hanno posto cura."

Самой известной из этих милых и выдающихся сестер была вторая; хотя Лючия, умершая молодой, приобрела известность, и создала прекрасные и ценные работы.

SOFONISBA ANGUISCIOLA

родился в Кремоне, где-то между 1530 и 1540 годами, происходя из высокопоставленной семьи. В десять лет она научилась рисовать и вскоре стала лучшей ученицей Бернадино Кэмпаи, превосходного кремонского художника. Один из ее ранних набросков, изображающий мальчика, рука которого застряла в клешне омара, и маленькую девочку, смеющуюся над его бедственным положением, находился во владении Вазари и, по его мнению, заслуживал места в томе, который он наполнил рисунками самых известных мастеров той великой эпохи. Портреты стали ее любимым занятием. Вазари высоко оценивает картину, которую он видел у ее отца, изображающую трех сестер и пожилую экономку, играющих в шахматы, как произведение, “написанное таким мастерством и тщательностью, что фигурам нужен был только живой голос”. Он также хвалит ее портрет, который она подарила папе Юлию III.

Софонисба обучала своих четырех младших сестер рисованию. Еще в девичестве она привлекла внимание принцев. Она сопровождала своего отца в Милан, в то время находившийся под властью Испании. Там она была радушно принята при дворе и написала портрет герцога Сесского, вице-короля, который наградил ее четырьмя кусками парчи и другими богатыми подарками. К 1559 году ее имя стало известным по всей Италии. Надменный монарх Испании Филипп II, претендовавший на титул покровителя изящных искусств, услышал отголосок ее славы и послал инструкции герцогу Альбе, находившемуся тогда в Риме, пригласить ее ко двору Мадрида. Приглашение было принято. Софонисбу проводили к испанскому двору с царственной помпой, в сопровождении двух фрейлин-патрицианок, двух камергеров и шести ливрейных слуг. Филипп и его королева вышли ей навстречу, и ее роскошно приняли во дворце. После некоторого отдыха она написала портрет короля, который так понравился ему, что он наградил ее бриллиантом стоимостью в полторы тысячи крон и пенсией в двести. Ее следующими натурщицами были молодая королева Елизавета Валуа, известная как Изабелла Мирная, находившаяся тогда в расцвете своей свадебной красоты; и несчастный мальчик Дон Карлос, которого запечатлели одетым в рысью шкуру и другие дорогие одежды. Одну за другой она рисовала цвет испанской знати. Тем временем она получала высокие почести и выгодные назначения от своих королевских покровителей.

Ее широкая известность побудила папу римского Пия IV. попросить у нее портрет королевы. Она с готовностью выполнила поручение и, приложив все свои усилия ко второму портрету ее величества, отправила его в Рим с письмом для вручения Его Святейшеству. “Если бы было возможно, - говорит она, - представить вашему Святейшеству красоту души этой королевы, вы не смогли бы увидеть ничего более удивительного”. Папа ответил драгоценными камнями и реликвиями, оправленными в драгоценные камни; дары, достойные великих способностей художника. Его письмо может заинтересовать читателя:

“Мы получили портрет самой прославленной королевы Испании, нашей дорогой дочери, который выписали нам, и который оказался весьма приемлемым, в том числе из-за изображенной особы, которую мы отечески любим за ее благочестие и многие чистые качества

ее ума, не говоря уже о других соображениях, а также потому, что работа была выполнена вашей рукой очень хорошо и прилежно.

“Мы благодарим вас за это и заверяем, что будем считать это одним из наших самых ценных достояний, оцененных по достоинству вашим мастерством, которое, хотя и очень замечательное, тем не менее, как мы слышали, является наименьшим из многих дарований, которыми вы наделены.

И с этим заключением мы снова посылаем вам наше благословение. Да хранит вас наш Господь!

“Дат. Romæ: die 15 Octobris, 1561.”

Картины Софонисбы отличались смелостью и свободой, а в некоторых произведениях ее фигуры, казалось, почти дышали. Некоторые из них комичны; и эта отрасль искусства, как в живописи, так и в литературе, требует смелости замысла, спонтанности движений и деликатности прикосновений. Одна из этих работ изображает сморщенную старушку, изучающую алфавит, и маленького ребенка, подшучивающего над ней за ее спиной.

Во время своего пребывания в Испании Софонисба получила из Кремоны портрет своей матери, Бьянки, написанный ее сестрой Европой. Она была высоко оценена кастильскими критиками, и сестра ее ценила ее как точное подобие любимого человека, которого она, возможно, никогда больше не увидит. Примерно в это же время Лючия, возможно, прислала свой замечательный портрет Пьетро Марии, кремонского врача — серьезного и пожилого человека в отороченной мехом мантии, — который сейчас украшает галерею куин в Мадриде, единственный образец таланта одаренных сестер.

Софонисба некоторое время была фрейлиной королевы Испании: теперь Филипп назначил ее вместе с другими дамами заниматься воспитанием инфанты Изабеллы Клары Евгении. Это доказывает, что она находилась в Испании после 1566 года, когда родилась эта принцесса. Ее королевские покровители хотели, чтобы она вышла замуж за испанского дворянина и поселилась на постоянное жительство при их дворе; но ее рука уже была обещана феодалу Сицилии дону Фабрицио де Монсада, и он увез ее к себе на остров. Король и королева дали ей приданое в двенадцать тысяч крон и пенсию в тысячу, которую она имела право завещать своему сыну; помимо богатых подарков в виде гобеленов и драгоценностей, а также платья, усыпанного жемчугом.

Молодожены отправились в Палермо, где через несколько лет муж умер. Софонисба была немедленно приглашена обратно ко двору Мадрида, но выразила желание повидаться с матерью и ее родственниками до ее возвращения в Испанию. Она поднялась на борт генуэзской галеры, которой командовал патриций по имени Орацио Ломеллини. Во время путешествия он с галантной вежливостью развлекал прекрасную вдову, и она, похоже, не была безутешна из-за потери мужа. Говорят, она любила генуэзца из чистой благодарности; хотя ее биограф Сопрани, не колеблясь, говорит, что она сделала ему предложение руки и сердца, которое он — “прекрасный генеральский синьор” - очень быстро принял. В семье Ломеллини до сих пор хранится ее портрет, написанный ею самой в манере Рафаэля.

Сейчас мы находим ее живущей в Генуе, где она с неутомимым рвением занималась своим искусством. Ее дом стал пристанищем всего изысканного и интеллектуального общества республики. Не забыли ее и королевские друзья из австрийского дома. Узнав о ее втором бракосочетании, их католические величества добавили к ее пенсии четыреста крон. Императрица Германии нанесла ей визит по пути в Испанию и подарила маленькую картину, одну из самых законченных и красивых работ Софонисбы. Она также удостоилась чести посетить свою бывшую подопечную, инфанту, которая сейчас замужем или вот-вот выйдет замуж за эрцгерцога Альберта и является совместной правительницей с ним Фландрии. Эта принцесса провела несколько часов, беседуя со своей подругой о старых временах и семейных делах; и позировала для ее портрета, для которого, когда он был закончен, она подарила Софонисбе золотую цепочку, украшенную драгоценными камнями. Этот красивый памятник дружбы высоко ценился художницей. Обласканная королевской семьей и обхаживаемая в генуэзском обществе, она дожила до глубокой старости. В Болонье в честь нее был отчеканен медальон; самые выдающиеся художники благоговейно прислушивались к ее мнению, а поэты воспевали ее

“La bella e saggia dipintrice,
La nobil Sofonisba da Cremona.”

В последние годы своей жизни Софонисба была лишена зрения, но сохранила свои интеллектуальные способности, любовь к искусству и пристрастие к обществу его профессоров. Конференции, которые она проводила в своем собственном дворце, до последнего посещались выдающимися художниками со всех концов света. Вандик часто бывал у нее в гостях и имел обыкновение говорить, что от этой слепой старой женщины он получил больше просветления, чем от всех своих занятий с великими мастерами. Это была недурная похвала от любимого ученика Рубенса; и кто скажет, что она не была заслуженной? Наставлениями и личным примером она помогла вывести искусство Генуи из того упадка, в который оно пришло в середине шестнадцатого века. В его картинах есть что-то от изящества и жизнерадостности Рафаэля, в стиле которого писал ее первый мастер, и что-то от рельефа последователей Корреджо. “Больше, чем любая другая женщина своего времени, - пишет Вазари, - с большим усердием она трудилась над всем, что связано с рисованием; она не только рисовала, раскрашивала и срисовывала с натуры, делала превосходные копии, но и нарисовала множество прекрасных оригинальных картин”.

Одной из работ Софонисбы, которую видели в Кремоне в 1824 году, было прекрасное изображение Богородицы, дающей грудь Божественному младенцу. Говорят, что в портретном мастерстве она немногим уступала Тициану. Ее очаровательный портрет - немалая жемчужина среди сокровищ галерей и библиотек Олторпа. Она нарисовала себя в том, что немцы называют “наколенником”, скорее в натуральную величину. Маленькая и изящно сформированная головка хорошо посажена на изящной шее; темные волосы гладко и просто уложены; черты лица итальянские и правильные; цвет лица чистый, живой; глаза большие, черные и влажные. Темное облегающее платье подчеркивают белые оборки у горла и на запястьях, а также две белые кисточки, свисающие с груди. Ее нежные и изысканно накрашенные руки виднеются над шнурами спайс-сети. Справа, в глубокой тени, стоит пожилая женщина в платке, обернутом тюрбаном вокруг головы, и напоминающая святую Елизавету или святую Анну из религиозной

композиции Караччи. В целом картина написана в четкой, твердой манере флорентийских карандашей best. Софонисба умерла в 1620 году.

Паломино упоминает Софонисбу Джентилеска среди иностранных художников эпохи правления Филиппа II.: “дама, прославленная в искусстве”, которая прибыла из Франции в Испанию в свите Изабеллы Мирной. Она с большим мастерством рисовала миниатюрные портреты, а натурщиками у нее были их величества, Младенец Дон Карлос и многие придворные дамы. Она умерла в Мадриде в 1587 году.

Другая знатная дама, Катерина Кантони, известная как превосходный гравер, была приглашена в Испанию вместе с Софонисбой, чтобы продолжить там дело, которым она, кажется, с успехом занималась в Италии. Людовика Пеллегрини была удостоена звания “вторая Минерва” за ее выдающиеся достижения в этой области искусства. Она также посвятила себя рукоделию и вышивала священную мебель и большой паллий (облачение), выставившийся незнакомцам как любопытный образец искусства и учености. Бошини упоминает “непревзойденную Доротею Ароматари” как создавшую своей иглой красоты, которые лучшие художники выполняли пером. Другие женщины были знаменитыми вышивальщицами. Неаполь гордился той, кто превзошла своих современниц как в живописи, так и в музыке — Марией Анджелой Крискуоло. Сесилия Брусасорчи, дочь великого художника-фресковед, прославилась своими портретами к концу этого столетия.

Пропуская ряд второстепенных имен, мы можем завершить обзор этого периода уведомлением Катерины де Пацци. Она родилась в 1566 году и рано ушла в монастырь, где приняла имя Мария Маддалена. Энергия, с которой она культивировала искусство, и своеобразный характер ее работ и работ других авторов, созданных в то время, свидетельствуют о привнесении в искусство нового элемента религиозного энтузиазма. Традиция сохранила историю об этой монахини, рисующей священные картины с закрытыми глазами. В монастырях кармелиток в Парме и в церкви Санта-Мария-ин-Космедин в Риме можно найти ее работы. Умерев в 1607 году, она была канонизирована Климентом IX в 1669 году; и по сей день картина в одной из богатейших церквей Флоренции носит имя святой художницы, тело которой покоится в великолепной часовне под той же крышей.

Ни одна другая нация в шестнадцатом веке не могла соперничать с Италией по количеству женщин-художниц. Во Франции женщины пользовались большим влиянием в государственных органах, и несколько дам самого высокого ранга были отмечены своими литературными произведениями и достижениями. Изабелла Катрепом упоминается Папийоном как превосходный гравер по дереву. Она родилась в Руане и достигла расцвета около 1521 года. Выполненный в изящном стиле фронтисписе в старинном календаре, представляющий фигуру Януса, предположительно принадлежит ей, поскольку отмечен яблоком, на котором стоит цифра 4.

В Испании цветы искусства начали распускаться в более поздний период, хотя в либеральные годы женщины не были в стороне. Изабелла Лоза из Кордовы была удостоена звания доктора богословия, и в Валенсии были дамы, которые, знакомые с работами итальянских мастеров искусства, взяли за правило подражать им.

На севере распространение протестантского тантизма привело к изменению положения женщин, что оказало свое влияние на искусство. Домашние занятия и домашние добродетели

все чаще становились предметом восхищения и изучения прекрасного пола. В то время как свет религиозной истины проникал в их дом своим смягченным сиянием, рост глубокого нравственного чувства готовил путь для дальнейших триумфов в подражательном искусстве. В Англии, где процветало множество поэтов, во времена правления Елизаветы была одна художница — Левина Тирлинкс. Германия может похвастаться Екатериной Шварц, вероятно, женой того Кристофера Шварца, которого современники называли немецким Рафаэлем; в то время как в Швейцарии Ева фон Иберг перенесла на холст красоты пейзажей своей страны.

С другой стороны, в Нидерландах в этот период было много женщин-художниц, и многие из них были прилежными преемницами Маргаретты фон Эйк на ее родине. Ее братья, стоящие во главе старой фламандской школы, продемонстрировали сочетание традиционных типов и древних привычек с результатами борьбы человеческого разума за эмансипацию в этом столетии. Антверпен, похоже, был богатой почвой для появления женских талантов. Здесь в 1521 году Альбрехт Дюрер познакомился с прекрасным художником, столь почетно упомянутым в его дневнике. “У мастера Жерара, иллюминиста, - говорит он, - есть дочь восемнадцати лет по имени Сюзанна, которая иллюстрировала маленькую книжку, которую я купил за несколько гульденов. Это замечательно, что женщина может так много сделать!” Среди известных художников-миниатюристов слышали о Кэтрин Хамсен, которая отправилась в Испанию и поступила на службу к королеве Венгрии с хорошим жалованьем; также об Анне Сегерс, Анне Смайтерс и Маргарет де Хир. Клара де Кейзер, или Клара Скайзерс, из Гента, умерла незамужней в возрасте восьмидесяти лет. Она пользовалась известностью, которая распространилась на Германию, Францию, Италию и Испанию - все эти страны она посетила.

Сюзанну Хурембаут и Левину Беннингс, или Беник, не следует упускать из виду. Последняя, дочь “маэстро Симона”, родилась в Бругесе; была приглашена в Лондон Генрихом VIII и пользовалась большой благосклонностью обеих королев Марии и Елизаветы. Король Генрих выдал ее замуж за английского дворянина. Считалось, что она один и тот же человек с Левиной Тирлинкс. Сюзанна также получила приглашение от “блефующего короля Гарри” посетить его двор и прожила в Англии, где к ней относились с большим почетом, до конца своей жизни. Обе эти женщины были художницами-миниатюристками. Барбара Ван ден Брук, дочь Криспина, родилась в Антверпене в 1560 году и была выгравирована по эскизам своего отца. Она обращалась с гравером с непревзойденным мастерством. В некоторых работах она успешно имитировала стиль Мартина Роты.

В Голландии Магдален де Пассе была известна как гравер по меди, а Констанция фон Утрехт как художник-флорист; та, кто первой добилась отличия в этой деликатной и женской области знаний и привлекла к ней внимание своих соотечественниц. В более поздние времена город, где она жила и творила, стал столицей мира в этом виде живописи.

ГЛАВА V. СЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК.

Появилась новая почва для прогресса.—Большее разнообразие стилей.—Натурализм.—Караччи сыграли важную роль в придании живописи импульса реформ.—Их академия.—Одну

открыла миланская леди.— Ученая поэтесса и ее столетний юбилей.— Женщины—художницы и граверы.—Лавиния Фонтана.—Поспешное суждение.—Лавиния ученица Караччи.—Персонаж ее картин.—Ей воздаются почести.—За ней ухаживают члены Королевской семьи.—Ее красота и поклонники.—Романтический любовник. —Картины Лавинии.—Завершение периода воплощения христианского идеала в искусстве. — *Шеф-повар Лавинии*.—Ее дети.— Профессиональные почести.—Ее смерть.—Ученицы школы Караччи.—Ученицы Доменикино, Ланфранко и Гвидо Рени.— Грубый Гверчино, презирующий женщин.—Племянница и наследница кардинала.—Ее великие картины.—Основывает монастырь.—Артемизия Джентилески, ученица Гвидо.—Ее портреты.—Визит в Англию.—Благосклонность Карла I. — Роскошное жилище в Неаполе.—Ее переписка.—Оценка ее фотографий.—Elisabetta Sirani.—Ее артистический характер.—Ее семейная жизнь.—Трудолюбие и скромность.—Ее добродетели и изящество.—Художники-завистники.—Борьба с клеветой.—Ее загадочная судьба.— Предположения на этот счет.—Похоронные обряды.—Ее основные работы.—Ее влияние на женщин- художниц.—Ее ученицы.—Другие художницы Болоньи.

В семнадцатом веке элементы беспокойства частично улеглись, и открылась новая почва для прогресса человеческого интеллекта. Определенное единообразие в искусстве, которое было следствием тщательного академического подражания старым мастерам, уступило место большему разнообразию стилей и, в некоторых случаях, энергичному и несколько грубоватому натурализму. Натуралисты были названы так из-за их пристрастия к прямому подражанию обычным формам и аспектам природы. Страсть была их источником вдохновения, и их подражание слишком часто доходило до крайности, представляя то, что можно было бы назвать поэзией отталкивания.

Новый дух исследования и чувство уверенности в себе проникли в сознание населения, что не преминуло повлиять на прогресс как литературы, так и искусства. Мастерами, которые сыграли наиболее заметную роль в придании живописи импульса реформ, были Людовико, Августин и Аннибал Караччи. Несмотря на многие трудности, они открыли академию в своем родном городе Болонье, где преподавали искусство на принципах, которые тогда считались важнейшими. На его теоретическом и практическом отделениях большому числу студентов было разрешено ознакомиться с работами первых мастеров. Вскоре последовал "хороший пример", и мы слышим о миланской леди, открывающей в своем доме академию.

Арканжела Палладини преуспевала в живописи, поэзии, музыке и вышивке. Произведение ее рукоделия висело в герцогской галерее в Пизе, где сохранились только великие работы. Беатриче Паппава, художница, также была образованной дамой и, как говорят, отпраздновала свой сотый день рождения оригинальным сонетом большого достоинства. Катерина Руска приобрела некоторую известность как гравер по меди; а Августа Таработти, которая занималась живописью под руководством Клары Варотари, была также поэтессой и автором "Апологии женского пола", которая была встречена со значительным вниманием. Феде Галиция, дочь знаменитого художника-миниатюриста, жила в Милане. В рисунках и пейзажах она проявляла вкус, точность и законченность. Она была предана идеалу, и эта тенденция проявилась в ее дизайне и расцветке.

LAVINIA FONTANA.

Одной из художниц, принявших стиль Караччи и внесших изменения в искусство, была Лавиния Фонтана, одна из самых знаменитых женщин столетия. Она была дочерью того самого Просперо Фонтаны, который давал уроки живописи Людовико Караччи и имел обыкновение сильно пренебрегать им. Однажды он заметил, что его ученик лучше справился бы со смешиванием цветов, чем художник! Но Караччи отомстил спустя годы, когда было слышно, как Фонтана жаловался, что он слишком стар, чтобы стать учеником великого художника, который когда-то был его собственным презираемым учеником! Обучение, которое он не мог получить, было привилегией его дочери Лавинии, родившейся в Болонье в 1552 году. Она переняла манеру своего отца и приобрела большую известность в портретной живописи; но в более поздние годы стала ученицей Караччи, после чего ей удалось придать своим картинам столько мягкости, приторности и нежности, что некоторые из них даже сравнивали с работами Гвидо Рени. К деликатности прикосновений она добавила редкое умение создавать сходства. Ее таланты были высоко оценены и удостоены почестей, которые не часто удостоиваются женщин-мерит. Первые леди Рима стремились стать ее натурщицами, а величайшие кардиналы считали, что им повезло, что их портреты были выполнены ее умелой рукой. Ее портреты ценились так высоко, что стоили огромных денег, и их с гордостью демонстрировали в галереях знати и самых культурных людей страны. Ее услугами воспользовался папа Григорий XIII. в качестве его обычного художника; и она работала на семью Буонкомпаньи. Другие коронованные особы искали ее общества, и самой чудесной милостью из всех было то, что эти почести не порождали в ней тщеславия или самомнения. К своим достижениям она добавила такую личную привлекательность, что ее руки добивались многие выдающиеся и титулованные поклонники; но всем им она предпочла неизвестного молодого человека, Джованни Паоло Дзаппи из Имолы. Некоторые авторитеты говорят о нем как о богатом дворянине. Он рисовал в мастерской ее отца из любви к очаровательной дочери и привык так хорошо раскрашивать одежду на ее портретах, что она сделала о нем не очень лестное замечание, что "как портной он стоит больше, чем как художник". Он был вознагражден, женившись на ней с условием, что Лавиния останется свободной в своей профессиональной карьере.

Помимо портретов, она создала несколько композиций на священные темы; несколько церковных картин сейчас находятся в Болонье, а некоторые - на мирские темы, как изображение Венеры в Берлинском музее. В своих более поздних работах, после уроков у Караччи, она приобрела мягкости теплоту колорита, которые напоминают об одном из мастеров венецианской школы. За это была замечена одна из ее постановок — "Святой Франциск де Паула, воскрешающий мертвеца", хранящаяся в Пинакотеке Болоньи. Кроме того, среди ее картин - Распятие Сионское, Чудо с хлебами и Благовещение. Они были созданы для церкви Болоньи.

Лавиния жила в конце того периода, который был своеобразным периодом христианского искусства, и это, кажется, справедливо относит ее к художникам, работавшим в то время, когда христианский идеал во всем его великолепии еще маячил над горизонтом. В этот период Рафаэль и Микеланджело наложили свою печать, и христианский идеал был исчерпан в "Преображении" и фресках Сикстинской капеллы; превзойти их было невозможно. Одна из работ Лавинии. — "Ночное Рождество Богородицы" до сих пор выставляется в ее родном городе. Младенец Мария окружен облаком ангелов, а святой указывает на двух детей внизу. Фигура в великолепных епископских одеждах, с другой стороны, занимается орошением

святой водой двух прекрасных коленопреклоненных девушек. Эта картина, утверждает Болоньини, сама по себе оправдывает славу художника. В мадридском Эскуриале находится ее работа, изображающая мадонну, приподнимающую покрывало, чтобы посмотреть на своего спящего ребенка, который покоится на богато расшитых подушках; святой Иосиф и святой Иоанн стоят рядом. “Картина, - говорит Маццолари, - такая яркая, такая веселая и грациозная, такого великолепного колорита, такая полная красоты, что ею никогда не устаешь восхищаться”. Картина, которая особенно способствовала ее художественной славе, изображает царицу Савскую в присутствии Соломона; но в ней также есть аллегорическая отсылка к герцогу и герцогине Мантуанским и различным персонам их двора. Ланци считает эту постановку достойной венецианской школы. На другой изображен царственный младенец, играющий на кровати, завернутый в одеяла и украшенный великолепным ожерельем. “Юдифь, увиденная при свете факела” находится во владении семьи Делла Каза. “Дева с младенцем”, которую она написала для кардинала Асколи и отправила в Рим, была признана ее лучшим произведением и принесла ей такую большую известность, что, поскольку для церкви требовалась большая картина, заказ был доверен Лавинии, отдав предпочтение многим первоклассным художникам, которые искали ее. Она нарисовала Стивена в стональности с рядом фигур и нимбом над головой, изображающим раскрытие небес. Фигуры были больше, чем в натуре, и работа оказалась не такой успешной, как надеялась Лавиния. Но после того, как она ограничилась портретной живописью, у нее не было причин быть недовольной своим успехом. Говорят, что ее *кулинарным шедевром* является ее собственный портрет, сделанный, когда она была молода и необычайно красива. Сейчас она находится во владении графа Дзаппи в Имоле, и на ней была выгравирована Россини для его “Истории итальянской боли”. Портрет написан в овальной форме; на заднем плане на полке расставлены глиняные модели бюстов, голов, туловищ, рук и ног. Художница сидит за столом, на котором стоят две слепки с греческих статуй; она приступает к рисованию одета с элегантною простотой, ее мантия ниспадает четкими и пышными складками. Под рюшем, опоясывающим ее шею, висит жемчужное ожерелье, к которому прикреплено золотое распятие. На ней головной убор Марии Стюарт, а голова раскрашена с удивительной нежностью и прозрачностью. В работе правильность рисунка сочетается с ни с чем не сравнимой грацией. В Англии хранятся три картины Лавинии Фонтана.

У этого знаменитого художника было трое детей, и он был несчастлив с ними. Ее единственная дочь потеряла зрение на один глаз, воткнув в него булавку; а один из ее мальчиков был слабоумным и служил для развлечения бездельников в приемной папы римского. Мальвазия замечает: “Ходили слухи, что он унаследовал свою простоту от отца; конечно, она досталась ему не от матери, которая была столь же талантлива и проницательна, сколь добра и добродетельна”.

Лавиния была избрана членом Римской академии. Современники отмечали ее достоинства; Марини, среди прочих поэтов, восхвалял ее; и она пользовалась таким уважением, что, когда проходила мимо резиденции Соры и Виньолы, гордый патриций вышел ей навстречу во главе своих слуг, согласно моде, существовавшей тогда при приеме королевских особ.

Среди писемот Питторичи есть письмо, датированное 1609 годом, подписанное Лавинией Фонтана Заппи. Это доказывает, что она была жива в то время. Один авторитетный источник утверждает, что она умерла в Риме в 1614 году в возрасте шестидесяти двух лет.

В то время как Лавиния Фонтана пользовалась системой Караччи, другая, которая в юности пользовалась преимуществом быть ученицей Людовико, настолько успешно подражала его совершенствам, что в 1614 году создала прекрасную картину, полную фигур, по одной из его композиций для церкви Аннунциаты в Болонье. Это была Антония Пинелли. За мастерство рисования и чистоту тона она пользовалась высокой оценкой.

Было много молодых женщин, которые учились живописи в мастерской Караччи; в то время как у других мастеров были прекрасные ученицы. Говорят, что Доменикино был учителем Флавии Дюран, Терезы дель По и Артемизии Джентилески; Ланфранко раскрыл талант Катерины Джиннасси; Гвидо Рени давал наставления Мадалене Натали и сформировал гениальность Элизабетты Сирани, гордости болонской школы. Лбано, однако, был исключением, и, кроме грубоватого Гверчино, который презирал все, в том числе и женский талант, у него не было учениц прекрасного пола. Тем не менее сестра одного из его учеников — Фламиния Трива из Реджо — стала художницей, которую очень уважали знатоки своего времени.

Из этих художников здесь следует отметить только трех наиболее выдающихся. Катерина Джиннасси, происходившая из знатной семьи и племянница кардинала, родилась в Риме в 1590 году. С ранней юности она была хорошо обучена всем женским занятиям, как полезным, так и блестящим. Впоследствии она часто говорила: “Иголка и прялка - злостные враги кисти и карандаша”. Ее первым мастером был Клелио, и после его смерти она полностью отдалась смелой и блестящей манере Ланфранко. Она создала великолепные картины, которые украсили церковь Святой Люции в Риме, основанную ее дядей. Став наследницей крупных владений кардинала, она основала, по его указанию, монастырь с пристроенной семинарией для студентов из Романьи; будучи хозяйкой которого, она продолжала заниматься своим любимым искусством и умерла в 1680 году, наслаждаясь славой и популярностью, которые заслуженно завоевали ее трудолюбие и благочестие.

АРТЕМИЗИЯ ДЖЕНТИЛЕСКИ.

Жизнь Артемизии Джентилески была более мирской и более блестящей. Она была дочерью художника Орацио Джентилески, была замужем за Пьером Антонио Скиаттези и долго жила в Неаполе. Получив свои первые уроки у Гвидо Рени, в более поздний период она изучала работы Доменикино, одного из лучших мастеров самовыражения болонской школы. Ее высокая репутация была приобретена многочисленными портретами, а ее мастерство в этом виде живописи обеспечило ей честь быть приглашенной к английскому двору, куда ее сопровождал отец. Там ценящий искусствомонарх Карл I. дал ей богатую работу. В исторических произведениях она почиталась не хуже своего отца. Король Карл поместил несколько ее работ среди своих сокровищ. “Давид с головой Голиафа” считался ее лучшим произведением. Некоторые члены королевской семьи позировали ей для своих портретов, как и некоторые представители знати. Женская фигура, олицетворяющая Славу, больших достоинств, находилась в королевской коллекции. Ее собственный портрет находится в Хэмптон-Корте, написанный в мощном и ярком стиле Микеланджело. Веген говорит, что Ш.превосходила своего отца в портретах.

Получив богатую награду за свои труды в Англии, она вернулась в Неаполь, где, по-видимому, зарекомендовала себя с лучшей стороны. Она умерла в 1642 году в возрасте пятидесяти двух лет. Среди ее бумаг было найдено несколько писем, адресованных Савалье дель Поццо. В одном из них, датированном 1637 годом, она хладнокровно расспрашивает о своем муже. “*Sia servita darmi nuova della vita o morte di mio marito.*” В некоторых ее письмах содержатся заказы на перчатки; то ее просьбой к папе было разрешение другу-священнику носить оружие; то она обращалась к кардиналу Барберини, в то время всемогущему в Риме, за помощью в продаже какой-нибудь большой картины, чтобы найти средства для проведения свадьбы дочери с подобающей пышностью; послеразглагольствования об этой милости она добавляла на итальянский манер, что, “освободившись от этого бремени”, она довольная вернется домой. Прекрасным образцом ее мастерства в живописи является картина “Юдифь” в Палаццо Питти, которая демонстрирует в своей основе принципы болонской школы, в то время как ее отделка, с другой стороны, демонстрирует поразительные эффекты неаполитанской школы. Ланзи говорит: “Это картина с сильным колоритом, тоном и интенсивностью, которые внушают благоговейный трепет”. Миссис Джеймсон замечает: “Эта ужасная картина является доказательством ее гениальности и, позвольте мне добавить, ее чудовищного неправильного направления”. Но художницу не следует порицать за ее обращение к предмету, который, возможно, не был ее собственным выбором. “Сюзанна и старейшины” радует сценой и драпировкой фигур. “Рождение Иоанна Крестителя” в Мадридском музее, написанное этой дамой как семейное украшение, демонстрирует ту же комбинацию, но в нем больше свободы натуры и определенной смелости, свидетельствующей о близком знакомстве с жизнью и лучшими моделями.

ELISABETTA SIRANI.

Элизабетте Сирани должно быть отведено место среди самых одаренных и выдающихся женщин, которые в любой стране и в любую эпоху посвятили себя изобразительному искусству. Она была признана законченной художницей; ей нет равных среди представительниц ее пола в изобилии изобретательности, в умении сочетать части в благородное целое, в знании рисунка и ракурса, а также в мельчайших деталях, которые способствуют совершенству картины. Проживи она подольше, она сравнялась бы с любым художником своего времени.

Она родилась в Болонье около 1640 года и была дочерью художника немалых заслуг. Она была зачислена в число учениц Гвидо Рени, и ее артистический характер сформировался по образцу самого одаренного и разностороннего мастера болонской школы.....Она переняла от него изысканное чувство прекрасного и особый дар его воспроизведения. К этому она добавила силу, редкую для женщины. Она рано познакомилась с работами самых выдающихся художников и в юности проявила такой большой талант, что вызвала восхищение своих знакомых, особенно потому, что преуспела также в музыке; в то время как к дару гениальности она добавила редкую личную привлекательность. Ланзи говорит о ней с восторженным восхищением. Нечасто известная артистка так часто завоевывает расположение тех, кто ее знает. Эта популярность, возможно, добавила ей известности; или трагическая судьба цветущей девушки, возможно, способствовала тому, что ее имя было окружено ореолом романтической славы. Мальвазия, которая рассказывает нам, что отец убедил ее стать

художницей, называет ее “героиней среди художников”, а себя — “трубачом ее славы”. Другой хвалебный отзыв в ярком стиле Пичинарди восхваляет ее неутомимое трудолюбие, умеренность в еде и простоту в одежде, а также изысканную скромность, с которой она всегда была готова к домашним обязанностям. Она вставала на рассвете, чтобы выполнить эти непритязательные домашние дела, поскольку все ее занятия в течение дня оставляли ей мало свободного времени, и никогда не позволяла своей страсти к искусству мешать выполнению домашних обязанностей. Таким образом, она была достойна восхищения как в кругу повседневной жизни, так и в своих самых возвышенных устремлениях. Таким образом она находила время для своих упражнений в поэзии и музыке. Все хвалили ее добрый и жизнерадостный дух, ее быстрое суждение и глубокое чувство к искусству, которое она любила. Помимо того, что она была художницей, она была искусна в скульптуре и гравюре на меди, тем самым заслужив похвалы, расточаемые ей как “чуду искусства”.

Ее преданная сыновняя привязанность, женская грация и бесхитростная мягкость манер дополняли характер, который ее друзья считали идеалом совершенства. Мальвазия упоминает быстроту, с которой ше работал, часто делая наброски и рисуя картины маслом в присутствии посторонних зрителей. Завистники художниками своего времени и воспользовался случаем, из числа ее картины, намекать, что ее отец выдавал свои произведения за его дочь, чтобы получить более высокую цену за них; но тупой клеветы и вскоре пало на землю, для всех был свободный доступ к студии-Елизавета, и однажды, в присутствии герцогини Брауншвейгской, то герцогиней Мирандола, Козимо, герцога Тосканского, и оПРО, она обратила и затененных объектов выбраны с такой быстротой, что недоверчивый были посрамлены. Едва она получила заказ на свою большую картину “Крещение Иисуса”, как набросала на холсте всю концепцию этого памятного происшествия, включая множество разнообразных фигур; и работа была завершена с такой же быстротой. Ей было тогда всего двадцать лет.

Ее метод был по сравнению с Гвидо Рени, чья универсальность она сочетается с редкой силой и решеСион, и свойственны деликатность и нежность, самых противоположных качеств приводится в соответствие в ее постановках.

Эта очаровательная художница, находившаяся на пике своей славы, в расцвете ранней женственности, была вырвана из рук своих друзей жестокой и таинственной судьбой. Ее судьба погружена во тьму, в которую не удалось проникнуть и по сей день. Некоторые, не колеблясь, утверждают, что ее внезапная смерть была низменным и жестоким убийством; что она была отравлена теми же руками, которые дали смертельный напиток Доменикино, — руками Рибьеры или его учеников, завидовавших ее растущей славе. Общее впечатление таково, что она стала жертвой профессиональной зависти. Некоторые утверждали, что ее смерть была вызвана местью княжеского любовника, которого бесчестно успехи были отбиты, или какой-грат персонаж, который пришел в ярость от ее отказа заниматься преданным служением, или уважаемого человека, который чувствовал себя ущемленным карикатура, и тайком нанимается слугой, чтобы положить яд в ее еду. Ее современники поверили каждой истории, и протокол допроса до сих пор сохранился; но он проводился нерегулярно и не проливает света на таинственное убийство.

Велико было волнение 14 ноября 1665 года в Болонье, в день ее похорон, когда все населениетолпилось, рыдая, чтобы увидеть некогда прекрасные черты, искаженные

ненавистным ядом. Жертва мести или ревности удостоивалась торжественных и пышных погребальных церемоний в церкви Святого Доменико.

Вскоре после ее смерти была опубликована работа, в которую был включен ряд поэтических восхвалений и даней уважения памяти и добродетелям покойной от самых выдающихся поэтов того времени. Одна строка звучит так:

“Я была женщиной, но не знала любви”.

Пичинарди добавляет, что чистое спокойствие ее души никогда не было нарушено великой страстью. С другой стороны, Гуаланди намекает, что высокоодаренная девушка питала к молодому знакомому художнику горячую привязанность, но ее отец не дал согласия на этот брак. Цыгане могут тешить себя предположением, что семя гения, посеянное в натуре этой богато одаренной девушки, в пылу несчастной страсти выросло в великолепный цветок, привлекий взоры всего мира.

Элизабетта покоится в часовне Мадонны дель Росарио в церкви Святого Доменико, где также покоится прах ее великого учителя, Гвидо Рени. Работы, перечисленные Мальвазией как ее собственные из ее собственного реестра, составляли сто пятьдесят картин и портретов, некоторые из них были большими и тщательно обработанными. Ее первая общественная работа была выполнена в 1655 году. Ее композиция была элегантной и подобранной со вкусом, дизайн правильным и твердым, а свежесть и мягкость цвета, особенно в демисезонных тонах, напоминали о Гвидо. Осанка ее голов была грациозной и благородной, и ей особенно удался выразительный характер ее мадонн и Магдалин. Среди ее лучших картин упоминаются "Франческо ди Падуа, преклоняющий колени перед младенцем Христом", "Дева Мария и святая Анна, созерцающие спящего Спасителя" и другие, хранящиеся в нескольких дворцах Болоньи. Ее собственный портрет был сделан в момент написания портрета ее отца. Другой ее портрет изображает святую, смотрящую на небеса. Среди ее картин на меди, которые отличаются изысканной деликатностью, есть много с его детьми, которые сейчас находятся во владении семьи в Болонье. Она создала офорты с изображением Усекновения главы Иоанна Крестителя, Смерти Лукреции и нескольких шедевров; все они отличались тонкостью прикосновения и легкостью и одухотворенностью исполнения. Ее картина “Божественная любовь” изображает прелестное обнаженное дитя, сидящее на красной скатерти, держащее в левой руке лавровый венец и скипетр, а правой указывающее на колчан и несколько книг, лежащих у его ног. Бологнини говорит: “Невозможно представить себе что-либо более прекрасное по форме или более изысканное по отделке, чем это прелестное дитя”.

Как и у Гвидо, влияние Элизабеты Сирани на прогресс искусства в Болонье проявилось в количестве ученых, которые обращались к ней за наставлениями или изучали ее картины, чтобы утвердиться в ее системе. Столь выдающийся пример, какой она представляла, естественно, должен был внести большой вклад в поощрение и развитие женского таланта, и многие были женщинами, которых ее успех в большей или меньшей степени побудил к напряжению. Одной из учениц Элизабеты Сирани была Джиневра Кантофоли из Болоньи. Она писала исторические произведения с определенной репутацией. В церкви в Болонье висит ее картина — “Тайная вечеря”. Лучшим ее произведением был “Сан-Томмазо ди Вильянуово”.

Сестры Сирани, Анна Мария и Барбара, также упоминаются среди ее учеников, наряду с Лукрецией Скарафалья, Марией Терезой Кориолани и Вероникой Фонтана, которые очень хорошо резали по дереву и выполняли портреты в этой манере, получившие высокую оценку. Записано много других имен женщин, которые прямо или косвенно черпали свои впечатления от искусства у Сирани.

Тереза Муратори была дочерью выдающегося врача и родилась в Болонье в 1662 году. В раннем возрасте она проявила талант к живописи и музыке. Ее обучал дизайну Эмилио Таруффи, а позже она брала уроки у Лоренцо Пармелло и Джованни Джосеффо даль Соле. Она написала исторические картины, и несколько религиозных для церквей Болоньи. Она умерла в возрасте сорока шести лет.

Орланди высоко отзывается о Марии Элене Панцакки. Она родилась в Болонье в 1668 году, обучалась дизайну у Таруффи и стала уважаемым художником пейзажей, которые она украшала рисунками. Ее работы отличались правильным дизайном, а расположение отличалось элегантностью и вкусом. Некоторые из них находятся в частных коллекциях Болоньи.

Болонья гордилась также Эрсилией Крети, ученицей ее отца Донато, и Марией Виани, чьей работы "Лежащая Венера" в дрезденской галерее, выполненная в изысканном стиле, остается предметом ее похвалы.

Среди других представителей болонской школы мы можем упомянуть Марию Дольче, дочь и ученицу Карло Дольче, столь известную и вызывающую восхищение благодаря спокойному достоинству постановок. Она скопировала несколько фотографий своего отца. Можно добавить имя еще одной художницы, Агнес Дольче; но мы должны пропустить множество работ, отметив только, что болоньезе на протяжении семнадцатого века была самой богатой по женскому таланту из всех школ Италии.

ГЛАВА VI. СЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК.

Школа академистов имени Караваджо.—Неидеализированная природа.—Очерчены грубые и неистовые страсти.—Темная и бурная сторона человечества.—Темные цвета и тени.—Мрачное и страстное, выраженное в Картинах, появилось в Жизни художников.—Кинжал и чаша с ядом - обычное дело.—Aniella di Rosa.—Ученица Станциони.—Персонаж ее картины.—Романтическая любовь и брак.—Разрушенный счастливый дом.—Каменный змей из домашнего очага.—Ревнивец.—Мнимое доказательство.—Френсис и убийство.—Другие прекрасные неаполитанцы.—Художница из Мессины.—В школах Болоньи и Неаполя представлены самые выдающиеся итальянские картины.—Начало рисования карандашом.—Знатные дамы Тосканы, занимающиеся искусством.—Розальба флорентийской школы.—Искусство в городе Цезарей.—Римский художник по цветам.—Граверы.—Резчики для медальонов.—Женщина-архитектор.—Римская скульпторша.—Женщины-художницы венецианской школы.—В Павии.—Четыре дочери художника.—Кьяра Варотари.—Разделяет труды своего брата.—Умелая медсестра.—Ее

ученики.—Другие художницы того времени.—Школы Северной Италии.—Их художницы.— Джованна Фрателлини.

В отличие от школы, основанной, как упоминалось ранее, некоторые академики основали школу, основанную на принципах, провозглашенных Микеланджело да Караваджо, в которой пренебрегались старым идеализмом и общепринятыми формами красоты, а моделями, созданными работами ранних мастеров, полностью пренебрегали, чтобы освободить место для простого копирования природы, прекрасной или отталкивающей, полной изящества или суровой и лишенной всякого очарования. В этой школе были посажены в Неаполе Караваджо; и под этим светящимся небом возник ряд мастеров, посвятивших себя не только reproduction unidealized природы, но разграничение человеческих страстей в их суровых и самых жестоких демонстраций; предпочитая, по сути, изображать темных и бурных стороне человечества. Для этой цели была использована глубина окрашивания и темные тени. Эти мастера не испытывали недостатка в таланте, и их творения не были лишены эффекта и влияния; но в них не было ничего от того чистого и святого элемента, который кажется подлинным источником вдохновения в искусстве. Мрачное и страстное, выраженное в их картинах, слишком часто проявлялось также в их характерах и поступках.

Отношения этих неаполитанских художников с художниками болонской школы отнюдь не были дружескими, и соперники разрешали свои споры с помощью кинжала и чаши с ядом так же часто, как с помощью карандаша и палитры. Такое положение вещей вряд ли благоприятствовало развитию женского таланта.

ANIELLA DI ROSA.

И все же мы находим одну художницу выдающихся достоинств, которую из-за ее гения и трагической судьбы называли Сирани школы Наплеса. Это была Аниелла ди Роза, племянница художника Пачекко ди Роза и ученица того Массимо Станциони, который, как и Караваджо, осуществлял своего рода тиранию в борьбе неаполитанского искусства и был одним из лидеров оппозиции, настроенной против художников из Болоньи. Аниелла рисовала в его мастерской, и он руководил ее занятиями с отеческой заботой. Ей удалось придать своим картинам изящество, мягкий и прозрачный колорит Пачекко, и она объединила в своих головах элегантность стиля своего дяди с правильным рисунком и умелой группировкой строф. Ее мастер заставлял ее раскрашивать его эскизы, и у нее это получалось так хорошо, что он часто продавал их совместные работы как свои собственные. Когда ее образование было достаточно продвинуто, она пожелала, чтобы ее таланты были подвергнуты публичному испытанию; и ее учитель убедил управляющих церковью Пьета деи Турчини дать ей заказ на две картины, которые должны были украсить потолок.

Аниелла создала две картины, настолько превосходные, что любой заявил, что они были завершены Станциони. Но Доменичи говорит, что видел несколько ее оригинальных картин и что это “самые красивые постановки”. “Сам ее учитель, - продолжает он, - признает в своих трудах, что она равна лучшим мастерам нашего времени”. Одна из картин изображала Рождение Пресвятой Девы, другая - ее Смерть. Фигуры больше, чем в натуре; смелость дизайна, эффекты света и тени и управление драпировкой вызвали похвалу двух выдающихся художников, которые сказали, что она делает честь своей стране и что многие художники могли бы у нее поучиться. Она также нарисовала красным мелом несколько голов Мадонны, которые по рисунку не уступают работам самых известных художников.

В первые дни, когда Аниэлла фрикевозглавила студию Станциони, она познакомилась с Агостино Бельтрамо, энергичным неаполитанским юношей. Вскоре он влюбился в красивую девушку, и его откровенные манеры и благородная осанка, а также обещание, которое давали его ранние усилия стать хорошим художником, стали пропуском в ее сердце. Его любовь была принята, и они были обручены. Станциони приложил все усилия ради них, и благодаря его добрым услугам было получено согласие родителей на брак молодых людей. Редкое сходство вкусов и их совместные труды в искусстве вызывали всеобщее восхищение, а многие завидовали счастью их союза. Безмятежность характера Аниэллы, как правило, обеспечивала спокойствие их повседневной жизни; и за шестнадцать лет, которые они провели вместе, оба приобрели немалую артистическую известность. Муж преуспел во фресках, а дама - в картинах маслом. Великолепная картина Сан-Бьяджио в церкви Санита в Неаполе - результат их совместных трудов.

Но над счастливым домом нависла туча, которой предстояло разразиться роковой бурей. Злая женщина, молодая и красивая, вошла в дом Аниэллы в качестве служанки. Она была влюблена в Агостино; и, обнаружив, что все ее чары и уловки бессильны изменить его верность благородной жене, даже привлечь его внимание, она принялась за дело, чтобы разрушить это семейное счастье.

Она ухитрилась втереться в доверие к мужчине, которого не могла соблазнить, а затем, капля за каплей, с коварством и изощренной хитростью. Ей удалось внедрить в его сердце яд ревности. Постепенно она подорвала его веру в безупречную добродетель Аниэллы.

Муж стал угрюмым и раздражительным и временами проявлял произошедшую с ним перемену внезапными вспышками дурного настроения. Тщетно Аниэлла пыталась с неослабевающим терпением и удвоенной любовью успокоить его своенравное настроение. Вскоре она поняла, что все ее счастье, должно быть, проистекает из ее искусства и одобрения ее старого учителя, который часто навещал ее. Она нарисовала в своей лучшей манере Святое семейство и подарила его ему. “Увидев, - пишет Доменичи, - с каким мастерством рисунка и совершенством колорита Аниэлла завершила картину, и поскольку она так старалась для него, он был переполнен чувствами и в порыве нежности заключил ее в объятия, воскликнув, что она его лучшая ученица и что, если бы его попросили подретушировать картину, он не знал бы, с чего начать, опасаясь испортить прекрасный колорит”.

Знаменитая служанка играла шпионку на протяжении всей этой сцены и вызвала парня-слугу, чтобы подтвердить ее показания. После ухода Станциони вернулся Агостино.

“Теперь, - воскликнул этот каменный змей, — теперь у меня есть доказательства, которые рассеют все сомнения, - доказательства, которые я предоставляю вам в присутствии вашей жены”. Оказавшись лицом к лицу со своей госпожой, мерзкая наемница бросилась на нее с виноватыми объятиями и позвала мальчика-слугу, чтобы подтвердить обвинение. Аниэлла, изумленная и возмущенная, не побоялась защищаться, но стояла перед мужем безмолвно и неподвижно, в то время как краска боли и негодования выступила у нее на лбу. Ее молчание подтвердило подозрения Агостино; в порыве гнева он выхватил меч, и в следующее мгновение мертвая Аньелла лежала у его ног. Так завершилась карьера этой благородной художницы в 1649 году, на тридцать шестом году ее жизни. Она была не единственной жертвой пристрастия к ужасным и диким проявлениям страсти, преобладавшим тогда в работах художников и слишком распространенным в их личном опыте.

Другой прекрасной Неаполитичкой, которая также работала в Риме над портретной живописью, была Анджела Бейнаски. Монахиня Луиза Копоматца, пейзажистка и поэтесса, и художник-флорист Клена Риччи были родом из Неаполя; художница и моделист по воску Катарина Джулиани называлась *“орнаменто делла патрия”*.

Тереза дель По — дочь художника, ученицы Доменикино, прославившаяся масляной и миниатюрной живописью, а также гравировкой на меди — происходила из семьи из Палермо. Она гравировала тарелки в стиле своего отца; некоторые в честь Караччи.

М.эссина хвасталась Анной Марией Ардоино, дочерью принцессы де Полици, преуспевшей во всех областях, включая музыку и поэзию, которая снискала большую известность благодаря своим блестящим достижениям в искусстве и литературе и была принята в Академию Аркадии в Риме. Она умерла в 1700 году в Неаполе, в расцвете своей жизни и славы, и говорят, что ее смерть была вызвана горем из-за потери сына.

Две школы в Болонье и Неаполе, можно сказать, обнять как можно большее количество Проминент постановки карандаш в Италии в период, о котором мы говорили. Другие города пользовались своими особыми отличиями как центры различных художественных школ, но они в большей или меньшей степени демонстрировали влияние этих главных из них. Во Флоренции — древней родине итальянской живописи — выдающиеся художники упражнялись в своем мастерстве; а превосходное воспитание и вкус, распространенные под покровительством выдающихся тосканских дам, в немалой степени способствовали поощрению женской предприимчивости. В то время как Мария Боргини, возведенная, по мнению ее современников, на место рядом с Викторией Колонна и Марией деи Медичи, которая не только покровительствовала искусству, но и вкладывала в него свои личные усилия, снискала всеобщее восхищение, другие не отставали в гонке за золотым яблоком славы.

Арканжела Паладини из Пизы, родившаяся в 1599 году, уже упомянутая как художница, была также гравером. Ее собственный портрет находится в галерее художников во Флоренции. Она умерла в возрасте двадцати трех лет. Как художники-флористы, мы прислушиваемся к Анне Марии Ваяни и Изабелле Пиччини; Джованна Реди была успешной ученицей искусного Габбиани; а Джованна Мармочини была не менее известна в искусстве, чем как остроумная и образованная леди. За превосходство ее миниатюрее прозвали Розальбой флорентийской школы. Никколу Грасси из Генуи Ланци также называет *“соперницей Розальбы”*. Она писала оригинальные композиции и церковные картины.

Тем временем Рим сохранял свою древнюю славу. Город Цезарей часто был ареной, где борющиеся мастера Болоньи и противоположные школы боролись за установление господства, которого они жаждали. Не было у нее недостатка и в собственных женщинах-художницах, способных воздать должное месту их рождения. Мы можем отметить отличные специалисты ЛОР цветков-живописец, Лаура Бернаскони, и граверов, Изабелла и Hieronima зонт, чье имя стало праздновалось так, что муж сначала принял его, отбросив свои собственные. Изабелла сделала несколько срезов растений для сборника трав, изданного под руководством принца Чези из Aquasparta. Она также опубликовала книгу о методах обработки кружев и вышивки, иллюстрированную вырезами, выгравированными по ее собственным эскизам. Иеронима выгравировала на дереве, среди прочих рисунков, *“Битву кентавров”*.

Беатрис Хамерани работала над медальонами и в 1700 году создала большой медальон с изображением папы Иннокентия XII, который Гете высоко оценил как “несомненно, одно из самых искусных, выразительных и мощных произведений искусства, когда-либо выходивших из рук женщины”.

Добавьте к этому имя единственной женщины, которая, как когда-либо было известно, была архитектором-практиком. Это была Плавтилла Бризио, которая оставила памятники своего мастерства в этом виде искусства в небольшом дворце перед воротами Сан-Панкрацио и в часовне Святого Бенедикта в Сан-Луиджи-деи-Франчези. На последнем изображена картина, написанная ее рукой. Вилла Джиральди, недалеко от Рима, является совместной работой этой дамы и ее брата.

Женщина-скульптор Мария Доменичи, получившая профессию в Риме, была уроженкой Неаполя.

Изучая многие итальянские города и не пытаясь обрисовать особенности венецианской школы, мы находим там нескольких небезразличных женщин-художниц. Паолина Гранди, Элизабетта Лаццарини и Дамина Дамини были известны как художники, а Домени Луиза Риальто как гравер по меди. Сестры Карлотта и Габриэлла Патин пользовались известностью как благодаря образованию, так и художественному мастерству. Они жили в Павии и были членами Академии Риковрати.

Следует упомянуть четырех дочерей венецианского художника Никколо Реньери, которые занимались тем же искусством. Анна, старшая, стала женой Антуана Вандика.

Кьяра Варотари была настолько высоко оценена теми, кто ее знал, что современники отвели ей нишу, равную нише Марии Робусти в шестнадцатом веке. Она была дочерью и ученицей Дарио Варотари и сестрой того Алессандро Варотари, который стал таким известным художником под именем Падованино. Кьяра часто участвовала в выполнении его работ. Ее не меньше хвалили за ее красоту и мастерство нежной сиделки за больными. Ее победы над дискомфортом, вызванным болезнью, были сигналом в той области, где женская доблесть так часто приводит к героическим поступкам. Такие завоевания редко описываются пером историка, но неприятно хоть раз спасти их от забвения. Почести были оказаны ей великим герцогом Тосканы, который поместил ее портрет в свою коллекцию. Эта художница числила среди своих учениц Лючию Скалигери и Катерину Таработи. Боскини считает, что она, как и Сирани, давала публичные наставления. Она умерла в преклонных годах в 1660 году, через десять лет после брата, в трудах которого она помогала.

Анна Мария Ваяни, гравировавшая в Риме в середине этого века, выполнила часть пластин для Галереи Юстиниана.

Лаура Бернаскони подражала знаменитому художнику-цветоводу Марио Мицци по прозвищу “Марио дай фьори”. С его окраской у нее были и его недостатки.

Мария Виттория Кассана была сестрой двух художников и писала в литтле в основном религиозные произведения. Она умерла в 1711 году. Учия Казалина, ученица Джузеппе даль Соле, обратила свое внимание на портреты.

Анжелика Вероника Айрола, генуэзка, изучала живопись у Доменико Фиаселлы. Она писала религиозные картины для монастырей и церквей Генуи и стала монахиней ордена Святого Варфоломея делла Фиавелла. Сопрани и другие упоминают ее.

Джованна Гарцони писала цветы и миниатюрные портреты около 1630 года. Во Флоренции она нарисовала некоторых Медичи и дворян. Умирая в Риме в 1673 году, она завещала свое имущество академии Святого Луки, в которой установлен мраморный памятник в ее память.

Две дочери Качча— которых называют “Фонтане Монферрато—, расписали алтарь и кабинеты. Одна из них, Франческа, выбрала своим символом маленькую птичку; Урсула - цветок. Урсула основала монастырь урсулинок в Монкальво. Некоторые из ее пейзажей украшены цветами.

Ланци и Тирабоски упоминают Маргериту Габбасси как достойную восхищения в юмористических произведениях. Она умерла в 1734 году в возрасте семидесяти одного года.

В "Новой путеводительнице по Турину" Изабелла даль Поццо упоминается как автор картины в церкви Сан-Франческо в Турине, датированной 1666 годом, изображающей Богородицу с Младенцем в окружении святых. Ланци высоко оценивает ее. В 1676 году она стала придворной художницей курфюрстины Аделаиды Баварийской.

В школах Северной Италии также были записаны имена Кьяры Сальмеджа, художницы из Бергамо, и Марии ла Каффа из Кремоны, работавшей при тирольском дворе; Камиллы Триумфи; и Марии Доменичи, уроженки Неаполя, которая работала скульптором в Риме и умерла монахиней в 1703 году.

У Люции Скалигери, ученицы Кьяры Варотари, была дочь Агнес, тоже художница, о которой говорил Бошини. Катерина Руска была уроженкой Феррары и известна как гравер и поэтесса.

Рисование цветными карандашами, похоже, было очень модным в то время. Джованна Фрателлини, которую Ланци называл “выдающейся художницей из школы Габбиани”, рисовала цветными карандашами, а также маслом, миниатюрой и эмалью. Она стала настолько знаменитой, что написала портреты Космо III. “и семья” — рисунок, состоящий из четырнадцати фигур в великолепных покоях богатейшей архитектуры, примечательный своим разумным расположением и прекрасным колоритом, — ее покровитель посылал ее по всей Италии рисовать других принцев. “Ее карандаш легкий, изящен и свободен, - пишет Пилкингтон. - Ее гвоздики естественны и полны тепла и жизни, и поскольку она досконально разбиралась в перспективе и архитектуре, она элегантно использовала эти знания, обогатив свои картины великолепными орнаментами. Драпировки, как правило, хорошо подобраны, полны разнообразия и отличаются благородной простотой. Ее работы сделали ее знаменитой не только в Италии, но и в Европе”. Ее портрет находится в галерее Флоренции; она написала себя в момент рисования своего сына и ученика Лоренцо, на котором были сосредоточены все ее надежды. Под ее руководством он быстро продвинулся в искусстве, но скоропостижно скончался в раннем возрасте. Его мать так и не оправилась от этого удара; жизнь и искусство в равной степени утратили для нее свою прелесть, и она быстро последовала за ним в могилу.

ГЛАВА VII. СЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК.

Контраст между академиками и натуралистами, а также между французской и испанской школами живописи.—Особенности каждой из них.—Знатные дамы Мадрида, ученицы Веласкеса.—Обучение королевских детей искусству.—Мадридский гравер.—Каждый город на юге Испании может похвастаться женщиной-художницей.—Изабелла Коэльо.—Другие в Гранаде.—В Кордове.—Севильская скульпторша. Луиза Ролдан; ее Резьба по дереву.—Каноны “проданы”.—Приглашение в Мадрид.—Скульпторша короля.—Другие женщины-художницы в Испании.—Во Франции положение женщины более значимо, чем в предшествующую эпоху.—Испорченность придворных манер.—Недостойные женщины у власти.—Женщины во всех отделах литературы.—Мадемуазель де Скюдери.—Мадам де Лафайт.е.—Madame Dacier.—Женщины в богословских занятиях.—Их влияние в искусстве не так велико.—Художники миниатюры и цветов.—Граверы.—Элизабет Софи Шерон. — Лидер в области живописи эмалью.—Ее портреты и исторические произведения.—Ее заслуги и успех.—Ее переводы Псалмов.—Музыкальные и поэтические таланты.—Ей были оказаны почести.—Любовь и брак в три счета.—Ее щедрость к нуждающимся.—Стихи в ее честь.—Исторические картины.—Мадлен Массон.—Маркиза де Помпадур.

Поразительные контрасты относятся к истории искусства семнадцатого века. Моральный, религиозный и художественный контраст существовал между академиками и натуралистами; и столь же примечательный можно заметить контраст между французской и испанской школами живописи, соответствующий, фактически, гражданской борьбе между двумя нациями за европейское господство. В Испании энтузиазм к искусству гармонировал со страстным характером народа; во Франции преобладали рассудительность и интеллектуальный вкус. Чувственное и до грубости естественное в испанском искусстве сочеталось с теплейшим накалом религиозного чувства.

У Веласкеса, сына Андалузца, было несколько ученых в Мадриде из числа высокопоставленных дам. Донна Мария де Абарка и графиня Вилья-Амброза прославились своим мастерством создавать образы, и их высоко оценили поэты. Герцогиня Бежар, Тереза Сармьенто и Мария де Гваделупе, герцогиня Авейру, также опытный лингвист и любительница литературы, пользовались значительной известностью как художники. Восхищение Филиппа IV. ибо искусство сделало обучение в нем королевских детей и детей знати необходимой отраслью образования. Герцогиня Альба, известная своей красотой и интригами, подарила одно из шедевров Рафаэля в качестве гонорара семейному врачу, который вылечил ее от опасной болезни.

Мария Эухения де Бер была гравером в Мадриде, и в хоровых книгах кафедрального собора в Таррагоне мы можем найти достойные похвалы образцы таланта художницы Анжелики, которая с большой аккуратностью рисовала иллюминации.

Казалось, что каждый город на юге Испании мог похвастаться женщиной-художницей. В Валенсии жила донья Изабелла Санчес Коэльо, дочь и ученица “испанского протогенеса” — Алонсо Санчеса Коэльо — первого из великих испанских живописцев-портретистов и Веласкеса при дворе Филиппа II. Родившаяся в 1564 году, она была подругой игр младенцев и Инфанток и приобрела известность как в музыке, так и в живописи. Она вышла замуж за дона

Франсиско де Эрреру, рыцаря Сантьяго. Умерев в Мадриде в 1612 году, она была похоронена вместе с семьей своего мужа в церкви Сан-Хуан.

Магдалена Жиларте была известной художницей и с душой и мастерством работала в стиле своего отца. Хесуальда Санчес продолжила бизнес своего мужа после его смерти и написала небольшие изображения святых для продажи.

В Гранаде мы встречаем Донью Марию Куэву Бенавидес-и-Баррадос, которой восхищаются, и Анну Хейлан, гравировщицу по меди. В Кордове - донья Франциска Паломино-и-Веласко, сестрахудожника и искусствоведа с тем же именем. Она процветала примерно в конце века.

СЕВИЛЬСКАЯ СКУЛЬПТОРША.

К сеvilьской школе, в которой испанское искусство достигло своего наивысшего развития, принадлежит художник с хорошей репутацией. Луиза Ролдан была известна как превосходный скульптор по дереву. Она родилась в 1656 году и воспользовалась наставлениями своего отца в искусстве, приобретая большое мастерство. После смерти матери она содержала в порядке и свое домашнее хозяйство, и студию, успешно руководя делами обоих и заставляя работать как своих слуг, так и учеников своего отца.

Ролдан был в долгу перед ней за ценные советы. Он вырезал статую святого Фердинанда для собора, которую каноники отвергли. Луиза предложила провести некоторые анатомические операции с помощью пилы, которые оказались совершенно успешными. Каноники взялись за новую работу и остались довольны, и святой был мирно водворен в своей часовне. Ее главными произведениями были маленькие фигурки Богородицы или группы адоратов, изображающие пастухов, и т.д., и все они были задуманы и выполнены с изяществом. Она изваяла Магдалину, поддерживаемую ангелом, статуя дает изысканное представление об ангельской нежности и защищающей любви. Оно помещено в больницу в Кадисе. Ее маленькие работы полны экспрессии.

Она вышла замуж за дону Луиса де лос Аркос и была приглашена в Мадрид в 1692 году через дону Кристобаля Онтаньона, который подарил несколько ее работ Карлу II. Король был доволен и заказал статую святого Михаила в натуральную величину для церкви Эскуриал. Это Луиза исполнила с большим успехом и к восхищению знатоков. Работа вызвала похвальные стихи у выдающегося поэта, и художница была вознаграждена должностью рядового скульптора при королеу с жалованьем в сто дукатов, выплачиваемым со дня ее прибытия ко двору.

Когда умер Карл II. она только что закончила статую нашего Спасителя, которую он заказал для женского монастыря; затем ее назначение было изменено на женский монастырь в Сисанто. Она умерла в Мадриде в 1704 году, оставив в сокровищнице дворца небольшую глиняную фигурку, изображающую святую Анну, обучающую Деву читать, в сопровождении ангелов. Некоторые из ее работ были размещены в монастыре Реколете, а некоторые - в Шартрезе Полана.

Донья Изабелла Караскилья была художницей и вышла замуж за миниатюриста Хуана де Вальдеса Леаля из Кордовы. Их дочери Луиза и Мария были высокообразованны и рисовали миниатюры. Последняя умерла в 1730 году монахиней Сестринского монастыря в Севилье.

Розальба С.альвиони, известная художница, была ученицей Мескиды. Донья Инес Зарсильо проявила немалый вкус к рисованию и лепке. Она была сестрой скульптора.

Мария де Лорето Прието, дочь художника, обладала необычайным талантом к живописи и гравюре. Ее отец пользовался большим уважением Карла III., и надзирал за всеми монетами с целью улучшения марок.

Катерина Керубини, жена художника-миниатюриста Пресиано, получала пенсию от Испанского двора и почетное место в Академии Сан-Фернандо.

Донья Изабелла Фарнезе, жена Филиппа V., и Анхела Перес Кабальеро прекрасно рисовали и были членами Академии в Мадриде.

ЖЕНЩИНЫ-ХУДОЖНИЦЫ ВО ФРАНЦИИ.

Во Франции женщины заняли более заметное положение, чем в предыдущем столетии. Даже галантность, преобладающая в обществе, и испорченность придворных манер были вызваны женским влиянием. Недостойные женщины приходили к власти, и история придворных фавориток начинается со времен правления рыцарского Генриха IV. до правления великого монарха Людовика XIV. составляет самую важную часть анналов империи.

Женщины занимали видные места во всех областях литературы; в драме Катрин Бернар была ученицей Расина, а у Безумной Эммы де Сюдери было много подражателей в ее поэтических романах; в то время как мадам де Лафайетт взяла на себя инициативу в создании более современного стиля художественной литературы. Мадам Дасье прославилась как “самая образованная и красноречивая из женщин”, и ее пример помог распространить пять знаний и классических достижений среди французских дам. Даже в богословских занятиях Жанна де ла Мот-Гийон олицетворяла мистицизм, находящийся в конфликте с ортодоксальностью двора и государства.

В искусстве господство женщины ни в коем случае не было столь реальным. Мы можем, однако, назвать выдающимися в портретной и миниатюрной живописи Антуанетту и Мадлен Эро; последняя в 1660 году вышла замуж за Ноэля Койпеля. Она соединила благородные добродетели со своими экстраординарными талантами. Также можно упомянуть Генриетту Стрезор и Катрин Перро. Катрин Дюшен, художница-флористка, вышла замуж за знаменитого скульптора Жирардона.

Несколько женщин были отмечены как граверы на меди; среди них Клодин Бонзоне Стелла была названа первой во Франции и практиковала это искусство вместе со своими двумя сестрами. Джейн Фрэнсис и Мэри Энн Озанн, сестры французского гравера, работали в основном над гравировкой сцен на берегу моря.

ELIZABETH SOPHIE CHÉRON.

Но та, кто занимает самое высокое место среди всех художниц этого периода, - Элизабет Софи Шерон. Родившись в Париже в 1648 году, она получила от своего отца уроки миниатюры и росписи по эмали, в которых достигла такого совершенства, что ее можно считать лидером сонма французских художников, посвятивших себя именно этой отрасли. В возрасте двадцати шести

лет она была принята в Академию по предложению Шарля Лебрена. Ее приняли с отличием; написанный ею его портрет был ее приемной картиной.

Ее достоинствами были тонкий тон, изысканный вкус и гармония в дизайне, а также тонко подобранные драпировки. Она часто рисовала портреты по памяти. Ее портреты так часто трактовались в аллегорической манере, что их можно было бы назвать историческими; а ее историческими произведениями восхищались. Она создавала многое по образцу старины.

Ее отец воспитал Элизабет в самых строгих принципах кальвинизма; но ее мать, Мари Лефевр, католичка, убедила ее стать членом этой церкви после года уединения в общине мадам де Мирамион. Разница в вере не повлияла на ее привязанность к своей семье. Некоторое время она поддерживала своего брата Луи в Италии, куда он отправился учиться живописи.

Эта опытная художница достигла зрелости, не испытав ни одного из тех переживаний, с которыми знакома почти каждая молодая девушка, - десятилетней страсти. Ее эмоции, по-видимому, были полностью духовными. Она перевела многие Псалмы на французские стихи; и они были опубликованы с иллюстрациями Луи. Она превосходно играла на лютне и привыкла упражняться в гостиной со своими племянницами и ученицами, которые играли на разных инструментах. Людовик XIV назначил ей пенсию в пятьсот ливров.

Самые выдающиеся ученые того времени были ее друзьями и посетителями; и в беседах она демонстрировала высочайшее умственное развитие. Ее характерные черты были нарисованы в основном в качестве подарков ее друзьям или в качестве украшения ее собственного кабинета. "Я имею удовольствие, - говорила она, - видеть их в их отсутствие".

В духовной лирике она была предшественницей Ж. Б. Руссо, с которым по теплоте чувств ее можно сравнить; а в повествовательной поэзии она приобрела большую репутацию. Академия деи Риковрати в Падуе приняла ее в качестве члена в 1699 году под именем Эрато. Она обладала красотой и обаятельными манерами, и ко всем оказанным ей почестям она присоединила венец скромности.

Привлекательность этого одаренного существа не исчезла вместе с красотой мимолетной юности. В возрасте шестидесяти лет она завоевала расположение сьера Ле Эя, джентльмена примерно ее возраста, которому она подарила свой ханд, просто из благородных побуждений, как говорили, способствовать его удаче. Традиция сообщает, что, когда они вышли из церкви после завершения церемонии, невеста обратилась к своему мужу с речью, подразумевая, что на ее выбор повлияло уважение, а не романтическая любовь. Говорят, что она упомянула его под именем Деймон в одном из своих стихотворений.

Что касается мадам Дасье, то об этой художнице можно было бы сказать то же самое - в ее лице угадывались черты великой и мужественной натуры. Черты ее лица носили характер е, выражающий решительность и твердость. Ее волосы на портрете вьются на макушке и ниспадают локонами. Она отличалась скромностью и простотой своего наряда. Ее большое и отзывчивое сердце сделало ее защитницей и благодетельницей нуждающихся художников, в то время как ее социальные качества привлекли к ней блестящие круги, которые обычно встречались в ее доме, включая многих самых одаренных и прославленных людей того времени. Ее смерть наступила в 1711 году, в возрасте шестидесяти трех лет, и она была похоронена в Сент-СУльпице. Фермельюи оплакивал ее в хвалебной песне. Аббат Боскийон написал следующие строки, которые будут вписаны под ее портретом:

“De deux talens exquis l’assemblage nouveau
Rendra toujours Chéron l’ornement de la France;
Rien ne peut de sa plume égaler l’excellence
Que les graces de son pinceau.”

Благодаря различным известным подаркам прекрасная Шерон зее
Всегда была украшением и гордостью Франции;
Никто не сравнится с великими произведениями ее пера,
За исключением тех случаев, когда рядом с ними торжествует ее карандаш.

Мадемуазель Шерон сделала много этюдов с Рафаэля и Караччи. Среди ее исторических картин перечислены “Бегство в Египет” — Богородица изображена в тяжелом сне, ангелы охраняют младенца; “Кассандра вопрошает бога о гибели Трои”; “Аннунциатион”; “Христос у гроба господня” — по Зумбо; с “Демуазель де ла Круа” — ее племянницами и ученицами; и грандиозный портрет архиепископа Парижского, размещенный в якобинской школе на улице Сен-Жак.

Мадлен Массон была дочерью Энтони Массон., знаменитого гравера, и родилась в Париже в 1660 году. Она получила наставления от своего отца и гравировала портреты в его прекрасном стиле. Среди них изображение Марии Терезии, королевы Франции, и инфанты Испании.

Маркиза де Помпадувыгравировала и выполнила небольшие тарелочки в честь Буше и других. Она выгравировала один набор из шестидесяти трех гравюр в честь "драгоценных камней" Гэй.

ГЛАВА VIII. СЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК.

Две разные системы живописи на Севере.—Фламандская школа, представленная Рубенсом.—Голландская Рембрандта.—Особенности стиля Рубенса.—Учениц нет.—Непригоден для изучения женского пола.—Некоторые женщины-художницы первой половины века.—Особенности голландской школы.—Широкое поле для женской энергии и трудолюбия.—Живопись *любого жанра*.—Яотмечаю особенности.—Положение вещей благоприятствует женской предприимчивости.—Ранние попытки в жанровой живописи.—Среди непосредственных учеников Рембрандта мало женщин.—Жанровая живопись адаптируется к женскому таланту.—“Голландские музы”.—Еще одна женщина-архитектор.—Голландские художницы и гравировщицы.—Мария Шалкен и другие.—“Вторая Шурманн”.-Маргаретта Годевик.—Художник-поэт.—Anna Maria Schurmann.—Замечательный гений в области языков.—Ранние познания.—Ее ученость и положение среди ученых.—Художник, скульптор, гравер. — Называется “Чудо творения”.—Королевские гости.—Путешествие в Германию.—Принимает религиозные догматы Лабади.—Его доктрины.—Присоединяется к его группе.—Собирает своих последователей и ведет их во Фрисландию.—Бедность и смерть.—Визит к ней ВиллиМ. Пенн.—Ее портрет.—Ее современницы в искусстве.—Цветочная живопись в Нидерландах.—Его пионеры. — Мария Ван Остервик.—Ее рождение и

образование.—Ранние постановки.—Отмечались при иностранных дворах.—Подарки от друзей императора.—Огромные цены на ее картины.—Королевские покупатели.—Тихая художница за работой.—Визит любовника.—Испытание и неудача любовника.—Стиль ее живописи.—Рэйчел Рейш.—Величайшая художница по цветам.—Раннее обучение.—Распространение ее славы.—Домашние заботы.—Профессиональные почести.—Приглашения ко двору.—Ее Покровитель, курфюрст.—Ее работы в старости.—Ее Характер.—Редкость ее картин.—Внешний вид.

В то время как академики и натуралисты итальянских школ спорили на протяжении всего семнадцатого века, и в то время как во Франции и Испании произведения искусства демонстрировали большие контрасты, видоизменяемые в каждой стране национальными особенностями, на Севере обратили внимание на две разные системы. Они, как и во времена фон Эйка, оказали большое влияние на развитие искусства в других местах Лос-Анджелеса, помимо того, где они возникли. Одной была фламандская школа, представленная Рубенсом; другой - голландская, в которой Рембрандт считался могущественным мастером.

Можно подумать, что стиль Рубенса, блестящий, пышный и полный энергичной жизни, привлек бы особое внимание женщин. Однако в этой школе, в которой здоровый и витиеватый натурализм фламандского искусства достиг своего наивысшего развития, по-видимому, не было ни одной примечательной ученицы. Страстный и частокрайне драматичный характер работ Рубенса и его учеников, а также физическое развитие его обнаженных фигур действительно вряд ли подходили для изучения женщинами, хотя их полнота жизни и теплота колорита впоследствии побудили к подражанию художницу, похожую на мадам О'Коннелл. Мы можем также упомянуть Мишлин Вонтье, художницу-портретистку первой половины семнадцатого века. Гравюра была сделана с одной из ее работ Понтиусом, который занимался работами Рубенса. Имя Кэтрин Пепин также встречается в качестве художницы-портретистки в Обществе художников Святого Луки в Антверпене, около 1655 года.

С другой стороны, в Голландии новая школа живописи была обязана своими заметными чертами политической и религиозной революции, которая стала плодом реформатских доктрин. Это изменение открыло широкое поле для проявления женской энергии и гениальности. С распространением новой веры не отставал и стремительный прогресс литературы; важные вопросы, о которых шла речь, и более серьезная домашняя жизнь голландцев давали достаточно материала для размышлений и описаний. Живопись находилась под тем же влиянием, и это стало очевидно, когда глубина и сила чувства в его работах отметили Рембрандта как одного из величайших мастеров всех времен.

Новый вид искусства получил название "живопись жанра". Здесь жизнь была представлена во всех ее богатых и разнообразных формах, а мир и реальное человечество стали объектами внимания там, где до сих пор допускались только идеализированные представления. Таким образом, была открыта новая арена, на которой были обещаны благородные достижения, и вскоре показалось, что самые грубые и подлые аспекты обычной жизни можно придать идеальному очарованию. *Жанровый* художник, вооруженный жезлом юмора, часто преуспевал в своих попытках, и успех привел к использованию той удивительно поэтической светотени в колорите, которая до этого периода никогда не пользовалась такой популярностью ни на Севере, ни на Юге.

Такое положение вещей было в высшей степени благоприятным для женского пивоваренного предприятия, и мы находим, соответственно, у ряда прекрасных артисток свидетельства

энергичного трудолюбия и тщательной проработки деталей, которыми особенно отличались женщины Голландии. Однако в самых ранних попытках *жанровой живописи*, в которых фламандские художники выступали против итальянских школ, женщины не принимали участия. Эти пробные образцы обычно представляли собой какие-нибудь грубые изображения природы, такие как пьяные мужланы и деревенские женщины старшего Брейгеля, и долгое время преобладающий вкус выбранных моделей был низким, грубым и фантастическим. Подобное вызывало скорее отвращение, чем привлекало культурных женщин, и, несмотря на их предполагаемую склонность к крайностям, это объясняет тот факт, что они не хотели быть причисленными к тем, кто получал удовольствие от такого копирования природы. Одна из тех, о ком мы слышали, Анна Брейгель, кажется, была родственницей молодого художника с таким именем.

Серьезность, глубина и насыщенность, приданные Рембрандтом этому виду искусства, по-видимому, столь же мало подходят для женской фантазии, которая скорее наслаждается приятными очертаниями более поверхностных эмоций, чем концентрацией глубочайших чувств природы. Таким образом, среди непосредственных учеников Рембрандта было мало женщин.

Но по мере того, как *жанровая живопись* все больше приспособливалась к изображению обычной жизни и обстоятельств, а тонкость деталей, составлявшая особое очарование этого вида искусства, расточалась на привлекательные стороны характера, школа все больше и больше становилась рассадником женского таланта.

Литература в этот период претерпела аналогичные изменения; и интересно наблюдать, как одни и те же люди изучают обе отрасли науки. Так было с двумя художницами, Тессельшаде-Виссане — называли “голландскими музами” из—за их поэзии, с Элизабет Хоффманн и драматической поэтессой Катариной Лескай; также с одной из них, о которой мы сейчас поговорим, чья слава распространилась далеко за пределы ее родной страны.

Среди старых художников голландской школы мы можем упомянуть, мимоходом, художницу по фруктам и флористике Анжелику Агнес Пакман; мадам Стинвик, дизайнера в области архитектуры; и художницу-портретистку Анну де Брюн. Анна Тессала была известна как искусный резчик по дереву. Что касается Марии Греббер, ученицы Савари, Ван Мандер отмечает, что она была хорошо разбиралась как в перспективе, так и в построении планов. Мария и Гезина Тербург были сестрами Жерара и, как и он, искусны в жанровой живописи.

Готфрид Шалкен, который внедрил более простой метод и удивительные световые эффекты, прославился не больше своей сестры и ученицы Марии постановками, отличающимися тонкостью исполнения и нежной экспрессией. Эглон ван дер Нир разделил свою славу со своей женой Адрианой Спилберг. Она родилась в Амстердаме в 1646 году, и ее учил отец, выдающийся художник. Она преуспевала в рисовании мелкими или пастелью, хотя часто писала маслом. Говорили, что ее портреты точно повторяют друг друга. Они были изящно раскрашены и выполнены с аккуратностью и заботой. Она пользовалась большим покровительством при дюссельдорфском дворе.

У Каспара Нетчера, одного из лучших мастеров этого своеобразного стиля, была ученица Маргаретта Вульффраат, чьи исторические картины — “Клеопатра и Семирамида” можно увидеть в Амстердаме, и которая умерла в преклонном возрасте в начале восемнадцатого века.

Еще больший интерес вызывают художники, которые также принимали активное участие в возвышении голландской литературы. Анна и Мария Тессельшаде — дочери уже упоминавшегося Вишера — принадлежали к этому классу; они также прославились своими прекрасными гравюрами на стекле. Их литературная культура сблизила их с самыми выдающимися учеными того времени.

К ним можно отнести Маргаретту Годевик, родившуюся в Дорт в 1627 году и ученицу Мааса, которая прославилась как в живописи, так и в своем знании древних и современных языков. Ее называли “второй Шурманн”, и многие хвалили ее как “прекрасный цветок искусства и литературы Мервестрома”, то есть Дортрехта. Она рисовала пейзажи и цветы и вышивала их с большим мастерством. Она умерла в пятьдесят лет.

Катарина Квестье, жившая в Амстердаме, отличалась живописью, гравировкой на меди и лепкой из воска, а также немалым вниманием к своей поэзии. Две ее комедии, вышедшие в 1655 году, демонстрируют ее мастерство по крайней мере в трех областях; рисунки и гравюры, иллюстрировавшие драмы, были полностью ее собственным замыслом и исполнением.

ANNA MARIA SCHURMANN.

Большей и более стойкой славы, чем все они, должна быть удостоена Анна Мария Шурманн, которую голландские поэты называли своей Сафо и своим Корнелем. Она родилась в ноябре 1607 года в Кельне (по словам Декампеса, в Утрехте) от родителей-фламандцев. Ее семья, как и семья Рубенса, была протестантской, и ее родители бежали в Кельн от преследований Альбы, где оставались до 1615 года, когда переехали в Утрехт.

Даже в раннем детстве гениальность юной девушки проявляла свои наклонности. В три года она начала читать, а в семь уже мог говорить по-латыни. Мать пыталась удержать ее за иглой, но она любила развлекаться, вырезая бумажные картинки; она также рисовала цветы и птиц — без всякой подготовки. Несколько лет спустя ее вкус к поэзии и изучению латинских языков развился сам собой. Учеба была ее страстью; искусство — развлечением. Получив разрешение присутствовать на уроках латыни у своих братьев, она вскоре удивительно хорошо овладела этим языком. Когда ей было десять лет, она перевела отрывки из Сенеки на французский и фламандский языки. Ее любовь к учебе вскоре привела к овладению греческим. К классике она вскоре добавила знание восточных языков. Она говорила и писала на иврите, самаритянском, арабском, халдейском, сирийском, эфиопском, турецком и персидском; кроме того, она была прекрасно знакома с итальянским, испанским, французским, английским и немецким языками и элегантно говорила на всех европейских языках.

В возрасте одиннадцати лет эта фламандская девочка прочитала Библию, Сенеку, Вергилия, Гомера и Эсхила на языках оригинала; в четырнадцать лет она сочинила латинскую оду знаменитому голландскому поэту Якобу Катсу, который впоследствии стал безуспешным претендентом на ее руку. Она действительно писала стихи на многих языках. Знание разных языков очень помогло ей в теологических исследованиях по логике, к которым она проявляла глубочайший интерес с раннего детства. Говорят, что именно читая Историю мучеников, она прониклась склонностью к религиозному энтузиазму, который так сильно влиял на нее на протяжении всей жизни и привел к столь стремительной карьере в последние годы ее жизни.

Поразительная образованность этой замечательной женщины и ее владение языками привели к тому, что к ее мнению часто обращались самые эрудированные ученые ее времени. К ее суждениям всегда относились с уважением; для нее было отведено почетное место в аудиториях Утрехтского университета; и нередко она открыто принимала участие в проводимых там ученых дискуссиях. Профессора Лейденского университета заказали трибуну, с которой она могла слышать, не смешиваясь с аудиторией. С этой замечательной эрудицией Анна Мария сочетала редкую степень искушенности в искусстве. Гений, проявившийся в вырезании из бумаги, по-прежнему свидетельствовал о сильной и решительной деятельности. Она была искусна как в рисовании, так и в живописи, обладала “прекрасным вкусом к скульптуре” и проявляла свои таланты в резьбе по дереву и слоновой кости, а также в лепке из воска. Она вырезала бюсты своей матери и братьев из дерева. Художник Хонторст оценил один портрет, выполненный ею, в тысячу голландских флоринов. Кроме того, она оставила свидетельства своих немалых достижений в гравировке на меди; и она выгравировала бриллиант на хрустале. Музыкальный вкус и умение играть на нескольких инструментах дополняют список поразительных дарований, которыми наделена одна из самых одаренных представительниц своего пола.

Мы не можем не удивляться тому, что современники называли ее “чудом творения”. К ней не только относились с восхищением из-за таких разнообразных дарований, но и ее знакомые боготворили ее за личные качества. Она была в самом тесном литературном общении с такими выдающимися учеными людьми, как Салматиус, Хайнсиус, Воссииус, который, как говорят, научил ее ивриту, и другими. Принцы и принцессы приезжали в гости, писали с ней стихи и вступали с ней в переписку.

Гонзага, королева Польши, совершая путешествие в Утрехт в 1645 году, отправилась навестить Анну Марию, услышав о ней такие замечательные вещи. После долгой беседы она оказала ей лестные знаки своего уважения.

Королева Богемии и принцесса Луиза, ее дочь, часто писали ей. Со скромностью, столь же редкой, как и ее исключительные дарования, Анна Мария отклонила все предложенные почести, и прошло много времени, прежде чем ее удалось убедить опубликовать свои легкиераритетные произведения. Когда выдающийся врач Иоганн ван Бевервик пожелал посвятить ей свой трактат о “Преимуществах женского пола”, она попыталась уклониться от предполагаемого комплимента. В 1636 году ее побудили опубликовать стихотворение на латыни “cele”, положившее начало Утрехтскому университету. За этим последовали ее “Апология женского пола” и другие работы.

Анна Мария Шурманн много лет прожила в своем родном городе Кельне. Согласно одному авторитетному источнику, часть своего времени она проводила в деревенском доме, где жила в предельной простоте, избегая внимания знаменитостей, которые желали ее навестить, и деля свое время между искусством и пером. В 1664 году она вместе со своим братом совершила путешествие в Германию; и там впервые познакомилась с Лабади, знаменитым французским энтузиастом и проповедником новых доктрин. Он верил, что Высшее Существо обманет человека с целью творить добро. Он учил, что Святой Дух постоянно открывает новые откровения человеческой душе; что Библия не является необходимым руководством; что соблюдение субботы не является обязательным; что созерцательная жизнь ведет к совершенствованию характера; и что такого состояния можно достичь самоотречением, умерщвлением плоти, и молитвой. Этот человек обладал исключительными интеллектуальными

способностями и завораживающим красноречием. Ему удалось завоевать множество последователей, и ум Анны Марии, глубокий и серьезный до меланхолии, а теперь затуманенный горем из-за потери отца и брата, слишком легко поверил его притязаниям.

Отказавшись от ручки и карандаша, она присоединилась к ученикам Лабади, посвятив себя исследованиям, которые соответствовали его теологическим доктринам. Чтобы способствовать его успеху, она опубликовала свою последнюю работу под названием “Есклерия” в 1673 году, за год до смерти фанатика. Она ухаживала за ним, и говорят, что он умер у нее на руках.

В этой книге она сожалеет о своем раннем увлечении литературой и искусством. Другие источники добавляют, что она собрала последователей Лабади по имени Лабадистс - и, продолжая распространять его принципы, взяла на себя руководство группой и проводила их в Виверт во Фрисландии. Она приобщила Елизавету — принцессу Палатинскую — к этим доктринам, и вместе они открыли приют для странствующих учеников. Верная доктринам, которые она исповедовала, Анна Мария раздала все свое имущество, чтобы накормить бедных, и сошла в могилу в бедности, скончавшись в мае 1678 года в возрасте семидесяти одного года.

Уильям Пенн упоминает в своем “Путешествии по Германии” беседу, которую он имел в Виверте с этой замечательной женщиной в 1677 году, особо отмечая серьезность и торжественность ее тона в разговоре.

Анна Мария Шурманн оставила после себя не только славу своей большой образованности и художественной культуры, поистине замечательной для представителей обоих полов, нотаже репутацию человека с чистым сердцем и пылким религиозным чувством, которые не могут быть нарушены ее ошибочной, хотя и искренней верой и фанатичным энтузиазмом, с которым она цеплялась за абсурдные догмы. На ее портрете волосы зачесаны назад назатылке, с распущенными прядями по бокам. Узел на затылке украшен орнаментами. Большой остроконечный воротник плотно облегает ее шею. Черты лица резкие; глаза пронизательные и выразительные; крупный римский нос.

Среди современников Анны Марии Шурманн были художницы Клара Петерс, Алида Витхус, Сюзанна фон Стин и Кэтрин Остфрис; а также граверы по меди Сюзанна Вербругген, Анна де Кохер и Мария де Уайльд, которые сделали серию из пятидесяти гравюр - драгоценных камней из коллекции ее отца — и опубликовали их в 1700 году в Амстердаме.

Именно в семнадцатом веке женщины Нидерландов достигли такого совершенства в рисовании цветов. Констанцию Утрехтскую и Анжелику Пакман можно причислить к пионерам этого прекрасного искусства — этого поистине выдающегося достижения.

MARIA VAN OOSTERWYCK

была первой выдающейся художницей в этой отрасли и предшественницей той, кто стояла выше нее, — Рахель Рейш, — которая, почитавшаяся в свое время гордостью голландской школы, действительно была достойна причисления к тем, кем гордится весь мир. Мария, хотя и не такая великая, по праву числится среди выдающихся женщин Голландии. Она родилась в Нутдорпе, недалеко от Делфта, около 1630 года. Свое раннее обучение она получила у выдающегося художника-флориста Дэвиди Хима. Ее отец был проповедником реформатской религии и прилагал все усилия, чтобы развить интеллектуальные способности своей дочери. Он не преминул заметить ее замечательную склонность к живописи и ее неудовлетворенность и

даже отвращение к пустякам, которые, казалось, забавляли других девочек ее возраста. В руке у нее всегда был карандаш.

Ее ранние постановки получили много похвал, и вскоре она приобрела такое выдающееся мастерство, что стала соперницей своего учителя. Восхищенные знатоки разнесли ее поклонением по всему миру, и она прославилась при иностранных дворах. Ее работы с нетерпением разыскивали первые принцы того времени, после того как король Франции Людовик XIV поместил одну из них в свою великолепную коллекцию. Император Леопольд и императрица послали за образцами ее могущества, за что она получила портреты их императорских величеств, оправленные в бриллианты, в знак их уважения. Ее работы стоили огромных денег. Вильгельм III. правительство Англии заплатило ей девятьсот флоринов за картину, и правители Европы, казалось, соперничали друг с другом, осыпая почестями и славой эту одаренную женщину. Король Польши приобрел три ее картины за две тысячи четыреста флоринов. Эти суммы были выплачены ей со всем уважением, в качестве подарков от ее друзей, а не профессионального вознаграждения.

Среди всех этих почестей Мария вела тихую и умиротворенную жизнь, не нарушаемую волнениями или переменами. Ее окружал приятный круг друзей; она неустанно работала, и ее всегда можно было найти в ее кабинете. Чтобы побольше побыть наедине с собой, она отправилась навестить своего дедушку в Делфт. Однажды ее навестил молодой человек, представившийся Уильямом ван Эльстом, и, казалось, ему не терпелось увидеть некоторые из ее работ. Его восхищениями смешивалось с горячей любовью к художнику. Наконец он набрался смелости признаться в своей страсти, но Мария ответила, что твердо настроена против брака. Ее жизнерадостный поклонник, по ее мнению, тоже не соответствовал ее серьезному и спокойному характеру.

Не желая, однако, слишком внезапно разрушать его надежды и обращаться с ним недоброжелательно, она приложила к своему согласию условие, которое, по ее мнению, эффективно удержало бы его от судебного преследования или, по крайней мере, подорвало бы его постоянство. Она требовала, чтобы он работал по десять часов каждый день в течение года. Молодой человек с готовностью пообещал, но, как она и предполагала, у него не хватило настойчивости сдержать свое слово. Его мастерская находилась напротив мастерской Марии; она наблюдала за ним из окна и не преминула отметить на полуясеня дни, когда он отсутствовал на работе.

В конце года Уильям пришел за ее обещанием. “Вы сами освободили меня от этого”, - был ее ответ; и, подойдя к окну, она указала ему на отчет о его праздных днях. Влюбленный был сбит с толку и удалился разочарованный.

Мария рисовала цветы с восхитительной отделкой и точностью, демонстрируя изысканный вкус и искусство в их выборе и группировании; она также обладала замечательным мастерством в копировании их свежих оттенков и в гармоничном сочетании различных цветов. Ей потребовалось много времени и труда, чтобы закончить свои работы, и поэтому они редки.

Она умерла в возрасте шестидесяти трех лет в доме своего племянника Жака фон Ассендельфта, проповедника в Эутдаме в Голландии.

РЭЙЧЕЛ РЕЙСКХ.

Рэйчел Рюйш (пишется также Рюйш или Рейч) пошла по стопам Марии ван Остервик и довела рисование цветов до совершенства, которого никогда прежде не достигала. Декамп говорит, что ее цветы и фрукты “превзошли саму природу”. Несомненно, что ей удалось создать самую совершенную иллюзию; а со вкусом подобранный ею сюжет и манера группирования, расположения и контраста сделали эффект более изысканным.

Эта выдающаяся художница была дочерью известного анатома и родилась в Амстердаме в 1664 году. Она брала уроки живописи у Вильгельма ван Эльста, художника, который наряду с Де Химом и Гюйсумом занимал одно из первых мест среди голландских художников-цветоводов. Прекрасная ученая вскоре сравнялась с ним и его соперницами, и с тех пор она считала природу своим учителем.

Когда ее слава распространилась по всему миру благодаря ее картинам, Рейчел сидела и работала в своей уединенной комнате; но она не могла спрятаться от стрел мальчика-бога. Она вышла замуж — по словам Декампеса и других, в возрасте тридцати лет — за художника-портретиста по имени Джулиан ван Пул, который влюбился и представился ей.

Она стала матерью десяти детей. Среди домашних забот и обязанностей по уходу за своим потомством она умудрялась не пренебрегать искусством, которое так любила; тем не менее, нам сообщили, что ее детей мыпрекрасно воспитали. Должно быть, это были огромные труд и учеба, которые, несмотря на перерывы в домашних делах и низкий доход, позволили ей достичь такого совершенства, что поэты и прозаички воспевали ее, и ее слава распространилась по всем дворам Европы. В 1701 году Академическое общество Хэя приняло ее в члены; ее фотография на приеме представляла собой прекрасное произведение из роз и других цветов. Ее известность стала настолько велика, что в 1708 году курфюрст ИоаннПфальцкий прислал ей диплом, в котором назначил ее рядовой художницей при своем дворе и пригласил поселиться в его столице. Этот принц написал ей еще одно письмо, сопроводив его подарком в виде полного серебряного туалетного набора из двадцати восьми предметов, к которому он добавил шесть фламбий из того же металла. Он пообещал стать крестным отцом одному из ее детей. Когда она отвезла своего сына в Дюссельдорф, курфюрст украсила шею младенца красной лентой, к которой была прикреплена великолепная золотая медаль.

На службе у курфюрстаона создала несколько картин, большинство из них для своих Меценатов, которые, заплатив за них, всегда добавляли почетные подарки. В 1713 году, во время второго визита в Дюссельдорф, она была принята с почестями, которых заслуживали ее выдающиеся таланты. Курфюрст подарилнекоторые из ее картин великому герцогу Тосканскому, который восхитился ими и поместил в свою богатую коллекцию шедевров. Несколько ее работ были подарены королевским особам; некоторые хранились в галерее Дюссельдорфа, а несколько превосходных картинсохранились в Мюнхене.

После смерти своего друга и покровителя, курфюрста, она вернулась в Голландию и с неослабевающим усердием занималась своим искусством. Она оплакивала его потерю как своего друга и великодушного защитника искусства; но ее работы пользовались таким жебольшим успехом, а Фландрия и Голландия даже роптали, когда их увозили в Германию.

Наступление старости не могло затмить ее редких дарований; картины, которые она написала в восемьдесят лет, были столь же законченными, как и в тридцать. К гениальности высшего порядка она причислила все добродетели, которые возвышают и украшают женский характер. Уважаемая великими— любимая даже своими соперницами, восхваляемая всеми— кто ее знал, ее жизненный путь был усыпан цветами, пока в мирном конце она не сложила с себя почести. Она умерла в 1750 году, в возрасте восьмидесяти шести лет, пробыв замужем пятьдесят лет и пять лет вдовой.

Ее работы редко можно увидеть из-за того, что в Голландии трудно убедить владельцев расстаться с ними. В Амстердаме есть четыре прекрасных произведения. Их главными достоинствами являются превосходная сила пения и нежное послевкусие, а окраска соответствует природе. Цветы, фрукты и насекомые кажутся полными свежей жизни.

Стиль Рэйчел сочетал мягкость, легкость и деликатность прикосновений с определенным величием характера и мощным эффектом, который использовал в ее работах всеобщее признание мужественности духа и благородства чувств. На портрете у нее короткие волосы, платье с глубоким вырезом и бусами вокруг шеи. Черты лица художницы, крупные и ярко выраженные, несут в себе ту же смелую, открытую хаотичность, которая проявилась в группировке и расположении ее цветов — в свободе, которая отличала ее композиции и сочеталась с их удивительной легкостью и изяществом. В глубине колорита, казалось, был разлит тонкий поэтический аромат.

ГЛАВА IX. СЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК.

Неблагоприятные обстоятельства для живописи в Германии.—Последствия тридцатилетней войны.—Проявление национальной любви к искусству в "Признаках жизни".—Влияние Реформации.—Неполноценность немецкого искусства в этом столетии.—Дамы с рангом в литературе.—Женщина-астроном.—Слава Шурманна пробуждает соперничество.—Выдающиеся женщины.—Начало создания поэтических орденов.—Зесен, Покровительница пола.—Женщины, культивировавшие искусство.—Художницы Нюрнберга.—Барбара Хелена Ланге.—Художники-флористы и граверы.—Лепка из воска.—Женщины—художницы в Аугсбурге.—В Мюнхене.—In Hamburg.—Принцесса Голландина.—Ее картины.—Maria Sibylla Merian.—Ранняя любовь к насекомым.—Материнское противодействие.—Ее брак.—Публикация ее первой работы.—Присоединяется к лаборантке С.—Возвращается к бабочкам.—Любопытство увидеть американских насекомых.—Путешествие в Суринам.—История мух-фонарей.—Возвращение в Голландию.—Опубликованные ее работы.—Последующее переиздание в Париже.—Ее дочери.—Ее внешность.—Датские художницы.—Энна. Крэбб.—Королевские дочери.—Вкусы в искусстве Дании и Англии определяются вкусами зарубежных стран.—Художницы Англии.—Наиболее известные поэтессы.—Миниатюристы.—Портретисты.—Офортисты.—Леди Знатоки.—Дочь карлика.—Анна Карлисле.—Мэри Бил.—Ученица сэра Питера Лели.—Характер ее работ.—Слухи о привязанности Лели к ней.—Стихи в

ее честь.—Записные книжки мистера Била.—Энн Киллегрю.—Ее портреты королевской семьи.—Исторические работы и натюрморты.—Ее портрет работы Лели.—Ее скульптура.—Ода Драйдена ее памяти.—Опубликованы ее стихи.—Мадемуазель Роза.—Художница по шелку.—Чудесные эффекты.—Ее работы - курьезы.—Мастер ножниц.—Ее исключительные способности к подражанию.—Копии старинных картин.—Ее вырезки.—Виды всех родственников, сделанные ножницами.—Королевские и императорские гости.—Ее трофей для императора Леопольда.—Стихи в ее честь.—Швейцарская художница Анна Вассер.—Ее образование и творчество.—Судебные поручения.—Алчность ее отца.—Пребывание при дворе.—Возвращение домой.—Несчастный случай со смертельным исходом.—Ее литературные достижения.

В то время как в Нидерландах под влиянием национального подъема искусство превратилось в школу особой национальности, в Германии сложились гораздо менее благоприятные обстоятельства. Действительно, можно сказать, что ни в одной стране нельзя было найти ничего менее вкусного. Дело было не только в том, что земля была опустошена Тридцатилетней войной, ибо искусство и знания, как известно, расцветали в условиях жестокой национальной борьбы. Это соперничество, однако, было враждебно каждому общемуамериканскому импульсу и возвышенным устремлениям и имело тенденцию подавлять благородные энергии, которые проявляются в других конфликтах. Это была междоусобная и грязная борьба; немцы были настроены против немцев, и орды иностранных разбойников поощрялись грабить страну, опустошенную ее собственными детьми. Во времена господства низменных страстей не было почвы, на которой могли бы расцвести такие цветы, какие тогда украшали Нидерланды.

Не хватало также такого центрального пункта, который был предоставлен во Франции и Испании с Версалем и Мадридом. Все вращалось в узкой и грязной сфере личных интересов. То, что Германия, несмотря на это катастрофическое и мрачное положение, производила художников и что даже женщины с самоотверженным рвением проявляли свою склонность к этому призванию, является доказательством глубокой любви к искусству, укоренившейся в сердце нации, проявившейся яркими вспышками в шестнадцатом веке и в разгар не совсем угасших смут. Реформа, хотя и вдохнула в Германию дух новой эпохи, поначалу заняла позицию, враждебную искусству, которое способствовало приукрашиванию старой веры. В течение трехсот лет открытое насилие, слепая ярость и холодное презрение к этому неправильному пониманию истинного размаха искусства угрожало уничтожить то, что осталось от совершенства предыдущих эпох; и борьба не прекращалась до девятнадцатого века.

Признаки жизни в искусстве впервые были замечены в Германии в начале тринадцатого века; и там были постепенные этапы совершенствования. Предписанные традицией чопорность и серьезность были заменены более мягким исполнением и более легким изложением контуров. Струящиеся драпировки и изящество ознаменовали самые ранние попытки художника выразить свои собственные чувства в своих работах, и в картинах был допущен субъективный принцип.

При возрождении искусства к концу пятнадцатого века во многом использовались священные сюжеты более ранних эпох. Впоследствии собственный разум и эмоции художника проявились в самопродуктивной энергии; и, в более поздний период, возросла популярность точных очертаний форм природы.

Неполноценность Германии с художественной точки зрения семнадцатого века неоспорима; но нашлось много таких, кто стремился к совершенству, которым могли похвастаться другие страны. Там было в изобилии женщин, которые занимались орнаментальной литературой; знатные дамы и принцессы покровительствовали поэтам и ухаживали за музами. Генриетта Оранская, супруга великого курфюрста, была одной из нескольких королевских дам, которых поминали в своих священных песнях. Низшие сословия могли похвастаться своими образованными женщинами; и имя Марии Куниц заслуживает упоминания как сведущей в науке астрономии.

Тем временем слава Анны Мемораты, Фульвии Мори и Анны Марии Шурман привела немецких женщин к стремлению соперничества вписать свои имена рядом с этими выдающимися личностями. Гертруда Меллер была сведуща в языках, а Сибилла Шварц - в поэзии. Даже Рист, который исключал женщин из своего литературного сообщества, переписывался с поэтессой Марией Коммерр.

Это было началом создания почетных поэтических орденов, и женщины не были исключены из них, особенно из тех, что были учреждены Зесеном. Он был покровителем и вдохновителем женского гения и предприимчивости; его перо было посвящено серым порокам женского пола, и благодарные представительницы прекрасного пола отвечали ему взаимностью. В своей "Lustinne" он воспекает поэтесс своего времени.

Художницам того времени, казалось, действительно не хватало столь щедрой оценки; и, возможно, восторженные панегирики, расточаемые поэтами друг другу, преследовали эгоистичную цель. Тем не менее, в тот период было немало женщин, занимавшихся искусством, и не исключено, что успех поэтесс оказал некоторое влияние на стимулирование их рвения. Пример прославленного Шурмана, носившего двойной венок обеих отраслей знания, был у них перед глазами; и голландская школа оказала большое влияние на формирование вкусов в Германии.

Любовь к проявлению творческих способностей естественно развивалась различными путями. Нюрнберг, резиденция ордена бардов Пегнишшефер; Гамбург, резиденция рыцаря Зезена; Саксония, где процветало множество честных приверженцев литературы, — дух искусства не покинул их. В первом упомянутом городе мы слышим о двух художницах, происходивших из семей, прославившихся художественным совершенством: Сюзанне Марии фон Сандарт, которая также делала гравюры на меди; и Эстер Джувенел, которая рисовала архитектурные планы. К этому можно добавить имя Барбары Хелены Ланге, которая прославилась благодаря гравировке на меди и вырезанию фигурок из слоновой кости и алебаstra. В 1679 году она была принята в орден Пегница из-за своего поэтического таланта, ее поэтическое имя было записано как Эроне. В 1686 году она вышла замуж за некоего Копша и вместе с ним переехала в Берлин, а затем в Амстердам.

Здесь можно упомянуть имена Марии Клары Эймарт и Магдалены Фюрст как художников-флористов; Хелен Прейслер как гравера на меди; и Джоанны Сабины Преу как гравера и лепщика по воску. Все они приобрели немалую репутацию.

В Нюрнберге также жила в 1684 году Анна Мария Пфрюндт, родившаяся в Лионе. Она лепила портреты из воска, некоторые из которых принадлежали лицам высокого ранга, и, украшенная

дорогой драпировкой и драгоценными камнями, приобрела широкую известность как художница.

Аугсбург также был богат свидетельствами художественного вкуса женщины. Сюзанна Фишер и Иоганна Сибилла Кюзель преуспели в живописи, в то время как ее младшие сестры, Кристина и Магдалена Кюзель, с гравировкой Марии Вислатин на меди.....Другие превзошли нюрнбергцев в тонкой резьбе.

В Регенсбурге жила Анна Катарина Фишер, художница-цветочница и портретистка; в Мюнхене Изабелла дель Поццо была назначена придворным художником курфюрстины Аделаиды, а художница-миниатюрист Мария Ригер очень часто нанималась княжескими особами. Примерно в то же время Плацида Ламме отличилась тем, что писала миниатюры и вырезала картины, которыми она занималась в течение своего времени в баварском монастыре Хоэнварт.

В Гамбурге Мариана Ван дер Ступ и Диана Глаубер были художницами по профессии, а в Саксонии мы находим искусную художницу-портретистку Маргаретту Раструм, которая занималась своим искусством в Лейпциге. Вышеупомянутый же Анна Катарина Фишер долгое время жила в Галле со своим мужем, художником по фамилии Блок. Ближе к концу нынешнего столетия мы слышим о мадам Равеманн, которая изготовила прекрасную медаль — изысканный образец огранки — для Августа Второго.

ПРИНЦЕССА ГОЛЛАНДИНА.

Бросая взгляд на западную Германию, мы обнаруживаем художественную бедность страны, искупленную принцессой, любившей свободные искусства, — Луизой Холландиной из Пфальца. Она была дочерью несчастного Фридриха V. и сестрой принцессы Елизаветы, чья главная знаменитость возникла из-за ее почитания философа Декарта; также принца Рупрехта, отмеченного в истории искусств своими рисунками и листьями черной живописи. Холландина вместе со своей сестрой Софией получила уроки живописи у знаменитого Джерарда Хонтхорста и писала большие исторические картины в стиле этого мастера, о котором в настоящее время известно очень мало. Две картины Голландины были добавлены к коллекции ее дяди, короля Карла: одна изображает Тобиаса и Ангела, другая - сокольника. Алтарь, сделанный ее рукой, украшает церковь в Париже. Лавлейс в своих стихах высоко отзывается о способностях этой принцессы.

Ее семья происходила из того же места, где родилась Анна Мария Шурманн, — города Кельн, где эта знаменитая художница получила свое начальное образование.

Мы не должны упускать из виду Франкфурт-на-Майне, где в середине семнадцатого века жила одна из самых знаменитых женщин, которыми могла похвастаться тогдашняя Германия. Это было

MARIA SIBYLLA MERIAN.

Она была дочерью Мэтью Мериана, известного географа и гравера, и родилась во Франкфурте-на-Майне в 1647 году. Ее отец опубликовал топографический труд в Германии в тридцати одном томе. Ее мать была дочерью Теодора де Брай, известного гравера.

Примечательным обстоятельством, противоречащим обычному опыту незаурядных личностей, было то, что Сибилла посвятила себя профессии художника вопреки желанию своей матери и перед лицом больших трудностей. В этом отношении она отличалась от большинства других женщин-художниц, поскольку их, как правило, приводил к учебе пример родителей или домашнее воспитание.

С раннего детства эта необычная девочка проявляла настойчивый интерес к естественной истории и пристрастие к изучению образцов растительной и животной жизни. Возможно, что это естественное пристрастие было вызвано одной из тех случайностей, которые так часто определяют направление развития человеческого интеллекта. Говорят, что ее мать, задолго до ее рождения, увлеклась коллекционированием любопытных камней, мидий и различных видов гусениц. Как бы то ни было, несомненно, что ребенок в очень раннем возрасте проявил тот же вкус, и никакие материнские упреки или наказания не могли удержать ее от потакания этой странной фантазии. Однако она спрячет свои сокровища. Наконец ее отчим, художник Джейкоб Маррель, уговорив мать согласиться, устроил так, что девочка брала уроки у знаменитого французского художника Флорабрахама Миньона.

В 1665 году, в восемнадцать лет, она вышла замуж за Джона Эндрю Графа, художника и дизайнера в области архитектуры. Брак не был счастливым, но она прожила с Графом почти двадцать лет в Нюрнберге, в одиночестве и уединении, посвятив себя исключительно своему искусству, как она сама говорит в предисловии к одной из своих опубликованных работ, отказавшись от общения с обществом и проводя время за изучением различных видов насекомых, которых она рисовала, и за изучением инфракрасных трансформаций.

Сначала она рисовала свои образцы на пергаменте, и многие из этих рисунков были распространены среди любителей. Воодушевленная ими, она опубликовала в 1679 году работу под названием “Чудесные превращения гусениц”, объем в кварто, с гравюрами на меди, выполненными ею самой по собственным рисункам. Еще один том появился в 1684 году.

Дела графа пришли в замешательство, а его поведение подверглось резкому порицанию, и он был вынужден оставить свою семью и уехать из страны. После этого расставания Сибилла никогда не использовала фамилию своего мужа ни в одной из своих публикаций, а выпускала их под своей девичьей фамилией. Около 1684 года она отправилась во Франкфурт и вместе с матерью и дочерьми приготовилась к путешествию в Западную Фрисландию. Там ею овладел религиозный энтузиазм, который толкал столько женщин на странные поступки, и она присоединилась к секте лабадистов, поселившись в замке Босх.

Однако Сибилла не полностью отдавала свою энергию такого рода увлечениям; ее старые привычки к учебе и изысканиям следовали за ней. Бабочки и черви снова заняли ее внимание, и вскоре она проявила глубокий интерес ко всем коллекциям животных из Ост- и Вест-Индии, которые, как она обнаружила, были в пределах ее досягаемости.

Среди тех людей, чьими коллекциями она восхищалась больше всего, был Фридерик Рюйш, доктор медицины и профессор ботаники, отец уже замеченной Рейчел Рюйш. Нетрудно поверить, что пример и разговоры такой одаренной и преданной учебе женщины, как мадам Мериан, оказали решающее влияние на характер юной Рахили.

Наша героическая и трудолюбивая героиня была в восторге от возможности осмотреть такие интересные коллекции, ибо, помимо удовольствия, которое доставляли ей исследования в

области естественной истории, ее подстегивало неугасимое желание узнать все, что только можно, об этом отделе животного царства. Наконец, желая увидеть метаморфозы и пищу американских насекомых, она решила предпринять то трудоемкое и дорогостоящее путешествие в Суринам, которое она совершила в июне 1699 года. Штаты Голландии помогли ей со средствами передвижения. Ее путешествие дало повод для следующих строк французского поэта:

“Sibylla à Surinam va chercher la nature,
Avec l’esprit d’un Sage, et le cœur d’un Heros.”

Местом ее назначения была Голландская Гвиана, которую часто называют Суринамом из-за реки с таким названием, на берегу которой расположена столица Парамарибо. Говорят, что однажды, когда она жила там, индейцы принесли мадам Мериан несколько живых мух-фонарей, которых она положила в коробку; но ночью они производили такой шум, что она встала со своей кровати и открыла их тюрьму. Множество огненных языков, вырвавшихся из шкатулки, так испугало ее, что она тут же уронила ее на землю. Отсюда и появились чудесные истории о сильном свете, излучаемом этим насекомым.

Она оставалась в Америке почти два года, до лета 1701 года, несмотря на неблагоприятное влияние климата на ее здоровье и трудности, с которыми она столкнулась при продолжении учебы. Несмотря на сильную волю, она не могла долго противостоять такому врагу и была вынуждена вернуться гораздо раньше, чем это соответствовало ее наклонностям.

В сентябре она снова была в Холла, где ее великолепные рисунки американских насекомых на пергаменте вызвали величайшее восхищение у знатоков. Они настаивали на том, чтобы она опубликовала работу, которая открыла бы мир растений и животных, доселе неизвестных; и, несмотря на большие затраты, она, наконец, решила, не ожидая возврата своих затрат, выгравировать свои рисунки для публикации. Наградой за ее труды должна была стать продажа нескольких изданий. Эта работа называлась “Metamorphosis Insectorum Surinamensium, etc. Текст составлен Гаспаром Коммеленом по рукописи автора”.

В 1771 году в Париже было опубликовано собрание работ мадам Мериан, переведенное на французский; и по сей день можно увидеть гравюры, почти в размер оригинала, различных американских картин, выполненных этой восторженной женщиной с изображениями предметов, поразивших ее воображение, — гусениц, бабочек, пауков, змей и различных видов животных и растений, — выполненных со всей роскошью ярких красок и иллюстрированных отборными стихами.

Ее большая работа называлась “История насекомых Европы, нарисованная с натуры и объясненная Марией Сибиллой Мериан”. Она включала в себя трактат о зарождении и метаморфозах насекомых и растениях, которыми они питаются. Ее рисунки были не только выполнены с точностью, но и каждое насекомое предстало в своем первоначальном виде с самым приятным сопровождением. Вместе с теми, кто превратился из куколки или нимфы в муху или бабочку, были представлены растения и цветы, которые они любили, все правильно и со вкусом очерченные.

Даже после появления ее работы, в 1705 году, настойчивая художница продолжала свои занятия естественной историей, в которых к ней присоединились обе ее дочери, которых она

приучила к занятиям искусством. Доротея, младшая, сопровождала его в Суринам, в то время как старшая, Джоанна Мария Хелена, приехала позже со своим мужем, амстердамским купцом, чтобы помочь своей матери собирать образцы живописи. Мать намеревалась опубликовать рисунки, сделанные ее дочерьми, в приложении к ее собственному собранию сочинений; но ее смерть, наступившая в январе 1717 года, помешала этому, и впоследствии дочери опубликовали результаты своих трудов отдельным томом.

Эта необыкновенная женщина, чьи труды внесли такой большой вклад в улучшение и приукрашивание естественной истории насекомых, была мало одарена красотой или личным изяществом. На ее портрете видны жесткие черты лица с тяжелыми морщинами. Любопытный головной убор, сделанный из складок черной материи, поднимается высоко над головой и немного наклоняется влево. Короткие, легкие локоны выбиваются из батистовой оборки, завершая полуприкрытый корсаж. Она, несомненно, имеет право на место среди великих художников.

История мадам Мериан завершает историю немецких художниц, относящихся к семнадцатому веку, выставкой, представляющей более чем обычный интерес.

ДАТСКИЕ ХУДОЖНИЦЫ.

Здесь можно познакомиться с художниками Дании и Англии. Анна Краббе была художницей по профессии в Копенгагене до 1618 года. Она написала серию портретов датских принцев, к которым добавила поэтическое описание каждого. Дочь короля Кристиана IV Элеонора Кристина, вышедшая замуж за министра Улефельда, славилась не только своей красотой и интеллектуальными способностями, но и мастерством в различных областях искусства — гравюре, лепке из воска и миниатюрной живописи. Ее дочь Хелена Кристина обладала такими же талантами.

Ближе к концу столетия Софи Хедвиг, дочь короля Кристиана V., стала известной художницей, получившей большое признание благодаря своим работам в портретной, пейзажной и цветочной живописи.

Ни в Дании, ни в Англии национальный характер не придавал искусству какого-либо особого направления; напротив, в обеих этих странах преобладающим вкусом управляли иностранные нации — голландцы и немцы.

АНГЛИЙСКИЕ ХУДОЖНИЦЫ.

В Англии было не так уж много женщин-художниц, хотя в литературе пол не был лишен своей доли лавров, а в драматической поэзии и романтической прозе женщины соперничали за признание писателями-мужчинами. Поэтесса Джоанна Уэстон была большой поклонницей Анны Марии Шурманн и взяла ее за модель; но не было художников, которые могли бы сравниться по достоинству с женщинами, занимающимися поэзией.

В качестве художников-миниатюристов можно упомянуть Сюзанну Пенелопи Гибсон; также Пенелопу Клейн. Последняя была дочерью немецкого художника, и ее сестры Магдалина и Сара также были преданы искусству. Они написали портрет дочери Ричарда Кромвеля.

Мэри Мор добилась некоторого отличия как художник-портретист. Именно в Англии принцесса Голландина, о которой упоминалось выше, вместе со своей сестрой Софи брала уроки живописи у Джерарда Хонтхорста.

В благородном искусстве офорта Анна и Сюзанна Листер считались очень искусными; они своими художественными усилиями проиллюстрировали труд своего отца по естественной истории в манере мадам Мериан.

Леди-знатоком и гравером с большим вкусом была графиня Карлайл. Возможно, впоследствии она установила моду, которой следовали многие прекрасные дилатиноамериканки, пользовавшиеся таким большим влиянием в Англии в последующем столетии.

Сьюзен Пенелопа Роуз, по словам лорда Орфорда, была дочерью Карлика Ричарда Гибсона. Она вышла замуж за ювелира и прославилась тем, что с большой свободой писала портреты акварелью. Ее миниатюры были крупнее, чем обычно. Она умерла в возрасте сорока восьми лет в 1700 году.

Современницей Вандика была миссис Анна Карлайл, умершая около 1680 года. Она прославилась своими копиями итальянских мастеров. Карл I. высоко ценил ее. Однажды она поделилась с Вандиком подарком от их королевского покровителя - ультрамарином; говорят, он обошелся королю в пятьсот фунтов. Это делает вероятным, что она писала маслом, поскольку количество было слишком большим для использования в миниатюрах.

На одной из ее работ изображено, как она учит даму рисовать. Эту художницу не следует путать с графиней Карлайл, которая отличалась своими прекрасными гравюрами с работами Сальватора Розы, Гвидо и др.

МЭРИ БИЛ,

дочь мистера Крэддока, священника, родилась в Саффолке около 1632 года. Она получила некоторые наставления от Уокера, но была любимой ученицей сэра Питера Лели. Она рисовала маслом, акварелью и мелками. Она усвоила многое из итальянского стиля, копируя старые картины из коллекции Lely's и Royal c. Она скопировала некоторые портреты Вандика. Ее работы отличались энергией рисунка и свежим колоритом, особой чистотой и сладостью. Художница была уважаемой и любезной женщиной; пользовалась большим уважением и вращалась в обществе знати и ученых людей. Ее карандашом пользовались многие выдающиеся личности. Ее муж был художником невысокой квалификации.

Ходили слухи, что сэр Питер Лели был романтически привязан к своей прекрасной ученице; но его любовь не могла встретить взаимности, поскольку, как известно, он был сдержан в том, чтобы поделиться с ней возможностями своего карандаша. Он отказался доверить ей один из важных секретов своего искусства.

Было опубликовано несколько стихотворений, восхваляющих миссис Бил; одно особенно запомнилось доктору Вудфоллу, в котором она прославляется под именем "Белазия". У ее мужа, Чарльза Била, была любопытная практика отмечать в маленьких ежедневниках-альманахах почти ежедневные отчеты обо всем, что касалось его жены, ее фотографий или его самого. Он практиковал химию для приготовления красителей. Он завещал тридцать альманахов,

заполненных его заметками и записями похвал, расточаемых картинам его жены, цветоводу по имени Картер.

Уолпол говорит, что портретов миссис Бил было множество. На одном из них она нарисовала Отуэя, поэта. Архиепископ Тиллотсон был ее покровителем, и многие священнослужители сидели рядом с ней. Портрет архиепископа - первый портрет священнослужителя, который, сняв шелковую прическу, предстает в каштановом парике.

Некоторые говорили, что она убедила своих подруг позировать Лели, чтобы та могла научиться его методу раскрашивания. Нет сомнений, что она достигла первых высот в своей профессии. Один из ее сыновей стал художником. Она умерла на Пэлл-Мэлл в 1697 году в возрасте шестидесяти пяти лет.

ЭНН КИЛЛЕГРЮ—

“Изящество красоты и музаостроумия”, как пишет один из ее поклонников, была дочерью Генри Киллегрю, происходившего из семьи, замечательной верностью, достижениями и талантом. Она оказалась одним из самых ярких украшений этого дома. Она родилась в Лондоне и в очень раннем возрасте обнаружила в себе заметный гений. Она прославилась как в живописи, так и в поэзии. На одном из ее портретов был изображен герцог Йоркский, впоследствии Яков II; на других - Мария Моденская и герцогиня Йоркская, подружкой невесты которой она была. Эти работы были высоко оценены Dryden. Она также создала несколько исторических произведений и натюрмортов. Бекет написала свою миниатюру в стиле меццотинто по своей собственной картине; она была предпослана опубликованному изданию ее стихов. Картина была написана в стиле сэра Питера Лели, которому она подражала с большим успехом. На ее портрете, сделанном Лели, приятное выражение лица, хотя атмосфера немного чопорная. Платье с глубоким вырезом, расшито бисером, а мантия застегивается на груди брошью. Кудри обрамляют лицо; волосы на затылке длинные и ниспадают.

Хотя Энн и называли “госпожой” по моде того времени, она никогда не была замужем. Она была женщиной с безупречным характером и образцовой набожностью. Смерть оборвала ее многообещающую карьеру из-за оспы в 1685 году — как говорит Вуд, “к невыразимой выгоде ее родственников”, — когда ей было всего двадцать пять лет. Она была похоронена в Савойской часовне, где в стене установлен памятник с латинской надписью ее отца, повествующей о ее достижениях, добродетели и благочестии.

Ода Драйдена, посвященная ее памяти, была названа доктором Джонсоном “самым благородным из всего, что создал наш язык”. Другой критик называет это “гармоничной гиперболой, состоящей из грехопадения Адама, Аретузы, дев-весталок, Дианы, Купидона, Ноева ковчега, Плеяд, падения Иосафафа и последних судебных заседаний”. Похвалив ее поэтическое мастерство, Драйден говорит:

“Ее карандаш рисовал то, что задумывала ее душа;
И часто счастливый набросок превосходил образ ее разума”.

И о ее портрете Якова II.:

“Ибо, не довольствуясь выражением его неприкрытой стороны,
Ее рука вызвала образ его сердца;
Его воинственный ум, его душа, лишенная страха, —
Там были изображены его возвышенные замыслы”.

Несмотря на подобную лесть, Энтони Вуд говорит: “Нет ничего, сказанного о ней, на что она не была бы похожа, если не превосходила”, и добавляет: “Если бы в ее похвалах не было больше правдивой истории, чем комплимент, ее отец никогда бы не допустил, чтобы они попали в прессу”.

Ее стихи появились после ее смерти в тонком томе в кварто, предваряемом одой и латинской эпитафией. Среди ее исторических произведений были “Святой Иоанн в пустыне”, “Иродиада с головой Иоанна Крестителя” и “Две нимфы Дианы”. Певучий восхвалитель ее милостей и подарков комментирует портрет королевы:

“Наша королева феникс тоже была изображена такой яркой, что
только красота могла так правильно восприниматься;
Раньше видели череду героинь,
прежде всего по красоте, как по рангу королевы”.

ХУДОЖНИК В ШЕЛКАХ.

Мадемуазель Розе, родившаяся в Лейдене в 1632 году, заслуживает места среди выдающихся художников благодаря уникальности своих талантов. Вместо того чтобы использовать краски с маслом или жевательной резинкой, она использовала шелк для деликатной растушевки. Трудно понять, как ей удалось нанести волокна и имитировать телесные оттенки, так превосходно смешивая и смягчая их. Таким образом, она писала портреты, а также пейзажи и архитектуру. Мишель Карре, который видел один из ее портретов, говорит: “Трудно поверить, что это сделано не карандашом”. Одна из ее работ принесла пятьсот флоринов. Я представлял собой сгнивший ствол дерева, покрытый мхом и листьями. На вершине свила гнездо птица. Затенение и небо вдалеке не оставляли желать ничего лучшего в плане колорита и правдивого эффекта. Великий герцог Тосканский приобрел одно из своих лучших произведений искусства, которое до сих пор хранится среди раритетов его коллекции. Она никогда не была замужем и умерла в возрасте пятидесяти лет, в 1682 году.

МАСТЕР НОЖНИЦ.

Джоанна Кертен Блок считается голландцами одной из самых замечательных женщин-художниц. Она родилась в Амстердаме в 1650 году и еще в детстве проявила вкус к изобразительному искусству. Она научилась музыке и вышиванию, лепке фруктов и фигурок; она также разбиралась в раскрашивании и удивительно изящно делала гравировку бриллиантом на хрустале и стекле. Она также писала маслом и акварелью в новой манере. Обладая редким искусством смешивания цветов, она копировала картины так чудесно, что их с трудом можно было отличить от оригиналов. Эту способность к подражанию она развила в таком совершенстве, что ее современники считали, что, если бы она посвятила себя исключительно этому виду работы, она сравнялась бы с великими мастерами. Однако через

некоторое время она отказалась от культивирования этого исключительного таланта ради развития другого, еще более экстраординарного, за что и получила место среди великих художников своей страны.

Все, что гравер делает с помощью резьбы, она смогла сделать с помощью ножниц. Ее рисунки были действительно потрясающими. Необычные сцены, морские виды, животные, цветы сочетаются с портретами, имеющими совершенное сходство, которые она выполнила в изумительной манере. Этот новый стиль нанесения рисунков на белую бумагу произвел немалую сенсацию, и вскоре это дело получило широкоераспространение за границей и возбудило любопытство всех дворов Европы. Даже художники не могли не восхищаться ее мастерством в этом странном искусстве, и ни один из них не приезжал в Амстердам, не навестив ее.

Царь Петр Великий, принцы королевской крови и дворяне высшего звания засвидетельствовали свое почтение простой голландской девушке и с довольным любопытством рассматривали ее работы. Курфюрст Палатинский предложил тысячу флоринов за три маленьких кусочка, вырезанных ею, но предложение было отклонено как недостаточно щедрое.

Императрица Германии заказала произведение искусства, выполненное в качестве гербового трофея императора Леопольда I. На рисунке были изображены корона и императорский герб, поддерживаемый орлами и окруженный лавровыми венками, гирляндами цветов и соответствующими украшениями. Картина была выполнена в удивительной манере, и за нее прекрасный художник получил четыре тысячи флоринов.

Портрет императора, выполненный Джоанной, хранится в кабинете его императорского величества в Вене. Королева Англии Мария и другие королевские особы пожелали украсить свои кабинеты работами этого художника. Она вырезала множество портретов, которыми были довольны и удивлены натурщики. Стихов на латыни, немецком и голландском, сочиненных в ее честь, хватило бы на целый том. В ее рабочей комнате был том, в котором были записаны имена ее знаменитых посетителей, принцев и принцесс и других великих личностей, писавших свои собственные. Это тот же самый любопытный реестр, в котором Николас Верксли видел портреты выдающихся личностей, снабженные каждой соответствующей подписью. Говорят, что это оригинальное дополнение было сделано Адрианом Блоком, мужем художницы. Он опубликовал серию виньеток из ее произведений.

Джоанна умерла в 1715 году в возрасте шестидесяти пяти лет. Ее вкус и дизайн отличались корректностью и деликатностью, и она была острой и уникальной в том стиле работы, которому посвятила себя. Когда ее работы наносились на черную бумагу, создавался эффект гравюры или рисунка пером. Аккуратность, четкость и решительность были ее отличительными чертами.

Ее портрет, грубо выгравированный, опубликован издательством Descampes. У нее было благородное лицо с резко выраженными чертами. Волосы собраны в кончик спереди; шейный платок и платье надеты в старомодном стиле.

Среди выдающихся художников семнадцатого века мы не должны опускать

ANNA WASSER.

Она родилась в Цюрихе, Швейцария, в 1676 году, и швейцарцы почитают ее как одну из самых выдающихся художниц. Ее отцом был Рудольф Вассер, член Большого совета Цюриха и художник фонда Cathedral. Она очень рано проявила замечательные способности к изучению языков, и в возрасте двенадцати лет была знакома с латынью и французским, а также с общей литературой на этих языках. Ее быстрые успехи в художественной литературе поражали всех и обещали чудесные достижения; но склонность ее гения была к искусству. Она брала уроки у художника Джозефа Вернера и, едва научившись обращаться с карандашом, не могла думать ни о чем другом. В тринадцать лет она сделала копию “Флоры” Вернера в Берне, что убедило всех ее друзей в том, что она была предназначена природой художнице. Сам художник похвалил ее правильный дизайн и совершенную имитацию его колорита и посоветовал ее отцу отправить ее учиться в Берн. Она провела в школе три года; сначала занималась масляной живописью, но в конце концов бросила ее ради миниатюр. К тому времени, когда ее образование было завершено, она достигла совершенства, немногим уступавшего совершенству ее учителя.

Вернувшись в Цюрих, она посвятила себя искусству как профессии. Ее постановки были вывезены в Англию, Голландию и Германию, где ими восхищались, а современники превозносили ее как вторую Шурманн. В Германской империи едва ли был двор, от которого она не получала поручений. Жители Баден-Дурлаха и Штутгарта спорили, кому из них принадлежит наибольшее количество ее работ. Герцог Вюртембергский Эберхард Луи и его сестра, маркграфиня фон Дурлах, прислали ей большие портреты в миниатюре.

Когдаслава Анны распространилась по всей Германии, сам ее успех, как правило, создавал трудности на пути ее художественного прогресса. Ее отец был вынужден заботиться о большой семье и думал, что его интересам больше послужит увеличение количества работ его дочери, чем предоставление ей времени на их завершение. Он постоянно побуждал ее к новым начинаниям. Таким образом, подавленная и привязанная к грязным заботам, Анна упала духом и впала в меланхолию, которая угрожала подорвать ее здоровье. К счастью, в это время суд Солмс-Браунфелса сделал ей выгодные предложения о трудоустройстве. Она приняла приглашение, отправилась туда с одним из своих братьев и вскоре обнаружила, что может потакать своему вкусу в разработке и совершенствовании своих картин. К ней быстро вернулась прежняя жизнерадостность, и она стала предметом восхищения в кругах, в которых вращалась. И снова скупость ее отца нарушила это приятное положение вещей. Он послал ей внезапный вызов возвращаться домой, где, как он ожидал, она сделает больше добра для его блага. Она подчинилась приказу, но во время путешествия, совершенного в такой спешке, сильно упала, последствия которого оборвали ее жизнь в 1713 году, в возрасте тридцати четырех лет.

У Фузели была картина маслом, написанная Анной Вассер в возраст пятнадцати лет. Он похвалил ее за правильность очертаний и дух колорита. По-видимому, больше всего она преуспела в пасторальных и сельских картинах, рисовать которые было для нее удовольствием. Ее композиции отличались большой изобретательностью и были закончены с особой изысканностью.

Ее литературные достижения обеспечили ей дружбу самых выдающихся ученых Германии того времени, таких как Вернер, Мейер, Хьюберт, Стеллер и др., и она переписывалась со многими известными личностями. Среди ее подруг была Кларара Эймарт, уже упомянутая среди немецких художников. Ее манеры были мягкими и полными достоинства, а характер чистым и непорочным. Ради сыновнего послушания она в любое время пожертвовала бы своими собственными склонностями; более того, она часто доводила свою преданность до крайности.

Наданном портрете ее черты лица тонкие и резко очерченные. Волосы уложены в греческом стиле, с локонами по бокам и косами, спадающими на шею. Она появляется в окружении цветов, рядом с ней корзины с фруктами.

Мария Тереза ван Тхиэлен и две ее сестры, дочери художника из знатной семьи, обучались у него рисованию цветов, причем первая преуспела также в портретах.

ГЛАВА X. ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК.

Общее расширение и приумножение художественной культуры.—Большой размах, учитывающий тенденции, зародившиеся в предшествующую эпоху.—Воспоминания о былой славе искусства, действовавшего в первой половине века.—Фламандская и итальянская школы в моде.—Эклектика.—Влияние французской школы смешалось с влиянием великих мастеров.—Стиль рококо.—Совокупность женского труда больше, чем когда-либо прежде.—Не сопровождается большей глубиной.—Менее заметна индивидуальность.—Величайшая художественная деятельность среди женщин в Германии.—Следующая во Франции.—Затем в Италии.—В других странах меньше.—Стремительный рост искусства в Берлине.—В Дрездене.—Ученость и литературное положение женщин в первой половине века.—Поэты и их вдохновение.—Принцессы - хранительницы писем.—Ничего нового или поразительного в искусстве.—Революция второй половины века.—Обучение искусству как отрасль образования.—Дилетанты высокого ранга.—Ученицы известных художников.—Менгс и Карстенс.—Карстенс - основатель современного немецкого искусства.—Его стиль не приспособлен к женскому таланту.—Прекрасная фигура, стоящая между ним и мужчинами.—Женщина-штамповщица.—Художник по восковым фигурам.—По лепнине.—По огранке драгоценных камней.—Барбара Прейслер.—Другие художницы.—Модный вкус в живописи.—Марианна Хейд.—Миниатюристы.—Анна Мария Менгс.—Ее работы.—Миниатюра и живопись пастелью.—Цветы и пейзажи - страсть.—Подражатели Рейчел Рейш и мадам Мериан.—Знаменитости в росписи цветов.—Гравюра на меди. Художницы высокого ранга.—Другие приверженцы искусства.

На протяжении большей части восемнадцатого века мы наблюдаем скорее общее расширение вкуса и культивирование в искусстве, чем концентрацию усилий или более богатое и серьезное развитие таланта. Этот период придал большой размах тенденциям, которые зародились и определились в предшествующую эпоху. Знатоки питались воспоминаниями о былой славе искусства, и никакие новые идеи не были доведены до сведения мира до конца первой половины столетия.

Фламандская и итальянская школы были в моде, слегка измененная, но, в целом, СКCrcely изменена в любой эфирное частности; или смешение разных стилей, произведенные некоторых художников, которые вряд ли заслуживают упоминания за их индивидуальные заслуги. Дух эклектики действительно прослеживается в произведениях лучших мастеров того времени. Властители в области искусства к тому времени ушли из жизни, и к влиянию, которое они все еще оказывали, примешалось влияние французской школы. Блеск и сияние Тициана и Поля Веронезе, глубокое поэтическое чувство Джорджоне, чистота и нежность Рафаэля и Леонардо да Винчи, суровое величие Микеланджело, мягкая, прозрачная прелесть Корреджо, яркая красота Гвидо и Альбано, а также сила и страсть школы Караваджо оспаривали мнение любителей о легком и живом стиле, изящной манерности Ватто и Буше, и чем-то напоминали рефлексивный характер немецкого Рафаэля Менгса или того, кто работал в школе Караваджо. Карстенс и Дитрих.

Законченная и богато украшенная манера Франции особенно стала популярна во многих странах Европы, оказывая, в некоторой степени, такое же влияние на искусство, какое она оказала на литературу. Отсюда возник стиль, который был метко назван рококо — действительно, лишенный глубины и теплоты, но обладающий определенной завершенностью технических деталей, создающих приятные эффекты.

Свежая жизнь и искренняя энергия, отличавшие ранние школы, были парализованы этим, и мы не удивляемся, что за пробуждением художественного чувства последовало улучшение.

Нельзя отрицать, что совокупный объем женского труда в области искусства в XVIII веке был больше, чем в любом предыдущем; действительно, число женщин-художниц намного превысило совокупное число тех, кто был известен с самых ранних времен. Столь значительный рост произошел в соответствии с долей других профессий. Верно также, что в их усилиях, как и в усилиях людей того периода, расширение не сопровождалось большей глубиной, и в таланте и мастерстве, которые были более широко распространены, было заметно меньше индивидуальности; отсюда вполне обоснованная жалоба на то, что времени не хватало на великих людей. Тем не менее, сумма способностей и знаний не уменьшилась, хотя в своих многочисленных разветвлениях и подразделениях могло показаться, что так оно и есть.

Таким образом, мы обнаруживаем определенное единообразие и посредственность среди многочисленных художниц восемнадцатого века, а не выдающийся талант в особых случаях. И все же этого было вполне достаточно, поскольку стандарты мастерства были повышены, и возобладал более общий дух соперничества.

Вопреки опыту предыдущих эпох, мы обнаруживаем величайшие свидетельства творческой активности женщин в Германии, затем во Франции, затем в Италии. Нидерланды и Англию можно отнести к одной группе, в то время как Испания и скандинавские страны находятся на минимальном уровне в этом отношении. Эти пропорции не случайны, а соответствуют общему развитию искусства у народов того времени.

Аспект женской культуры также соответствовал национальным характеристикам. Декоративное искусство быстро росло и рано расцвело в Пруссии; Берлин, о котором до сих пор почти не упоминалось, внезапно ожил благодаря энергичному таланту, превосходящему тот, который проявлялся в любом другом немецком городе. Искусство процветало и при дворе выборщиков, и Дрезден претендовал на немалое место в этой иерархии. Франция тем временем сохранила

свою былую славу, в то время как Нюрнбергом и Мюнхеном не следует пренебрегать. Но у Австрии и Рейнских стран было меньше поводов для хвастовства; и многие города северной Германии также бедствовали женщинами-художницами.

В течение первой половины восемнадцатого века порядок вещей существенно не отличался от конца семнадцатого; фактически, те же влияния преобладали как в литературе, так и в искусстве. Пегницшефер и другие поэтические ордена все еще существовали; священные поэмы, сочиненные благородными дамами, имели свои подражания; женщины-писательницы писали в соответствии с установившейся модой, в то время как они вышли на более широкое поприще и прониклись новым духом, вдохнутым в немецкую поэзию. Тогда женщины стали не только творцами в сфере фантазии, но и оказывали контролирующее влияние благодаря своим дружеским отношениям и близости с выдающимися литературными персонажами. Мета встала рядом со своим Клопштоком; Гердер искал вдохновения у своей невесты; рядом с Виландом стояла Софи Деларош; Шиллеру помогали Каролина Вольцоген и мадам фон Кальб; Гете - мадам фон Штайн. Принцессы и благородные дамы страны оказывали письмам свое покровительство и защите стремились собрать вокруг себя избранных людей своего времени. Это в начале века сделала Софи Шарлотта, великая королева Пруссии; и Амалия фон Веймар, таким образом, способствовала богатейшему развитию немецкого разума.

Хотя нельзя сказать, что за первую половину нынешнего столетия женщины не совершили в искусстве ничего нового или поразительного, последняя часть стала свидетельницей революции, в ходе которой они в значительной степени способствовали распространению и углублению роста новых идей. Для полного образования дам высших сословий стало необходимым, чтобы они обладали некоторыми познаниями в искусстве. Хагедорн упоминает тот факт, что учитель, который мог бы давать инструкции по рисованию, мог бы гораздо легче получить работу, чем человек, не знающий этих отраслей. Мода и обычаи требовали не только определенного уровня знаний, но и мастерства от тех, кто хотел казаться состоявшимся. Было много аристократических дилетантов, и несколько придворных дам подражали славе княжеских дам более древних времен в изобразительном искусстве.

Среди них можно упомянуть Анну Амалию Брауншвейгскую; эрцгерцогиню Шарлотту и Марию Анну австрийских; герцогиню Софию Кобург-Заальфельдскую; маркграфиню Баден-Дурлаха; принцессу Викторину Ангальт-Бернбургскую, аи Елизавету Эрнестину Антонию Саксен-Майнингенскую; кроме того, прекрасную Елизавету Кристину Брауншвейгскую, которая стремилась способствовать восстановлению искусства и распространению знаний из любви к Фридриху, своему царственному мужу, и которая когда-либо будет онорестал украшением дома, который отныне проявил готовность поощрять и ценить свободные искусства.

Здесь, как и прежде, мы видим, что у многих известных художников были ученицы или помощницы, которые пытались воплотить в жизнь идеи, зародившиеся у них. Трич, считавшийся одним из лучших мастеров эклектической школы восемнадцатого века, разделял энтузиазм двух своих сестер; Тишбейн, который культивировал французский стиль, как Дитрих голландский, нашел благодарных товарищей и сотрудниц в своей жене и дочери; были и другие женщины, которые стремились облагородить эклектическую систему большей чистотой тона и более усердным изучением антиквариата. У Озера было несколько учениц; и две сестры работали на скромном пенсии рядом с величайшим художником этого стиля — Антуаном

Рафаэлем Менгсом, — пройдя тот же курс суровой учебы и упражнений под руководством своего педантичного отца.

Карстенс добился и довел до совершенства то, над чем трудился Менгс. Великие и всеобъемлющие идеи Винкельмана нашли у него гармоничное развитие. Испытывая отвращение к рефлексии, которая была главной чертой Менгса и Озера, он был пропитан вдохновением, почерпнутым из античного идеала, и, не становясь переписчиком какого-либо стиля, смог взрастить семя из плодородной почвы своих собственных дарований. Его можно назвать основоположником современного немецкого искусства. Его величественный, смелый и изобретательный стиль не особенно подходил для женского таланта; следовательно, мы не находим, чтобы у него были какие-либо принципы слабого пола.

Однако между Карстенсом и Менгс стоит прелестная женская фигура, по возрасту находящаяся на полпути между ними, как и в особой склонности ее гения; менее мелкая и задумчивая, чем Менгс, менее величественная и впечатляющая, чем Карстенс. Это Анжелика Кауфман, жемчужина среди всех женщин-художниц того периода; она сохраняет формы античности в своем собственном тонком, элегантном и очаровательном стиле; владеет своей силой с такой грациозной нежностью, что все, кто смотрит на нее, испытывают искреннее восхищение.

Именно сейчас созерцание античности вдохнуло новую жизнь в немецкое искусство, в то время как формы человечества и природы стали наблюдаться с большей свободой. Ходовецкий придерживался этой системы и был одним из самых успешных художников жанра; в то время как его дочь, ученица мадемуазель Бор и ученица Кобелла Кресцентия Шотт сыграли важную роль в подготовке пути для развития живописи в недавно представленном стиле.

Если мы перейдем теперь от общего и поспешного обзора к рассмотрению конкретных отраслей, то сочтем своим долгом записать имена некоторых женщин, которые практиковали самое сложное и трудоемкое из пластических искусств. Одним из них было вырезание марок. Первой, кто проявил мастерство в такого рода работах, была Роза ЭлизабетХ. Швиндель из Лейпцига, которая занималась своим искусством в Берлине в начале восемнадцатого века. Сохранилась прекрасная медаль королевы Софии Шарлотты, выполненная ею. Она также преуспела в огранке драгоценных камней и лепке из воска. В восковоморке были отмечены Элизабет Росс из Зальцбурга, Доротея Менн из Кельна и мадам Вайс, вероятно, из Страсбурга. Шарлотта Ребекка Шильд из Ханау работала камнерезом в Париже. Розина Пфлаудер из Зальцбурга помогала своему мужу в лепнине.

В этой работе, как и в живописи, Мария Джулиана Вермут из Готы проявила как трудолюбие, так и мастерство. В области огранки драгоценных камней Сюзанна Мария Дорш приобрела некоторую известность. Она родилась в Нюрнберге в 1701 году и вышла замуж за художника Соломона Графа, так же как и за известного художника и гравера Дж. Дж. Прейслера, за своего второго мужа. Работа, в которой она преуспела, практиковалась ее отцом и дедом, и ее применение было замечательным. Огромное количество камней были вырезаны на ее руку, и ей ПромыСтрый был не без награды в получении хорошей репутацией. Медали чеканились в честь нее.

Ее дочери, Анна Фелицитас и Мария Анна Прейслер, занимались тем же видом работы, не обладая, однако, таким разнообразием талантов, как и не добившись блестящего успеха

Барбары Юлии, дочери Иоганна Даниэля Прейслера из Нюрнберга. Она была специалистом в различных областях искусства; она могла модели в воске, и работы в слоновую кость и алебастр, и добавил малярных и медно-гравировка на ЛИст о ее достижения. Она вышла замуж за художника по имени Эдинг и умерла в Брауншвейге до 1764 года. Можно было бы назвать несколько женщин, которые в то время были хорошо известны как лепщицы из воска и занимались гравировкой и резьбой по камню. К ряду имен, по необходимости опущенных, можно добавить имена прекрасной и разносторонне одаренной Марии Анны Тру из Бамберга и ее родственницы Розали Тру, жены художника Дома, которая впоследствии приняла постриг в монастыре в Менце, отказавшись от своего обета за четыре дня до завершения послушничества, чтобы вернуться в мир и свой родной Бамберг.

Генриетта Фелиситас Тассерт, дочь знаменитого художника, написала картины пастелью и превосходно выгравировала на меди. Мадемуазель Нор, ученица Ходовецкого в Берлине, стала членом академии.

Было естественно, что большее число художников того периода посвятили себя живописи. Сначала мы взглянем на некоторые направления этого искусства, культивируемые особенно женщинами, которые не достигли ничего примечательного в исторической и жанровой живописи. Модный вкус того времени во многом зависел от миниатюр и портретов пастелью, и многие женщины достигли совершенства в этом виде работы, а также в росписи по эмали, поскольку требовалось гораздо меньше изучения и применения, чем в высших отраслях искусства.

Марианна Хейд, довольно известная художница-миниатюрист, родилась в Данцике в 1688 году. Она продолжила свою профессию в Берлине, и после ее замужества в 1705 году за художника Вернера в Аугсбурге ее таланты обеспечили ей честь быть вызванной в избирательный суд Саксонии в Дрездене, где она получила назначение и умерла в 1753 году.

Другой выдающейся художницей миниатюр была Анна Розина Лискевская, которая также работала в Берлине, где она родилась в 1716 году. Она добилась немалых успехов и в 1769 году была принята в Дрезденскую академию.

Тот же город был украшен элегантными работами Анны Марии Менгс, которую доктор Гуль называет “самойодаренной из трех сестер” и которую Фиорилло называет “дочерью Рафаэля своего времени”. Она рано получила наставления от своего отца; приехала в Дрезден в 1751 году и посвятила себя живописи — главным образом портретам. Она совершила свое первое путешествие в РOME в 1777 году и там вышла замуж за гравера по меди Мануэля Сальвадора Кармону. У нее было много детей, но она продолжала заниматься своим искусством, заботясь о них. Она создала несколько картин пастелью и миниатюр. Ее главные работы, выполненные для короля Испании и младенца Дона Луиса, находятся в Мадриде, в Академии Сан-Фернандо, членом которой она была избрана. Она умерла в Мадриде в 1793 году.

Как миниатюра и пастельная живопись особенно приспособлены для женских рук благодаря деликатному и чистому обращению, так и флоракартини и пейзажи, кажется, представляют собой красивые предметы и сцены, соответствующие вкусу представительниц слабого пола. Поэтому неудивительно, что эти отрасли нашли нескольких культиваторов. Цветочная и пейзажная живопись стала страстью среди немецких женщин, которых можно отнести к любителям или знатокам. В своей работе о живописи Хагедорн упоминает в качестве

выдающейся покровительницы этих заведений графиню фон Оппендорф. Вместе с ней можно назвать графиню фон Трюхсетц-Вальдбург, принцессу Анну Паар и других, незаслуживающих особого внимания. Мария Доротея Дитрих, сестра дрезденского художника, и уже упомянутая Кресценция Шотт профессионально занимались искусством.

Многие были прекрасными художницами, подражавшими знаменитой Рахель Рейш. Изображение животных и объектов в естественной истории стало любимым стилем, и известность мадам Мериан побудила многих представителей ее пола последовать ее успеху. Влияние примера проявилось здесь так же сильно, как и в любом другом вопросе.

В начале этого столетия в Любеке жила Катарина Элизабет Хайнеке, родившаяся в 1685 году, восторженная покровительница цветочной живописи и мать "знаменитого любекского ребенка". Среди множества художников, которых следует оставить незамеченными, мы можем упомянуть семью из Нюрнберга по фамилии Дитч, к которой яотнес трех сестер по таланту и достижениям. Катарина Тру, родившаяся в Бамберге в 1742 году, прославилась в том же роду. Она училась в Дюссельдорфе, привлеченная туда, несомненно, работами Рахели Рюйш, и получила от Карла Теодора в Мангейме должность cabinet-художника. Оттуда она вернулась в Дюссельдорф, чтобы занять место профессора в тамошней академии художеств.

К тому же периоду относится Каролина Фредерика Фридрих, первая женщина-пенсионерка, которая занималась своим искусством в качестве члена Дрезденской академии. Гертруда Мец из Кельна также была ученицей Рахели Рюйш в Дюссельдорфе. Из оставшихся хозяев мы называем только сестер Анну и Элизабет Фюссли (Фузели), которые рисовали в стиле своего отца и копировали с натурьцветы и насекомых Швейцарии.

Гравировкой на меди в тот период занималось огромное количество женщин, и ей покровительствовали многие прекрасные и знатные дилетантки. Принцесса Саксен-Мейнингенская, уже названная по имени, обладала мастерством в этой отрасли. Теперь мы можем оставить все это и взглянуть на женщин, которые проявили себя в более властных и возвышенных стилях исторической и жанровой живописи. Здесь появляется больше свидетельств индивидуальности в трактовке конкретных сюжетов.

Наряддолжен быть предоставлен в первую очередь дамам самого высокого ранга. Анна Амалия из Брауншвейга была известной художницей. Мария Анна, эрцгерцогиня Австрийская и дочь императрицы Марии Терезии, в часы досуга занималась жанровой живописью и офортом и благодаря своему мастерству приобрела значительную известность. Шарлотта, эрцгерцогиня Австрийская, была членом венской академии и, как королева Обеих Сицилий, получала наставления в Неаполе от Мура. Герцогиня София Кобург-Заальфельдская, помимо своих картин, оставила некоторые свидетельствасвоего мастерства в гравировании ближе к концу столетия.

К этим прославленным именам можно добавить другие, которые, подобно этим королевским дамам, посвятили себя искусству и получили высокую оценку знатоков. Мария Элизабет Вильдорфер из Иннспрука долгое время занималась той же профессией в Риме, где она писала портреты и церковные росписи под покровительством кардинала. Мария Тереза Ридель из Дрездена, ставшая пенсионеркой тамошней академии в 1764 году, занималась копированием

голландских жанровыхнадписей. Розина, другая сестра художника Дитриха, скопировала ряд старых картин. Она вышла замуж за художника Беме и жила в Берлине до 1770 года.

Анна Доротея, одна из сестер Лизевских, родившаяся в 1722 году, была избрана, благодаря своим портретам и историческим работам, членом Парижской академии. Она умерла в Берлине под именем мадам Тербуш в 1782 году. Якоба Вербронк работала во второй половине века и умерла в 1801 году в монастыре Изеген. Но ни одна из женщин—художниц нашего времени не может сравниться с гениальности или знаменитости с той, о ком мы сейчас будем говорить, - с одной из самых красивых, одаренных и достойных уважения из всех женщин, снискавших бессмертную славу трудом карандаша.

ГЛАВА XI. ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК.

Angelica Kauffman.—Происхождение и рождение.—Прекрасные пейзажи ее родины.—Раннее увлечение живописью.—Перенимает стиль Менгса.—Ее резиденция в Комо.—Обучение.—Музыка или живопись?—Красота окружающей природы.—Письмо Анжелики о Комо.—Побег от Купидона.—Переезд в Милан.—Знакомство с великими произведениями искусства.—Исследования ломбардских мастеров.—Герцог Моденский, ее покровитель.—Портрет герцогини Каррарской.—Успех.—Возвращение в Шварценберг.—Фресковая живопись.—Домашняя жизнь художника.—Милан и Флоренция.—Роя.—Знакомство с Винкельманом.—Анжелика пишет его портрет.—Едет в Неаполь.—Учится в Риме.—В Венеции.—Знакомство со знатыми английскими семьями.—В Лондоне.—Блестящая карьера.—Привязанность Фузели к ней.—Назначен профессором Академии художеств.—Романзабавный инцидент во время ее поездки в Швейцарию.—Усталые путники.—Лорд-распутник.—Негодование девушки.—Неожиданная встреча в аристократических кругах Лондона.—Возобновление иска лорда.—Отвергнуто с презрением.—Его ранг и титул отвергнуты.—Месть.—Самозванец в обществе.—Анжелику обманом заставили выйти замуж.—Сообщает она королеве.—Подозрения ее отца.—Разоблачение измены.—Отчаяние жены.—Фиктивный брак аннулирован.—Сочувствие королевы.—Истории о кокетстве Анжелики.—Брак с Цукки.—Возвращение в Италию.—Смерть ее отца.—Резиденция в Риме.—Круг литературных знаменитостей.—Работы Анжелики.—Критические замечания.—Мнения Менгса и Фузели.—Портреты в галерее Питти.—Смерть Цукки.—Вторжение в Италию.—Меланхолия Анжелики.—Путешествие и возвращение.—Ее смерть и похороны.

ANGELICA KAUFFMAN.

Мария Анна Анжелика Кауфман родилась в Койре, столице Граубюнденов, в 1741 году. Ее отец, художник Иоганн Йозеф Кауфман, был вызван туда из Шварценберга на Боден-Зее, по назначению bishop, чтобы писать церковные росписи. Там он женился и оставался до 1742 года, прежде чем переехать в Морбенью в Ломбардии.

Будучи единственным ребенком в семье, Анжелика с ранних лет находилась под опекой любящих родителей; и величие и красота природы вокруг ее дома, поросшие виноградом холмы

и дикие леса ее родины, голубые воды и яркие пейзажи, которые она привыкла созерцать в Италии, поразили ее восприимчивое воображение и пробудили в ее юной груди живую и радостную симпатию к природе. Хотя ее отец специально не предназначал ее для профессии художника, ранний порыв гения привел ее к живописи, и ей было позволено следовать своим наклонностям только в том направлении, в котором работа, назначенная ей, казалась приятным развлечением. На самом деле она предпочитала свои уроки любому развлечению. Раннее воспитание этого мягкого духа сильно отличалось от воспитания Рафаэля Менгса, вынужденного работать по строгим правилам; и хотя впоследствии Анжелика переняла стиль этого знаменитого немецкого мастера, ее стиль отличался легкой и очаровательной грацией, которая могла быть унаследована только от ее врожденных дарований и свободного потакания своим вкусам.

В возрасте девяти лет это гениальное дитя было широко замечено благодаря ее замечательным рисункам пастелью. Когда ее отец в 1752 году уехал из Морбеньо и поселился в Комо, она нашла в этом городе большой простор для своего незаурядного таланта и лучшее образование; и, в дополнение к своим занятиям кистью и карандашом, она посвятила себя изучению общей литературы и музыки. Она овладела последним искусством так быстро, а талант проявился так ярко, помимо необычайно тонкого голоса, что ее друзья несколько лет спустя настаивали на том, чтобы ее жизнь была посвящена музыке. Некоторое время она сама пребывала в нерешительности, какому призванию ей следует посвятить свои силы. На одной из своих картин она изображает себя стоящей в нерешительной позе между аллегорическими фигурами Музыки и Живописи. Ее любовь к последнему возросла; и столь велик был ее успех, хотя она была еще в нежном возрасте, что ее портрет управляющего епископа Комо принес ей ряд выгодных заказов.

Восхитительные природные пейзажи, окружавшие Анжелику в то время вдоме на берегу самого красивого озера в мире, оказали благотворное влияние на ее чувства, и время, проведенное там, было самым счастливым в ее жизни. Говорят, что она написала портрет архиепископа Комо в очень раннем возрасте. Позже она с удовольствием вспоминает годы, проведенные в этой очаровательной обители.

“Ты спрашиваешь, мой друг, ” пишет она в одном из своих писем, - почему Комо всегда в моих мыслях? Именно в Комо, в годы моей самой счастливой юности, я впервые по-настоящему наслаждался жизнью. Я видел величественные дворцы, прекрасные виллы, элегантные прогулочные катера, великолепный театр. Я думал, что нахожусь в роскошной сказочной стране. Я тоже видела мальчишку, юная Любовь, в тот момент, когда он выпускал стрелу, нацеленную мне в грудь; но я, девица, свободная от фантазий, уклонилась от стрелы, и она упала невредимой. По прошествии лет, - продолжает она, - гений, который управляет моей судьбой, снова привел меня в этот восхитительный край, где я вкусила прелести дружбы с очарованием природы и с более глубокой, чем когда-либо, радостью слушала эд ропот волн на этом непревзойденном берегу. Однажды я прогуливался с приятной компанией вокруг одной из самых красивых вилл недалеко от озера. В тени леса я снова увидел дремлющего юного бога. Я подошел к хим. Он проснулся, посмотрел на меня и, узнав ту, которая презрела его власть, внезапно вскочил, намереваясь быстро отомстить. Он погнался за мной, стрела пролетела еще раз, но ни на волос не достигла моего сердца”.

Действительно, два года ее первого проживания в Комо пролетели слишком быстро, и она с глубоким сожалением покинула свой любимый дом, когда в 1754 году ее отец уехал, чтобы поселить свою семью в Милане.....

Однако даже эта страшная перемена была счастливой, ибо, казалось, было predetermined, что молодость Анжелики утечет, как ручей в лучах счастья. В этом городе ее взору открылся новый мир чудес, где она увидела произведения искусства, превосходящие по достоинству те, что она когда-либо видела. Она копировала старинные модели на своих рисунках и гравюры с картин ранних мастеров, которые были среди сокровищ ее отца. Здесь она впервые познакомилась с произведениями огромной красоты и важности в истории искусства. Здесь трудился Леонардо да Винчи и основал школу, в которой до сих пор бросаются в глаза мягкое достоинство, чистота и возвышенность, присущие его творениям. Впечатления, полученные ею от созерцания произведений самых известных ломбардских мастеров, и тщательность, с которой она изучала их до тех пор, пока ее собственный стиль не проникся их духом, оказали решающее влияние на профессиональную карьеру молодой художницы.

Эта перемена оказала не менее благоприятное влияние на ее житейские обстоятельства. Ее копии некоторых картин, найденных во дворце Роберта д'Эсте, герцога Моденского и губернатора Милана, побудили его объявить себя ее покровителем и привели к ее знакомству с герцогиней Каррарской. После того, как она написала по приказу портрет этой принцессы, она получила заказы на ряд картин для других высокопоставленных дам.

Ассоциации, вызванные этим успехом, способствовали тому, что юная художница обрела то самообладание и достоинство манер в сочетании со спокойной скромностью, наиболее подходящей ее возрасту и полу, которые впоследствии отметили ее поведение в высших кругах общества.

Таким образом, несколько лет проживания Кауфмана в этом любимом итальянском городе принесли его дочери множество преимуществ. Смерть жены подтолкнула его к очередному переезду, и он отправился на великую работу в свой родной город Шварценберг. В этом предприятии Анжелика оказала важную услугу, впервые получив возможность участвовать в крупном предприятии, которое не часто практикуется женщинами. Она написала фресками фигуры Двенадцати апостолов по медным гравюрам из Пьяцетты.

Было сказано, что время, проведенное в этой стране в тот период молодой художницей, проходило в доме брата ее отца, честного “фермера”, в комфортных, хотя и стесненных обстоятельствах. Сначала Анжелика, привыкшая к чудесам искусства и великолепию итальянских городов, едва могла заставить себя выносить этот домашний образ жизни. Грубые манеры тех, кто ее окружал, — полное отсутствие элегантности или вкуса — вызывали у нее неудовольствие и отвращение. Однако постепенно, по мере того как привычка смягчала эти первые впечатления, поэтическая сторона картины начала проясняться в ее сознании. Она научилась любить домашнюю простоту этого гостеприимного жилища с его остроконечным фасадом и узкими окнами — мрак и уединение этих темных сосновых лесов, сквозь которые едва проникали солнечные лучи, и перестала тосковать по мраморным дворцам Милана и апельсиновым рощам Комо. Кроме того, у нее было мало времени на праздные сожаления, поскольку внутреннее убранство церкви по соседству было доверено ее отцу и ей самой. Ее успех в столь трудном предприятии привлек к себе значительное внимание”.

После завершения этой работы, получившей восторженную оценку Констанцского епископа, последовало море беспокойств, сопровождавшихся частой сменой места жительства и скоплением заказов, в то время как художник тщетно искал возможности вновь посетить хранилище художественных сокровищ - Италию. Чтобы исполнить это желание и завершить свое художественное образование, Анжелика сначала вернулась со своим отцом в Милан, а оттуда отправилась во Флоренцию, где с неугомонным рвением погрузилась в изучение великих произведений искусства, которыми так богат этот город. Ее выступления уже вызвали высокую оценку, которая была получена после того, как Уорд засвидетельствовал включение ее портретов в тамошнюю коллекцию оригинальных картин известных художников. Кардинал де Рот позвал ее в Констанцию для своего портрета.

Однако даже Флоренция рассматривалась ею лишь как место подготовки кучебе; великой целью ее честолюбивых замыслов был Рим. Туда она отправилась в 1763 году, и ее обычная удача сопутствовала ей. В следующем году она прошла курс перспективы. Бессмертный Винкельман был тогда в разгаре своей великой работы по вдоху новой жизни в древнее искусство, и ему доставляло удовольствие интерпретировать вдохновение для других и способствовать общению и хорошему взаимопониманию между художниками.

Прошло совсем немного времени, прежде чем юный приверженец познакомился с этим великим человеком. Было прекрасно видеть дружбу, которая существовала между этой восемнадцатилетней девушкой в расцвете сил и опытным шестидесятилетним мужчиной, который столько лет проработал в своей профессии: она была блестящей и пылкой, полной надежд и энтузиазма — его лоб был нахмурен изучением и размышлениями; оба были вдохновлены одним духом; оба испытывали одно и то же горячее желание посетить Вечный город.

Анжелика находила и удовольствие, и выгоду в обществе Винкельмана, всегда в компании своей подруги, жены Рафаэля МенГ.С. Его портрет, написанный ею в то время и впоследствии выгравированный ею, убедительно доказывает своим превосходным сходством, ярким колоритом и энергичным штрихом, и, прежде всего, своим духовным выражением, насколько глубоко она постигла дух величайших учеников искусства. Винкельман не без явного удовлетворения объявил своим друзьям, что его портрет написала “молодая и красивая женщина”.

Вскоре заказ на копирование нескольких картин из королевской галереи Неаполя вызвал ее в этот город, столь любимый красотой своего расположения и очарованием климата. Здесь она почерпнула новые идеи при созерцании многочисленных шедевров старины, а также получила богатое вознаграждение за свои труды по выполнению заказов многих высокопоставленных лиц. Ее пребывание в этом мягком, роскошном климате, в окружении красоты природы, однако, не ослабило ее характер и не повлияло на свежесть и наивность ее стиля.

В 1764 году мы снова находим ее в Риме. Здесь она провела год, занимаясь своими исследованиями, включая архитектуру и перспективу, продолжая дружбу с Винкельманом. Ее наблюдения за итальянским искусством были дополнены изучением работ Караччи в Болонье и Тициана, Тинторетто и Поля Веронезе в Венеции. В последнем названном городе Анжелика познакомилась с англичанкой - образованной леди Вентворт, женой британского резидента, — которая впоследствии взяла ее с собой в Лондон.

Во время своего пребывания в Неаполе она была принята в близкие отношения с несколькими знатными английскими семьями и принимала у них заказы на картины. Считалось, что в Лондоне она добьется более выдающегося и прибыльного успеха, чем могла надеяться в такой богатой художественными достижениями стране, как Италия. Так было на самом деле, и после того, как Анжелика проехала через Париж, воспользовавшись его преимуществами, в Лондон, она обнаружила, что перед ней открывается блестящая успешная карьера, приносящая большую денежную выгоду. Ее таланты и обаятельные манеры возвысили ее покровителей и друзей среди аристократии. Лица, приближенные ко двору, пользовались ее профессиональными услугами, и самый известный художник Англии, сэр Джошуа Рейнольдс, входил в круг ее друзей. Говорят, что он предложил ей руку, и мистер Роберт Бэлманно, который лично знал Фузели, сказал мне, что он был одним из ее поклонников. Она была причислена к художникам Королевского общества и удостоилась редкой для женщины чести занять профессорскую должность в Академии художеств в Лондоне, будучи, тем временем, по всеобщему признанию, занимающей блестящее положение в лучших кругах модного общества.

Автор "Вестминстер Ревью" дает романтический отчет об инциденте, который привел к величайшему несчастью в жизни Анжелики:

“Еще в раннем девичестве, путешествуя со своим отцом через Швейцарию к их родине, она впервые увидела человека, которому суждено было оказать столь роковое влияние на ее судьбу. Анжелике тогда было всего семнадцать лет, ее зарождающиеся таланты уже привлекли к себе значительное внимание, но поскольку и отец, и дочь были бедны, они были вынуждены путешествовать пешком, ночуя в маленьких придорожных гостиницах. Однажды вечером, когда, утомленные долгим дневным путешествием, они зашли в скромный ресторан *le entertainment*, хозяин сообщил им, что они должны идти дальше, поскольку пара "знатных сеньоров", только что прибывших, заняли все комнаты для себя и своей свиты. Усталые путешественники настаивали на своем праве остаться, испор становился все жарче, когда появился один из джентльменов, в размещении которых им было отказано, и с большой вежливостью попросил их пройти в столовую и разделить с ними трапезу. Добрый Кауфман, чья откровенная, доверчивая натура всегда была чужда подозрений, сразу же согласился, несмотря на шепчущие мольбы своей дочери, которая, обладая интуитивным восприятием своего пола, различила что-то оскорбительное за изысканной вежливостью их приглашающего. Она не ошиблась; за столом лорд Э. вскоре забыл об уважении, подобающем молодости и невинности, и позволил себе некоторую вольность. Анжелика с негодованием отвергла это предложение и, когда оно повторилось, поспешно встала из-за стола, увлекла за собой отца и немедленно вышла из дома”.

Годы спустя, когда Анжелика жила в Англии, “встреченная с энтузиазмом, разыскиваемая самыми благородными и одаренными людьми в стране, когда все, казалось, улыбалось ей на пути, в роковой час она снова встретила человека, чей неприкрытый распутство так глубоко ранило ее скромность десять лет назад”. Они снова встретились в блестящем кругу, где были собраны все *beaux esprits* Лондона. Лорд Э. уже давно потерял все следы ее присутствия, и велико было его изумление, когда он узнал в элегантной женщине омана и знаменитой художнице скромную маленькую пешеходку швейцарских гор. Если тогда он считал ее очаровательной, то насколько же более прелестной она казалась ему сейчас; его сердце и фантазия были одинаково воспламенены, и он решил, что, по крайней мере, на этот раз она не ускользнет от него. Притворное раскаяние в прошлом, заверения в бескорыстной преданности,

которая не требовала взамен ничего, кроме дружбы и уважения со стороны своего объекта, лесть, намеки - все было пущено в ход. Доверчивая и бесхитростная Анжелика поверила ему; только когда, вообразив, что ему обеспечен триумф, он сбросил маску, она заподозрила его низость. В равной степени потрясенная и возмущенная, она больше не допускала его в свое общество.

“Это только разожгло его страсти. Возможно, он счел это предлогом заманить его на более почетные предложения; во всяком случае, отчаявшись получить приз любым другим способом, он положил к ее ногам свое положение и титул. Но Анжелика не была Памелой, чтобы со смиренной благодарностью принять руку того, кто оскорбил ее добродетель. Ее мягкий, но решительный отказ ранил его до безумия. Если то, что утверждают некоторые из ее биографов, правда, он силой вторгся в ее присутствие и добивался силой того, чего не могли добиться никакие уговоры; но и здесь он потерпел неудачу. Слух о его никчемном поведении распространился по всему миру, и он счел самым удобным на время покинуть Англию, поклявшись отомстить. Дальнейшая часть истории хорошо известна”.

Другие говорят, что это был английский художник, который из зависти к талантам Анжелики втянул в свой подлый заговор человека, который ее обманул. Как бы то ни было, она, несомненно, стала жертвой заговора, организованного с не меньшей злобой, чем искусство. Это была аналогия с историей Лионской леди; отвергнутый поклонник клянется отомстить и использует в качестве своего инструмента, чтобы заполучить человека, сильно отличающегося по характеру от благородного Клода.

Низкий-прирожденного искателя приключений, который присвоил себе имя джентльмена от ранга и характера—вот его хозяин, Граф Фредерик де Хорн—сыграл заметную роль в то время в лондонском обществе, и был skillful достаточно, чтобы обмануть тех, с кем он связан. Он подошел к нашей художнице, которой тогда было около двадцати шести, и она была в самом расцвете сил. Он засвидетельствовал свое почтение как человек, отдающий глубочайшее почтение ее гению; затем он превратился в скромного и сочувствующего друга. Наконец, он воззвал к ее романтическому великодушию, представив, что ему угрожает ужасное несчастье, от которого она может спасти его, только приняв его как своего мужа. Он верил, что внезапный и тайный брак был необходим.

Бедная Анжелика, которая избегала любви на берегах Комо и под сияющими небесами Италии и с тех пор, как приехала в Лондон, отвергла множество предложений самого выгодного союза, чтобы остаться свободной и посвятить себя своему искусству, была поймана в ловушку и поддалась рыцарской жалости к тому, кого считала достойным привязанности своего сердца. Бракосочетание было совершено католическим священником без формальностей и без свидетелей.

Анжелика получила заказы на портреты нескольких членов королевской семьи и выдающихся придворных, и ее таланты снискали ей благосклонное внимание английской королевы. Однажды, когда она рисовала в Букингемском дворце, ее величество вступила с ней в разговор, и Анжелика сообщила своей королевской подруге о факте своего замужества. Королева поздравила ее и послала приглашение графу де Хорну явиться ко двору. Самозванец, однако, не осмеливался появляться так открыто, и он держался очень близко к дому, поскольку хорошо знал, что пройдет совсем немного времени, прежде чем обман будет раскрыт.

В конце концов подозрения отца Анжелики, которому стало известно о ее замужестве, привели его к расследованию, которому помогли влиятельные друзья. Примерно в это же время, как говорят некоторые, вернулся настоящий граф и был удивлен тем, что его часто поздравляли с женитьбой. Затем произошло унижительное открытие, что мнимый граф был низким самозванцем. Королева сообщила об этом Анжелике и заверила ее в своем сочувствии.

Этот парень был вынужден добиваться руки бедной девушки исключительно из корыстолюбия, желая завладеть имуществом, нажитым ее трудом. Теперь он хотел принудить ее к поспешному бегству из Лондона. Полагая, что она безвозвратно связана с ним, Анжелика решила покориться своей судьбе; но ее твердость и сила характера позволили ей уклониться от выполнения его требования покинуть Англию, пока ей не станет известна правда — что тот, кто называл себя ее мужем, уже женат на другой женщине, которая еще жива. Это открытие сделало пребывание самозванца в Лондоне опасным, и он был вынужден бежать в одиночку, после того как неохотно подчинился необходимости вернуть около трехсот понаходок, полученных от его жертвы, на которые он не имел права.

Фиктивный брак, разумеется, был немедленно объявлен недействительным. Эти печальные обстоятельства ни в коей мере не уменьшили интереса и уважения, проявленных к даме, которая, срывая розужизни, была так сильно ранена ее шипами; напротив, к ней относились с большим вниманием, чем когда-либо, и она получила несколько безупречных предложений руки и сердца. Но все они были отклонены; она предпочла жить только ради своей профессии.

Один из биографов Анжелики называет ее “стойкой к лести”. Ноллекенс, с другой стороны, обвинил ее в том, что в юности она была кокеткой. Находясь в Риме, до замужества, он сказал, что она чрезвычайно любила личное восхищение. “Однажды вечером она заняла свое место одной из самых заметных лож театра в сопровождении двух артистов, оба из которых, как и многие другие, были отчаянно влюблены в нее. Она заняла свое место между двумя своими обожателями; и пока ее руки были сложены перед ложей, над которой она склонилась, ей удалось пожать руку обоим, так что каждый вообразил себя кавалером по ее выбору”.

После пятнадцатилетнего проживания в Англии, когда врач, лечивший ее страдающего отца, посоветовал вернуться в Италию, а инвалид выразил свой страх умереть и оставить ее без защиты, Анжелика уступила его мольбам и отдала свою руку художнику Антонио Цукки.

Этот джентльмен родился в Венеции в 1728 году и работал там над историческими произведениями. Впоследствии он тоже увлекся пейзажной живописью и архитектурой, и многие из его рисунков были опубликованы в научных трудах того времени. Будучи вынужденным отправиться в Англию, он получил превосходное место и завоевал теплую дружбу мистера Кауфмана. Брак с его дочерью заключился в 1781 году и оказался самым счастливым, не омраченным никакими неприятностями вплоть до смерти Цукки.

Анжелика вместе со своим мужем и отцом вернулась на солнечный юг. Остановившись в Шварценберге, чтобы навестить своих родственников, они сразу же отправились туда, рассчитывая на длительное пребывание. В январе следующего года Кауфман скончался на руках своего любящего ребенка.

Молодожены, стремясь вырваться из тени этого горя, поспешили в Рим, где поселились на постоянное жительство, сделавшись несколько визитов в Неаполь по приказу королевской семьи. Их дом был центром притяжения в художественном и литературном обществе столицы, и Мадам Дзукки ли отличия и обойтись гостеприимство с льготным особенно ее собственного, не теряя частицу своей энергии в преследовании ее картину, или любой его части из любви к нему которые отличают ее первые годы. Это может объяснить единую индивидуальность, заметную в ее произведениях, в достоинствах и недостатках которых можно проследить особенности ее характера и воспитания.

В Риме Анжелика познакомилась с Гете, Гердером и другими великими людьми, которые в разное время посещали Вечный город. Гете говорит о ней в одном из своих писем: “Добрая Анжелика обладает самым замечательным и для женщины поистине неслыханным талантом; нужно видеть и ценить то, что она делает, а не то, что она оставляет незавершенным. У нее есть многому научиться, особенно в том, что касается работы, поскольку то, что она производит, действительно изумительно”. И в своей работе, озаглавленной “Винкельман и его век”, он замечает о ней: “Легкость и приятность в форме и цвете, в дизайне и исполнении отличают многочисленные работы нашей художницы. Ни один из ныне живущих художников не превосходит ее ни по достоинству, ни по тонкому вкусу, с которым она обращается с карандашом”.

В то же время считалось, что ей не хватает четкости очертаний, разнообразия и силы прикосновения; говорили, что ее колориту не хватает глубины и теплоты; в то время как все признают ее грациозность, мягкость и деликатность, свободу и непринужденность, правильность и элегантность ее рисунка. Ее работы по праву были названы “светлыми и прелестными майскими играми очаровательной фантазии”.

Среди ее картин-персонажей были особо отмечены “Аллегра” и “Пенсероза”, а также причудливые портреты Сафо и Софонисбы с богинями греческой мифологии; также фигуры и сцены из произведений современных поэтов, такие как нежная и чарующая Уна из “Королевы фей” Спенсера, и простые аллегорические изображения. Последние были ее любимыми сюжетами и были взяты как из классической, так и из романтической истории, как “Венера и Адонис”, “Ринальдо и Армида”, “Смерть Элоизы”, “Сафо, вдохновленная любовью” и др. Похвала не может быть отказано в ее Эссенчастично автоматизированного прогресс современного искусства, не расставаясь с какой-либо частью своей женской резерва и чистоты. Ее картины вместе с работами Менгса помогли освободить живопись от эксклюзивной школы Карло Маратти.

Среди ее лучших композиций были отмечены “Леонардо да Винчи, умирающий на руках Франциска I.”; “Возвращение Арминия” — написана для Иосифа II. — “Траурная пышность Паллады”; и “Удивленная нимфа”, поспешно прикрывающаяся белой вуалью. При написании портретов у нее была привычка задерживаться перед тем, как сделать набросок, чтобы ухватиться за какую-нибудь любимую позу или выражение лица. Она понимала эффект *claire-obscur* и позаботилась о том, чтобы избежать путаницы в своих фигурах. Ее драпировки были подобраны со вкусом и не были излишними.

Один любитель однажды сказал ей: “Ваши ангелы могли бы ходить, не пачкая своих одежд”.

У нее была привычка переносить на бумагу свои размышления и сохранять сувениры. На одной из ее фотографий были написаны следующие слова:

“Я не буду даже пытаться выразить сверхъестественные вещи бу человеческого вдохновения, а ждать, пока я не достигну рая, если там картина там происходит”.

Искусство было для нее дыханием жизни, а труд - величайшим наслаждением. Они продолжали оставаться такими даже тогда, когда, увенчанная славой, она была центром восхищенного круга в лучшем обществе Рима. Цукки, в надежде отвлечь ее от чрезмерного усердия, купил прекрасную виллу - замок Гандольфо - для их проживания; но Анжелика не могла долго находиться вдали от Рима. Незнакомые люди, приезжавшие в город, вскоре приходили выразить свое почтение прекрасной художнице; и в обществе великих и одаренных, либо в своем собственном кругу, либо с такими друзьями, как Клопшток и Гесснер, которые высоко ценили ее гений, она оказывала влияние, которое не преминуло способствовать росту литературного и художественного самосовершенствования.

Де Росси говорит: “Было интересно понаблюдать за Анжеликой и ее мужем перед съемками. Пока Цукки с энтузиазмом говорил, Анжелика хранила молчание, устремив свой красноречивый взгляд на последние части работы. На ее лице можно было прочесть ее чувства, и ее замечания всегда ограничивались несколькими краткими словами. В них, однако, редко выражалось какое-либо порицание; только восхваление того, что было достойно похвалы. Это было в ее натуре - восхищаться только прекрасным, как пчела извлекает только мед из каждого цветка”.

Рафаэль Менгс произнес в ее адрес лестный панегирик. “Как художница, - говорит он, - она является гордостью женского пола во все времена и у всех народов. Ничего не требуется; композиция, колорит, фантазия - все здесь”. Но он был ее другом и писал так, пока воспоминания о ее прелестях и добродетелях были свежи в его памяти.

Фузели, который был польщен ее дружбой, был более суровым судьей. Он говорит, что у него “нет желания противоречить тем, кто считает успех эталоном гениальности, и, поскольку их героиня равна величайшим именам в первом, предположим, что она находится на одном уровне с ними по могуществу. Она нравилась и желала нравиться эпохе, в которой жила, и расе, к которой принадлежала. Немцы, по крайней мере, с таким же патриотизмом, как и здравомыслие, называли ее Художницей Умов (Зелен Малерин); и это неудивительно для нации, которая, в лице А. Р. Менгса, льстит себе мыслью, что у них есть художник, равный Рафаэлю.

“Мужские и женские персонажи Анжелики никогда не отличаются по форме, чертам лица или выражению от любимого идеала в ее собственном сознании. Все ее герои - мужчины, которым, как она думала, она могла бы подчиниться, хотя его, возможно, она так и не нашла. Ее героини - это она сама, и, хотя обходительность и манящая грация способны отвлечь всеобщее внимание от более суровых требований к характеру и самовыражению, они никогда не могут не понравиться”.

Более легкие поэтические сюжеты были написаны ею с изяществом и вкусом, присущими только ей, и, к счастью, соответствовали образу гравера, чьи труды способствовали росту и увековечиванию ее славы. Это был Бартолоцци, чьи таланты были в значительной степени посвящены ей.

Человек испытывает естественное желание узнать что-нибудь о внешности того, кем так восхищаются. Ее портрет, написанный ею самой, в натуральную величину, находится в галерее Питти во Флоренции вместе с портретами двух других художниц; и все трое привлекают внимание каждого посетителя.

Ниже приводится описание одного зрителя: “Первая по чертам лица и выражению несет на себе печать мужского интеллекта; прикосновение энергичное, окраска имеет золотистый оттенок венецианской школы, но в ней нет никаких признаков индивидуальности; это Мария Робусти Тинторетто. Во второй нельзя ошибиться; даже самый неопытный глаз с первого взгляда определил бы, что это француженка — пикантная, живая, грациозная, явно не столько поглощенная своим искусством, сколько чувствительная к восхищению как женщина — это хорошо известная мадам Лебрен. Напротив “Прекрасной парижанки” - третий портрет женщины, все еще находящейся в расцвете сил, но лишенной всякого блеска красок, с выражением лица серьезным и задумчивым, почти меланхолическим. Она сидит на камне посреди уединенного пейзажа, в одной руке портфель с набросками, в другой карандаш. Поза непринужденная, почти небрежная. Здесь нет попытки выставить себя напоказ; глядя на нее, вы чувствуете, что каждая мысль поглощена ее призванием. Это Анжелика Кауфман”.

Спокойный уклад ее жизни был нарушен смертью мужа в 1795 году. За этим внутренним бедствием последовали политические события, которые потрясли мир, и наш художник пострадал в условиях всеобщей агитации. Она была очень встревожена вторжением французов в Италию, хотя находила в своем искусстве и облегчение от забот, и защиту от страха бедности. Генерал Л'Эспинасс освободил дом, в котором она жила, от размещения солдат и предложил ей свои услуги по обеспечению ее безопасности. Но никакая доброта не могла восстановить ее утраченную энергию или вернуть ту жизнерадостность, которая когда-то поддерживала ее.

В 1802 году Анжелику охватила болезнь, и по выздоровлении ей посоветовали отправиться в путешествие для укрепления ее физических и умственных способностей, а также для облегчения гнета печали, парализовавшей даже ее любовь к искусству. Она посетила Флоренцию, Милан и Комо, где с меланхолическим удовольствием задержалась среди сцен своей юности. В Венеции она задержалась, чтобы навестить семью своего покойного мужа. Затем она вернулась в Рим, где ее друзья оказали ей ликующий прием.

С тех пор она проводила время за привычными занятиями и в обществе тех, кто ее любил. Ее здоровье продолжало ухудшаться, но ее интеллект оставался ярким и энергичным до самой ее смерти в ноябре 1807 года. Незадолго до смерти она знаками попросила своего двоюродного брата прочитать ей одну из духовных од Геллерта. Среди этой немецкой жизни она всегда оставалась верна немецкому духу; поскольку среди своих более чем мужских трудов она сохраняла свою нежную, женственную натуру. Известие о ее кончине вызвало глубокую скорбь во всем Риме. Все члены Академии Святого Луки присутствовали на ее похоронах; и, как и на похоронах Рафаэля, за ее гробом несли ее последние картины. Ее останки были помещены в церковь Святого Андрея делла Фратте. Ее бюст сохранился в Пантеоне.

Ее работы разбросаны по всей Европе и будут выставлены в Вене, Мюнхене, Лондоне, Флоренции, Риме, Париже и т.д.

ГЛАВА XII. ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК.

Художницы в скандинавских странах.—В Швеции.—Ulrica Pasch.— Датские художницы.— Богатый урожай в Нидерландах.—Бельгийская скульпторша.—Мария Верелст.—Ее картины и знания языков.—Резиденция в Лондоне.—Любопытный анекдот.—Замечание Уолпола.— Женщины-художницы в Голландии.—Поэзия.—Henrietta Wolters.—Ее портреты.—Приглашение от Петра Великого.—Голландские живописцы.—Молодой гравер.—Кэролайн Шеффер.— Художники-пейзажисты и флористы.—Последовательница Рейчел Рейш.—Гравер.—В Англии.— Живопись, подходящая для женщин.—Литературные леди.—Эффект внедрения новой манеры в искусство.—Многочисленные дилетанты.—Женщины—скульпторы.—Миссис Самон.—Миссис Сиддонс и другие.—Миссис Деймер.—Аристократического происхождения.—Ранняя любовь к учебе и искусству.—Ее советник Гораций Уолпол.—Беседа с Хьюмом.—Первая попытка стать моделью.—Мраморный бюст и критика Хьюма.—Сюрприз гей-мира.—Уроки и работы мисс Конвей.—Неудачный брак.—Вдовство.—Политика.—Мнение Уолпола о скульптурах миссис Деймер.—Строки Дарвина.—Скульптуры.—Зависть и неприятие.—Поездка за границу.—Побег от опасности.—Благородные амбиции.—Возвращение в Англию.—Политика и поцелуи.— Частные спектакли.—Тенастоящие героини.—Дружба с императрицей.—Завещание Уолпола.— Салонные спектакли и т.д.—Переезд.—Проект по улучшению Индии.—Работы миссис Деймер.— Мнение о ней.

Из Германии мы теперь обратимся к северным странам, к Нидерландам и Англии, чтобы взглянуть на их художниц восемнадцатого века.

Немногие встречаются среди скандинавских народов. Женский талант в значительной степени способствовал расцвету литературы в Швеции, как в случае Шарлотты Норденфлихт и Ульрики Видстрем с их лирическими стихотворениями и Марии Ленгрен с ее драматическими постановками; но появляется только один достойный художник — художница Ульрика Фредерика Паш, которая в 1773 году была избрана членом Академии в Стокгольме.

В Дании, где многие женщины служили музам, приобретая известность благодаря лирическим и драматическим постановкам, можно упомянуть художника-флориста К. М. Райдинг и гравера по меди Алексию де Лодде, а также Маргаретту Зизенис, которая посвятила себя написанию портретов и исторических произведений и была несколько известна своими миниатюрными копиями, такими как "Зингарелла" Корреджо.

Гораздо более богатый урожай собрали в Нидерландах, где число женщин, занимающихся искусством как профессией, было не меньше, чем в предыдущем столетии. Среди бельгийцев нельзя не упомянуть имя скульпторши Анны Марии фон Рейсхут из Гента.

МАРИЯ ВЕРЕЛЬСТ.

Мария Верельст родилась в 1680 году в Антверпене. Она была дочерью художника Германа Верельста и принадлежала к семье, изобилующей знаменитыми художниками. Она получила наставления от своего дяди, Симона Верелста, и была высоко оценена не только за ее очень необычное мастерство в создании небольших портретов, в то время как она успешно пробовала исторические произведения, но и за ее достижения в языках и музыке. Она поехала

со своим отцом в Лондон, который тогда, как и до и после, был местом встречи иностранных талантов, и умерла там в 1744 году.

Дескамп упоминает любопытный анекдот о ее знании этих языков. Во время своего пребывания в Лондоне, однажды вечером в театре, она случайно села рядом с шестью немецкими джентльменами высокого ранга. Они были поражены ее красотой и утонченным видом и выражали свое восхищение в разговоре друг с другом в самых высокопарных выражениях, какие только мог предложить немецкий язык. Леди повернулась и добавила что-то на том же языке, заметив, что такая экстравагантная похвала в присутствии леди не является для нее настоящим комплиментом. Вскоре после этого один из них повторил свою похвалу на латыни. Она снова повернулась и, отвечая на том же языке, сказала: “Было несправедливо лишать прекрасный пол этого классического языка, носителя стольких истинных знаний и вкуса”.

С возрастающим восхищением незнакомцы просили разрешения лично засвидетельствовать свое почтение леди, столь необычайно одаренной. Мария ответила, что по профессии она художница и живет со своим дядей, Верельстом-цветоводом. Они не теряли времени даром, воспользовавшись возможностью увидеть ярмарочную художницу и ее работы. Каждый из джентльменов позировал для своего портрета, за что получил либеральную благодарность. Эта история распространилась за границей и позволила ввести Марию в лучшее общество.

Уолпол замечает об этой художнице, что она писала маслом как большие, так и маленькие портреты, а также рисовала небольшие исторические фрагменты. Она бегло говорила на латыни, немецком, итальянском и других языках.

В протестантской Голландии женщины-художницы встречаются в еще большем количестве. Здесь те же благоприятные обстоятельства, которые в прежние века приводили искусство к раннему расцвету, существовали с небольшими изменениями. Поскольку женщины заняли влиятельное положение в литературе, то же самое они сделали и в изобразительном искусстве.

Религиозный дух, воодушевлявший многих, веял в гимнах и одах Петронеллы Мокас и в дидактической поэзии Лукреции ван Меркен; Элизабет Вольф прославилась своими поэтическими посланиями; а у национальной драмы, прекрасного плода семнадцатого века, была почитательница в лице баронессы фон Лауной, которая делала переводы из Тиртея. Подобным же образом женщины проявили свою предприимчивость в областях науки, относящихся к нашему предмету.

ГЕНРИЕТТА ВОЛЬТЕРУПИЙ

Генриетта Уолтерс из Амстердама приобрела немалую известность как художница-миниатюрист. Она была ученицей своего отца, Теодора ван Пи, и с детства привыкла копировать у Ван дер Вельде и Вандика. Миниатюрные портреты, написанные ею впоследствии, настолько совершенны по отделке и исполнению, что царь Петр Великий, который, по-видимому, познакомился с ней во время своего путешествия инкогнито по Голландии, предложил ей жалованье в шесть тысяч флоринов в качестве придворной художницы, если она переведет на его душу. За одну картину она получала целых четыреста флоринов. Она отклонила приглашение императора и осталась в своем доме, где, прожив со своим мужем, художником Уолтерсом, с 1719 года, умерла в 1741 году.

Оставляя без внимания нескольких художников из little no, хотя среди них числятся принцесса Анна Оранская и Корнелия де Рик, мы можем остановиться на упоминании Кристины Шалон, которая родилась в Амстердаме в 1749 году и получила образование у другой художницы, Сары Троост. Она рисовала в основном гуашью сцены из сельской жизни и семейных групп, и, как говорят, освоила искусство гравера так рано, что выгравировала картину, когда ей было всего девять лет. Она умерла в Лейдене в 1808 году.

Кэролайн Шеффер принадлежит к концу этого столетия. Она была дочерью и ученицей художника Ари Ламме и вышла замуж за другого, Дж. Б. Шеффера из Мангейма, с которым долго жила в Амстердаме и Роттердаме. После смерти своего мужа, в 1809 году, она отправилась в Париж со своими двумя сыновьями, Ари и Генри, чтобы дать им высшее образование в области живописи. Приобретенной славой они воздали должное заботе этой доброй и любящей матери и ответили на ее преданность должной нежностью и сыновней любовью. Она умерла в Париже в 1839 году.

К этим именам следует добавить имена нескольких женщин, посвятивших себя в первую очередь пейзажной и цветочной живописи — двум отраслям, в которых Голландия могла похвастаться мастерством и известностью художниц. Среди них Элизабет Рибберг, которая жила в Роттердаме; Мария Якоба Оммеганк и Альберта тен Озвер из Гронингена, некоторые из пейзажей которой в манере Рейсдаля и Хоббема были замечены на выставке 1818 года. Доктор Гул назвал имена Анны Мориц, Сюзанны Марии Нюмеген и Корнелии ван дер Мьин.

Элизабет Джорджина ван Хогенгейзен, дилетантка, тетя, родившаяся в Гааге в 1776 году, стала ученицей Рахели Рейш и обещала стать подобной знаменитостью, если бы ее жизнь не оборвалась в расцвете восемнадцати лет.

Среди граверов по меди, которые работали не только с гравером, но и с карандашом, можно упомянуть Марию Элизабет Саймонс; в начале века она выгравировала несколько картин Рубенса и Ван дер Вельде.

В Англии политическое величие нации и высокая оценка искусства среди знати, больше, чем любая естественная предрасположенность народа, оказались благоприятными для развития развитого вкуса и вознаграждали таланты из других стран. В соответствии с улучшением перспектив искусства мы находим множество женщин, усердно занимающихся этим занятием.

Писатель в одном из британских обзоров замечает: “Профессия художника, по-видимому, во многих отношениях особенно подходит женщине. Это не требует жертвовать ни девичьей скромностью, ни сдержанностью матроны; это не вовлекает ее в сцены шумного разгула или непристойной распущенности; это не заставляет ее вставать, чтобы на нее пялились, комментировали, хлопали или освистывали переполненные и часто невоспитанные зрители, которые забывают о женщине в артистке. Это оставляет ее, по крайней мере, на большую часть времени, под защитой своего дома, у своего собственного тихого очага, среди тех, кто любит ее и кого любит она сама..... Но, с другой стороны, чтобы достичь высокого положения, требуется вся преданность жизни; это влечет за собой тяжелый труд и учебу, суровую, непрерывную”. В этой двоякой истине достаточно того, что объясняет как количество женщин-художниц, так и неспособность многих достичь того отличия, к которому они стремились.

Усердное изучение литературы среди дам высшего сословия в восемнадцатом веке достаточно засвидетельствовано произведениями, которые до сих пор вызывают всеобщее восхищение. Имена Джоанны Бейли, миссис Монтегю, Клары Рив, Фанни Берни, Харриет и Софии Ли, миссис Коули и др. потомки не позволят добровольно умереть; и прогресс в общем образовании во многом обязан благотворному влиянию женщин, которые трудились для достижения этой цели, а также стремились привнести в общество менее легкомысленный тон манер и более глубокое уважение к морали и религии. Миссис Триммер, Ханна Мор, миссис Барбо вспоминаются с благодарностью как внесшие свой вклад в это доброе дело; как и Элизабет Смит, которая добавила к своим литературным познаниям необычайные таланты и достижения как в музыке, так и в живописи.

Именно после введения новой манеры художниками, черпавшими вдохновение у Карстенса, такими как Флакسمан и Фузели, ближе к концу века, на большее число английских художниц обратили внимание. Необходимо упомянуть только о самых важных. По крайней мере, треть всего коллектива в Англии выделялась в основном как любители, в то время как во Франции было наоборот, очень немногие были отмечены среди художников того периода.

Сначала давайте обратим немного внимания на скульпторов. В начале прошлого века миссис Сэмон лепила фигуры и исторические группы из воска. Говорят, что всемирно известная Сиддонс имела обыкновение время от времени развлекать себя попытками в скульптуре. Леди Э. Фитцджеральд, мисс Огл, миссис Уилмот и мисс Андросс также были отмечены своими попытками в скульптуре. Но место первенства, превыше всех, кто появлялся вплоть до последних лет восемнадцатого века, принадлежит миссис Деймер.

ЭНН СЕЙМУР ДЕЙМЕР.

Более редкая честь для нации иметь возможность похвастаться успешным художником аристократического происхождения, чем знаменитым государственным деятелем. Герой этого очерка происходил из семей лучших кровей Англии. Родившаяся в 1748 году, она была единственным ребенком фельдмаршала Генри Сеймура Конвея (брата маркиза из Хартфордского) и Кэролайн Кэмпбелл, единственной дочери Джона, четвертого герцога Аргайла, и вдовы графов Эйлсбери и Элджин. “Ее рождения ей право на жизнь в праздности и роскоши; ее красоту выставила ее в assiduities женихов и соблазненных судов, но это было ей приятно забыть все эти преимущества, и посвятить золотые часы своей юности задаче повышения имя, работая в мокрую глину, гипс, мрамор упрямая, и еще более неразрешимыми бронзы.”[2]

[2] Аллан Каннингем.

Основа чистого и правильного вкуса была заложена в ее превосходном образовании. Она рано посвятила себя учебе и приобрела редкие для женщин познания в общей литературе; хорошо познакомилась с историей и искусством народов древности, а также с выдающимися авторами Англии, Франции и Италии. Ее сродственник, Гораций Уолпол, был очень доволен ее энтузиазмом и получал удовольствие от руководства ее учебой.

Она давно привыкла с восхищением взирать на те немногие прекрасные образцы древней скульптуры, которые ей довелось увидеть, и она чувствовала, что ее собственной душе живет то вдохновение, которое почти всегда является пророчеством успеха. Говорят, что склонность к

ее гению проявилась во время приключения с Дэвидом Хьюмом, историком. Однажды, когда Энн было восемнадцать или двадцать лет, она гуляла с ним. К ним подошел итальянский мальчик, который предложил на продажу несколько гипсовых фигурок и ваз. Историк осмотрел свой товар и несколько минут беседовал с малышом. Впоследствии мисс Конвей обратила внимание мистера Хьюма на его пристрастие к жалким пластическим слепкам. Он ответил с оттенком сарказма, что изображения, которые она рассматривала с таким презрением, не были созданы без помощи науки и гения, добавив, что женщина, даже со всеми ее достижениями, не могла создать такие произведения. С этого момента юная леди проявила решимость убедить своего наставника в его ошибке.

Она раздобыла воск и инструменты для лепки, работала тайно и за короткое время закончила голову — некоторые говорят, портрет философа, который она преподнесла ему с немалым триумфом.

“Это очень умно”, - заметил Хьюм. “Это действительно заслуживает похвалы за первую попытку; но помните, гораздо легче смоделировать из воска, чем высечь бюст из мрамора”.

Настойчивая девушка была полна решимости заставить сатирика признать, что мужчина может сделать больше, чем он предполагал. Без какого-либо объявления о своем замысле она снабдила себя мрамором и всеми необходимыми орудиями труда. Прошло совсем немного времени, прежде чем она скопировала в мраморе, возможно, грубо, но точно, голову, которую она вылепила из воска. Она положила его перед историком, который был искренне удивлен и пришел в восхищение, хотя все еще находил повод для критики в недостатке тонкой работы и изящной отделки. Его поиск недостатков, вероятно, зашел слишком далеко, чтобы побудить ее к новым усилиям. С этого времени в ней пробудился порыв гения, и она твердо решила даже уединиться от блестящего общества, которым была окружена, с целью посвятить свою жизнь занятию, которое, как она находила, так соответствовало ее вкусу.

От мира моды недолго было скрывать, что обожаемая мисс Конвей отказалась от маски и танца и работала, как любая поденщица, во влажной глине; что она двигалась при приглушенном освещении; что ее блестящие волосы были прикрыты чепцом с набивным рисунком, чтобы уберечь мрамор от белой пыли, в то время как неприглядный фартук скрывал ее шелковое платье и вышитые туфельки; что ее белые и нежные пальцы часто были испачканы глиной или сжимали молоток и стамеску. Странная история разнеслась как лесной пожар среди ее знакомых. Несколько титулованных дам владели карандашом и кистью, но вряд ли можно было вспомнить хоть одну, кто увлекался скульптурой. Вполне можно представить, что энергичная девушка находила удовольствие в том, чтобы демонстрировать свою независимость, и что она была движима благородным стремлением вырезать для себя резцом место среди заслуженных художников, достойное потомка Сеймуров и Кэмпбеллов. Гениальные произведения казались ей больше, чем короны, а благородные поступки - больше, чем нормандская кровь!....

Теперь она брала уроки лепки и элементарной части скульптуры у Черрачи — того самого заговорщика, которого отправили на гильотину за заговор против Наполеона, — в то время как совершенствовалась в практической части работы по мрамору в мастерской старшего Бэкона и изучала анатомию у Крукшенкса. Она создала несколько идеальных голов и бюстов, а также несколько искусно выполненных фигурок животных; но ее прогресс был медленным, и она не создавала заметных работ до семи лет после замужества.

В возрасте девятнадцати лет она подала руку достойному. Джону Деймеру, старшему сыну лорда Милтона и племяннику графа Дорчестера. Этот брак оказался печальным препятствием на пути совершенствования нашего молодого художника. Деймер, доходивший до тридцати тысяч в год — был одновременно эксцентричен и экстравагантен. Это были дни шелка, кружев и вышивки, и он украшал себя всем, что было дорого, и любил удивлять своих друзей и досаждал жене, появляясь поразу в день в новом костюме”. Он обставлял мисс Берни, замечает миссис Ли, “в ее знаменитом романе о Сесилии, персонаже из реальной жизни — Харрингтоне, опекуне своей героини”. Он стал добычей лондонских портных и ростовщиков; его расточительность быстро росла, и за несколько лет он разбогател на целое состояние. Через девять лет этот несчастливый союз был расторгнут самоубийством мужа, который застрелился из пистолета в "Бедфорд Армз", Ковент-Гарден, в августе 1776 года. Говорят, что его гардероб, который был продан на аукционе, принес пятнадцать тысяч фунтов стерлингов — возможно, половину его стоимости.

Оставшаяся бездетной вдова воспользовалась обретенной свободой, чтобы путешествовать с целью почерпнуть новые идеи в любимом искусстве. Она путешествовала по Франции, Испании и Италии, возобновляя свои занятия скульптурой. В то время у дам было модно проявлять живой интерес к политике. Миссис Деймер стала яркой сторонницей дела вигов и активно участвовала в проведении выборов.

Миссис Ли замечает: “Джентльмены не возражают против того, чтобы леди были политиками, если они принимают правильную сторону, а именно ту, к которой они сами принадлежат; а миссис Деймер добросовестно приняла взгляды партии вигов. В то время Великобритания вела войну со своими американскими колониями. Она встала на сторону мятежных подданных, горячо поддерживала наше дело и смело отстаивала свое мнение”. Она была близким другом Фокса.

Уолпол так отзывается о работах своей кузины, которые вскоре снискали ей известность как скульптору: “Миссис Бюсты Дамера с натуры не уступают антикварным. Ее шоковая собака, большая, как живая, и только не живая, обладает рыхлостью и мягкостью завитков, которые казались невозможными для терракотовой; она соперничает с мраморной собакой Бернини из королевской коллекции. Поскольку древние оставили нам только пять животных, равных по достоинству их человеческим обликам, а именно козла Барберини, тосканского кабана, орла Маттеи, орла с Земляничного холма и собаку мистера Дженнинга, талант миссис Деймер должен предстать в самом ярком свете”. Серрачи передал всю фигуру Анны в качестве формы скульптуры, сохранив изящную легкость ее форм и воздушность.

Поэт Дарвин говорит:

“Долгим и мягким прикосновением будет очарование резца Дамера;
Изяществом мы будем восхищаться, а красотой согреть”.

После 1780 года она создала несколько прекрасных образцов скульптуры, как из мрамора, так и из терракоты. Она сделала группу спящих собак из мрамора для герцога Ричмондского, своего шурина, и еще одну для королевы Шарлотты. В 1778 году она подарила свой бюст галерее Florentine и выполнила несколько работ своих титулованных родственниц, которые считались произведениями большого достоинства и до сих пор украшают галереи знатных ценителей. Две

колоссальные головы ее работы, изображающие Темзу и Изиду, были созданы для краеугольных камней моста в Хенли.

Енву, как это обычно бывает, была занята оспариванием претензий этой благородной дамы на полное авторство ее знаменитых произведений; но, хотя они демонстрируют разнообразный характер, не было никаких доказательств того, что она прибегла к большей помощи, чем это обычно бывает у всех скульпторов, как в лепке, так и в обработке мрамора. При подготовке модели и удалении лишнего материала всегда задействованы подчиненные руки.

Миссис Деймер подчинилась моде того времени, превратив некоторых своих друзей в муз и божеств, идеализировавших портвейнraits. Чтобы порадовать своего верного друга Горация Уолпола, она подарила ему двух мраморных котят, сделанных ею самой, в качестве дополнения к диковинкам его виллы. Еще более милым, чем их отношения, было ее согласие с ним в политических взглядах.

Она потеряла отца, когда уехала за границу в 1779 году. Моря были заполнены вооруженными судами Франции, Америки и Великобритании, и пересечение Ла-Манша представляло некоторую опасность. Скульптриса была защищена, это правда, ее симпатией к заокеанским "повстанцам" и ее характером художницы. Однако судно, на котором она плыла, столкнулось с французским военным кораблем, с которым в течение четырех часов велся непрерывный бой. Но "героический отецгероя" проявлял и здравый смысл, и хладнокровие. Французы одержали верх; пакетбот заиграл своими цветами в пределах видимости Остенде; но миссис Деймер не была взята в плен.

Теперь она более усердно посвятила себя изучению классических авторов, с целью более полно проникнуться чувством и характером античной скульптуры. Она вела записи своих размышлений, созерцая произведения искусства в Италии, с замечаниями критиков. Она была полна решимости совершить какую-то великую работу, слава о которой должна была затмить блеск ее наследственного достоинства. У нее было больше амбиций прославиться как скульптор, чем как потомок высшей аристократии Британии.

Вернувшись из Италии и Испании, она приняла участие в выборах, которые завершились триумфом Чарльза Фокса. Миссис Крю и прелестная герцогиня Девонширская присоединились к ней в агитации за своего фаворита, кандидата от вигов, "шурша шелками в самых низинах греха и нищеты и, в обмен на "самые сладкие голоса" избирателей, подставляя, как говорят, свои сладкие щечки под приветствия мясников и баржиров".

Один старый избиратель сказал Каннингему: "Это было прекрасное зрелище - видеть, как знатная дама подходит прямо к нам, трудолюбивым смертным, протягивает руку и спрашивает: "Хозяин, как поживаешь?" и так громко смеется, и говорит так любезно, и пожимает нам руки, и говорит: 'Отдайте нам свой голос, достойный сэр, за друга народа, нашего друга, друга каждого'. И потом, сэр, если бы мы напевали и хохотали, они бы спросили у нас наших жен и детей; а если бы этого не хватило, они бы и не подумали о поцелуе — да, о дюжине таких. Поцелуй для них ничего не значил, и все получилось так естественно".

Также записано, что миссис Деймер любила частные театральные постановки, читала стихи и изображала персонажей в пьесах, которые ставились у герцога Ричмондского и в других местах. Ее талант в высокой комедии снискал заслуженные аплодисменты, и многие из наших актрис были бы затмеваемы ее игрой в стандартных старых пьесах. Но хотя она принимала участие в

подобных развлечениях ради удовольствия других, ее собственное наслаждение заключалось только в скульптуре. Ее бюсты из бронзы, мрамора и терракоты стали украшениями богатых коллекций ее друзей. Ее мраморная статуя короля была установлена в Эдинбургском регистрационном бюро. Она посвятила монументальный бюст памяти своей матери, графини, чьи работы, выполненные вручную, равнялись лучшим картинам. Она задумала увековечить память о благородном поступке лорда Уильяма Кэмпбелла, ее дяди, который однажды прыгнул с лодки в Темзу и нырнул с глубины шестнадцати футов, чтобы спасти жизнь тонущего человека. Эта работа так и не была закончена мрамором.

Героями миссис Деймер из ее собственной семьи были Фокс, Нельсон и Наполеон; и она была знакома с ними со всеми. Она выполнила бюсты первых двух, и одной из ее фантазий было записать в маленькую книжечку высказывания "Наполеона волн" во время его бесед с ней. Во время своего визита во Францию она подружилась с виконтессой Богарне; и много лет спустя один французский джентльмен принес ей письмо от жены Первого консула с великолепным фарфоровым подарком. Она была приглашена в Париж своим бывшим другом, который хотел представить ее Наполеону. Последняя попросила у нее бюст Фокса, который миссис Деймер подарила императору во время последующего визита в Париж. Император подарил ей великолепную табакерку и свой портрет, украшенный бриллиантами.

Уолпол умер в 1797 году, завещав дочери Джинерал Конвей на всю жизнь свою готическую виллу "Строберри Хилл" с ее богатым и редким содержимым — книгами и художественными раритетами — и две тысячи фунтов в год на ремонт этого места. Он "стал известен благодаря своей связи с исследованиями завершенного автора "Замка Отранто"". Здесь миссис Деймер была счастлива развлекать своих друзей не только вкусными блюдами за своим столом, но и частными театральными представлениями, в которых она часто принимала участие. Джоанна Бейли, несравненные Сиддоны, миссис Гаррик, миссис Берри и ее дочери были среди ее избранных спутниц. Классическая вилла, однако, перешла по наследству к лорду Уолдгрейву, и миссис Деймер была вынуждена уступить ее ему за десять лет до своей смерти. Она купила дом в Йорке по соседству, где родилась королева Анна. Это была ее летняя резиденция, а зимний дом находился на Парк-Лейн.

По мере того, как она приближалась к концу жизни и видела, как уходят из жизни герои ее раннего энтузиазма, ее любовь к скульптуре возрастала. Она считала, что это искусство могло бы оказать важную помощь в цивилизации и религиозном совершенствовании Индостана и индийских островов, и часто разговаривала с сэром Александром Джонстоном о замене идолов язычества в этих регионах христианскими сюжетами в скульптуре. К сожалению, она была уже недостаточно молода для такого предприятия, и все же идея была благородной. Она изваяла бюст Нельсона из мрамора в подарок королю Танджора — индуистскому правителю, обладающему властью и влиянием на юге Asia. Этот образец ее мастерства, возможно, способствовал распространению в этой отдаленной стране интереса к скульптурам британских художников.

Опубликован список из тридцати ее работ. Прекрасный ее бюст, выполненный ею из мрамора, находился в коллекции Ричарда Пейна Найта и был завещан им Британскому музею. Ее группа "Смерть Клеопатры" представляла собой заключительную сцену трагедии Шекспира. Царица Египта, не сумевшая возбудить жалость Октавия Цезаря и решившая проститься со своей ушедшей любовью, приложила "ядовитого нильского червя" к своей груди. Эти слова

“Ну же, смертный негодай,
своими острыми зубами немедленно развяжи этот узел, неотъемлемый от
жизни”,

воплощены в выражении.

Эта со вкусом подобранная композиция была выполнена в стиле барельефи выгравирована Хелльером в качестве заглавия ко второму тому "Шекспира" Бойделла.

Здоровье миссис Деймер ухудшилось весной 1828 года, и 28 мая она ушла из этой жизни на восьмидесятом году жизни. Она оставила своему родственнику Сир. Александру Джонстону все свои работы из мрамора, бронзы и терракоты, а также рисунки, сделанные иголками ее матери, с указанием, что ее фартук и инструменты должны быть похоронены в ее гробу, а ее рукописные заметки и корреспонденция должны быть уничтожены. Она была похоронена в церкви Танбриджа, графство Кент.

Какие бы разногласия ни существовали относительно гения и работ этой скульпторши, никто не может утверждать, что она необыкновенная женщина. В нашей прокуратуре ее называли бы “сильной духом”у, потому что она отправила дружеское послание Наполеону накануне Ватерлоо, участвовала в выборах Фокса и развлекала королеву Каролину во время ее судебного процесса! По ее мнению, гениальность и великодушный порыв были выше условностей рождения и моды. Трудно справедливо оценить достижения любимого ребенка, наделенного богатством и великолепием, выдающегося ученостью и остроумием. Ее работы подвергались суровой критике, и те, кто больше всего восхищается ее независимой карьерой, склонны отказывать ей в обладании большой оригинальностью и таким практическим знанием искусства, которые позволили бы ей завершить работу с высокой степенью совершенства. Однако было отмечено, что ее концепция в целом превосходила ее исполнение.

ГЛАВА XIII. ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ВЕКУ.

Мэри Мозер.—Дом Ноллекенов.—Мастерство росписи цветов.—Мода.—Королева Шарлотта.—Пейшенс Райт.—Родился в Нью-Джерси.—Родители-квакеры.—Детское увлечение лепкой.—Брак.—Вдовство.—Лепка из воска.—Соперники мадам Тюссо.—Резиденция в Англии.—Симпатия к восстанию Америки.—Переписка с Франклином.—Переданные разведданные.—Свобода слова Вашему Величеству.—Постскриптум Франклина.—“Прометеевский моделист”.—Письмо Джефферсону.—Патриотизм.—Искусство моды.—Аристократические леди-художницы.—Свадьба принцесс.—Леди Боклерк.—“Шкаф Боклерка” Уолпола.—Рисунки и портрет.—Леди Лукан.—Ее иллюстрации к Шекспиру.—Критика Уолпола.—Другие работы.—Мэри Бенвелл и другие.—Анна Смайтерс и другие.—Мадам Престел.—Миссис Грейс.—Миссис Райт.—Цветок-страдания краткие.—Кэтрин Рид и другие.—Мария Косуэй.—Опасность в младенчестве.—Уроки.—Решение принять постриг.—Визит в Лондон.—Женитьба.—Картина

Косуэя.—Тщеславие и расточительность.—Прекрасная итальянская художница.—
Предусмотрительность и управление Косуэя.—Блестящие вечерниесвадебные приемы.—
Друзья-аристократы.—Эпиграмма на воротах.—Великолепный новый дом и мебель.—
Слабеющее здоровье.—Франция и Италия.—Учреждение в Лоди. —Редкий случай.—Смерть
Косуэя.—Возвращение в Лоди.—Стиль и работы Марии.

МЭРИ МОЗЕР.

Эта леди, магистрантка Королевской академии в Лондоне, упоминается биографами Ноллекенс как “искусная в рисовании цветов, саркастичная, когда брала в руки перо”. Ей нравилось навещать неграмотных Ноллекенов, в доме которых за чашечкой чая она иногда наслаждалась обществом доктора Джонсона. Смит без колебаний обвиняет ее в том, что она поставила точку в отношениях с Фузели, “но, к сожалению, его сердце уже было глубоко пронзено Анжеликой Кауфман”.

Она была дочерью немецкого художника по эмали, но получила образование в Англии. Она действительно великолепно рисовала цветы. Со вкусом оформленные некоторые новые апартаменты в Виндзорском дворце были выполнены ее рукой.

Находясь в Лондоне, она написала своей подруге миссис Ллойд следующее:

“Приезжайте в Лондон и полюбуйтесь нашими перьями; мы подметаемнебо! Герцогиня носит шесть перьев, леди - четыре, а каждая дюжона - по одному в каждом углу своей шапочки! Мода превратилась в чудовище; пожалуйста, скажите своему оператору, что длина ваших волос должна составлять всего три четверти ярда от кончика одного крыла до остриянее”.

Королева Шарлотта обратила особое внимание на мисс Мозер и долгое время нанимала ее для украшения одной комнаты, которую ее величество повелела назвать комнатой мисс Мозер и за которую королева заплатила свыше девятисот фунтов.

ПЕЙШЕНС РАЙТ.

Эта необыкновенная женщина, как справедливо называет ее Данлэп, родилась, как и Уэст, среди людей, которые заявляли, что избегают всего, что связано с воображением или живописью. Ее родители, которые были квакерами, жили в Бордентауне, штат Нью-Джерси, где в 1725 году родилась Пейшенс Ловелл . Ее незаурядный талант к подражанию проявился задолго до того, как у нее появилась возможность увидеть какое-либо произведение искусства. Тесто, предназначенное для печи, или глина, найденная возле ее жилища, давали ей материалы, из которых она лепила фигурки, имевшие узнаваемое сходство с человеческими существами, а вскоре и с людьми, с которыми она была наиболее хорошо знакома.

Она вышла замуж за Джозефа Райта из Бордентауна в 1748 году. Он прожил всего девятнадцать лет. До 1772 года эта леди приобрела немалую известность в некоторых городах Соединенных Штатов благодаря своим удивительным восковым изображениям. Вдова, от которой зависели трое детей, она была вынуждена искать более широкое поле для своих усилий. Перспектива успеха в Лондоне была хорошей, и она поехала в Лондон.

В английских журналах того времени есть свидетельства того, что ее работы считались экстраординарными в своем роде. Она могла соперничать со знаменитой мадам Тюссо. Ее разговорчивость и общий интеллект привлекли к ней внимание и дружбу нескольких выдающихся людей того времени. Хотя она жила в Англии, ее симпатии были направлены на защиту ее соотечественников во время борьбы Американской революции. Говорят, она даже оказала важную помощь делу, отправив американским офицерам разведданные о замыслах британского правительства. Она переписывалась с Франклином, пока он был в Париже; и как только был назначен новый генерал или началась комплектация эскадрильи, он обязательно узнал об этом. Ей часто удавалось получать информации в семьях, где она бывала, и передавать своим американским друзьям сведения о численности британских войск и местах их назначения.

Одно время она часто бывала в Букингем-Хаусе и привыкла свободно выражать свои чувства и величиям, которых забавляла ее оригинальность. Великий Чатем оказал ей честь своими визитами, и она сделала его портрет в полный рост, который выставлен в стеклянной витрине Вестминстерского аббатства.

Ниже приводится постскриптум к одному из писем Ф.рэнклин с предложением услуг, если она вернется в Америку через Францию:

“Мой внук, которого вы, возможно, помните маленьким дерзким мальчишкой в школе, будучи моим помощником при написании письма, помещенного внутри, развлекал меня своими замечаниями. Он понимает, что ваши фигурки нельзя упаковать без повреждений от чего-либо, чем вы могли бы наполнить коробки, чтобы сохранить их устойчивость. Поэтому он предполагает, что вам придется запрячь их в почтовые кареты, по двое, что составит длинную вереницу в пути и будет очень дорогим средством передвижения; но, поскольку они ничего не будут есть на постоянных дворах, вы можете позволить себе это. Он уверен, что когда они прибудут в Дувр, они будут настолько похожи на жизнь и природу, что капитан пакетбота не примет их на борт без паспортов. Потребуется, говорит он, пять или шесть длинных французских почтовых дилижансов, чтобы перевезти их в качестве пассажиров из Кале в Париж; и корабль с хорошими удобствами, чтобы доставить их в Америку, где весь мир будет удивляться вашему милосердию саа лорду Н., что, имея в вашей власти повесить его или отправить на лихтеры, вы великодушно предоставили ему отсрочку для перевозки”.

Миссис Райт иногда называли “Сибиллой”, поскольку она утверждала, что предсказывает политические события. В лондонском журнале за 1775 год она названа “прометеевской моделисткой” с замечанием: “В самом младенчестве она обнаружила в себе такой поразительный гений и начала лепить рожицы из свежего хлеба и замазки до такой степени, что ей посоветовали попробовать свои силы в работе с воском”.

Ее портреты короля, королевы, лорда Темпла, лорда Чатема, Барри, Уилкса и других привлекли всеобщее внимание. Критики отдавали ей должное за замечательные природные способности и говорили, что она была бы чудом, если бы на ее долю выпали преимущества гуманитарного образования. Замечая ее быстрые и блестящие глаза, говорили, что их взгляд “проникает насквозь”. Она обладала способностью различать характеры и склонности своих посетителей, иди редко ошибалась в своих суждениях о них.

Далее Данлэп говорит о “энергичной необузданности в ее манерах. Разговаривая, она была занята моделированием, обе руки держала под фартуком”.

Ее старшая дочь вышла замуж за мистера Платта, американца; она унаследовала некоторые таланты своей матери. Она стала хорошо известна в Нью-Йорке около 1787 года благодаря своей восковой скульптуре. Младшая была женой Хоппнера, соперницы Стюарта и Лоуренса в портретной живописи. Милое личико юной леди можно узнать в некоторых исторических сочинениях. Британский консул в Венеции, упомянутый Муром в его "Жизни Байрона", был внуком миссис Райт.

Миссис Райт потеряла расположение Георга III. своими искренними упреками в том, что он санкционировал войну с Америкой. Она уехала в Париж в 1781 году, но была в Лондоне в 1785 году, когда написала Джефферсону, что она в восторге от того, что ее сын Джозеф нарисовал лучшее изображение Вашингтона из всех художников Америки. Сам Вашингтон сказал, что он “должен считать себя счастливым, что его бюст написала миссис Райт, обладающая незаурядными талантами” и т.д.

Она хотела изобразить не только героя, но и тех джентльменов, которые помогали подписывать мирный договор. “Чтобы опозорить английского короля, - говорит она, - я готова пойти на любые хлопоты и расходы, лишь бы внести свою лепту в почетную грамоту Адамсу, Джефферсону и другим для отправки в Америку”. И она предложила самой поехать в Париж и создать образ Джефферсона. Она хотела посоветоваться с ним, как лучше почтить свою страну, выставив портреты ее выдающихся людей, выполненные живописью или восковыми фигурами; и наметнула на опасность отправки портрета Вашингтона в Лондон из-за вражды правительства и шпионажа полиции; последняя, как она замечает, обладает “всею глупостью, но не способностями французов”.

Упражнения в области художественных достижений стали теперь настолько популярны, что культура живописи, рисунка и офорта стала общей в образовании молодых леди. Мода покровительствовать искусствам была в моде и среди женщин самого высокого положения. Леди Доротея Сэвилл писала портреты и делала замечательные наброски. Леди Луиза де Гревиль и ее сестра Августа были страстными ценителями. Графиня Лавиния Спенсер прославилась своим мастерством в офорте, а леди Амхерст, леди Темпл и леди Генри Фитцджеральд не были художниками-эда.

Две принцессы королевской семьи получали удовольствие от рисования. Принцесса Елизавета рисовала со вкусом и мастерством. Она выгравировала “Рождение любви” в честь Томкинса и изготовила несколько оригинальных образцов необычайной красоты. Одной из ее причудливых работ была “Купи, ставшая волонтером”, которая появилась в 1804 году в серии гравюр с поэтическими иллюстрациями. Рисунки были прекрасны. Три года спустя была опубликована серия из двадцати четырех офортов ее королевского высочества. Они демонстрировали дух и вкус, а также глубокое чувство прекрасного.

Шарлотта Матильда, впоследствии королева Вюртемберга, рисовала пейзажи в стиле Ватерлоо.

ЛЕДИ ДИАНА БОКЛЕРК.

Леди Диана Спенсер, жена Тофэма Боклерка и дочь герцога Мальборского, была известна как художница-любительница и создавала рисунки, вызвавшие восторженное восхищение Уолпола. В 1776 году он построил шестиугольную башню, которую назвал “Шкафом Боклерка”, поскольку она была построена “специально для размещения семи несравненных рисунков леди Дианы, иллюстрирующих сцены из его ‘Таинственной матери’”. Они были задуманы и выполнены за две недели. В 1796 году дама подготовила эскизы к переводу баллады Бюргера “Леонора”, написанному ее племянником, опубликованному в фолио следующего года. Леди Диана также завершила серию эскизов для великолепного издания “Басен Драйдена в фолио”. Они показывают, что она обладала элегантным и богатым воображением и поистине классическим вкусом. На ее портрете герцогини Девонширской нимфоподобная грация фигуры подобна той, которую греческий скульптор придал бы форме дриады или речной богини.

Она умерла в 1808 году в возрасте семидесяти четырех лет.

МАРГАРЕТ, ГРАФИНЯ ЛУКАН,

обладал замечательным талантом копировать миниатюры и иллюминации. Она завершила серию приукрашиваний исторических пьес Шекспира в пяти томах-фолиантах, которые сейчас хранятся в библиотеке Олторпа. В течение шестнадцати лет она посвятила себя этому занятию, предаваясь “приятному труду” по иллюстрированию этой великой работы. Она начала это предприятие в возрасте пятидесяти лет и закончила его в шестьдесят шесть. Уолпол говорит: “Любой вкус, красота и продуманность в оформлении с помощью пейзажей, цветов, птиц, геральдических украшений и приспособлений и т.д., которые могли бы придать нашему бессмертному барду еще более завораживающий вид, были выполнены благородной рукой, взявшейся за геркулесову задачу, и с истинной деликатностью и завершенностью исполнения, которым редко кто может сравниться”.

Леди Лукан также копировала самые изысканные работы Исаака и Питера Оливера, Хоскинса и Купера; “с гениальностью, - говорит ее восхищенная подруга, - которая почти обесценила этих мастеров”; и “передавала энергию Рафаэля своим копиям акварелью”. Она умерла в 1815 году.

Графиня Тотт выставила в 1804 году свой портрет знаменитого Эльфи-бея. Лорд Орфорд говорит об умении миссис Делани рисовать и имитировать цветы с помощью вырезок из цветной бумаги. Мадам д'Арбле упоминает эту даму в своем Дневнике как подругу королевы, жену Патрика Делани, который был близким другом Дина Свифта.

Среди множества второстепенных женщин-художниц можно упомянуть Мэри Бенвелл, которая писала портреты и миниатюры маслом и цветными карандашами, выставившиеся с 1762 по 1783 год. Она вышла замуж за Коуда, который служил в армии, и приобрела для него звание. Он служил в Гибралтаре, где и умер. Миссис Коуд оставила свою профессию в 1800 году. Мисс Анна Лэдд, специалист в той же области, умерла в 1770 году. Агата ван дер Мин также рисовала цветы, фрукты и птиц в Англии.

Анна Смайтерс, жена скульптора и архитектора, приобрела известность благодаря своим миниатюрам и акварелям. Одна из них, изображавшая ветряную мельницу с распущенными парусами, мельника с мешком на плече, экипаж с лошадью и дорогу, ведущую в деревню, была

законченной и имела такой маленький размер, что в шляпе ее можно было спрятать кукурузное зернышко.

Говорили, что мисс Анна Джемайма Провис познакомила некоторых английских художников с рецептом раскрашивания, которым пользовались великие венецианские мастера. Его привез из Италии ее дед.

Миссис Дардс открыла новую выставку рисунков с цветами, выполненных в самых насыщенных тонах. Это были точные имитации природы, сделанные из рыбьих костей.

Миссис Ходли, жена епископа Винчестерского, была искусна в живописи. Кэролайн Уотсон была выдающейся граверисткой. Она родилась в Лондоне в 1760 году. Получая наставления от своего отца, она выгравировала несколько сюжетов меццотинто и пунктирным способом. Говорили, что ее работы обладают большими достоинствами. Мисс Хартли, которая превосходно рисовала, предшествовала ей.

Мария Катарина Престель была женой немецкого художника и гравера. Она помогала ему в создании нескольких его лучших пластинок, особенно пейзажей. Брак не был счастливым, и пара рассталась. Мадам Престель приехала в Англию в 1786 году, где она гравировала гравюры в стиле, которого не превзошел ни один художник, ни по духу, ни по деликатности. Она делала офорты и выполняла работы в акватинте в прекрасной живописной манере. Она умерла в Лондоне в 1794 году.

Миссис Грейс семь лет выставяла свои работы в Обществе художников. В основном это были портреты маслом, довольно насыщенного цвета. В 1767 году она попыталась создать историческую тему: Антигон, Селевк и Стратоника. Ее резиденция была в Лондоне.

Миссис Райт, дочь мистера Гиза — одного из кавалеров Королевской капеллы его величества в Сент-Джеймсе и наставника хористов в Вестминстере — была успешным художником миниатюры. К несчастью, она вышла замуж за французского эмигранта, который вскоре после этого бросил ее и уехал во Францию, где и умер. Ее вторым мужем был мистер Райт, художник-миниатюрист. Она умерла в 1802 году.

Фиорилло также упоминает Бетти Лэнгли, мисс Ноэль, мисс Линвуд, мисс Белл, мадам Борепе и старшую дочь академика Смирка.

Уолпол упоминает Элизабет Нил как выдающуюся художницу, которая уехала в Голландию. Она так превосходно рисовала цветы, что, как говорили, соперничала со знаменитыми Зегерами.

Среди английских художников-флористов не следует забывать мисс Элизабет Блэкуэлл, мисс Грей, Анну Лэдд, Анну Ли и Мэри Лоуренс, которая занималась великолепной работой с розами — рисованием и гравировкой иллюстраций.

Кэтрин Рид рисовала прекрасные семейные сцены и приобрела значительную репутацию художника-портретиста, как маслом, так и карандашом. Карандаш, находившийся во владении одной леди из Нью-Йорка, был признан принадлежащим ей выдающимся американским художником. Она жила недалеко от Сент-Джеймского музея и часто присылала работы на выставку. После публикации ее картин было опубликовано несколько гравюр меццотинто. В

1770 году она отправилась в Ост-Индию, пробыла там несколько лет и вернулась в Англию. Ее племянница мисс Бексон, тоже художница, которая поехала с ней в Ост-Индию, а потом вышла замуж за баронета.

Некоторые фотографии Анны Тревингард были выгравированы. Мисс Дракс и мисс Мартин сделали гравюру по рисункам Томкинса и Дер Пети; мисс Морланд и Кэтрин Мэри Фэншоу нарисовали и выгравировали двадцать фотографий исторических памятников. Этюды рьяной и трудолюбивой Мэри Спилсбери из сельской жизни, особенно те, в которых она изображала сельские сцены и детские забавы, были воспроизведены на гравюрах.

Безусловно, удивительно, что гравюра и роспись цветов не могли похвастаться в то время большим количеством выдающихся последователей.

Теперь нашей задачей становится ненадолго задержаться на истории художницы, чей гений и достижения снискали ей завидную репутацию, а чей жизненный опыт иллюстрирует состояние искусства в высших классах английского общества.

МАРИЯ КОСУЭЙ.

Мария Хэдфилд была дочерью англичанина, который разбогател, держа отель в Ливорно. Говорят, что он потерял четверых детей в младенчестве и уличил служанку в признании, что она отправила их на небеса из любви, и имел в виду, что пятая, Мария, должна последовать за остальными. Женщину приговорили к пожизненному заключению, а ребенка отправили в монастырь для получения образования. Там она получала уроки музыки и drawing, как и в других филиалах. Вернувшись домой, она посвятила себя живописи, и знакомство, которое она впоследствии завязала в Риме с Баттоми, Менгсом, Мароном и Фузели, с ее созерцанием произведений искусства в церквях и дворцах, способствовало дальнейшему развитию ее талантов.

После смерти отца она приняла решение уйти в монастырь, но мать убедила ее сначала поехать с ней в Лондон. Там молодая девушка познакомилась с интересным и популярным Ангелом Айкой Кауфман, которая легко убедила ее отказаться от всякой идеи пострижения.

Вскоре за изменением решения последовал брак Марии с Ричардом Косуэем, художником-портретистом и миниатюристом, занимавшим высокое положение и чей мягкий, податливый и идеализированный стиль был хорошо приспособлен для того, чтобы угодить богатым покровителям, чье тщеславие стремилось к наиболее выгодному представлению. На его тщательно проработанных миниатюрах самые обычные черты лица были преобразованы в красоту, а бледные, водянистые глаза были заставлены искриться интеллектуальным выражением. Эта способность украшать сделала его любимцем богатых и аристократичных людей. Более того, он был членом Академии и имел честь называться другом принца Уэльского, что еще больше способствовало тому, что он стал "модным человеком". Но, к сожалению, у него не хватило здравого смысла смиренно носить эти почести. Тщеславие толкало его на нелепые выходки. Он одет в экстремальный режим, и все его слуги ряжены в Лике нелепым образом; он дал дорогих развлечений, и преуспел в рисовании вокруг него легкомысленные молодые люди из знати, кто пойдет ему на пользу пьет шампанское и разбрасывая свои деньги на игру, а на следующее утро бы развлечь их "набор", смеясь от души над замашек "парвеню."

Таково было положение Косуэя, когда он влюбился в Марию Хэдфилд, ухаживал за ней, завоевал ее и увез жену в свой великолепно обставленный дом. Мария была очень молода и, недавно приехав из Италии, не знала ни английского языка, ни английских обычаев. Ее светский муж предпочел держать ее строго изолированной от всего общества, пока она не научится с достоинством и грацией появляться в тех престижных кругах, куда, по его мнению, ей следовало возвращаться.

Тем временем он заставил ее завершить художественное образование и попрактиковаться в полученных уроках. Ее миниатюры вскоре получили такую высокую оценку, что им была присуждена самая высокая оценка из всех, что появлялись на выставках Royal Academy. На Марию даже указывали на улице как на успешную художницу. Затем настало время, когда, по мнению Косуэя, она была достойна стать центральной точкой притяжения в его доме для блестящего общества, которое он любил.

Очень скоро повсюду заговорили о молодом, красивом и одаренном итальянце. Приемы у Косуэя были переполнены, и в половине экипажей, стоявших у его дверей, сидели натурщики, жаждавшие чести быть нарисованными рукой его очаровательной жены. Ее портрет прекрасной герцогини Девонширской в образе Синтии Спенсер поднял ее на вершину репутации.

Однако Косуэй был слишком благоразумен и в то же время слишком горд, чтобы допустить, чтобы его жену считали профессиональным художником, поскольку он хорошо знал, что ее работы имели бы большую ценность, чем работы любителя. Быть нарисованным ею, таким образом, представлялось и расценивалось как особая милость; и к обычной оплате за ее картины часто добавлялись дорогие подарки.

В другом вопросе муж был очень снисходителен. Мария страстно любила музыку, и он позволил ей проявить свой певческий дар в блестящих компаниях, приглашенных в его великолепную обитель. Это довершило очарование. Гости прибывали в таком количестве, что дом едва мог вместить их; и всех, кто был моден или имел какие-либо аристократические притязания, несомненно, можно было найти в гостиных Косуэя. Там мог быть поэт, чье последнее излияние вызвало ярость в высших кругах; автор последней сенсационной речи в парламенте; любая восходящая звезда искусства или герой удивительного приключения; короче говоря, все лондонские львы собирались в этом курортном месте, чтобы увидеть и быть увиденными, и, прежде всего, послушать очаровательного Косуэя. Достопочтенная миссис Деймер, леди Литтлтон, графиня Эйлсбери, леди Сесилия Джонстон и маркиза Таунсенд были самыми близкими подругами Марии и обычно присутствовали, чтобы придать пышности ее приемам; в то время как среди мужчин были генерал Паоли, лорды Сэндис и Эрскин, а также его королевское высочество принц Уэльский, иностранные послы также приглашались по особым случаям.

Вскоре оказалось, что особняк на Пэлл-Мэлл слишком мал, чтобы вместить такой наплыв посетителей и выставить работы своего хозяина и его наряды. На Оксфорд-стрит открылся новый дом.

Несколько биографов Косуэя упоминают тот факт, что фигура льва у входа натолкнула какого-то остряка на мысль прилепить к двери эпиграмму с суровым смыслом, поскольку щеголеватый маленький художник “лицом мало чем отличался от моослика”:

“Когда человек для представления приводит на ярмарку льва,
обычно вывеску привязывают к обезьяне;
Но здесь старый обычай перевернут,
Потому что лев снаружи, а обезьяна внутри”.

Из-за этой дурацкой шутки художник покинул дом и оборудовал на той же улице другой, с великолепием сказочного дворца. Автор книги “Нолленс и его время” говорит:

“Его новый дом, он отлично вписался в столь живописными, и, по сути, так княжеский стиль, что я жалею, что рисунки были не Маде Генеральной внешний вид каждой квартиры; в течение многих номеров были больше похожи на сцены из чары, подведенные на поэта причудливого, чем любая вещь может быть и раньше, отображаемые в домашних жилья. Его мебель состояла из старинных стульев, кушеток итабуретов для бесед, украшенных искусной резьбой и позолотой и покрытых самым дорогим гентским бархатом; секретеров из черного дерева, инкрустированных перламутром; и богатых шкатулок для старинных драгоценных камней, покрытых изысканной эмалью и украшенных ониксами, опалами, рубинами и эмериспид. Были также шкафы из слоновой кости причудливой работы; мозаичные столики, украшенные яшмой, кровавым камнем и лазуритом, ножки которых были вырезаны в виде когтей львов и орлов; ширмы старинной восточной японской работы; массивные музыкальные часы с богатой чеканкой, украшенные ормолу и черепаховым панцирем; пуфики, великолепно покрытые дамасской тканью; персидские и другие ковры, с соответствующими ковриками у камина, окаймленными старинными фамильными гербами и гербовыми эмблемами в центре; и богатые портьеры из английского гобелена. Резные каминные были украшены отборной бронзой, восковыми моделями и терракотой; столы были покрыты старинным севрским, синим мандариновым, нанкинским и дрезденским фарфором; а на шкафчиках стояли хрустальные кубки, украшенные розами Йорка и Ланкастера, которые, вероятно, могли бы украсить великолепные банкеты гордого Вулси”.

Но великолепие, модное положение, успех художника и дружба принцев и знати не могли сделать Ричарда Косуэя счастливым. Он видел насмешку, скрывающуюся за улыбками его гостей-аристократов, и до него дошли слухи, что другие художники обвиняли его в использовании своих талантов, чтобы польстить великим, чья мимолетная благосклонность, в конце концов, не могла обеспечить ему прочной репутации. Здоровье Марии тоже начало ухудшаться, и, поскольку лондонский климат стал для нее невыносимым, муж взял ее с собой в путешествие по Континенту. Они отправились в Париж и Фландрию. Однажды, когда они прогуливались по Галерее Лувра, Косуэй указал на голую стену и сказал, что его карикатуры будут хорошо смотреться в этом месте. Он подарил их французскому королю, который принял и повесил их, подарив художнику взамен четыре великолепных гобелена, которые Косуэй подарил принцу Уэльскому.

Почувствовав улучшение здоровья, миссис Косуэй вернулась в Англию и возобновила свои блестящие вечеринки. Но ее настроение снова упало, и она поехала со своим братом в Италию, ожидая, что муж присоединится к ней.

Трехлетнее пребывание в этом мягком климате полностью восстановило ее здоровье, и она отправилась обратно в Лондон. Там ее ждало новое ужасное испытание: ее призвали оплакать смерть ее единственной дочери.

Она снова отправилась во Францию, а после начала войны между этой страной и Англией продолжила свое путешествие в Италию. Она основала в Лоди колледж для обучения молодых леди по плану, который она организовала для аналогичного учебного заведения в Лионе.

После установления мира она вернулась в Англию и стала нежной сиделкой своего мужа-инвалида, пытаясь скрасить утомительные часы, которые проходили в слабости и боли.

По возвращении миссис Косуэй Смит сообщает нам: “она распорядилась перевезти тело их усопшего ребенка, которое ее муж сохранил в забальзамированном виде в мраморном саркофаге, стоявшем в гостиной его дома на Стратфорд-плейс, на Банхилл-роу, где оно было предано земле, отправив саркофаг мистеру Ноллекенсу, скульптору, на некоторое время позаботиться о нем. Любопытное совпадение, что в тот самый час, когда этот саркофаг был вывезен из резиденции мистера НолаЛекена, мистер Косуэй скончался в экипаже своей старой подруги мисс Удни, которая привыкла, пока он был немощен, время от времени выводить его проветриться, ”и вывезла его в то утро, поскольку погода была хорошая”.

Мария слышала звук отъезжающих колес и, поспешив вниз, чтобы встретить мужа, обнаружила только его бездыханный труп. Он скоропостижно скончался после третьего и последнего приступа паралича 4 июля 1821 года в преклонном возрасте восьмидесяти лет.

Вдова вернулась в Лоди, где ее дамский клуб все еще процветал. Это место вызвало у нее множество счастливых воспоминаний, и там ее любил и уважал большой круг друзей. Она умерла в 1821 году.

В своем стиле миссис Косуэй, похоже, многое позаимствовала у Флаксмана и Фузели. Во многих ее работах воплощено нечто фантастическое, что ассоциируется с большим количеством дикого и ужасного, чем мы обычно находим в творениях спокойного ума. Без сомнения, ее безутешное горе из-за потери ребенка было причиной этой неженственной особенности. Она создавала произведения из Вергилия и Гомера, а также из Спенсера и Шекспира.

Гравюра с портрета Марии Косуэй изображает ее в расцвете юности, с копной светлых волос, уложенных по господствовавшей тогда моде. Свежая и нежная прелесть лица наиболее привлекательна, и есть удивительная красота в больших, мягких глазах и бесхитростной невинности, которая сияет в их выражении. Знаменитая миссис Коули в письме к ней так отзывается о своем портрете: “Если ты сможешь нарисовать каждое тело так же точно, как прекрасная Мария Косуэй, ты станешь первым художником-портретистом в королевстве”.

Она написала портрет мадам Лебрэн. Одной из ее последних работ была картина, изображающая мадам Рекамье в роли ангела-хранителя, наблюдающего за спящим ребенком. “Зимний день” в двенадцати частях был ее серией, и она также опубликовала книгу рисунков совместно с Хопнером. Ее “Лама”, выставленный в Королевской академии в 1788 году, изображал женскую фигуру, полулежащую у ручья; и поразительное сходство с миссис Фитцхерберт вызвало немалую сенсацию.

МАДАМ ТЮССО.

Знаменитая коллекция восковых фигур мадам Тюссо была впервые открыта в Париже около 1770 года месье Курсиусом, ее дядей. Хотя тогда она состояла в основном из бюстов, с

несколькими фигурами в полный рост, она привлекла большое внимание как новинка; и Людовик XVI. имел обыкновение развлекаться тем, что помещал живые фигурки в костюмах среди восковых. В 1802 году мадам Тюссо открыла свою выставку в Лондоне, после чего посетила все крупные музеи Великобритании. Ее комнаты были просторными и великолепно украшенными, и ее фигуры были великолепно одеты — некоторые в свои собственные королевские одежды, с коронами, звездами, орденами и царственными нарядами. Среди исторических групп — одна, изображающая Генриха VIII. и его семья. Выставка до сих пор хранится в крупнейшем салуне Европы, и для ее обслуживания постоянно работают более сорока человек.

ГЛАВА XIV. ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК.

Завершение золотого века искусства во Франции.—Порча нравов.—Влияние женского гения.—Правление Людовика XVI.—Женская энергия в революции.—Шарлотта Корде.—Большее количество женщин-художниц в Германии.—Причины почему.—Француженки посвятили себя гравюре.—Резчики по штампам.—Влюбленная скульпторша.—Несколько художниц.—Количество увеличивается.—Влияние великих французских мастеров.—Севрская живопись.—Жанровая живопись.—Ученики Греза.—Портретная живопись в моде.—Кэролайн Саттлер.—Художники-флористы и т.д. —Граверы.—Две выдающиеся художницы.—Аделаида Винсент.—Брак.—Портреты и другие работы.—Революция.—Элизабет Лебрен.—Талант к живописи.—Восхищение ее отца.—Наставления.—Дружба с Верне.—Бедность и труд.—Скупой отчим.—Ее заработок растрочен.—Успех и искушение.—Знакомство с Лебреном.—Материнские советы мамебрак.—Тайный брак.—Предупреждения запоздали.—Маска падает.—Роскошь для мужа, труд и лишения для жены.—Успех и скандал.—Французское общество.—Дружба с Марией-Антуанеттой.—Стихотворение Ла Гарпа.—Вечерние приемы.—Великолепные развлечения.—Нехватка мест.—Маленькие супы.—Греческий банкет.—Отчеты по этому поводу.—Отъезд из Франции.—Триумфальное шествие.—Прием в Болонье.—В Риме.—В Неаполе.—Во Флоренции.—Портрет мадам Лебрен.—Замечания Гете.—Новые почести.—Прием в Вене.—Старый друг в Берлине.—Резиденция в России.—Возвращение во Францию.—Верность.—Ее фотографии.—Смерть мужа и дочери.—Преклонный возраст.—Автобиография.—Символичная жизнь.

Золотой век французской литературы и искусства подошел к концу при жизни Людовика XIV. Что-то единственное, что осталось от той счастливой эпохи, сохранилось в последующие годы, но всеобщее разложение нравов вскоре стерло даже это. Но в царствование Людовика XV. были проблески лучшего положения вещей, и влияние женского гения и заслуг было очевидным, о чем может свидетельствовать длинный список имен в литературе. Однако в последние годы правления этого монарха господствовал порок, и лицемерие стало единственной данью уважения при дворе добродетели.

Скипетр перешел в руки Людовика XVI, слабого принца, чьи добродетели были добродетелями человека, а не государя. Когда трон пошатнулся и вспыхнула революция, женщины Франции вновь обрели свою энергию. Они были героинями под властью диктаторов. Какое

самопожертвование, например, может затмить самопожертвование Шарлотты Корде - более великой, чем Брут? И то, что было начато женщиной, женщина завершила: мадам Кабаррюс поделила славу тех великих событий! В те дни тоже были писатели, которых потомки увенчали гирляндами, сплетенными их современниками.

Сравнивая прогресс женщины и ее развитие искусства во Франции с прогрессом других наций, и особенно Германии, мы можем заметить важные различия. Число женщин-художниц было намного больше в Германии, возможно, потому, что многие города в этой стране были центральными пунктами, предоставляющими работу трудящимся и признательность тем, кто посвятил себя профессии; тогда как во Франции только Париж был великим местом встречи. Кроме того, в Германии культивировалось несколько видов искусства, которые во Франции мало практиковались женщинами, например, пейзажная живопись. Француженки гораздо больше посвящали себя гравировке, чем в Германии; фактически, граверы составляли большинство женщин-художников во Франции, где, более того, женская работа была больше связана с бизнесом, чем в любой другой стране. Из такой профессиональной преданности женщин-граверов во Франции следует, что любителей было немного; в то время как, с другой стороны, в Германии и Англии было очень много тех, кто относился к задачам искусства как дилетанты.

Окидывая взглядом выдающихся француженок, пользовавшихся репутацией среди своих современниц в XVIII веке, мы можем обратить внимание на резчиц Мари-Анн де Сент-Урбен и Элизу Лесуэр, а также на актрису мадемуазель Колло, которая впоследствии вышла замуж за Фальконета и помогала ему в завершении статуи Петра Великого. Говорили, что она была влюблена в царя и выполнила самый прекрасный из сохранившихся его бюстов. Женщины-художницы этого периода времени мало известны. В начале века Лукреция Катрин де ла Ронд и Элизабет Готье делали гравюры в честь Эделинка и Лангле. Мари Катрин Эро сопровождала своего мужа, художника Сильвестра, в Дрезден; и Женестьева Бланшо, а также дамы Годфруа и Давен, среди прочих менее известных, завершают список в течение первой половины века.

Однако число приверженцев искусства быстро росло, о чем могли свидетельствовать ателье Рено, Давида и Редуте, когда они стали центральными точками воссоединения для женской предприимчивости и учебы.

Влияние этих знаменитых людей, чьи прекрасные ученые проявили свои таланты в девятнадцатом веке, еще больше ввело в моду нежную и эмоциональную жанровую живопись, которая, как показали Грез и Фрагонар, так хорошо соответствует вкусу и чувствам женщины. Маргарита Жерар, невестка и ученица Фрагонара, в этой манере рисовала сцены домашней жизни и семейных групп с большим изяществом и спокойствием. Некая мадам Г.эра была упомянута как дилетантка, обладавшая большим состоянием и имевшая отель, оборудованный всем необходимым для северской живописи. Ее великолепные шкафы из полированного красного дерева были расписаны золотом и бронзой, и их содержимое напоминало богатую коллекцию ФОР ублажения вкуса, а не для продажи. Она приобрела несколько предметов за шестьдесят и восемьдесят ливров. Пара ваз, не очень больших, расписанных священными сюжетами, была продана за двадцать шесть тысяч ливров.

Жанровый стиль практиковали мадемуазель Дюкесной и мадам Гои. Манере Греза также подражала его жена Анна Габриэль вместе с Мари Женестьева Броссар де Болье, которая имела честь быть членом Парижской и Римской академий.

Другие последователи этой школы начали свою профессиональную деятельность после начала девятнадцатого века; и они, вместе с учениками Рено, Редуте и Давида, принадлежат к более позднему периоду, чем обсуждаемый.

Портретная живопись была в большей моде, чем любой другой вид, и почти полностью выполнялась маслом; в то время как миниатюрная живопись, столь популярная среди женщин Германии, во Франции практиковалась гораздо меньше. Среди тех, кто приобрел известность, заслуживает упоминания Кэролайн Саттлер. Она училась в Париже и была не только принята в академию, но и удостоена звания профессора. Некоторое время спустя она отдала свою руку купцу по имени Тридон и уехала жить в Дрезден.

Пейзажной живописью занимались очень немногие женщины. В рисовании цветов была отмечена Мадлен Франсуаза Бассепорте. Она родилась в 1701 году, получила наставления от Обрие, а в 1743 году сменила его на официальном посту в *Ботаническом саду*. Она написала серию работ для коллекции герцога Гастона Орлеанского, которые до сих пор выставляются как шедевры искусства.

Мадам Куглер, жена фон Вейлера, писала портреты выдающихся людей из слоновой кости, и на выставке 1789 года были представлены прекрасные работы, выполненные эмалью и пастелью. Она работала на правительство и выполняла планы своего мужа. В течение двенадцати лет она отличалась своим трудом.

Мадам Шарпантье, Сурины, Капет, Брюйер, Мишо, Давен, Мирно, Анзон и Бенуа, которые рисовали императора, также были хорошо известны как художники.

Сюзанна Сильвестр происходила из французской семьи художников. Она копировала головы и портреты вслед за Вандиком.

Что касается уже отмеченного класса женщин, избравших профессию граверов, то их было почти бесчисленное множество; и все же трудно выделить кого-либо, заслуживающего особого внимания. Одна из этого числа — Маргарита Леконт — примерно в середине века была членом художественных академий Рима, Флоренции и Болоньи и занимала высокое положение. Женеваева Нажи, родившаяся в Париже в 1746 году, работала до того, как стала женой Реньо. Она копировала растения с натуры и гравировала на меди; она также копировала исторические произведения разных мастеров.

Фанни Верне гравировала картины, написанные ее мужем Шарлем Верне, а в лице своего сына Горация подарила французскому искусству одно из его величайших украшений.

Элизабет Клара Тардые была женой выдающегося французского гравера и привыкла сама успешно заниматься этим искусством.

Мария Магдалина Хортемелс, дочь французского гравера и жена Кочина, была известным гравером. Она выполнила с акцентом и закончила более серьезно, в легком и приятном стиле. Несколько иллюстраций к трактату Моникар о картинах, статуях и т.д. в Версале были сделаны ею.

Мари Розали Берто и Луиза Аделаида Буазо были превосходными граверами.

Анна Филиберт Куле была гениальным гравером пейзажей и морских видов; она выполняла работы в тонком и приятном стиле.

Теперь мы бросим взгляд назад, на двух женщин—художниц, которые снискали себе почти равную известность и которые превосходно приспособились - каждая в своей личной истории и взгляде на свои ранние работы — быть представительницами состояния и особенностей французского искусства того периода; и, вместе с тем, преобладающего состояния общества. Эти женщины - Аделаида Винсент и Луиза Элиза Ле Брюн.

АДЕЛАИДА ВИНСЕНТ.

Аделаида Вертус Лабиль родилась в Париже в 1749 году и получила свои первые уроки живописи в этом городе у Ж. Э. Винсента из Женевы. Эта художница приехала в Париж незадолго до ее рождения, снискала уважение как автор миниатюрных портретов и была принята в члены Академии. Аделаида учитель в пастельных картинах. Сначала Латур; но, когда сын ее детства мастер—Франсуа Антуан Венсан, который разделил ее исследования в отцовском ателье, а бог, на три года старше, чем сама вернулась в Париж, она решила присоединиться к нему в погоне за искусством и жизненный путь. Ее первым мужем был месье Гайяр, вторым - Винсент-младший.

Аделаида написала огромное количество портретов, среди них..... Один из них — портрет скульптора Гои — получил приз, предложенный Академией, и снискал прекрасной художнице такую известность, что даже работы ее знаменитой соперницы мадам Лебрен считались ниже его.

Выдающимся знаком признательности стало назначение мадам Винсент постоянным членом Академии; это произошло 31 марта 1781 года. Когда буря Революции разразилась во Франции, она примкнула к партии своего мужа, чья привязанность к королевской семье заставляла его жить в постоянной вражде с художником-республиканцем Дэвидом. Одной из ее работ была большая картина, на которой фигуры были в натуральную величину, изображающая ее саму перед мольбертом и ее учеников вокруг нее; среди них мадемуазель Капет, герцогиня Ангулемская и несколько других членов королевской семьи, которые ее очень уважали и часто нанимали.

Еще одна из ее величайших работ представляет собой прием члена в орден Святого Лазаря месье, братом короля, великим магистром ордена, который назначил ее придворным художником. Эта картина была уничтожена во время революции, и ее потеря причинила художнице столько огорчения, что после войны она редко прикасалась к кистям. Среди ее последующих работ в то время прославился портрет ее мужа.

Эта выдающаяся женщина, увенчанная почестями своих современников как художница и в общественной жизни, и почитаемая большим кругом друзей, умерла в 1803 году.

ELIZABETH LE BRUN.

Другая упомянутая выдающаяся художница - Мария Луиза Элизабет Виже, которая под фамилией Ле Брюн по мужу широко известна как одна из самых знаменитых женщин восемнадцатого и девятнадцатого веков.

Она родилась в Париж 16 апреля 1755 года. Ее отец был искусным художником-портретистом, и, занимаясь детскими забавами в своем доме, она познакомилась с принципами, лежащими в основе этого искусства. Она очень рано проявила как склонность, так и таланты к рисованию. Когда ей было всего семь или восемь лет, она нарисовала набросок бородатого мужчины, который, когда ее отец увидел, распознав в нем признак присутствия гения, он восторженно воскликнул: "Ты станешь художницей, дочь моя, или ее никогда не было!"

Элизабет надолго запомнила этот случай и в своих воспоминаниях о себе говорит о глубоком впечатлении, которое произвели на ее детские чувства похвалы, расточаемые отцом этой ранней постановке.

Уроки, которые она получала дома, вскоре оказались недостаточными для его быстро развивающегося таланта. Как ученицу по рисованию, ее познакомили с Бриаром, художником значительных заслуг, который преуспел в набросках. Ее учителем раскрашивания был Дейвсен, в честь которого было выгравировано изображение Марии-Антуанетты в роли дофины Франции. Знаменитый Жозеф Верне, находившийся тогда в разгаре своей блестящей карьеры, давал ей ценные советы и всегда проявлял отеческий интерес к одаренному ребенку. Ее собственный отец умер, когда ей было всего тринадцать лет, но мать разрешила ей продолжить изучение великих мастеров в публичных галереях.

Здесь девушка скопирована с великих произведений Рубенса, с портретов Рембрандта и Ванديка, а также с нежных и очаровательных женских головок Греза. Таким образом, был заложен фундамент ее будущего успеха как колориста, и вскоре она стала достаточно продвинутой, чтобы получать значительную прибыль от своих трудов.

Ее отец не оставил после своей смерти никакого имущества, а ее мать слишком долго привыкала к блестящей и роскошной парижской жизни, чтобы не испытывать острых лишений. Она искала способы предаваться своим привычным удовольствиям, используя таланты своей дочери, которая теперь оказалась вынужденной содержать семью на свои заработки.

Даже когда несколько лет спустя мотылекэр вступил во второй брак, положение вещей не улучшилось. Мадам Виже, вышедшая замуж за богатого ювелира, оказалась разочарованной в ожиданиях увеличения средств для удовлетворения своего тщеславия и расточительности. Со дня свадьбы муж показал себя таким скупым и скудоумным, что отказывался снабжать свою жену и падчерицу даже самым необходимым для жизни.

Трудами наших бедная Элизабет снова были в заявке; и хотя ее старый друг вернет ее, чтобы дать ей родители только пособие от ее заработка, и резервного остатка для собственного использования, все, что она могла добыть из нее и провел, либо в покупку статей для семьи, или для угождения матери, unbounded пристрастие к одежде, бережливых и общественных увеселениях.

Где бы ни появлялась юная девушка, ее замечали за ее исключительную красоту, а также говорили о ее замечательных талантах, и общий интерес к ее профессиональной карьере, казалось, шел рука об руку с восхищением ее редкой личной привлекательностью. В своих мемуарах она рассказывает нам о нескольких влюбленных в нее мужчинах, которые заказывали портреты ее рук в надежде во время сеансов добиться прогресса в ее пользу; но ее любовь к искусству, как мы знаем, а также принципы морали и религии, в которых она выросла, сделали ее стойкой против всех подобных попыток подорвать ее добродетель.

Когда ей было всего пятнадцать лет, она написала портрет своей матери, который оказался настолько замечательным произведением, что Верне посоветовали ей представить его в Академию вместе с заявлением о приеме. Крайняя молодость Элизабет помешала ей быть принятой в члены Академии, но несколько лет спустя ей разрешили присутствовать на всех публичных заседаниях Академии.

Примерно в это же время она познакомилась с Жан-Батистом Пьером Лебреном, художником и торговцем картинами, который в то время считался одним из первых знатоков Европы. Он уделил особое внимание прелестной молодой художнице, побудив ее посетить его редкую и богатую коллекцию с целью изучения, при этом он проявил глубочайшую заинтересованность в ее успехе. Через шесть месяцев после знакомства он стал добиваться ее руки. В своей автобиографии она пишет:

“Я была далека от мысли выйти замуж за месье Лебрена, хотя у него было красивое лицо и приятная натура; но моя мать, которая считала его очень богатым, не переставала убеждать меня не отказываться от столь выгодного предложения. Итак, в конце концов я уступил; но брак был всего лишь заменой одного рода неприятностей другим. Нельзя сказать, что месье Лебрен был жестокосердным человеком. В его характере сочетались мягкость и пылкость, а его покладистость ко всем сделала его популярным. Но, к несчастью, он был слишком привязан к обществу женщин с сомнительной репутацией, и эта унижительная склонность привела его к страсти к азартным играм, которая разорила нас обоих с точки зрения состояния. Он так основательно растратил все, что у нас было, что в 1789 году у меня не было и двадцати франков на поездку из Франции, хотя мой заработок составлял более миллиона”. Хотя мой заработок составлял более миллиона”.

Этот брак, который со стороны мужа был всего лишь предметом спекуляций, поскольку он полагался на таланты своей невесты, чтобы избавиться от кредиторов и позволить себе жить в легкости и роскоши, был одним из тех союзов, которые были распространены в Париже в царствование Людовика XV. Опыт нашей героини был характерен для того времени. Лебрен ранее был помолвлен с дочерью богатого голландского торговца картинами, с которой у него были деловые отношения. Он умолял свою жену держать их брак в секрете до тех пор, пока его прежние деловые отношения не будут удовлетворительно налажены. Мадам согласилась, хотя была поставлена в крайне болезненное положение, будучи осаждена предупреждениями и мольбами своих друзей, убеждавших ее не вступать в союз, который наверняка принесет несчастье, — когда, увы! злодеяние уже было совершено. Герцогиня д'Аремберг предсказала несчастье в результате такого брака; придворный ювелир Обер, друг ее юности, посоветовал ей “скорее повесить камень на шею и броситься в реку, чем совершить подобную глупость”.

Однако молодая жена по-прежнему сохраняла веру в превосходство своего возлюбленного. Наконец, завершение его деловых переговоров позволило ему публично объявить о браке, и

очень скоро оказалось, что все эти предупреждения были слишком обоснованы. Лебрэн сначала завладел всем с трудом заработанным имуществом своей жены и вынудил ее увеличить свой доход, взяв учеников. Единственным преимуществом, которое принесло ей это приумножение средств, была более активная и непрерывная занятость, которая не позволяла ей слишком горько переживать крушение своих надежд на счастье в семейной жизни. Ее муж забрал деньги, заплаченные за ее картины исыновей, чтобы растратить их на свои эгоистичные прихоти. Он занимал первый этаж дома, обставленный в великолепном стиле, и окружал себя дорогостоящей роскошью, в то время как его жена была вынуждена довольствоваться вторым этажом и очень богатой жизнью. Однако такое положение вещей в супружеской жизни не было чем-то необычным к концу правления Людовика XV, и это не вызывало удивления.

Пока дела обстояли таким образом, Лебрэн снискал репутацию снисходительного мужа благодаря безразличию, которое он проявлял, позволяя даже людям сомнительной репутации навещать свою жену, в то время как сам редко появлялся в ее кругах, и игнорированию различных предостережений и слухов на эту тему. Скандал, который редко щадит обиженную жену, если только суровое уединение ее жизни не выходит за рамки отшельничества, нашептывал о мадам Лебрэн ужасные вещи, и ее даже обвиняли в том, что крупные суммы, выплаченные за ее картины, были скорее причитающимися личным заслугам, чем ее заслугам как художницы. Сознывая свою невиновность, она имела обыкновение объяснять мужу подобную несправедливость, а он в шутку отвечал:

“Дайте людям выговориться. Когда ты умрешь, я воздвигну в своем саду высокую пирамиду со списком написанных тобой портретов, и тогда мир узнает, откуда у тебя деньги, которые ты заработал”.

Такое насмешливое сочувствие было ответом на ее уверенность и искренние просьбы о защите от недостойного мужа, который продолжал жить в роскоши за ее счет.

Когда двенадцать тысяч франков были отправлены Елизавете за портрет сына княгини Любомирской, Лебрэн присвоил себе всю сумму, за исключением двух луидоров, которые он подарил из нее своей жене.

Чувствуя себя уязвленной и отчужденной от него таким обращением, мадам Лебрэн, похоже, в конце концов решила сделать себя как можно более счастливой по-своему. Французское общество тогда было коррумпировано до глубины души, и было трудно двигаться в нем, не приобщаясь к скверне. Это было особенно актуально для того, чье образование было поверхностным и кто так и не научился подражать примеру тех чистых приверженцев искусства, которые нашли в этом силу сохранять и направлять себя даже среди интриг и распущенности окружающих их кругов.

Мадам Лебрэн снискала расположение и близкую дружбу особ очень высокого ранга. Мария-Антуанетта не только прислала ей свою картину, но и имела обыкновение просить ее спеть вместе с ней, поскольку художница была почти так же известна своим “серебряным голосом”, как и своими профессиональными достоинствами. Общественные почести, которыми ее осыпали, помогли сделать ее труды прибыльными.

Однажды на заседании Французской академии Ла Гарп прочитала стихотворение в честь гениальной женщины. Когда он подошел к строю...

“Le Brun—de la beauté le peintre et le modèle,
Moderne Rosalba, mais plus brillante qu’elle,
Joint la voix de Favart au sourire de Vénus—”

поднялось даже все собрание, за исключением герцогини Шартрской и короля Швеции, и прекрасная артистка была ошеломлена первым взрывом восторженных аплодисментов.

Ее поступление в Академию, которому до сих пор препятствовали личная ревность и другие препятствия, теперь состоялось после представления ее собственного портрета в 1783 году. Эту картину она написала по мотивам знаменитой “Нае” Рубенса — *“Шапочка из пайеток”*, которую она видела годом ранее во время визита в Бельгию. Ее работа вызывала такое восхищение, что Верне, ее всегда верный друг, сразу понял, что с ее помощью он мог бы добиться немедленного зачисления ее имени в члены Академии.

В “бедном жилище”, в которое ее загнала расточительность месье Лебрена, она умудрялась каждую неделю устраивать вечерний прием, несмотря на ограниченность помещений. Ее дом стал местом встреч всех знаменитостей Парис, а также во многом благодаря своей красоте и высокому положению. Ходили любопытные истории о ее расходах на развлечения высокопоставленных особ, которые ее навещали. Говорили, что ее стол был покрыт золотой посудой; что ее покои отапливались древесиной алоэ и даже что она разжигала огонь банковыми билетами. Абсурдность подобных слухов вполне может заставить кого-то усомниться в других *скандальных хрониках* того времени, что еще больше повлияет на ее репутацию.

Несомненно, однако, что она принимала гостей самого высокого ранга и что ее приемы были переполнены до отказа. Отсутствие стульев часто вынуждало ее посетителей садиться на пол. Сама мадам Лебрен с явным удовольствием описывает в своих воспоминаниях смущение толстого старого герцога де Ноай, которому однажды вечером пришлось долго стоять из-за нехватки мест.

Музыка, как правило, была частью развлечения, и прекрасная хозяйка, хотя и не уделяла особого внимания совершенству этого искусства, пела очень очаровательно. Гретри, Сачини и Мартини репетировали сцены из новых опер перед их представлением; Гарат, Азеведо, Рич и мадам Лебрен написали вокальную музыку, в то время как инструментальную должны были исполнить Виотти, Ярнович, Маэстрино, Кремер, Хюльмандель и принц Генрих Прусский, брат Фридриха Вильгельма III. Говорили, что он был знаменитым любителем.

The Supper-pit, которыми обычно завершались эти восхитительные *званные вечера*, и на которые приглашались лишь немногие избранные гости, прославились по всей Франции. Говорили, что они блистали мансардной элегантностью и парижской роскошью. Популярный Делиль, пикантный писатель Лебрен, который сначала льстил королевской семье, а затем стал Пиндаром Революции; роскошный господин флеров, виконт де Сегюр, были среди *завсегдатаев* этого святилища муз и граций. На ужинах действительно были европейские знаменитости.

Однажды брат мадам Лебрен прочитал вслух из "Путешествий Анахарсиса" описание древнегреческого банкета. Леди пришла в голову мысль устроить один из своих ужинов в подражание пиршествам роскошной Аспазии.

Кухарку немедленно снабдили квитанциями на греческие соусы; "маленькую" столовую превратили в классический банкетный зал, а посреди комнаты поставили стол, сделанный по античной моде, в окружении греческих диванов с драпировками. Графу де Пезе, жившему в том же здании, был направлен запрос на антикварную мантию королевского цвета, в то время как с маркиза де Кубьера потребовали золотую лиру, на которой он искусно играл.

Лебрен — не муж, а поэт — был облачен прекрасными руками художника, чей вкус в живописных костюмах никто не мог подвергнуть сомнению, в пурпурную мантию и классический парик, украшенный лавровым венком. Таким образом, он был пригоден для исполнения своей роли Пиндара или Анакреонта! Некоторые юные леди, известные своей красотой, были одеты в греческие туники с классическими прическами, чтобы походить на афинских дев; в то время как знатные гости-тлемены претерпели соответствующее преобразование.

Те, кого удостоили приглашений на это избранное развлечение, заняли свои места под музыку "Золотой лиры" и классическую мелодию, сочиненную Глюком,

“Le Dieu de Paphos et de Gnide,”

в то время как Пиндар вечером пел анакреонтические оды.

Среди деликатесов, расставленных на столе, были угри и птицы, заправленные греческими соусами и украшенные медовыми лепешками; инжир, оливки и коринфский виноград. Две прекрасные рабыни — мадемуазель де Бонней и Мадемуазель Ле Брюн — угощали гостей кипрским вином в кубках, привезенных из погребенного Геркуланума.

Двое гостей прибыли с опозданием — граф де Водрей и финансист Бутен, — которые не были готовы к такому сюрпризу. Они замерли, онемев от изумления, на пороге и, казалось, вообразили, что перенеслись в Афины в дни их интеллектуальной славы!

На следующий день о классическом банкете, устроенном мадам Лебрен, говорил весь Париж. Ее умоляли повторить представление, но она с должным тактом отказалась. Некоторые из ее знакомых обиделись на отказ и на свое собственное исключение и отомстили за это пренебрежение (как она говорит), оклеветав ее перед королем. Поговаривали, что ужин обошелся в двадцать тысяч франков, и Кубьер приложил немало усилий, чтобы разуверить его величество.

История и слава о банкете облетели весь Континент; к тому времени, как он достиг Рима, его стоимость возросла до сорока тысяч, а в Вене, как заверила мадам Лебрен баронесса Строгонова, поговаривали, что она потратила шестьдесят тысяч долларов. В Санкт-Петербурге это, естественно, стоило целых восемьдесят тысяч. “Дело в том,” говорит мадам Лебрен, “что это маленькое дельце обошлось мне всего в пятнадцать франков”. На нее можно положиться в том, что касается ее доли расходов, хотя для других это могло обойтись несколько дороже.

Такие преувеличенные слухи и порожденные ими сплетни вызвали некоторые разногласия в общей оценке талантов и характера мадам Лебрен. Уважение, которое она получила и

продолжает получать от знати, с ее назначением рядовым художником королевы, и благосклонность, оказанная ей двором, помогли сделать ее неприятной для людей, среди которых привязанность к королевской власти и аристократическим формам стала рассматриваться как преступление.

Франция находилась накануне Революции, которой было суждено искоренить существующий порядок вещей, и женщина, которую Мария-Антуанетта сделала своей спутницей, вряд ли могла избежать порицания. Кроме того, разве не она в 1774 году, еще до замужества, опубликовала работу под названием *“Любовь Франциив поисках короля?”*

Когда разразилась Революция, мадам Лебрен поняла, что больше не может оставаться во Франции. Закон, защищающий художников и разрешающий им путешествовать по своей профессии, был доступен для ее отъезда.

Она решила отправиться в Италию, и с пронзительной скорбью попрощалась со своим домом и друзьями. Но путешествие, начавшееся так печально, оказалось триумфальным продвижением, увенчанным знаками уважения.

В Болонье ее сразу же объявили членом Академии. В Риме ее приветствовала делегация художников, которая отправилась ей навстречу; в то время как художник Менажо, только что назначенный директором Французской академии, выделил ей апартаменты во дворце этого учреждения.

В Неаполе она была принята со знаками отличия королевой, сестрой Марии-Антуанетты, и здесь несколько знатных горожан позировали ей для своих портретов — среди прочих, прекрасная леди Гамильтон, которую художник изобразил в виде вакханки, возлежащей на берегу моря. Эта картина получила высокую оценку и распространила повсюду известность мадам Лебрен.

Во Флоренции ее попросили написать собственный портрет для коллекции оригиналов, о которой уже упоминалось. Она закончила портрет для этой галереи, куда он был помещен в 1790 году, через два года после того, как портрет Анжелики Кауфман был добавлен в коллекцию.

Гете говорит о портрете Анжелики Кауфман, сравнивая его с портретом мадам Лебрен в той же галерее: “У него более верный тон в колорите; положение более приятное, и в целом он демонстрирует более правильный вкус и более высокий дух искусства. Но работа Лебрена отличается более тщательным исполнением; в рисунке больше энергии и более деликатных штрихов. Кроме того, она имеет четкий, хотя и несколько преувеличенный колорит. Француз-двамужчины разбираются в искусстве украшения; головной убор, волосы, складки кружев на груди — все уложено тщательно и, как можно было бы сказать, *con amore*. Пикантное, красивое лицо с его живым выражением, приоткрытые губы, обнажающие ряд жемчужных зубов, предстают перед взором зрителя, словно кокетливо вызывая его восхищение, в то время как рука держит карандаш, как в процессе рисования. Изображение Анжелики с мягко склоненной головой и мягкая, интеллектуальная меланхолия страны, демонстрирующая более высокую гениальность, даже если с точки зрения художественного мастерства предпочтение было бы отдано другому”.

Сравнивая два портрета, можно проследить контраст в созерцании жизни и характеров двух художников. Но мы вернемся к мадам Лебрен, которая, как мы видим, продолжает путешествия,

совершенные ею как завоевательницей, получая новые почести и новые подношения, где бы она ни проходила.

После посещения Флоренции и Пармы, где она была избрана членом Академии, она отправилась в Венецию, Верону и Милан. Италия — страна, где были найдены прекраснейшие плоды женского гения в живописи, — казалось, стремилась выразить свое восхищение одаренной дочерью из другого края. Земляки сирани и робусти осыпали ее комплиментами и поздравлениями.

Наконец она приехала в Вену, где граф Кауниц принял ее с дружеским приемом и немедленно представил ко двору. Здесь ее усилия ждал золотой урожай, и в галантных взглядах высокопоставленных лиц не было недостатка. Принц де Линь — типичный представитель кавалеров *старого режима*, которого она знала в прежние годы при Версальском дворе, — посвятил себя служению ей и воспевал ее в любовных стихах.

Вприехав в Берлин, она нашла старого друга в лице принца генриха и была очень благосклонно принята при дворе. Оттуда она отправилась в Санкт-Петербург, где прожила несколько лет в блестящем кругу общества под покровительством императрицы Екатерины II. и Павла I.

Оказанные ей почести увенчались в 1800 году ее избранием в члены Академии художеств; но, несмотря на благосклонность, которой она пользовалась у императорской семьи и знати, и приток богатства, выросшего благодаря ее доброте и высокой оценке ее картин, состояние ее здоровья в конце концов вынудило ее покинуть Россию. Мольбы императора и императрицы не смогли убедить ее остаться дольше 1801 года.

В июле того же года она вернулась в Берлин и удостоилась чести быть избранной членом Академии. В заказах на портреты недостатка не было, но ее короткое пребывание здесь сделало невозможным их выполнение. Проехав через Дрезден, она вернулась на родину, к которой всегда тянулось ее сердце, и зимой того же года благополучно прибыла в Париж.....,

Несчастья Бурбонов наполняли ее сердце сочувствием к горю везде, где до нее доходили эти новости. Она оставалась верна им, несмотря на все невзгоды, дожив до того, чтобы стать свидетельницей как возрождения, так и второго и окончательного изгнания этого королевского рода. Это верно подданническое чувство проявлялось даже в ее отношениях к императорской семье, когда они находились во владении тронном.

Ее картина “Венера, связывающая крылья любви” была выгравирована в Париже Пьером Виллю в 1787 году. В Лондоне на нее напал художник Хоппнер, который обесценил ее работы и обвинил в маньеризме. Тем не менее, ей удалось заполучить выдающихся покровителей. Двумя произведениями, прославившими ее, были наколенник принца Уэльского и одно из произведений синьоры Грассини в классическом образе. Драпировки пышные, переливающиеся всеми цветами радуги.

Сэр Джошуа Рейнольдс, когда Норткот спросил его о достоинствах двух ее портретов, назвал их “такими же прекрасными, как у любого художника”, и он не стал бы исключать Вандика, хотя его замечание было объяснено великодушным нежеланием мешать короткому лету ее

популярности. Прожив три года в Англии, она приехала в Париж, чтобы написать портрет мадамэ. Мюрат.

В Коппе, куда она отправилась во время путешествия в Швейцарию в 1808-9 годах, она написала портрет мадам де Сталь, который во многом способствовал распространению ее репутации. Вернувшись из этого турне, она купила загородный дом недалеко от Марли, который стал, как и ее дом в Париже, пристанищем высококультурного и блестящего общества. Особенно в период Реставрации внимание общественности под влиянием внимания двора, казалось, было обращено к мадам Лебрэн с большей серьезностью, чем когда-либо.

Отецэтой выдающейся женщины умер в 1813 году, а пять лет спустя она потеряла свою единственную дочь. За ее смертью последовала смерть брата, к которому мадам Лебрэн была так сильно привязана. Эти многочисленные несчастья тяжелым бременем легли на ее безутешное сердце. Она искала утешения в новой преданности своему искусству и работала в своей профессии так же усердно, как всегда, несмотря на немощи преклонного возраста. Когда ей было восемьдесят лет, она написала портрет своей племянницы, мадам де Ривьер, и эта картина, как следует заметить, отличалась энергичным колоритом и живой выразительностью, так что она сохранилась среди лучших образцов ее таланта в расцвете сил.

Примерно в это же время, в 1835 году, она подарила миру свою автобиографию в работе под названием "Сувениры". В этих мемуарах она перечисляет картины, которые на тот момент написала при своей жизни. Она закончила шестьсот шестьдесят два портрета, пятнадцать больших композиций и двести пейзажей, набросанных во время ее путешествий по Англии и Швейцарии.

На момент своей смерти, 30 марта 1842 года, ей почти исполнилось восемьдесят седьмой год. Ее долгая жизнь была столь же плодотворной в серьезном труде, сколь и в награде за успех, и в многообразных удовольствиях. Действительно, в своем редком расцвете и энергии его можно рассматривать как тип того блестящего периода, веселого и пышного внешне, но скрывающего многочисленные недостатки, который предшествовал Французской революции и привел, как естественное следствие, к этой грандиозной вспышке.

ГЛАВА XV. EIXV ВЕК.

Женщины-художницы в Испании.—Их участие представляет общий интерес.—Представительницы самых важных школ.—Севильи.—Мадрида.—Художница "Дон Кихота".—Высокопоставленные дамы—члены Академии.—Мария Тибальди.—Две художницы помимо двух поэтесс в Португалии.—В Италии больше урожая.—Немногие достигли высокого положения.—Ученые дамы.—Женщины-врачи и профессора.—Присвоенные им степени в юриспруденции и философии.—Примеры.—Девятилетний школьник.—Леди профессор математики.—Женщины—преподаватели.—Сравнение с английскими леди.—Блестящие приверженцы игры на лире.—Женский талант в важных школах искусства.—Женщины-художницы во Флоренции.—Граверы и раскрашивательницы.—В Неаполе.—Кухонные принадлежности.—В городах северной

Италии.—В Болонье.—Принцессы.—В Венеции.—Rosalba Carriera.—Ее детская Работа.—Ее гениальность осознана.—Обучение.—Увлекается пастельной живописью.—Достоинства ее работ.—Знаменитость.—Приглашения в Париж и Вену.—Визит короля Дании.—Приглашению император и король Франции.—Портрет для великого герцога Тосканского.—Король Польши, ее Покровитель.—Неиспорченный почестями.—Ее моральное достоинство.—Резиденция в Париже.—Ее фотографии.—Дама, переодетая горничной.—Недостаток красоты.—Анекдот императораили.—Дневник Розальбы.—Визит в Вену.—Предчувствие беды.—Портрет, увитый темными листьями.—Слепота.—Потеря рассудка.—Смерть и погребение.—Ее портрет.—Другие венецианки.

Беглый взгляд на художниц романтического Юга завершит этот общий обзор восемнадцатого века. В Испании мы находим немногих, достойных упоминания. С момента зарождения династии Бурбонов интерес к искусству перестал быть важным элементом национальной жизни, поскольку на протяжении всего семнадцатого века он находился под властью дома Хэп-Собургов. А на полуострове стала очевидной истина о том, что участие женщин является проверкой и мерилем общего интереса к исследованиям и произведениям искусства, преобладающего среди любого народа.

Однако самые важные мероприятия не обошлись без представительниц женского пола. В связи с Севильей мы слышим имя художницы-портретистки Марии де Вальдес Леаль; ее отец и наставник, дон Хуан де Вальдес, после смерти Мурильо считался первым живым мастером этой школы.

Мадридский театр имел среди своих учеников Клару и Анну Менендес, последнюю запомнили как автора серии сцен из "Дон Кихота". К той же школе принадлежат донна Барбара Мария де Уэва и донна Мария де Сильва, герцогиня Аркос, обе известные своим мастерством рисования, и члены Академии Сан-Фернандо, а также Анна Менендес и художница Анна Перес из Наварры. Мария Феличе Тибальди, родившаяся в 1707 году, писала маслом, а также миниатюрами и пастелью. Она обладала большим мастерством рисования с натуры и копирования исторических произведений. Работа ее мужа Пьера Сублейраса "Апостольская вечеря" была скопирована ею в миниатюре. Папа Бенедикт XIV. послал ей за него тысячу скуди и поместил в своей коллекции в Капитолии. После смерти мужа Мария поддерживала себя и своих детей своими талантами.

К ним можно добавить Марию Прието, дочь выдающегося *медика*; она занималась как живописью, так и гравировкой, но умерла на двадцатом году жизни в Мадриде в 1772 году.

Португалия в тот период по праву гордилась двумя женщинами, чьи поэтические таланты снискали немалую известность, Магдаленой да Глория и графиней де Вимиеро. Рядом с ними мы можем отметить двух выдающихся художников, донью Исабель Марию Райт из Порту и Катарину Виейру из Лиссабона; первая имеет высокую репутацию художника-миниатюриста, вторая известна несколькими церковными картинами, которые она написала по эскизам своего брата, дона Франсиско Виейры де Маттоса.

В Италии количество имен было большим, но в этом столетии добилось известности меньше женщин, чем в любом из двух предшествовавших. В тот период в женщинах поэтического гения не было недостатка; и более чем когда—либо — хотя в ранних летописях главных итальянских городов недостатка в них нет - образованных дам было предостаточно. Женщин-врачей и

профессоров было гораздо больше, чем обещает быть в Америке во второй половине девятнадцатого века. Такие явления не были редкостью в классическом итальянском климате, как женщины, занимающие кафедры не только музыки, рисования и современных языков, но и греческого, латыни, иврита, математики и астрономии. Они получили степени докторов юриспруденции и философии; например, Мария Виктория Дельфини, Кристина Роккати и Лаура Басси в Болонском университете и Мария Пеллегрини Амореtti в Павийском. Анна Манзолини в 1758 году была профессором анатомии в Болонье; а Мария Аньези, которая в возрасте всего девяти лет прочитала в Милане лекцию на латыни об “Исследованиях женского Сбывшегося”, была назначена папой римским профессором математики в том же университете в Болонье.

Тогда не считалось неженственным, чтобы женщины публично читали лекции перед переполненной и восхищенной аудиторией. Они были свободно допущены члены научились такcieties, и консультировали людей выдающихся научных достижений как себе равных в науке; тем не менее, британский рецензент замечает: “это сомнительно, что далеко знаменитая новелла была лучше, греческий ученый, чем Миссис Браунинг; или Мария Порция Vignoli, чья статуя долго украшала рынок Витербо, узнали больше в области естественных чем Миссис Сомервилл.”

Среди наиболее блестящих почитателей лиры можно упомянуть, мимоходом, Эмилию Баллати и Джулию Байтелли, которые подражали славе Петрарки, и Лауру Ванетти, в стихах которой Метастазиио разглядел саму душу барда Любви.

Но мы не должны задерживаться на именах, даже тех художников, которые принадлежат к нашей особой сфере наблюдения. Ни одна из важных ранних школ в восемнадцатом веке не смогла похвастаться украшением женского таланта. Во Флоренции Виоланта Беатрис Сирис, после длительного курса обучения в Париже у Буше и Риго, получила известность как художник-портретист. В той же отрасли профессии Анна Боккерини, и Анна Галеотти пользовались большим уважением.

Благодаря гравировке на меди Катарина Цукки и Лаура Пиранези приобрели известность. Как граверы, мы слышим о Ливии Пизани, Виоланте Ванни и Терезе Могалли, последняя также искусна в живописи.

В энкаустической живописи Энн Паренти-Дюкло была хорошо известна к концу века. Мария Фелиция Тибальди была известна в Риме своими талантами художницы не меньше, чем женскими добродетелями; и ее сестра Тереза принадлежит к той же категории, что и Розальба Мария Сальвиани и Катерина Керубини. В миниатюрной живописи преуспели Бьянка и Матильда Феста; последняя занимала профессорскую кафедру в Академии Сан-Лука.

Венки поэзии и живописи были переплетены вокруг чела Марии Маратти, дочери и ученицы знаменитого Карло Маратти и жены поэта Дзаппи. То же самое было и с Анной Викторией Долорой, которая умерла в преклонном возрасте в 1827 году в доминиканском монастыре.

Неаполь в этот период мог похвастаться знаменитым математиком в лице Марии Анджелы Ардингелли. Здесь также были отмечены три одаренные сестры, Мария Анджиола, Феличе и Эммануэла Маттейс; с выдающимися Анжеликой Сискаррой и Коломбой Гарри, которые практиковали цветочную и жанровую живопись, и создали серию кухонных поделок, в которых

они стремились с помощью художественного украшения идеализировать обычные занятия экономной и трудолюбивой домохозяйки.

В городах северной Италии было немало энергичных женщин. Турин, Милан, Бергамо, Ровередо, Карпи и Парма произвели на свет художников, слава которых была ограничена более узким кругом, чем у Болоньи и Венеции, где, особенно в бывшем городе, казалось, еще витала тень былой славы.

Профессор Анна Манзолини создавала превосходные портреты из воска, а Клариса Вазини, будучи членом Академии, не получила ни малейшей известности как скульптор.

Лючия Казалини, Бьянка Джованнини, Барбара Бурины, Элеонора Монти, Анна Терезия Мессьери, Роза Альбони и Тереза Тези принадлежали Болонье и прославили ее женщин-живописцев. Они стремились подражать примеру Элизабеты Сирани.

Карлотта Мелания Альфиери упоминается как выдающаяся личность в литературе, музыке и живописи.

Лаура Ванетти, известная как лингвист, музыкант и философ, также преуспела в живописи. В начале этого столетия принцесса Елизавета Пармская, впоследствии вышедшая замуж за короля Испании, была известной дилетанткой. Другая принцесса Елизавета, жена австрийского эрцгерцога Иосифа, в 1789 году была принята в члены Академии в Вене благодаря своим пастельным работам.

С другой стороны, в Венеции честные студенты-искусствоведы ревностно подражали славе Марии Робусти. В этом “морском городе” было много дочерей, которые преуспевали в живописи, хотя даже их имена сейчас забыты. Она родила одного из них, Хоувера, чьей славе было суждено распространиться на более широкий круг и возродить даже в чужих странах древний блеск итальянского имени в искусстве. Это одаренное существо стоит почти одиноко в этом столетии как человек, которого потомки будут вспоминать с восхищением.

ROSALBA CARRIERA.

Розальба Каррьера родилась в Венеции в 1675 году. Ее отец занимал государственную должность, которая занимала все его время; но он, как и его отец, был художником. Он любил искусство и поощрял ранние фантазии своей дочери. Ее первой детской работой было кружево *point de Venise*. Казалось, ее мало заботили обычные развлечения молодежи, но свободное время она проводила за рисованием. Она попыталась скопировать один из рисунков своего отца для главы сонета. Студент-искусствовед, которому посчастливилось увидеть это произведение, показал его своему учителю, который мгновенно оценил гениальность юной художницы; и, предвидя совершенство, которого она достигнет, и желая поощрить ее к упорству, дал ей для копирования другие рисунки.

Розальба была опустошена, когда эта подруга покинула Венецию; но венецианский банкир, заметивший ее мастерство, одолжил ей несколько голов в пастельных тонах Бароша. Эти занятия значительно улучшили ее самочувствие, и ее отец, тогда довольный тем, что его дочь обладает редкими талантами, согласился, чтобы она брала уроки у Антонио Назари, который был выдающимся художником-пастелистом. Кавалер Диамантини, отличавшийся чистотой своего карандаша, также давал ей указания.

Ее самые ценные знания о технической части живописи, которые давали ей мастерство и владение своим искусством, отличавшие ее работы, были приобретены под руководством Антонио Балестры. Наконец, она получила от своего родственника Антонио Пеллегрини знания о тонкостях миниатюрной живописи, к которым ее впервые направил совет подруги, и в этой области она приобрела редкое мастерство. Она бы охотно занялась этим, но слабость зрения вынудила ее отказаться от этого занятия и заняться пастельной живописью, в которой она приобрела величайшую известность - достигающую, по словам Дзанетти, высшей степени совершенства.

Ее миниатюры были особенно отмечены строгой точностью рисунка в сочетании с редкой мягкостью и деликатностью прикосновений; они обладали совершенством пропорций, яркостью и теплотой колорита, которыми отличались ее пастели. Ее оттенки были смешаны с большой нежностью; в ее головах было прекрасное выражение правды и природы.

Ее таланты были встречены с должной оценкой и почетом, когда они еще находились в самом расцвете своих обещаний. В своем родном городе она прославилась как “спутница музыки живописи” и “украшение своего пола и венецианской школы”. Дзанетти отзывается о ней с высокой похвалой в своей “Истории питтуры Венеции”. Работы, демонстрирующие ее экстраординарные способности, демонстрировались при большинстве дворов Европы. Она была приглашена в Париж и Вену, чтобы практиковать там свою профессию, и была избрана членом академий Парижа, Болоньи и Рима. Ее миниатюры и картины пастелью были отправлены в учреждения, которые удостоили ее этой награды. Король Дании приехал в Венецию и, услышав о Розальбе, выразил любопытство увидеть ее. Посоветовавшись с Балестрой, она подарила своему царственному гостю несколько портретов венецианских знатных дам, которыми он восхищался, получив взамен от его величества очень дорогой бриллиант. Она также играла и пела для его развлечения со своими двумя сестрами, одна из которых играла на скрипке.

Она была приглашена членами королевской семьи написать портрет императора Карла и императорского двора, а также короля Франции. Великий герцог Тосканский поместил ее портрет в своей галерее; он написан пастелью вместе с одной из ее сестер. Стиль благороден и выдержан; выражение правдиво, а телесные оттенки настолько восхитительны, что кажется, что лицу едва ли нужна душа. Август III, король Польши, был ее особым покровителем; и в Модене она писала портреты царствующей семьи.

Ни одна из этих или подобных почестей не могла вскружить ей голову или развратить ее сердце. Хотя она была дочерью Венеции, в то время самого роскошного и распущенного города Европы, глубокая серьезность и даже восторженная меланхолия ее характера — черты, которые находят выражение во многих ее произведениях, — удерживали ее в стороне от соприкосновения с пороком, а ее моральная чистота и достоинство были столь же заметны и столь же общепризнанны, как и ее гений. Ее собственный дом в Венеции был украшен портретами и оригинальными композициями. Эту ценную коллекцию она продала по высокой цене королю Польши, который поместил их в специальный кабинет своего дворца в Дрездене.

В расцвете своей карьеры и славы Розальба сопровождала своего шурина Пеллегрини во Францию. Она прожила год в доме месье Кроза. Два портрета короля были написаны ею пастелью и один в миниатюре, а также вишневый для табакерки, которую его величество подарил мадам де Вентадур.

В Париже сохранилось несколько групп и полуфигурок, разработанных Пеллегрини и выполненных Розальбой, многие головы выполнены пастелью для Crozat. Многие из ее символических картин — таких как "Музы", "Наука", "Времена года" и т.д. — мы повторно приобрели у английских путешественников. Ее рисунки карандашом отличались мягкостью и живой свежестью. Она стала членом Парижской академии в октябре 1720 года. Ее сценой приема была Муза в пастельных тонах. Знатки ценили ее портреты за их совершенное сходство, тонкость прикосновений, удивительную легкость, особенную грацию, восхитительный колорит и экспрессию. Они не имели себе равных в своем роде.

Был упомянут анекдот об одной знатной даме, которая хотела изучать живопись у Розальбы, но знала, что ее невозможно уговорить взять учениц. Дама явилась в костюме служанки и пожелала получить работу в доме известной художницы. Розальба была довольна ее внешностью и сразу же прибегла к ее услугам. Добросовестно выполняя свои задания, дама постоянно наблюдала за работой художника и благодаря тщательному наблюдению преуспела в изучении многого из этого искусства. Розальба заметила необычайную расторопность своей служанки в этих вопросах и, желая оказать прирожденному таланту всю возможную помощь, пригласила девушку понаблюдать за ней во время рисования и дала ей ценные наставления. Наконец-то секрет был раскрыт. Впоследствии дама стала художницей, настолько искусной в миниатюрах, что получила назначение от немецкого принца художницей при его дворе.

Итальянец пишет о ней: "Природа наделила Розальбу возвышенными устремлениями и страстной душой, и ее сердце жаждало того отклика, которого не смогло добиться отсутствие личной привлекательности. Она сознавала свою крайнюю некрасивость; и если бы она проигнорировала это, император Карл VI. просветил ее, когда, обратившись к Бертоли, придворному художнику, который представлял ее в Вене, сказал: "Она, может быть, и умна, Бертоли mio, этот твой художник, но он удивительно уродлив". Но Розальба, даже будучи раздраженной, вполне могла позволить себе улыбнуться, ради Карла VI. был самым уродливым из мужчин".

Находясь во Франции, Розальба вела дневник, который назывался "Diario degli anni 1720 e 1721. Scritto da Rosalba Carriera." Она появилась в Венеции в 1793 году с примечаниями Джованни Вьянелли, у которого была прекрасная коллекция ее картин.

Из Парижа она с почестями отправилась к императорскому двору в Вене, где, помимо императора и императрицы, рисовала эрцгерцогинь и других придворных. У короля Польши было несколько ее пастельных работ, которые высоко ценились.

Дзанетти замечает: "Много интересного можно сказать об этой знаменитой и высокоодаренной женщине, чей дух - в разгар ее триумфов и ярчайших видений счастья — был отягощен ожиданием тяжелого бедствия. Однажды, когда она написала свой портрет с бровью, увитой мрачными листьями, что означало смерть, ее друзья спросили, зачем она это сделала. Она ответила, что представительный образ ее жизни и что ее конец будет трагичным, согласно смыслу, который здесь раскрывается. Впоследствии этот портрет оказался во владении Джамбаттисты Сартори, брата ее знаменитой ученицы Фелиситы Сартори. Он сохранил его как священный обряд. Его сестра вышла замуж за фон Гофмана и с большим успехом рисовала при дворе курфюрста Саксонии".

Действительно, казалось, что предчувствие быстро приближающегося ужасного несчастья среди строгого уединения, в котором жила Розальба, овладело этим благородным и одаренным духом. Возможно, ее одинокое существование имело тенденцию омрачать ее темперамент и усиливать его естественную склонность к меланхолии. Предчувствие, о котором она сознавала даже в юности, печально исполнилось, поскольку ее расцвет давно миновал. Не дожив до пятидесяти лет, она полностью ослепла, как и боялась. Ее разум долго боролся со слабостью и неизлечимой печалью, но в конце концов угас, и свет разума тоже погас.

Последняя часть ее жизни была пустой, но она дожила до глубокой старости и умерла в Венеции 15 апреля 1757 года. Среди всеобщего выражения искренней скорби и сочувствия она была похоронена в церкви Сан-Систа-а-Модеста. Она оставила значительное имущество. Ее могила хранится до сих пор, пока не будет указана путешественнику как место последнего упокоения человека, чей гений был украшением Венеции.

Многие из ее работ были выгравированы. Дрезденская галерея обладает самой большой коллекцией, насчитывающей сто пятьдесят семь экспонатов.

На гравюре портрета Розальбы изображено юное лицо с довольным выражением детской невинности. Волосы зачесаны назад ото лба на макушке, но по бокам обрамляют лицо локоны; надеты серьги, а корсаж расположен низко. Глаза темные, лоб высокий, и вся голова имеет изящный вид.

Как и Розальба Каррьера, Ипполита Веньер была уроженкой Венеции, хотя жила в Удине со своим отцом-художником. В 1765 году она написала картину "Поклонение королей" для церкви в городе, рожденном морем. Фелисита Сартори была ученицей Розальбы и работала в Дрездене, куда она уехала со своим мужем.

Аполлония де Форг, родившаяся в 1767 году, помогала своему мужу Сейдельману с его картинами. Она была членом Дрезденской академии.

ГЛАВА XVI. ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК.

Более энергичный рост отраслей, выбранных для женского предпринимательства.—Прогресс ускорился к концу прошлого столетия. — Еще более примечательный за последние пятьдесят лет.—Большое количество женщин, активно занимающихся искусством.—Лучшее интеллектуальное развитие и растущий вкус.—Расширение свободы женщины.—Ярмарка нынешних перспектив.—Растущее понимание важности женского образования.—Женщины добиваются независимости.—Поток мелеет по мере расширения.—Несколько примеров выдающихся способностей.—Более полный размах влияния французских мастеров в девятнадцатом веке.—Дэвид, художник-республиканец.—Его ученицы.—Анжелика Монжез.—Мадам Давен и другие.—Ученики Греза.—Женщины-ученые из Реньо.—Ученики учеников Давида.—Ученики Флери А.и Конье.—Мадам Шоде.—Виды живописи в моде.—Принцесса Мария Орлеанская.—Ее статуя Орлеанской девы.—Ее последняя работа.—Обещание величия.—Скульптура мадам де Ламартин.—“Париж - это Франция”.—Роспись по фарфору.—Мадам Жако

и другие художники.—Состояние искусства в Германии.—Карстенс.—Women Artists.—Maria Ellenrieder.—Louise Seidler.—Baroness von Freiberg.—Madame von Schroeter.—Художницы Дюссельдорфской школы.—Наибольшее количество в Берлине.—Богатый расцвет женских талантов в Вене и Дрездене.—Перемены в Италии.—Перспектива несправедливая в Испании и Скандинавии.—В Англии скульптура и живопись успешно культивировались.—Фанни Корбо. — Выдающаяся библистка.—Нидерланды в этом веке.—Поощрение женщин к упорству.— Мнение доктора Гул.—Учитель истории современности.

На этом краткий обзор активных усилий женщины в искусстве в восемнадцатом веке можно закончить, завершив наш обзор с высоты птичьего полета ее участия в этих благородных занятиях на протяжении истории, охватывающей более двух тысяч лет. По мере того как мы приближаемся к настоящему времени, различные отрасли, в которых ее предприятие оказало влияние, развиваются в более отчетливый и энергичный рост. Теперь, возможно, будет интересно обратить внимание на признаки нашего собственного — девятнадцатого века.

Прогресс женского таланта и мастерства, ускорившийся к концу предыдущего века, стал более заметным, чем когда-либо, за последние пятьдесят лет. Число женщин, занимающихся искусством в то время, намного превышает число все предыдущее столетие.

Это приращение, вероятно, в значительной степени обусловлено более широким пониманием искусства, вытекающим из лучшего интеллектуального развития, и растущим вкусом к картинам и скульптурам как украшениям жилищ богатых. Но в какой—то степени это связано с возросшей свободой женщины - с ее освобождением от рабства старомодных предрассудков и недостойных ограничений, которые в прежние времена сковывали ее энергию, делали чрезвычайно трудным приобретение научных и художественных знаний и создавали препятствия на пути ее преданности учебе и реализации своих талантов. Мы видели, что чем больше расширяется сфера ее деятельности среди любого народа, тем больше становится число женщин-художниц, которые добились и преуспевают в своем постоянном и продуктивном развитии искусства.

В настоящее время у женщины, как и у мужчины, есть прекрасная перспектива получить награду за учебу и непоколебимое применение; ее свобода — без учета так называемого “эмансипирования”, которое толкнуло бы ее на путь, противоречащий природе и мягкости и скромности ее пола, — больше, а сфера ее деятельности шире и эффективнее, чем когда-либо было. Общее и растущее понимание важности женского образования постепенно приведет к неудовлетворенности поверхностной культурой современных школ и к принятию некоего плана, который должен развить способности тех, кого обучают, и укрепить их энергию для активного выполнения жизненных обязанностей. Многие преимущества, помимо этих, способствовали продвижению женщин как художников за пределы любого уровня, достигнутого в предыдущие эпохи. Таким образом, мы можем обнаружить все большее число молодых женщин, которые, стремясь стать независимыми собственными усилиями, не жалеют сил, чтобы квалифицироваться как учителя в различных областях искусства.

То же самое наблюдение, которое мы сделали относительно увеличения числа искусствоведов в прошлом столетии, справедливо и для настоящего. Поток, который расширился, соразмерно обмелел; и хотя развитие вкуса и таланта стало более распространенным явлением, и многие другие достигли респектабельного уровня мастерства, примеров выдающихся способностей или оригинального гения немного. Это, по-видимому, закон мира искусства, а также

закон поэзии и науки; и среди мужчин он действует не меньше, чем среди женщин. Следовательно, мы должны искать не так уж много замечательных примеров таланта.

Мы уже видели кое-что о влиянии Карстенса и Дэвида на склонности и направление женских талантов; но они не имели полного размаха до начала девятнадцатого века. Дэвид был вдохновлен более искренним чувством, чем это было в легкомысленном и условном стиле прежнего периода; а глубина, энергичность и более тщательное исполнение, которые он ввел в моду, значительно улучшили вкус его времени. Его можно назвать художником-республиканцем, заложившим основу французского искусства в том виде, в каком оно существует сейчас.

У самого Дэвида было немало учениц, и некоторые из них проявляли немалые способности. Среди них можно перечислить Констанс Мари Шарпантье, которая, кроме того, пользовалась преимуществом обучения у Жерара и Лафита, а также у Анжелики Монжес, сначала ученицы Давида, затем Реньо. Она написала большую картину, полностью выполненную вассизском стиле Дэвида. Ее картина — фигуры в натуральную величину — изображала “Улисса, ищущего юного Астианакса на могиле Гектора”. Дизайн антикварного костюма подобран правильно, расположение отличное, заметен свободный и легкий штрих. Такая большая картина, как и, редко выставлялась в Париже женщиной. Этому художнику, однако, не хватало оригинальности и уверенности в себе, и, казалось, он слишком рабски следовал за Давидом. Другой большой картиной был “Александр, оплакивающий смерть жены Дария”. Знатоки отдавали ей должное за великолепный стиль, но считали ее цвет кожи жестковатым.

К ним можно добавить мадам Леруль и мадам Давен. Последняя также получала наставления от Суве и Огюстена и получила золотую медаль за свои миниатюры и жанровые картины. Нанин Баллейн была известна своими жанровыми картинами, а Мари-Анна-Жюли Форестье — своими романтическими картинами в этом стиле и классическими картинами.

Современницами этих художников были некоторые женщины, писавшие в манере Грез; Констанс Майер, впоследствии ученица и подруга Прудона; мадам Эли и Филиберта Леду; первая хорошо известна своими портретами, вторая — сценами и детскими рисунками. Мы можем упомянуть мимоходом мадам Виллер, чьи многочисленные работы были отмечены правдивостью и приятным экспрессивом. Одна из ее работ, “Ребенок, спящий в колыбели”, унесенная наводнением, в то время как верный пес с жадным выражением лица бросается его спасать, очень эффектна и грациозна.

Реньо, соперник Дэвида, удостоился чести многих других женщин-ученых. Одна из них, мадам Анзон, написала большие картины в 1793 году. Софи Гиймар прислала на Выставку в 1802 году “Алкивиада и Гликерию”, а два года спустя — свою “Жену Иосифа и Потифара”. После этого Клэр Робино создала исторические картины и пейзажи, а Розали де Лафонтен — свои изящные жанровые картины. Аврора Этьен де Лафон и Эжени Брюн получили медали за свои шедевры миниатюрной живописи. Мадам Ленуар написала портрет Сейджа и пользовалась большим уважением. Можно было бы добавить множество имен, если бы был желателен простой список.

Ученики и подражатели Давида также включали женщин в число своих учениц. Дочь Дроллинга, Луиза Адеоне, училась под его руководством; ее первым мужем был архитектор Паньер. Фанни Робер обучалась в ателье ЖиРоде; Абель де Пуйоль обучал Адриенну Мари

Луизу Гранпьер Деверзи; а Жерар закончил несколько школ Дэвида, таких как Элеонора Годфруа, которая выставяла портреты и копии своего мастера после 1810 года, и Луиза де Монферье, графиня де Гюго, жанровые картины которой были представлены на выставке девять лет спустя. Мадам фон Бутлар из Дрездена училась у этого мастера в 1823 году.

Это были последние мастера серьезной исторической живописи до Робера Флери и Леон Конье, которые, возможно, могли бы похвастаться наибольшим количеством одаренных учениц. Здесь следует упомянуть Жанну Элизабет Габиу, жену Антуана Дени Шоде, родившуюся в 1767 году и умершую около 1830 года. Она была ученицей своего мужа и написала “Ребенка, обучающего читать собаку” со множеством подобных очаровательных маленьких работ; к тому же она преуспела как художник-портретист. Императрица купила одну из ее картин.

Большинство французских художниц того периода занимались портретами. Роспись цветами также была в большой моде, а миниатюра и роспись фарфора давали постоянную работу трудолюбивым женщинам и талантам.

В области моделирования и скульптуры Франция с начала нынешнего столетия выпустила несколько превосходных художников.

МАРИЯ Орлеанская.

В частности, один из них, обладатель выдающегося положения иона и королевской крови, слишком рано унесенный смертью, придал блеск всему классу, в котором культивировалось это сложное и деликатное искусство.

Таким образом, Мария Орлеанская, дочь Луи Филиппа, упоминается в “Очерках” миссис Ли.

“Она родилась в Палермо в 1813 году, а в 1837 году вышла замуж за герцога Александра Вюртембергского. Ее здоровье было подорвано, и она отправилась в Пизу в надежде выздороветь, но умерла там в 1839 году. Ее статуя Орлеанской девы в натуральную величину установлена в Версале; она полна одушевления и духа. Но ее последняя работа, ангел из белого мрамора, кажется результатом вдохновения. Она находится в часовне Саблонвиля, на саркофаге ее брата. Можно глубоко сожалеть о том, что принцесса Мария не дожила до того, чтобы предоставить дополнительные доказательства способности представителей ее пола создавать скульптурные произведения. Ее ранняя смерть свела на нет усилия гения, который по праву мог соперничать с грациозными формами Кановы или Флаксмана”.

Миссис Ли говорит: “Мы были очень рады увидеть купель в церкви Сен-Жермен-де-л'Оксерруа в Париже работы мадам Ламартин, жены поэта и историка; купель окружена мраморными ангелами, которые покоятся по краям. Это прекрасное свидетельство ее вкуса, изобретательности и доброжелательности”.

Париж в этот период, более решительно, чем когда-либо, был центром активных усилий художников. “Париж — центр Франции” было выражением столь же верным, как и в литературной и политической жизни страны. Это было выгодно для развития таланта и совершенствования навыков в деталях; более остро противопоставляло соперничающие достоинства и предоставляло ученику более разнообразные средства обучения.

Роспись по фарфору стала широко практиковаться французенками в начале нынешнего века. АмЭли Легри был искусен в этом, а также в живописи маслом, миниатюрах и акварели.

Мадам Жакото была известна своими прекрасными росписями по фарфору. Французское правительство отправило ее в Италию для копирования картин Рафаэля. Она жила со вкусом, вращалась в большом обществе и отличалась остроумием.

Мадам Дюклюзо - жена врача и приобрела значительную известность как художница. Графиня де Мирбель рисовала миниатюры. Луи Филипп, многие придворные и знать позировали ей. Ее наняли копировать картины для кадео для членов королевской семьи.

У мадам Айзлен было несколько очаровательных работ в пастельных тонах на Парижской выставке 1857 года. Прозрачность ткани никогда не была передана лучше, чем в ее газовых драпировках. Мадам Фонтен, ученица Конье, преуспела в отделе натюрмортов. У мадемуазель Огюстен Омон было двенадцать панно, на которых были изображены цветы каждого месяца. Мисс Матри, мадемуазель Аллен, ученицу Розы Бонер, и многих других женщин похвалили за красивые букеты фруктов и цветов. В этой отрасли, как и в портретах, миниатюрах и росписи фарфора, пальма первенства присуждается женщинам-художницам. Произведения мадам Гербалин отличались изысканностью и чистотой исполнения и колорита.

Бросая взгляд на состояние искусства в этот период в Германии, можно заметить, что женщины с энтузиазмом принимали участие почти в каждой отрасли. Мы наблюдали за становлением современного искусства в этой стране благодаря Карстенсу. Он вернулся к более чистым формам старины, как это сделал его французский современник Дэвид; и его восстановление чистоты, энергии и нежности вызвало искреннее сочувствие у его прекрасных соотечественниц. Стиль выражая сердце глубокие чувства и религии подразделения почитание ставших традиционными, не могли не оправдать ожидания, благородным женщин-художников.

Среди женщин-художниц, процветавших в конце восемнадцатого и в нынешнем столетии, мы можем упомянуть мадемуазель Зонненшайн, которая умерла в 1816 году, члена Академии в Штутгарде. Среди второстепенных имен мы не должны упоминать Софи Людовику Симановиц, урожденную Рейгенбах, чей портрет Шиллера хорошо известен.

Магдалена Тишбейн, художница-цветочница, дочь известного художника, вышла замуж за придворного живописца Штрака из Ольденбурга в 1795 году.

Принцесса Саксен-Мейнингенская была известна своими прекрасными картинами, иллюстрирующими библейскую историю.

Мария Анна Безенбахер из Кельна, гравер, состояла на службе у курфюрста Макса Франциска.

Барбара Крафт, урожденная Штайнер из Иглау, написала ряд жанровых картин в натуральную величину, и в этой области была предшественницей мадам Джерихоу-Бауманн. Она умерла в Бамберге в 1825 году в возрасте шестидесяти лет.

Той, кто в это время была занята в Риме, была Мария Элленридер. До этого она посещала Академию в Мюнхене с целью получения образования в области исторической живописи. В своих работах она стремилась возродить дух древнегерманского искусства, и ее страстные желания привели ее в город, который долгое время был курортом для студентов-искусствоведов, где мы находим ее в 1820 году. Среди ее работ много алтарных произведений,

представляющих Святое семейство. Некоторые из них были литографированы. С 1825 года она жила в Германии, где завершила множество работ и практиковалась в искусстве офорта.

Луиза Каролина Зайдлер находилась в то же время в Риме. Родившись в Йене, она изучала живопись в Мюнхене у профессора фон Лангера, а затем отправилась в Италию, чтобы ознакомиться с работами Пьетро Перуджино и Рафаэля. Она получила назначение придворной художницей в Веймаре и написала несколько картин, принадлежащих к школе романтического жанра. Великолепным плодом ее изучения старых мастеров является коллекция голов, снятых со знаменитых картин пятнадцатого и шестнадцатого веков. Они были литографированы фон Шмеллером и опубликованы в Веймаре в 1836 году.

Среди немецких художников, работавших в Риме в тот же период, была Электрин Штунц, впоследствии баронесса фон Фрейберг. Она была дочерью художника-пейзажиста из Страсбурга и посвятила себя историческим произведениям. Он находился в Вечном городе в течение 1821 и следующего года и был избран почетным членом Академии Сан-Лука, заняв должность, аналогичную той, которую занимала Анжелика Кауфман. Ее работы носят серьезный характер, и ими изобилуют картины Мадонны. Около 1823 года она вышла замуж за барона фон Фрейберга и с тех пор разделяла свои заботы между семьей и искусством. Несколько ее офортов вызвали всеобщее восхищение и принесли ей высокую репутацию.

Мадам Каролина фон Шретер принадлежит к тому жероду. В 1826 году она прославилась в Риме своими прекрасными миниатюрами и была там избрана членом Академии Сан-Лука.

Несколько художниц принадлежали к дюссельдорфской школе, в то время как в Веймаре они неустанно поддерживали плохую репутацию. Но наибольшее их количество находится в Берлине. Импульс, данный там в различных областях образования, и покровительство королевских знатоков, при превосходном воспитании народа, возымели самый счастливый эффект и вызвали богатейший расцвет женского таланта. Ни одна отрасль современного искусства там не была обойдена вниманием женщин, и некоторые из них проявили талант к скульптуре. Дилетанты самого высокого ранга обратили свое внимание на живопись; а те, кто стремился к искусству как к ругвечению, от достойных исторических произведений до цветов и пейзажей, добились обнадеживающего успеха. В росписи цветов и арабесках недавно были внесены некоторые очень важные усовершенствования.

В других городах Германии, где женщины успешно занимаются подобными занятиями, сделано меньше. Немногие выбрали эту профессию в Вене, хотя Дрезден сохранила старую репутацию в этой области, и ее Академия по сей день является гениальным рассадником женских талантов.

Италия, родина современного искусства, пережила перемены, общие для всех мирских вещей, и участие ее женщин в искусстве ни в коем случае не столь велико и значимо, как в более ранние эпохи. И все же несколько имен можно поставить в один ряд с теми, кто ушел раньше. Турин, Милан и Рим have произвели на свет выдающихся художников в различных отраслях, и их успех обещает открыть путь к будущему предпринимательству.

Не столь справедлива перспектива в Испании и среди скандинавских стран. С другой стороны, в Англии в течение нынешнего столетия успешно культивировались как скульптура, так и живопись. Мы можем упомянуть мимоходом Фанни Корбо, художницу и выдающегося библиста, родившуюся в 1812 году. Когда ей было всего пятнадцать лет, ее отец внезапно лишился своего имущества и стал нищим. Дочь получила лишь поверхностные знания по

рисованию, но была полна решимости использовать свои небольшие навыки, чтобы прокормить отца и себя саму. С пылким духом юности она бросилась в это предприятие, не жалея для себя суровых ограничений, и ее усилия были так хорошо направлены, что еще до конца года она получила серебряную медаль за рисунки акварелью. В течение следующих трех лет она получила еще один подобный знак одобрения и золотую медаль Общества искусств.

Всегда на этот раз она была сама себе инструктором. Позже она писала небольшие картины маслом и акварелью, но ограничивалась в основном портретами. Ее превосходство в изучении Библии было продемонстрировано ценной серией писем по физической географии книги Исход. Она опубликовала еще одну серию под названием "Рефаимы".

Фанни описывается как маленькая, со слегка сгорбленной фигурой, но жизнерадостная и обаятельная. Говорят, что ее мать, живущая с ней, живая и проворная в движениях.

Мисс Меррифилд. - автор трактата об искусстве живописи.

В 1857 году в Лондоне было основано "Общество женщин-художниц". Среди ее членов, а ныне секретаря ассоциации, миссис Элизабет Мюррей, жена английского консула в Тенерифе. Она стала настоящей знаменитостью как художник-акварелист. Ее стиль лихой и энергичный, но в высшей степени законченный; ее окрас яркий, прозрачный, чистый и искрящийся, хотя чему-то не хватает глубины и среднего оттенка. Миссис Мюррей недавно опубликовала книгу под названием "Шестнадцать лет жизни художника и т.д.". Она говорит о себе: "Бродяжка с детства, я покинула Англию в восемнадцать лет, независимая, не имея ни хозяина, ни денег. Мой карандаш был и для меня, и в то же время моей силой, моим утешением и моим безмерным наслаждением." Достопочтенная миссис Монктон Миллс, мисс Луиза Рейнер, мисс Флоренс Кэкстон и другие упоминаются с похвалой. миссис Бенхэм Хей известна как иллюстратор стихотворений Лонгфелло; а Барбара Ли Смит, замечательная писательница, является превосходной художницей. О работах Мисс Матри мистер Раскин говорит: "Это всегда прекрасно", а мисс Ховитт и миссис Карпентер известны как художники. Многие, чьи имена сейчас становятся знакомыми, еще не отдали должное своим собственным способностям.

Нидерланды внесли свой вклад в течение нынешнего столетия, сохранив старую репутацию Нидерландов и произведя на свет множество женщин, которые добились независимости, проявив мастерство в различных областях искусства.

Ободрение, которое Гете высказал в своих наблюдениях о двухмужчинах-художниках своего времени, применимо и к современности. Они закрепились более прочно и проявили еще больше способностей в своей профессии. Если многим из них и не хватало творческой силы, они показали себя способными к высочайшему совершенству в нежном, грациозном, патетическом, идеальном, а также в тонкости и быстроте восприятия, которые часто достигают столь многого, как интуиция. Доктор Гуль считает признаки нынешнего возраста чрезвычайно многообещающими и призывает женщин к большему осознанию и активности. Требуются серьезные усилия, но когда какой-либо успех стоил того, чтобы им командовать без них? Сейчас настало время для того, чтобы они подражали своим самым выдающимся соперницам другого пола, не отбрасывая женскую деликатность, но прилагая усилия, которые полностью соответствуют той истинной скромности, которая всегда будет самым привлекательным украшением пола. История - великий учитель современности; и то, что мы видели о достижениях ушедших эпох, настолько воодушевляет, что есть все основания ожидать на

открывшейся теперь более широкой арене еще больших триумфов, чем те, которые увенчали гений или упорное трудолюбие женщины.

ГЛАВА XVII. ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК.

Felicie de Fauveau.—Происхождение.—Ее мать легитимистка.—Чувство верности дочери.—Увольнения.—Учеба Фелиции.—Учится на модель.—Решает стать скульптором.—Труд, приличествующий благородной женщине.—Ее первые работы.—Ранние триумфы.—Круг общения в Париже.—Вечерние занятия.—Возрождение своеобразного вкуса.—Средневековая мода.—Бронзовый светильник.—Эскиз лошади.—Последствия революции 1830 года.—Две Фелиции покидают Париж.—Заговор в сельской местности.—Визит по месту жительства.—Побег дам.—Обнаружение и поимка.—Военная хитрость в гостинице.—Побег переодетой мадам.—Заключение мадемуазель.—Работает в тюрьме.—Возвращение в Париж.—Снова политика.—Феличе изгнана.—Разрушает свою студию.—Бедность и лишения.—Резиденция во Флоренции.—Яркие дни.—Характер Феличе.—Внешность.—Ее жилище и студия.—Ее работы.—Отливка бронзовой статуи.—Трудолюбие и выход на пенсию.—“Хорошая женщина и великая художница”. —Роза Бонер.—Она родилась в Бордо.—Ее отец.—Роза в детстве была дурочкой.—Ее попугай.—Бродяжничает.—Испанский поэт.—Переезд в Париж.—Революция и несчастье.—Смерть мадам Бонер.—Дети в школе.—Роза ненавидит книги и любит путешествовать.—Повторный брак Бонера.—Роза - швея.—Ненавидит эту профессию.—Предпочитает работать на токарном станке.—Ее несчастье.—Помещен в школу-интернат.—Ее шалости и карикатуры.—Отвращение к учебе.—Мдосада на то, что у нее нет красивой одежды.—Решает добиться имени и места в мире.—Недовольство и уныние.—Вернуться домой.—Предоставлена самой себе.—Работает в студии.—Ее призвание очевидно. —Учеба в Лувре.—Ее пыл и прилежание.—Пророчество англичанина.—Роза поклялась искусству.—Посвятила себя изучению животных.—Экскурсии по стране в поисках моделей.—Посещает *Скотобойни*.—Изучение различных видов.—Посещает музеи и конюшни.—Посещает ярмарки лошадей и крупного рогатого скота в мужской одежде.—Любопытные приключения.—Анатомические исследования.—Преимущества ее экскурсий.—Ее отец, ее единственный учитель.—Семья художников.—Домашние птицы и овцы Розы.—Ее первое появление.—Растущая репутация.—Получает золотую медаль. —Провозгласила новая лауреатка.—Благодаря своему отцу.—Роза, директор Школы дизайна.—Ее сестра - профессор.—“Конный рынок”.—Картины Розы.—Дарит свое состояние другим.—Ее ферма.—Рисунки переданы благотворительным организациям.—Спрос на ее картины.—Ее право на крест Почетного легиона.—Отказ императора даровать его Женщине.—Описание ее резиденции и мастерской.—Розу нашли спящей.—Ее внешность.—Платье.—Ее характер.—Ее сфера деятельности.—Мадемуазель Микас.—Прогулки по горам.—Визит Розы в Шотландию.—Ее жизнь в горах.—В испанской Посаде.—Угрожала голодная смерть.—Приготовление лягушек.—Погонщики мулов.—Скотч-терьер Розы.—Ее решение никогда не выходить замуж.

FELICIE DE FAUVEAU.

Феличи родилась в Тоскане, но в младенчестве была перевезена в Париж, где и началось ее образование. Ее родители были людьми большого ума и культуры. У ее матери был отличный вкус к музыке и живописи, и именно от нее таланты ее дочери получили свое первое направление и поддержку. Семья благоволила аристократам и легитимистам и многое вынесла на стороне бурбонов. У мадам де Фово открылись глаза на ужасы гильотины, и она гордилась этими воспоминаниями об изгнании, проскрипции и эшафоте так же, как большинство людей гордятся честью и титулами. Ее рыцарская преданность относилась к ним как к достоинству, и привилегия страдать за семью, которой она была предана, была в ее глазах дешево заработана разорением и изгнанием ее собственной.

Дочь разделяла рыцарские чувства матери, и ее заветные идеи монархии и романизма стали заметны в ее разговорах и произведениях, в то время как ее самоотверженный дух верности оставался неизменным среди многих превратностей судьбы. Из-за материальных потерь ее родители были вынуждены, когда она была еще очень маленькой, переезжать последовательно в Лиму, Байонну и Безансон. Находясь в Байонне в 1823 году, она встретила со многими партизанами войны, бушевавшей тогда на границах Испании, — людьми, чья преданность доходила до фанатизма, а благочестие принадлежало древним временам Крестовых походов; от них ее юношеское воображение, должно быть, получило сильные и неизгладимые впечатления.

Ее исследования были разнообразными и глубокими; она уделяла пристальное внимание древней истории, классическим и современным языкам, геральдике и археологии. Она с энтузиазмом изучала феодальные традиции средневековья, воспроизводила и использовала полученные таким образом знания. Во время своего пребывания в Безансоне она написала несколько картин маслом, которые получили много похвал; но она, казалось, понимала, что холст — не тот материал, который наиболее полно выражал бы ее идеи. Тогда она не получала никаких инструкций по моделированию. Однажды, прогуливаясь, она остановилась перед лавкой одного из мастеров, которые вырезают изображения девственниц и святых для деревенской церкви. Охваченная непреодолимым желанием, она вошла и стала расспрашивать о методе работы, постигая таким образом секреты лепки из глины или воска, а также резьбы по дереву или золоту. Затем оказалось, что ее призвание определенно связано с пластическим искусством. Она обладала способностью искусно раскрашивать и могла бы стать великой художницей, если бы не решила стать скульптором. Ее вкус привел ее к принятию средневековой манеры, и она взяла Бенвенуто Челлини за свой прототип, занимаясь искусством как в его монументальном, так и в декоративном характере.

После смерти ее отца семья, состоящая из вдовы, двух сыновей и трех дочерей, оказалась в некотором затруднении. Фелиция решила посвятить свои таланты их поддержке. Некоторые из ее друзей возражали, что такая работа не подобающему, кто принадлежит к знатной семье. — Неприлично! — воскликнула она, выпрямляясь с благородной гордостью. — *Ты настоящий артист, ты мой настоящий джентльмен.*”

Первой работой, которую она выставила, была группа из романа Скотта “Аббат”. Воодушевленная его блестящим успехом, она создала барельеф, состоящий из шести фигур — Кристины Шведской и Мональдеки в галерее “Роковой” в Фонтенбло. Эта работа была представлена на выставке изящных искусств, и она получила лично от Шарля X. золотую медаль, присужденную жюри. Драматическая энергия группы, выразительность фигур и

красота второстепенных деталей завоевали всеобщее восхищение, и это было воспринято как ярчайшее обещание будущего совершенства. Победоносная художница была тогда девушкой врасцвете ранней юности; и, польщенная и восхищенная оценкой, которую она встретила, неудивительно, что ее решение придерживаться выбранной карьеры было непоколебимым.

Фелиция оставалась в Париже со своей семьей до 1830 года. Дом ее матери был центром очаровательного круга высокопоставленных лиц, культурных женщин и выдающихся художников, таких как Шеффер, Штойбен, Гассье, Поль Деларош, Трикети, Гро, Жиро и др. Такой утонченной и приятной была мать, таким разумным и остроумным был разговор дочери, что их общество было желанным и ценилось. Друзья, собиравшиеся вечером в своей гостиной, собирались вокруг большого стола в центре и импровизировали рисунки карандашом, мелом, пером и тушью; или лепили из глины или воска броши и украшения, рукояти мечей и ножен, рукояти кинжалов и т.д. Молодая леди хотела возродить те знаменитые времена, когда скульптура помогала кузнецу по золоту и серебру, ювелиру, часовщику и оружейнику. Главным образом, ей можно приписать импульс, данный этому вкусу в Париже — вкусу, который заразил и Англию, возродив средневековую моду на украшения, а также средневековые чувства и устремления, которые, наконец, нашли выражение в пьюсизме, в религии и прерафаэлизме в искусстве.

Она изготовила для графа Порталеса необыкновенной красоты бронзовый светильник, изображающий бивуак архангелов, вооруженных как рыцари. Они отдыхают вокруг сторожевого костра, в то время как один, святой Михаил, стоит на страже. Это в староманглосаксонском стиле. Вокруг лампы золотыми буквами выведено: *“Vaillant, вуаль”*. Под ним изображена лапка аиста, держащего камешек, символ бдительности, в окружении красивых водных растений. Работа была поэтично задумана и выполнена с великолепием по духу и отделке. Она также приступила к работе, которую назвала “памятник Данте”, и сделала набросок конной статуи Карла VIII. Говорили, что по возвращении из экспедиции в Неаполь монарх сделал остановку на подъеме в Альпы и повернул, чтобы в последний раз попрощаться с прекрасной страной — “добивался, а не женился”, — которую он так неохотно покинул. Скульпторше больше всего удалось передать это выражение печали и тоски. Поза лошади была естественной, но властной; и работа, несомненно, стала бы шедевром; но, к сожалению, модель пришлось уничтожить при ликвидации ее студии.

Теперь мадемуазель де Фово достигла высокого положения и приобрела известность, которая, должно быть, удовлетворила бы самых честолюбивых. Она постоянно выполняла заказы для большинства частных галерей Франции; и ей было обещано место среди тех великих художников, которые нанимаются украшать общественные памятники и чьи работы пополняют общественные коллекции. Она должна была смоделировать “Две двери f” или галерею в Лувре на манер “Врат рая” Гиберти; уже говорилось о баптистерии и кафедре в одной из столичных церквей, когда революция 1830 года разрушила это спокойное и благородное существование и положила конец ее карьере в Париже.

Для мадемуазель де Фово, с ее крайними взглядами, эта революция была личным бедствием. Она отождествляла славу и величие Франции со старшей ветвью Бурбонов. Времена для нее были злые и беспорядочные; она питала отвращение к Парижу, который сверг то, что она считала законным, и установил псевдоролевскую власть, и она страстно желала, со всей сосредоточенностью и целеустремленностью своего характера, возможности покинуть город.

Это вскоре проявилось. Среди других благородных и выдающихся людей, которые гордились своим знакомством с этой одаренной женщиной, были члены семьи Дюрас. Замужняя дочь, носившая любимое, но роковое имя Ла Рош Жаклин, полностью разделяла мнения и пристрастия своей тезки Фелиции. Она пригласила художницу покинуть Париж и сопровождать ее в поездке в ее поместья в Вандее. Во время этого визита, который поначалу считался простым отдыхом от тяжелого труда и учебы, верховая езда, стрельба и охота заняли место проектирования, моделирования и кастинга. Но через некоторое время была поставлена более серьезная цель и предложен более возвышенный конец. Мадемуазель де Фово оказалась в гуще политического заговора. Была организована регулярная *шуаннери*, и наша поэтичная художница отличилась своим духом, энергией и целеустремленностью. По сей день крестьяне в этой части Франции всегда называют ее “*демуазель*”.

Власти, наконец, обиделись, и в chateau был нанесен визит по месту жительства. Две дамы, вовремя предупрежденные, сбежали и укрылись на соседней ферме. Но в замке были найдены оружие и амуниция, а также компрометирующие письма и символы измены. Был отдан приказ преследовать и арестовать беглецов. Оружейный склад f был тщетно обыскан; крестьян допросили, но их верность оказалась безупречной. Однако, к несчастью, за печью слышались какие-то слабые звуки; решетчатая дверца была отодвинута, и двое мятежников, которые едва не помешали поискам своих преследователей, были обнаружены, арестованы и отправлены под усиленной охраной в Анже.

На первом этапе они остановились в гостинице. Пленников отвели в комнату наверху; дверь была заперта, и их охранники спустились на кухню, чтобы подкрепиться. Вскоре горничная была отправлена наверх за распоряжениями насчет ужина. В одно мгновение мадам де ла Рош Жаклин объяснилась с этой женщиной. Как только принесли ужин и дверь закрылась, она обменялась взглядами и, переодетая таким образом, смело спустилась с тарелками в руках на кухню. Она быстро поставила свою ношу на буфет, а затем, взяв ведро с молоком, объявила на красивом *наречии* местных жителей о своем намерении сходить за молоком из маслодельни. говорят, что леди выглядела так очаровательно в своем новом костюме, что храбрый сержант сделал ей замечание, которое ей пришлось энергично пресекать, чтобы продолжить путь без присмотра. Она добралась до маслозавода, вышла через черный ход, пересекла несколько полей и вскоре оказалась вне досягаемости. Мадемуазель де Фово тихо оставалась в своей комнате, позволив служанке спать с ней, чтобы усыпить все подозрения и дать как можно больше времени для побега. На следующее утро уклончивость мадам была обнаружена и вызвала большой переполох. Было сочтено необходимым принять самые строгие меры предосторожности, такие как обязать мадемуазель де Фово приставить к ее спальне охранника, которому было разрешено беспокоить ее всякий раз, когда он хотел убедиться в ее присутствии, чтобы не дать ей последовать примеру своей подруги. Таким образом, она была переведена в Анже и провела семь месяцев в тюрьме.

Ее смелый дух и гибкий темперамент не были ослаблены или подавлены этим крушением ее надежд. Она воспользовалась вынужденным затворничеством, чтобы возобновить свои занятия. В тюрьме она смоделировала несколько небольших групп; одна из них, состоящая из двенадцати фигур, изображала дуэль сира де Жарни и графа де ла Шатеньева в присутствии Генриха II и его двора. Она также спроектировала памятник Луи де Боннешозу, который недавно погиб в стычке с несколькими солдатами, посланными арестовать его. Фоном этой композиции является архитектура в готическом стиле, украшенная щитами с гербами, достижениями и

знаменами, которые характерны для вандейской партии. На вершине здания изображен ангел с закрытым вуалью лицом, поддерживающий гербовый щит покойного; на переднем плане архангел Михаил, ужасный и победоносный, только что убивший дракона. У этого драконаголова, как у петуха, — прообраз французской республики. Майкл держит в правой руке меч возмездия, а в левой - пару хрустальных весов; на одном из них изображены фигуры судей, защитников и магистратов; на другом, который взвешивает их, находится единственная капля крови с такой надписью:

“Quam gravis est sanguis justī inultus.”

В этом наброске, как, впрочем, и во всех работах Фелиси, символическая красота вдохновляет целое; идеал придает дух материальной форме, в то время как форма получает свое самое благородное отличие как подходящее воплощение идеи.

После семимесячного заключения мадемуазель де Фово была отпущена на свободу и вернулась в Париж, в свою студию. Очень скоро после этого появление герцогини де Берри в Вандее потрясло воображение всех роялистов. Мадам де ла Рош Жаклин и наша прекрасная художница снова покинули Париж и работали день и ночь ради дела, столь дорогого их сердцам, чтобы снова познать разочарование, неудачу и несчастье. Этот эпизод из жизни Фелиции может показать, насколько сильны были политические пристрастия, которые придавали тон и характер как ее личной, так и творческой жизни. “Мое мнение мне дороже моего искусства”, - сказала она, и ее действия доказали это. Она была одной из тех, кто питал слабую надежду спасти падающую династию; и вместе с ее руинами погибло ее собственное состояние, ее перспективы и та часть ее успеха, которая зависела от общественного признания искусства в ее собственной стране.

После провала этой второй попытки легитимистов Безумнаяэмизель де Фово оказалась в числе сосланных. Сначала она нашла убежище в Швейцарии; затем вернулась в Париж прямо в зубы властям, разрушила там свою студию и заведение и уехала во Флоренцию, где поселилась на постоянное жительство вместе с матерью и братом.

Для развития искусства скульптуры необходимы значительные затраты, и вывоз из студии, в которой были скоплены эскизы, модели и мраморные изделия — большинство из них нельзя было переносить — привел к почти полному разорению. Вынужденная продажа мебели; перевод с большой скидкой средств, которые пришлось реинвестировать, серьезно увеличили сумму убытков. Из отброшенных таким образом осколков делались состояния. В то самое время, когда маленькая семья терпела горькие лишения во Флоренции, один человек заработал почти баснословную сумму, продав трости, изготовленные по эскизам мадемуазель де Фовоэ в те счастливые парижские вечера, о которых говорилось выше.

Расходы, связанные с созданием новой студии во Флоренции, должны были быть покрыты многолетним трудом. Мадам де Фово в тот период была ангелом-хранителем семьи и не считала слишком большой жертву для поощрения таланта своей дочери и распространения ее взглядов. Ее собственный поэтический образпробудил и поддержал идеи скульптора, в то время как ее непоколебимая покорность и смиренная вера успокаивали и утешали ее сердце.

С беспримерным благородством, несмотря на крайнюю бедность, семья отказалась принять ни единого су от принцев или рарты, которым они таким образом прислуживали. Ни пыллка мира не может быть брошена на эту безупречную точность. Именно в тот период, когда ежедневного

труда едва хватало на то, чтобы обеспечить себя всем необходимым, мадемуазель де Фово написала одному из своих друзей: “Мы, художники, похожи на древних евреев; нам посылают манну небесную, но при условии, что мы ничего не откладываем на завтра”.

Наступили более светлые дни. Труд - это не только его собственная награда в виде даруемого им счастья, но и те, кто сеет неустанно и рассудительно, справедливо пожнут. Наша скульпторша добилась скромной независимости. Вероятно, именно в этот период ее жизни ее подруга баронесса де Краффт обрисовала ее характер, остановившись на контрастах, представленных ее историей, в которой развился ее ум и определились наклонности ее натуры. “Огонь, воздух и вода, - говорит она, - находятся в этой организации”; и это правда, что пыл, чистота и импульсивность являются характеристиками ее гения. С одной стороны, мы видим даму Сен-Жерменского предместья со всеми привычками, объединениями и предрассудками, присущими ее ордену; с другой - художницу, зарабатывающую себе на хлеб насущный и вынужденную сталкиваться в реальности с самыми суровыми потребностями и самыми настоятельными обязательствами; одинокую женщину, победоносно преодолевающую узкий и тернистый путь, который проходят все женщины, стремящиеся достичь независимости собственными усилиями; и гения, который, чтобы достичь широты и силы, должен свободно сметать со своего пути ограничения и препятствия. Эти контрасты проявляются в ее лице и манерах. Ее взгляд, внешне мягкий, может разжигать и становиться суровым. Мадам де Краффт замечает, что движения ее рук несколько резкие и угловатые, но ее руки “белые, мягкие и изящные, царственные, как руки цезаря или Леонардо да Винчи”.

Посетитель описывает мадемуазель де Фово как светловолосую, с низким и широким лбом; мягкими, карими, пронзительными глазами, орлиным носом и ртом тонкой формы, хорошо сжатым и слегка саркастичным. При среднем росте у нее гибкая и хорошо сложенная фигура. Ее обычное студийное платье - бархатное, того цвета “*feuille morte*”, который прославил мадам Коттен; жакет того же цвета, застегивающийся маленьким кожаным поясом, платок на шее и бархатная шапочка. У нее светлые волосы, подстриженные квадратно на лбу и коротко на шее, и оставленные немного длиннее по бокам, на манер Вандайка. Лицо, фигура и осанка производят впечатление твердой, но не агрессивной натуры, демонстрируя энергию сопротивления, а не неповиновения. Мнения, которых твердо придерживаются и которые излагаются, отстаиваются до конца, если необходимо, придают такой аспект. В сочетании с этой особенностью создается впечатление задумчивой меланхолии, подобное тому, что Ретч изобразил в своих набросках к “Фаусту”. На самом деле, голова в статуэтке, изображающей саму себя, могла бы послужить идеалом всемирно известной студентки s. Есть два ее замечательных портрета: один работы Ари Шеффера и один работы Жиро.

Ее жилище находится на Виа делле Форначе, где также находятся студии Пауэрса и Феде. Темно-зеленая дверь ведет в мощный крытый двор, бывший входом в женский монастырь, который теперь приспособлен под современное жилье. С одной стороны лестничный пролет ведет в верхние комнаты, другая дверь ведет в студию; третья выходит в прохладный, тихий сад, затененный деревьями. Здесь есть голубятни, голубятни изагоны для птиц; дорожки обсажены лаврами и кипарисами, а в этрусских вазах и кувшинах вперемешку с яркими цветами. Гостиная художницы похожа на гостиную настоятельницы, обставленную старинными портьерами, резными стульями, серебряными распятиями и картинами прерафаэлитов в золотой оправе, некоторые из которых необычайной красоты и ценности. Из этой гостиной, наполовину

молельни, наполовину будуара, посетитель спускается в студию, которая состоит из двух или трех больших побеленных комнат на первом этаже.

Первое, что бросается в глаза здесь, - это свидетельство неутомимого трудолюбия художника. Здесь представлены античные слепки и барельефы, но нет богинь, нимф или амуров; это христианское искусство средневековья. Святые и ангелы украшают стены; в центре находится большое распятие из резного дерева, прекрасно выполненное, полное энергии и экспрессии; рядом с ним находится Санта Репарата, выполненная из терракоты. Мадемуазель де Фово добилась особого успеха в адаптации терракоты к художественным позам. Большой альтовый барельеф изображает двух освобожденных духов, летящих ввысь, сбрасывая свои земные оковы. Прелестная Святая Доротея смотрит вверх и протягивает руки к корзине с цветами и фруктами, которую спускающийся ангел приносит из Рая. Смелые и стремительные движения выражены в летящей фигуре. На заднем плане изображен архитектурный проект церкви и надпись, описывающая, как она возникла, так сказать, из крови мученика. Там изображена Юдифь, обращающаяся к израильтянам с открытой яростью, рядом с ней голова Олоферна на копье. В облике решительной женщины из Бетулии есть неуловимое сходство с художницей. Выражение, действительно, соответствует ее характеру, в котором есть сосредоточенность на цели, которая придает силу, и пыл, который придает воле решительность.

Есть также работы более легкого характера; резная рама зеркала с изысканным аллегорическим рисунком - щеголь и кокетка в тщательно продуманных костюмах наклоняются внутрь, к стеклу, настолько поглощенные самолюбованием, что не осознают, что демон внизу поймал их ноги в леску или силок, из которого они не смогут выпутаться, не упав. Большинство работ мадемуазель де Фово отличаются чрезмерным богатством орнамента и аллегорических приемов. Ее дизайн золотых и серебряных украшений не имеет себе равных по элегантности и образности.

Она сшила для графа Зичи венгерский костюм, воротник, пояс, шпагу и шпоры которого были самой совершенной работы. Серебряный колокольчик, украшенный двадцатью фигурками для императрицы России, представляет средневековую семью в костюмах того времени и их особые занятия, собирающуюся по зову трех стюардов, чьи фигурки образуют ручку. На круглом шаре готическими буквами выведено: *“Приятного вульуара, прислуживающего мэтру”*.

Было бы утомительно перечислять работы этого неутомимого художника. Готовые образцы двадцатипятилетнего труда хранятся в частных галереях, модели остаются работать в ее студии. Ее последняя и самая впечатляющая работа - памятник в Санта-Кроче, установленный в память о Луизе Фавро ее родителями. Мадам де Краффт опубликовала описание этого в *“Британском ревю”* за март 1857 года. В часовне Линдси можно увидеть три памятника, выполненных в разных стилях. В ее мастерской находится несколько бюстов необычайной красоты, сильно подчеркнутых ее методом размещения архитектурного фона. Один из них - бюст маркиза де Бретиньера, основателя исправительной школы колони в Меттре.

Помимо того, что мадам де Фово посвятила себя реальному выражению своих идей, она всю свою жизнь училась совершенствовать чисто механическую часть своего искусства. Она пыталась возродить некоторые секреты, известные древним, которые были заброшены в ущерб современной скульптуре. Отлить статую целиком, а не по частям, и с такой точностью, чтобы не

требовалось дальнейшего прикосновения резца, — сохранить, так сказать, в неприкосновенности идею, пока она подвергается сложному процессу придания ей формы, — было делом всей ее жизни. В бронзе с помощью воска она преуспела, после неоднократных неудач, с невероятным упорством. Фигура святого Михаила в одной из ее работ была отлита таким образом семь раз. Наименьшего препятствия, будь то всего лишь острие булавки в одном из вентиляционных отверстий, необходимых для втягивания кипящего металла во все части формы, достаточно, чтобы разрушить работу. Наконец ее главный мастер закончил работу над "Святым Михаилом"; вся красота рисунка и изящество оригинального рисунка были сохранены, и при переводе с воска на бронзу не было утрачено ни капли первоизданной свежести.

Мадемуазель де Фово работает почти непрерывно, почти не позволяя себе расслабиться. Ее главными сподвижниками являются несколько высших церковных сановников и две или три выдающиеся итальянские или иностранные семьи. Она согласна выйти на пенсию, и ее политические взгляды определили вокруг нее линию разграничения. Она дважды посещала Рим: один раз, когда там был герцог д'Бордо. Он уделял ей много внимания, как и два великих князя искусства, Корнелиус и Тенерани, находившиеся в то время в Риме. Находясь в таком положении, любимая многими, вызывающая всеобщее восхищение и высокую оценку, эта умная художница и благородная женщина ведет достойную жизнь, которая кажется реализованной мечтой о работе, прогрессе и успехе.

Со всех точек зрения, прожитая таким образом жизнь — любопытное исследование. Есть независимость, присущая существованию, посвященному искусству, с почти монастырской простотой и формальностью. Она почти никогда не разлучалась со своей гордой и преданной матерью до самой ее смерти в 1858 году. Потеря оставила ее безутешной. Ее брат, заслуженный художник, живет с ней, помогает в большинстве ее работ и является поддержкой и утешением в ее жизни. Ее счастливый дом и домашние отношения помогли раскрыть и усовершенствовать ее гениальность. Искусство женщины, как и ее сердце, страдает, когда дом, в котором она работает, не подходит для этого. Имя нашей художницы — Фелиси — оказалось хорошим предзнаменованием для той, кто одновременно является «хорошей женщиной и великой художницей».

ROSA BONHEUR.[3]

[3] Этот эскиз был подготовлен под руководством мадемуазель Бонер.

Розали Бонер — так ее называют в ее *"Акте наивности"* — родилась в Бордо 16 марта 1822 года. Ее отец, Оскар Раймонд Бонер, был заслуженным художником, который в юности удостоивался самых высоких наград на выставках своего родного города. Он посвящал часть своего времени тому, чтобы давать уроки рисования в семьях для поддержки своих престарелых родителей. Между ним и одной из его учениц — Софи Маркес — милой и образованной девушкой возникла привязанность. Ее семья была против их союза из-за бедности художницы, и после свадьбы молодые люди оказались полностью предоставлены сами себе. Розали была старшей из их четверых детей. Ее отец был вынужден отказаться от своих мечтаний о славе и высших достижениях в искусстве и в течение восьми лет содержал свою семью, преподавая рисование.

Розали — или Роза, как она всегда себя называла, — была диким, активным, порывистым ребенком, терпеть не могла ограничений и терпеть не могла учебу. Она долго осваивала даже

элементы чтения и письма. Когда не была в поле, она бывала в саду. Она помнит серого попугая, домашнего любимца ее бабушки, который часто кричал: “Роза! Роза!” голосом, похожим на голос ее матери, и приводил ее сюда, когда ее мать улучала возможность заставить ее повторить свой катехизис. Когда урок заканчивался, маленькая девочка сердито ругала птицу за ту шутку, которую она с ней сыграла. Но если Роза ненавидела свои книги, то она нежно любила все предметы в природе и была счастливее всего, когда бродила по лесу или лугу, собирая букеты размером с нее саму. У нее было светлое лицо с румяными щеками; светло-каштановые волосы вились натуральными локонами; и она была такой пухленькой, что испанский поэт Моратия, который тогда жил в Бордо и проводил вечера у Бонера, называл ее своим “круглым шариком”. Он часами возился с веселой девочкой и смеялся над грубыми фигурками, которые она любила вырезать из бумаги. Роза любила развлекаться в мастерской своего отца, рисуя грубые контуры на стенах или зарывая свои маленькие толстые ручки в глину и делая гротескные попытки лепки, хотя ее семья не замечала этих детских усилий как проявление какой-либо гениальности. Изгнанный поэт, однако, видел смелость, энергию и оригинальность ее натуры и часто пророчествовал, что его любимица в некотором роде станет “замечательной женщиной”.

В 1829 году Раймон Бонер покинул Бордо и поселился со своей семьей в Париже. Заинтересованный идеями, которые тогда бродили в общественном сознании, он погрузился в волнение, предшествовавшее Июльской революции. Периоды национального подъема не благоприятствуют искусству; художник не мог продавать свои картины и был вынужден снова брать уроки рисования. Его жена давала уроки игры на фортепиано, но растущая напряженность в социальном и политическом мире делала их совместные усилия бесполезными. Мадам Бонер поддерживала мужество своего мужа в течение всего этого тяжелого периода, в то время как ей часто приходилось после дневных трудов просиживать полночи, чтобы с помощью иголки заработать ненадежное пропитание на завтра. Когда общественное спокойствие вернулось, Бонер возобновил свое преподавание, и некоторые из его работ были замечены на Парижской выставке.

Мадам Бонер умерла в 1833 году. Затем отец отдал троих старших детей единственной женщине — матери Катерине, которая жила на Елисейских полях; Джульетту, младшую, отправили к друзьям в Бордо. Мама отправила своих маленьких подопечных в Общую школу Шайо. Розе, которой сейчас шел одиннадцатый год, и которая ненавидела книги и заточение так же горячо, как и прежде, обычно удавалось избегать школьной комнаты и проводить большую часть времени в травянистых и лесистых уголках Булонского леса и других окрестностей Парижа. Так прошло два года; дети были бедно одеты и питались самой скромной пищей. Роза тем временем, с ее страстью к независимости и жизни на свежем воздухе, почти ежедневно подвергалась гневным выговорам матери Катерины, которая была огорчена тем, что она пренебрегает школой из-за своих прогулок. “За все время хорошей погоды я ни разу не провела ни часа на полу”, — часто говорила она. Но такая цыганская жизнь не могла продолжаться долго. Раймон Бонер снова женился, снял дом в предместье Руль, привез домой троих детей и попытался дать им возможность самим добиться положения в обществе. Двух мальчиков — Огюста и Исидора — отдал в респектабельную школу, в которой их отец за плату давал три урока в неделю; а Розу, которую ничему нельзя было научить по книге и которая, казалось, не имела ни вкуса, ни способностей ни к чему, кроме как болтаться на солнышке, отдала к швее, чтобы она могла научиться зарабатывать на жизнь шитьем.

Ничто не могло быть более неприятным для бедной девушки, чем монотонная работа, к которой она была обречена. Само по себе неподвижное сидение на стуле было пыткой для ее деятельного темперамента; она втыкала иголку в пальцы при каждом стежке, а склонность к ненавистному занятию вызывала у нее головную боль и наполняла невыразимой усталостью и отвращением. Муж швеи был токарем, и его токарный станок находился в соседней комнате. Единственным утешением Розы было проскользнуть в эту комнату и получить разрешение токаря помочь ему поработать на токарном станке. Если бы он отсутствовал, она сделала бы все возможное, чтобы привести планку в движение самостоятельно, не раз нанося ущерб инструментам токаря. Но эти украденные радости было недостаточно, чтобы компенсировать ее за непривлекательности ее новое призвание; и всякий раз, когда ее отец, набив карманы конфетами, пришел к сестре и узнать, как она устроилась, она хотела броситься в его объятия в страсти слезами, и молила Его, чтобы забрать ее. С каждой неделей ее страдания становились все более очевидными; она потеряла аппетит и цвет лица и, по-видимому, заболела. Её отец был сильно разочарован неудачной попыткой сделать из своей взбалмошной дочери аккуратную и трудолюбивую рукодельницу; но он слишком любил ее, чтобы упорствовать в эксперименте, столь противном ее чувствам. Поэтому он разорвал договоренность со швеей и забрал ее домой.

Обдумав множество планов в отношении нее, он, наконец, добился того, что ее приняли в школу-интернат на улице Рейи в предместье Сент-Антуан на тех же условиях, что он предложил для ее братьев. Ей было дано множество полезных советов, сопровождавшихся искренними увещеваниями наилучшим образом использовать преимущества школы, усердно занимаясь учебой.

В течение короткого времени после своего поступления в это заведение Роза была в восторге от своей новой жизни, ибо она быстро стала любимцей своих юных товарищей, лидером во всех их играх и изобретательницей бесчисленных розыгрышей. Но учителя были далеко не в равной степени довольны новой ученицей, которую нельзя было заставить выучить урок и которая своими поступками приводила домочадцев в замешательство. Одним из ее любимых развлечений было рисовать карикатуры на гувернанток и профессоров; раскрасив эти карикатуры, она очень тщательно вырезала их и ухитрилась прикрепить к потолку классной комнаты с помощью хлеба, который терпеливо разжевывала до консистенции замазки и прикладывала к головам фигурок. Легко представить себе сенсацию, вызванную этой новой выставкой портретной живописи, а также нелепые поклоны и любезности бумажных фигурок, покачивающихся над головами своих оригиналов. Ученики выходили из себя от сдерживаемого смеха; учителя, естественно, были скорее недовольны, чем отвлечены. Хозяйка заведения, восхищенная энергией и оригинальностью этих рисунков, сняла их с потолка и поместила в альбом, где, как говорят, они хранятся по сей день. Но Роза, тем не менее, была очень непослушной девочкой; и обычно она была обречена на хлеб и воду примерно пять дней в неделю.

Роза Бонер отнюдь не лишена способности приобретать знания и с тех пор по-своему восполнила свое раннее нежелание учиться; но в то время для нее было абсолютно невозможно ограничить свой переменчивый темперамент размеренной регулярностью занятий; и единственной отраслью, в которой она добилась каких-либо успехов, было рисование, которым

она усердно занималась, посещая уроки, которые дважды в неделю давал ее отец в обмен на ее обучение.

Роза, однако, была далека от счастья. Помимо постоянных неприятностей, в которые вовлекала ее любовь к веселью и озорству, была еще одна неприятность, которая отравляла ее покой и постепенно делала ее пребывание в школе невыносимо болезненным.

Все остальные ученицы были дочерьми богатых торговцев, они были элегантно одеты, за столом у них были серебряные вилки и чашки, а карманных денег хватало на удовлетворение своих девичьих прихотей. Роза, в своем ситцевом платье и грубых башмаках, с железной ложкой, оловянной кружкой и пустыми карманами, остро ощущала неполноценность своего положения. Ее отец был таким же хорошим и умным, как отцы ее товарищей; почему же тогда он не был богат? Почему она должна носить ситец и пить из жестяной банки, в то время как у других девочек серебряные кружки и красивые шелковые платья? Слишком щедрая, чтобы вызывать зависть, и к ней относились как к любимице других учеников, гордая и чувствительная девочка, тем не менее, инстинктивно отшатнулась от контакта, который пробудил в ее душе беспричинное чувство несправедливости и унижил ее, как она чувствовала, не по ее вине. У нее не было ни малейшего желания лишать своих маленьких спутников превосходящих преимуществ их судьбы, но она страстно желала обладать тем же самым, мучая себя день и ночь, размышляя о своих трудностях и пытаясь разработать какой-нибудь план, с помощью которого их можно было бы преодолеть. К этому периоду, с его тайными душевными переживаниями, относится та твердая решимость добиться имени и места для себя в мире — к восприятию социальных фактов, которые она теперь начинала осознавать, — которая поддерживала ее на последующих этапах ее художественного развития. Тем не менее, это решение, хотя и было вызвано раздражающим ощущением скромного характера ее гардероба и “пожитков”, указывало на то, что Лесс стремится к большей элегантности в одежде и личным условиям, к которым она впоследствии проявила почти безразличие, чем к достижению высшего и независимого социального положения. Она была полна решимости быть что-то, хотя она бы не посмотрела, что, и не испытывала никакого сомнения в достижении ее целей, хотя пока еще она не знала о том режиме, в котором она должна быть проведена. Тем временем ее тайное недовольство омрачало ее настроение и сказывалось на здоровье. Она стала замкнутой и надменной, и, с лихорадочной тревогой пытаясь найти работу, которая позволила бы ей занять более высокое положение, которого она так страстно желала, она все больше и больше пренебрегала учебой, пока ее учителя и отец, одинаково обескураженные ее кажущимся бездельем, не забрали ее из школы и снова не забрали домой.

Более чем когда-либо озадаченный тем, что с ней делать, отец теперь предоставил ее на время полностью самой себе. Предоставленная таким образом своим собственным спонтанным действиям, Роза, которая чувствовала, что праздная и бесцельная жизнь, которую она до сих пор вела, мало способствовала осуществлению ее тайных амбиций, и которая была полна непризнанного сожаления и раскаяния в своей неспособности и бесполезности, искала убежища от собственных неприятных мыслей в мастерской своего отца, где она развлекалась тем, что подражала всему, что он делал, рисовала и лепила день за днем с величайшим усердием и наслаждением, счастливая, пока у нее в руках были карандаш, фломаскеркусочек древесного угля или комок глины. В тихой и приятной обстановке студии ее возбужденные чувства успокоились, а мысли прояснились; она начала понимать себя и прокладывать путь, уготованный ей природой. По мере того, как эта перемена происходила в ее сознании,

беспорядочный и бесцельный ребенок быстро превращался в серьезную, застенчивую, решительную женщину. Она рисовала и лепила с утра до ночи с восторженным рвением; и ее отец, пораженный ее успехами и осознавший, наконец, истинную склонность ее натуры, серьезно посвятил себя ее обучению, наблюдая за ее усилиями с величайшим интересом и заботливостью. Он провел ее через серьезный подготовительный курс, а затем отправил в Лувр копировать работы старых мастеров, чтобы подучить ее глаз, руку и рассудительность.

Окруженная и воодушевленная великолепными творениями великих художников — первой вошедших в галерею и последней покинувшей ее, — слишком поглощенная своей моделью, чтобы осознавать все, что происходило вокруг, Роза продолжала свою работу с непоколебимым рвением.

“Я никогда не видел примера такого усердия и такого рвения к работе”, — заметил мсье Жуссен, директор Лувра, описывая поведение молодого жеребца.

Великолепный колорит и формы итальянских школ, возвышенный идеализм немцев и широкий натурализм голландцев одинаково возбуждали ее энтузиазм; она изучала их все с одинаковым восторгом и с одинаковым удовольствием копировала. Помочь своему отцу Эру в его тяжелой борьбе за содержание семьи, которая теперь увеличилась благодаря рождению двух младших детей, было непосредственной целью честолюбия Розы; и, поскольку восхитительная точность ее копий гарантировала им быструю продажу, это сыновнее желание вскоре было удовлетворено. За каждый из них она получала небольшую сумму, но ее трудолюбие было настолько велико, что вскоре эти заработки стали важной статьей семейных ресурсов.

Однажды, когда она только что нанесла последний штрих на копию “Берге д’Аркадии” в Лувре, пожилой английский джентльмен остановился у ее мольберта и, внимательно осмотрев ее работу, воскликнул: “Ваша копия, *mon enfant*, превосходна, безупречна! Продолжай в том же духе, с чего начал, и я пророчествую, что ты станешь великим художником!”

Предварительная дикция незнакомца доставила молодой художнице большое удовольствие, и в тот вечер она отправилась домой с головой, полной радостных видений будущего успеха.

Розе шел уже семнадцатый год, она поклялась сделать искусство целью и занятием своей жизни, с равным усердием занимаясь пейзажной, исторической и жанровой живописью, но без какого-либо определенного предпочтения ни к тому, ни к другому; когда ей довелось изучать козу, она была настолько очарована этой новой попыткой, что с тех пор посвятила себя развитию особого профессионального мастерства, в котором она добилась такого блестящего успеха. Слишком бедная, чтобы нанять натурщиц, она ежедневно отправлялась за город пешком в поисках живописных видов и животных для зарисовок. С краюхой хлеба в кармане, нагруженная холстом и красками, или куском глины — поскольку ее в равной степени привлекали живопись и скульптура, и она доказала, что в равной степени преуспела бы и в том, и в другом — она обычно отправлялась в путь очень рано утром и, найдя место или предмет по душе, садилась на насыпи или под деревом и работала до сумерек; возвращалась домой с наступлением темноты, после ходьбы в десять или дюжину миль, загорелая от солнца и ветра, промокшая под дождем или покрытая грязью; измученная прогулками. усталость, но радость от уроков, которые преподнес этот день.

Ее неспособность найти натурщиц дома также подсказала ей другой способ, принятие которого показывает, насколько серьезной была ее решимость преодолеть препятствия, которые

бедность поставила на пути ее учебы. Забой и подготовка животных для парижского рынка осуществляются на нескольких *скотобойнях*, крупных предприятиях на окраинах города, находящихся под наблюдением муниципальных властей. Каждое из этих заведений содержит обширные помещения, в которых заперты тысячи униженных и блеющих жертв, ожидающих своей очереди, чтобы их повели на развалины. На одну из таких — *скотобойню дю Руль* — Розе хватило смелости ходить ежедневно в течение многих месяцев, преодолевая как отвращение, которое, естественно, внушала такая местность, так и свое столь же естественное нежелание вступать в контакт с толпой мясников и погонщиков скота, заполнявших ее. Сидя на охапке сена, положив рядом с собой краски, она рисовала с утра до сумерек, нередко забывая о куске хлеба в кармане, настолько рассеянно она погружалась в изучение разнообразных типов, которые делали дворы и конюшни этого заведения столь бесценным полем наблюдения для нее. Не удовлетворившись тем, что изобразила обитателей *скотобойни* в их загонах, вдали от тошнотворного шума развалин, она почувствовала необходимость изучить их поведение в условиях ужаса и агонии смертельного удара и заставляла себя неоднократно посещать бойню, созерцая сцены, отталкивающее зрелище которых становилось для нее вдвойне болезненным из-за ее нежного сочувствия к этому грубому созданию. Вечером, когда она возвращалась домой, ее руки, лицо и одежда обычно были покрыты мухами, которых так много везде, где собираются животные. Таково было уважение, с которым она относилась к грубым товарищам, окружавшим ее, и которые часто просили показать им ее эскизы, которые они рассматривали с самым наивным восхищением, что за все время ее долгого пребывания в переполненных закоулках *скотобойни*.

После того, как она перестала посещать это заведение, она подобным же образом часто посещала конюшни Ветеринарной школы Альфорта, а также животных и музеи Сада растений. Она также возобновила свои зарисовочные прогулки по стране и усердно посещала все ярмарки лошадей и крупного рогатого скота, проводившиеся в окрестностях Парижа. В последних случаях она неизменно надевала мужскую одежду; предосторожность, которую она сочла необходимой для удобства и, более того, для защиты от неприятностей, которые сделали бы для нее невозможным появляться на подобных сборищах в женском наряде. В своем мужском одеянии Роза до такой степени походила на добросердечного, простодушного мальчика, что скотоводы и торговцы лошадьми, чьих аниона рисовала, часто настаивали на “постоянном угощении” в виде *шопена* с вином или *petit verre* с чем-нибудь покрепче для “умного малыша”, чье искусное изображение их животных так восхищало их; и иногда требовались вся ее искусная одежда и изобретательность, чтобы спастись от их преследований из благих побуждений. К тому же ее приятная внешность в облике девушки сурового пола иногда производила печальное опустошение в восприимчивых сердцах деревенских молочниц. Некоторые смехотворные инциденты могут быть связаны с этим разделом. В ее последующих исследованиях романтических регионов у подножия Пиренеев страсть, с которой она невольно вдохновляла черноглазых фебов юга, не раз оказывалась источником серьезного, хотя и сопутствующего смущения для художницы, желавшей прежде всего непроницаемо сохранить тайну своего облика.

Занятия молодой художницы не ограничивались внешними формами ее моделей. Она раздобыла лучшие анатомические трактаты и таблицы со слепками и моделями различных частей человеческого тела и тщательно изучила их; затем она приобрела у мясников ноги, плечи и головы животных, тщательно препарировала их и таким образом получила глубокое представление о формах и зависимостях мышц, игру которых ей предстояло описать.

Теперь, когда Роза достигла славы, которую предсказывало ее набухшее детское сердце еще до того, как она определила путь, который должен привести к осуществлению ее устремлений, самые богатые и благородные из ее соотечественников с гордостью предоставляют в ее распоряжение лучшие продукты своих ферм и племенных хозяйств; в то время как мулы, ослы, овцы, козы, свиньи, собаки и редкие виды домашней птицы предлагаются ей от одного конца Европы до другого. Но несомненно, что бедность и безвестность, которые в первые годы ее деятельности вынуждали ее часто посещать *скотобойни* и скотные рынки в поисках сюжетов для своего карандаша, на самом деле оказали ей неоценимую услугу, заставив познакомиться с множеством типов людей в самых разных условиях, таких, каких она никогда не смогла бы увидеть никаким другим способом, и придав ей широту взглядов, разнообразие деталей и правдивость натуры, которых не смог бы дать более ограниченный опыт.

На протяжении всех ее разнообразных занятий Раймон Бонер был постоянным и единственным учителем своей дочери. Месье Леон Конье, ученицей которого она, как ошибочно говорят, была, просто проявлял дружеский интерес к ее успехам и тепло поощрял ее упорствовать. Она никогда не брала уроков укакого-либо другого учителя, кроме своего отца и природы.

Бонер со своей семьей теперь занимал небольшие шестиэтажные комнаты на улице Румфор. Двое его сыновей также посвятили себя искусству под его покровительством: Огюст был художником, а Исидор - скульптором. Любящая семьямилли, веселая и преисполненная надежд, несмотря на бедность, усердно трудилась вместе в одной маленькой студии. С рассвета до заката Роза всегда была у своего мольберта, распевая, как коноплянка, самая занятая и веселая из всех. Вечером, после того какбыл приготовлен скромный ужин и зажжена лампа, она проводила несколько часов, рисуя иллюстрации для книг и животных для гравюр и альбомов; или лепя небольшие группы быков, овец и т.д. Для торговцев фигурками - таким образом зарабатывая дополнительный взнос всемирный кошелек.

Роза восхищалась птицами, которых у нее в студии было много, но ей было грустно видеть их взаперти. К ее великой радости, один из ее братьев смастерил сетку, которую прикрепил к внешней стороне окна, чтобы их можно было безопасно выпускать из клеток. У нее была также прекрасная овца с длинной шелковистой шерстью, самое послушное и умное из четвероногих, которую она держала на поводках под окнами, образующих террасу, превращенную ею в сад, пестревший жимолостью, кобеас, вьюнками, настурциями и душистым горошком. Поскольку овца не могла спуститься на шесть лестничных пролетов, но время от времени нуждалась в физических упражнениях и смене рациона, Исидор обычно с серьезным видом сажал ее на плечи и относил на соседнюю ферму, где онадоволь налегала на свежую траву, после чего относил обратно в ее воздушное жилище. За таким заботливым животным с удовольствием ухаживали два года, и оно стало для Розы и ее братьев замечательным образцом для подражания.

Именно на выставке изящных искусств 1841 года Роза Бонер впервые появилась перед парижским ареопагом критиков, привлекая благосклонное внимание как знатоков, так и публики, двумя очаровательными маленькими группами коз, овец и кроликов. В следующем годуона выставила три картины: “Животные на пастбище”, “Корова, лежащая на лугу” и “Лошадь на продажу”, которые привлекли еще большее внимание, причем первая была особенно примечательна своей изысканной передачей вечерних атмосферных эффектов и тем, что онапередает поэтические чувства со смелой верностью факту.

С этого периода она появлялась на всех выставках в Париже и во многих провинциальных городах, ее репутация росла с каждым годом, и за ее пиар-работы было присуждено несколько бронзовых и серебряных медалей. В 1844 году она выставила свою картину “Бык” из глины, одно из многих представленных ею доказательств своих способностей, которые подняли бы ее до высокого ранга скульптора, если бы, наконец, сочетание привлекательности формы и цвета окончательно не привлекло ее в ряды художников. В следующем году она выставила двенадцать картин — великолепную коллекцию — в окружении работ своего отца и брата Огюста, которые тогда были допущены впервые. В 1846 году ее работам аккомпанировали работы ее отца и обоих братьев, младший из которых тогда впервые выступил как скульптор. Семейная группа была дополнена на последующей выставке по признанию ее младшей сестры Джульетты, которая вернулась в Париж и тоже стала художницей. В 1849 году ее великолепные “Кантальные волны” получили золотую медаль. Орас Верне, президент комитета по присуждению премий, провозгласил новую лауреатку в присутствии блестящей толпы любителей, подарив ей от имени правительства великолепную севрскую вазу; ценность триумфа, который якобы вознес ее на высшую ступень в ее профессии, неизмеримо возросла в ее глазах благодаря безграничному восторгу, который он доставил ее отцу.

Раймон Бонер, выпущенный из материального затруднения, и Реювенатед счастьем его дочери успехов, принял директора государственной школы дизайна для девочек и возобновил свою палитру со всем пылом юности. Но его здоровье было подорвано усталостью и тревогами, которые он так долго переносил, и он умер от болезни сердца в 1849 году, о чем глубоко сожалела его семья. Роза, которая помогала ему в школе дизайна, теперь стала ее директором. Она по-прежнему занимает этот пост, ее сестра, мадам Пейроль, является постоянным преподавателем, а Роза еженедельно руководит занятиями.

Ее и без того блестящая репутация была еще более укреплена появлением в 1849 году ее благородной “Сцены пахоты в Ниверне”, заказанной правительством и ныне находящейся в Люксембургской галерее; “Конного рынка” в 1853 году, подготовительные занятия к которому заняли у нее восемнадцать месяцев; и “Заготовки сена” в 1855 году. Последние две работы вызвали большой энтузиазм в общественном сознании.

Розе Бонер повезло больше, чем многим другим великим артисткам, чьи заслуги постепенно признавались, она была любимцей публики с самого своего первого выступления. Ее энергичная оригинальность, совершенное владение техническими и механическими деталями своего искусства, а также очарование стиля, одновременно свежего и простого, и глубоко и поэтически правдивого, обеспечили ее произведениям высокую оценку и быструю продажу. До июня 1858 года она создала тридцать пять картин; и многие другие, не выставлявшиеся, были приобретены частными любителями. В них особенностями скал, гор, долин и равнин — деревьев и травы; эффекты облаков, тумана и солнечного света, а также различных часов дня — переданы так же глубоко и умело, как внешние формы и внутренняя жизнь животных, вокруг которых художница, подобно природе, распространяет очарование и великолепие своих пейзажей. Она уже сколотила состояние, но полностью растратила его на других, за исключением маленькой фермы в нескольких милях от Парижа, где проводит большую часть своего времени. Такова ее обычная щедрость и так щепетильна ее деликатность во всем, что связано с ее искусством, что можно усомниться в том, что она когда-нибудь накопит для себя большое состояние. Ее портфолио содержит почти тысячу набросков, которые с нетерпением ждут любители; но она рассматривает их как часть своей творческой жизни и отказывается

расставаться с ними ни на каких условиях. Небольшой рисунок, который незадолго до этого случайно попал в руки торговца, принес в Лондоне восемьдесят фунтов. Роза подарила его благотворительной организации, как она время от времени делает со своими рисунками. Запросы на картины поступают к ней из всех уголков мира, но она отказывается от всех заказов, не соответствующих ее таланту, цени собственную честность и достоинство превыше всего.

Приз жюри в 1853—в силу которой автор “лошади-маркет” был зачислен в число признанных мастеров кисти, и как таковой освобождается от необходимости представлять свои работы для Следственного комитета предыдущие даты допуска их для будущих выставок—entitled ей, по данным французского использования, с крестом Почетного легиона. Император отказал художнице в этом украшении *потому что она была женщиной!*

Отказ, повторил за ней блестящих успехов 1855, естественно, возбудило негодование на ее объявлении *titers*, которые не могли понять почему такая честь, что будет предоставляться определенный талант в человеке должно быть отказано в той же женщиной. Но, хотя Роза была включена в приглашение на государственный обед в Тюильри, который всегда вручался художникам, которым Академия изящных искусств оказала свою высшую честь, отказ от награды был сохранен, несмотря на многочисленные попытки добиться отмены императорского указа.

Посетитель описывает мастерскую этого всемирно известного художника. На южном конце улицы Ассас — уединенной улицы, наполовину застроенной обширными садами, над высокими каменными стенами видны только верхушки деревьев, — как раз там, где, встречаясь с улицей Вожирар, она расширяется в небольшую площадь неправильной формы, окруженную сонными старомодными домами с окошками, а сверху на нее смотрят сверкающие серые крыши и колокольня древнего монастыря кармелиток, — есть зеленая калитка в сад, увенчанная цифрой “32”. На звонок ответит лай одной или двух собак; и когда дверь открывается слуга в строгом костюме, посетитель оказывается в саду, полном цветущих деревьев. Дом, длинное, уютное здание неправильной формы, стоящее под прямым углом к улице, увито виноградными лозами, жимолостью и клематисами. Часть большого сада разбита на цветочные клумбы; но большая часть, огороженная зеленым частоколом, посыпанная гравием и содержащая несколько сараев, отдана животным, которых художница держит в качестве моделей. Во дворе амбара можно увидеть лошадь, осла, четырех или пяти коз, овец дразных пород, уток, кошинчин и других обитателей, живущих вместе в совершенном дружелюбии и доброй воле.

В погожие дни художницу можно застать сидящей на деревянном стуле за частоколом, деловито делающей набросок одного из этих животных в широкополой шляпке от солнца на голове. Если посетитель приходит в пятницу днем, в специально отведенное для приемов у Розы время, его проводят через стеклянные двери в холл, стены которого увешаны картинами, по углам в зеленых кадках стоят апельсиновые деревья и олеандры, а пол (с тех пор как художник пересек Ла-Манш!) застелен английской клеенкой. Из этого холла несколько ступенек, обитых толстым серым ковром, ведут в ателье, по пятницам превращаемое в приемную.

В этой прекрасной студии, одной из самых больших и с прекрасными пропорциями в Париже, с зеленовато-серыми стенами и простыми зелеными занавесками на высоких окнах, которые никогда не пропускают дневной свет — комната освещается исключительно с потолка, — вся деревянная отделка из темного дуба, как и книжные шкафы, столы, стулья и другая мебель — богато резная, но в остальном строгая и простая — расставлена по комнате. Стены увешаны

картинами, эскизами, слепками, старыми доспехами, рыболовными сетями, грубыми корзинами и мешочками, шестами, сучковатыми и заостренными виноградными лозами, живописными шляпами, плащами и сандалиями, собранными художницей в ее странствиях среди крестьян разных регионов; невзрачными драпировками, костями и шкурами животных, оленьими рогами. Прекрасный старинный книжный шкаф содержит столько же слепков, скелетов и диких животных, сколько и книг, и окружен таким количеством бюстов, групп из гипса, щитов и других художественных ценностей, сколько может вместить его верхушка; а огромная готического вида печь в верхнем конце комнаты точно так же покрыта маленькими слепками и бронзой. Картины всех размеров и на любой стадии разработки выставлены на мольбертах в нижнем конце комнаты, художник всегда работает над несколькими одновременно. По бокам студии расставлены стойки с фотоальбомами и стопки холстов; птички щебечут в клетках разных размеров, а великолепный попугай подозрительно поглядывает на вас с вершины высокого насеста. По полу, настолько яркому, насколько это возможно сделать при нанесении воска, разбросаны шкуры тигров, быков, леопардов и лисиц — единственных видов напольных покрытий, допущенных художницей в свою мастерскую. “Они наводят меня на мысли, - говорит она об этих любимых аксессуарах, - в то время как самый дорогой и роскошный ковер ни о чем не говорит”.

Но внушение живописных ассоциаций - не единственная услуга, оказываемая этими трофеями животного царства. Однажды знойным пятничным днем один из ее поклонников, придя раньше обычного времени приема, обнаружил ее крепко спящей под длинным столом в верхнем конце студии, на своей любимой шкуре великолепного быка с набитой головой и раскидистыми рогами; ее голова любовно покоилась на шкуре животного. Она пришла очень уставшая после еженедельного обзора занятий в Школе дизайна и растянулась на шкуре в тенистола, чтобы немного отдохнуть. В ее позе было столько естественной грации и простоты, такая невинность и умиротворенность во всем ее облике, и так много от испуганного ребенка в выражении ее лица, когда, разбуженная открыванием и закрыванием двери, она проснулась и вскочила на ноги, что картина казалась такой же прекрасной, как любая, созданная карандашом.

Здесь Роза Бонер принимает своих гостей с откровенностью, добротой и неподдельной простотой, которыми она так в высшей степени отличается. Лично она небольшого роста, скорее ниже среднего, с изящно сформированной головой и широким, а не высоким лбом; небольшие, четко очерченные правильные черты лица и хорошие зубы; карие глаза, очень ясные и яркие; темно-каштановые волосы, слегка волнистые, разделенные пробором на одну сторону и коротко подстриженные на шее; компактная, стройная фигура; руки маленькие и нежные, а также чрезвычайно красивые маленькие ступни. Одевается она очень просто, единственные цвета, которые она носит, - черный, коричневый и серый; а ее костюм неизменно состоит из облегающего жакета и юбки из простых материалов. В тех редких случаях, когда она появляется в обществе — поскольку она принимает очень мало приглашений, с которыми ее осаждают, — она появляется в том же простом костюме из более богатых материалов, с добавлением всего лишь кружевного воротничка. Она не носит ни одного из обычных женских украшений; они не соответствуют ее мыслям и занятиям. На работе она носит круглый передник или блузку из серого льна, которые закрывают ее от шеи до пят. Она поражает с первого взгляда. В ее идее понятно, честный, энергичный, самостоятельный характер; крутой, но просьба; оригинал, эгоцентричны, и решил, без всякой претензии или тщеславия; но это только тогда, когда ты ее видел общаясь искренне и от души, ее восторг вызвала некоторые темы, связанные с ее искусством, или с великими гуманитарными вопросами дня, когда вы видели ее сверкающие

глаза, ее улыбку и сразу так сладко, так сияя, и так увлеклась, ее выразительные особенности, облученных, так сказать, с внутренним светом, что вас воспринимают как очень она красива. Чтобы знать, насколько она честна, насколько целеустремленна в своей преданности искусству, насколько проста и непритязательна, полностью осознает достоинство своей художественной силы, но уважает ее скорее как талант, переданный ей на сохранение, чем как качество, присущее только ей, вы, должно быть, были допущены к чему-то большему, чем обычная вежливость в день приема. Хотя, если вы хотите знать, какой благородной и самоотверженной она была не только по отношению к каждому члену своей семьи, но и к другим, не имеющим права на ее доброту, но тем, что эта доброта дала им, вы должны узнать это от тех, кто разделил ее щедрость, потому что вы никогда не узнаете ни слова об этом от нее самой.

Ее нелюбовь к тому, чтобы о ней писали, сделает известными многие интересные подробности о ней; но, если они когда-нибудь всплывут, они покажут, что ее жизнь была полна благородных учений и что великая художница, слава которой дойдет до грядущих веков, была такой же замечательной женщиной, как и с. он был одарен как художник; что ее моральная ценность была не менее возвышенной, чем ее гений.

Роза Бонер - неутомимая труженица. Она встает в шесть и рисует до сумерек, после чего откладывает блузку, надевает шляпку и шаль самого немодноговида и прогуливается по соседним улицам одна или в сопровождении только любимой собаки. Поглощенная своими собственными мыслями и не замечающая ничего вокруг, она часто создает первое представление о картине во время этих быстрых, спокойных прогулок в сумерках.

Живя исключительно ради своего искусства, она с радостью передала заботы о своем внешнем существовании старому и преданному другу, мадам Микас, вдове, которая вместе со своей дочерью проживает с ней. Мадемуазель Микас - художница, и ее красивые группы птиц хорошо известны в Англии. На протяжении многих лет она была самой близкой подругой Розы. Каждое лето два художника отправляются в какой-нибудь горный район делать наброски. Прибыв в районы, населенные только сернами, они меняют свои женские одеяния на мужские и проводят пару месяцев, исследуя самые дикие уголки холмов, заводя знакомства со своими застенчивыми и быстроногими обитателями и собирая "плоды" бури, дождя и испарений так же усердно, как и солнечного света. Хотя Роза живо воспринимает красоту лесов и лугов, горные пейзажи доставляют ей особое удовольствие. Исследовав французские цепи и Пиренеи, осенью 1856 года она посетила Шотландию и сделала многочисленные зарисовки в окрестностях Гленфаллока, Гленко и Баллакулиша. Пораженная красотой горного скота, она отобрала несколько отборных экземпляров, которые отправила в дом священника в Уэксхэме, недалеко от Виндзора, где она проживала, и провела два месяца, делая многочисленные этюды, из которых она сделала две картины: "Обитатели гор" и "Утро в Высокогорье". Ее предпочтение сурового, резкого и величественного всему мягкому, улыбчивому и прекрасному делает Италию со всем ее великолепием менее привлекательной для нее, чем более грубое великолепие Пиренеев и севера.

Среди гор великая художница полностью в своей стихии: с утра до ночи на свежем воздухе, ночует в самых скромных и отдаленных придорожных гостиницах или в хижинах дровосеков, углежогов и охотников на серн, довольствуясь тем, что можно достать. В 1856 году, будучи

обстановка семьями различие в béarnais разместился и баскских провинциях в введенный, ее партия толкнул их приключений wanderings на маленькой станции Peyronère, в прошлом населенный пункт вблизи французской границы, а оттуда до романтической оскверняет Валле-д'Urdos, через вершину Пиренеев. Их письма обеспечили им гостеприимный прием на каждом привалев пункте g и надежного проводника для следующего похода. Таким образом, они пересекли горы и достигли уединенного *посада* Канфана, первого на испанской стороне хребта, где в течение шести недель они не видели никого, кроме погонщиков мулов с их вереницами, которые останавливались на ночь в маленькой гостинице, отправляясь на рассвете в путь для спуска с гор.

Жители *посада* питались исключительно простоквашей - единственным продуктом питания, который группа могла получить по прибытии. Одно время из-за раннего выпадения снега они были отрезаны от всякого сообщения с долиной. Их под угрозой голодной смерти была предотвращена благодаря усилиям Мадемуазель слюды, которые удалось заготовить некоторое количество лягушек, задние ноги, которые она окутаетЭД в листьях, и жареные на палочках над огнем в очаге. На этих лягушках они прожили два дня, после чего хозяйку убедили попробовать приготовить масло из молока своей овцы и даже разрешить превратить одно из этих животных в мутон для их пользы. Таким образом, их кладовая пополнилась, погонщики мулов привезли им черного хлеба из далекой деревни, и они предались радостям своей дикой жизни и занятию рисованием. Прибытие погонщиков муловrs в их вышитых рубашках, остроконечных шляпах, бархатных куртках, кожаных бриджах и сандалиях всегда было долгожданным событием. Роза платила за вино для них, а они, в свою очередь, исполняли для нее свои национальные танцы, после чего ложились спать на овечьи шкуры перед камином, служа сюжетами для множества живописных *кроки*. Поскольку *посада* была полицейским участком, устроенным там для устрашения контрабандистов, маленькая компания чувствовала себя в полной безопасности, несмотря на свое одиночество.

Роза былатак же довольна своим шотландским туром. Она привезла с собой замечательного маленького скай-терьера по кличке “Уосп”, чистокровнейшей породы и удивительно умного, к которому она очень привязана. Она выучила для его пользы несколько английских фраз, на которые “Wasp” отвечает благодарным вилянием хвоста.

Роза Бонер призналась в своей решимости никогда не выходить замуж. Решив посвятить свою жизнь ее любимого, она, возможно, будет производить величайших произведений, которые достойно сохранить ее преЛОР репутацию; хотя добродетели и совершенства ее частный характер победа будет за ней постоянно расширяющегося круга восхищения и уважения.

ГЛАВА XVIII. ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК.

Практика искусства в Америке.—Число женщин—художниц растет.—Плюсылестны.—Несовершенство эскизов ныне живущих художников.—Розальба Торренс.—Мисс Мюррей.—Миссис Лаптон.—Мисс Деннинг.—Мисс О'Хара.—Миссис Дарли.—Миссис Гудрич.—Мисс Фоули.—Мисс Макинтош и другие.—Миссис Болл Хьюз.—Миссис Чапин.—Портрет миссис

Дункан.—Семья Пил.—Анекдот о генерале Вашингтоне.—Пунктуальность миссис Вашингтон.—Мисс Пил художница из Филадельфии.—Рисует миниатюры.—Копирует картины великих художников.—Она и ее сестра почетные члены Академии.—Ее успешная карьера.—Рисует остроумием своей сестре в Балтиморе и Вашингтоне.—Брак и вдовство.—Возвращение в Филадельфию.—Второй брак.—Счастливый дом.—Миссис Йейтс.—Мисс Сара М. Пил.—Успех.—Переезд в Сент-Луис.—Мисс Розальба Пил.—Мисс Энн Лесли.—Ранний вкус к живописи.—Визиты в Лондон.—Копирует картины.—Мисс Сара Коул.—Миссис Уилсон.—Страстная любовь к искусству.—Ее скульптуры.—Ее импровизированная лепка головы Эмерсона.—Миссис Корнелиус Дюбуа.—Ее вкус к искусству скульптора.—Ее группы.—Учеба в Италии.—Ее камеи.—Ее доброта к искусств. мисс Энн Холл.—Ранняя любовь к живописи.—Уроки.—Копии старых картин в миниатюре.—Ее оригинальные рисунки.—Ее заслуги высочайшего порядка.—Группы в миниатюре.—Похвала Данлэпа.—Ее постановки многочисленны.—Мэри С. Легаре.—Ее происхождение.—Миссис Легаре.—Граф Любовь дочери к искусству.—Ее учеба.—Немного красоты в знакомом ей пейзаже.—Симпатия полковника Когделла к ней.—Успех в копировании.—Посещение Голубого хребта.—Великолепные виды.—Картины с горными пейзажами.—Переезд в Айову.—“Legaré College”.—Ее эрудиция и энергия.—Ее брак.—Эрминия Дассель.—Обратная сторона судьбы.—Зарабатываю на жизнь живописью.—Посещение Вены и Италии.—Переезд в Америку.—Успех и замужество.—Ее социальные достоинства и благотворительность.—Мисс Джейн Стюарт.—Миссис Хилдрет.—Миссис Дэвис.—“Книга цветов” миссис Бэджер.—Миссис Хоторн.—Миссис Хилл.—Миссис Грейторекс.—Миссис Вудман.—Мисс Гоув.—Мисс Мэй.—Мисс Грэнбери.—Мисс Оукли.

В Америке занятие искусством женщинами находится только в самом начале. Хотя многие имена женщин-артисток сейчас известны широкой публике, и их число быстро растет, лишь у немногих было время выполнить все, на что они могли обладать способностями. Однако такая перспектива в высшей степени льстит нашей национальной гордости.

Зарисовки живых американских женщин, увлекающихся искусством, в основном подготовлены на основе материалов, предоставленных их друзьями. Они даны в простоте и могут показаться несовершенными, но мы надеемся, что к ним можно будет относиться снисходительно там, где они недостаточны для того, чтобы отдать должное теме.

Розальба Торренс упоминается Рамзи в его “Истории Южной Каролины” как заслуженный художник-пейзажист. Похвалы также воздаются Элизе Торренс, впоследствии миссис Кокран. Мисс Мэри Мюррей рисовала мелкими и акварелью в Нью-Йорке и создала множество портретов в натуральную величину, которые снискали ей известность. Мадам Планто писала в Вашингтоне около 1820 года и пользовалась большим уважением.

Данлэп упоминает миссис Лаптон как модельершу. Она подарила бюст губернатора Трупа Национальной академии дизайна в Нью-Йорке, почетным членом которой она была Эмбер. Многие из ее картин получили высокую оценку. Она выполнила из глины множество бюстов своих друзей. Едва ли была отрасль тонкого мастерства, в которой она не преуспела, а ее литературные достижения были разнообразны и обширны. Она была выдающимся знатоком французского языка и хорошо владела латынью, итальянским и испанским языками, помимо того, что в достаточной степени овладела ивритом, чтобы с легкостью читать Ветхий Завет. В английской литературе она была досконально сведуща и была продвинутой студенткой по ботанике и естествознанию.

Она была дочерью доктора Платта Таунсенда и рано вышла замуж. Мистер Лаптон, джентльмен с высокими профессиональными и литературными достижениями, проживал в городе Нью-Йорк. После его смерти его вдова посвятила себя учебе, чтобы иметь возможность дать образование своей маленькой дочери, и после потери этого единственного ребенка стремилась к знаниям как к утешению в своих печалях. Ее таланты и достижения, ее возвышенной добродетели и благотворительности, а ее привлекательных социальных качеств нарисовал вокруг нее контур теплых и восхищенных друзей. Она недолго прожила в Канаде и умерла в доме родственника на Лонг-Айленде.

О мисс Шарлотте Деннинг из Платтсбурга говорят как о талантливой художнице-миниатюристке, а также о мисс О'Хара из Нью-Йорка. Мисс Джейн Салли (Mrs. Darley), дочь знаменитого художника, упоминается как заслуженный художник. Миссис Гудрич из Бостона написала превосходный портрет Гилберта Стюарта, который был выгравирован Дюраном для Национальной портретной галереи. Ее миниатюры великолепны отмечены правдивостью и экспрессией.

Маргарет Фоули была ученицей Школы дизайна Новой Англии и преподавала рисование. Она жила в Лоуэлле, и к ней часто обращались за ее камнями, которые она прекрасно вырезала. Мисс Сара Макинтош привыкла рисовать на камне для крупной стекольной компании, а другие дамы занимались дизайном на ковровой фабрике в Лоуэлле и в типографии Merrimack print-works, демонстрируя способность женщин заниматься подобными профессиями.

Некоторые из них зарабатывали на жизнь гравировкой по дереву и рисованием для различных работ.

Миссис Болл Хьюз из Бостона, жена скульптора, поддерживала свою семью рисованием и давала уроки рисования. У миссис Чапин была большая школа рисования в Провиденсе, и говорят, что она прекрасно рисует мелками во всех стилях. Можно было бы упомянуть многих других, но перечисление даже имен всех, заслуживающих похвалы, не соответствует замыслу этой работы.

АННА К. ПИЛЕ (МИССИС ДУНКАН).

Несколько дам из семьи Пил были выдающимися художницами и упомянуты в истории живописи Америки. Родителями героини этого наброска были капитан Джеймс Пил и Мэри Клейпул. Ее предки по материнской линии, Клейпулы, приехали в эту страну вместе с Уильямом Пенном и были одними из первых поселенцев Филадельфии. Они утверждали, что ведут прямое происхождение от Оливера Кромвеля, дочь которого Элизабет вышла замуж за сэра Джона Клейпула.

Джеймс Пил пользовался большой известностью как художник, и преуспел как в миниатюрах, так и в портретах маслом. Он был не только замечателен успехом в создании своих портретов, но и обладал способностью делать их при этом красивыми, так что среди знакомых его называли “художником-льстецом”. Этот приятный эффект производил, не изменяя черты лица, а придавая им счастливую выразительность; и это было одним из секретов его выдающегося успеха. Он написал с натуры несколько портретов генерала Вашингтона и миссис Вашингтон. Одна из них, миниатюрная, сейчас находится в отряде его старшей дочери.

Однажды, когда Вашингтон позировал для своего портрета в мастерской мистера Пила, он посмотрел на часы и сказал:

“Мистер Пил, мое время для заседания истекло; но, если еще три минуты будут иметь какое-либо значение для вас, я останусь и наверстаю время, ускорив свою прогулку до Здания Правительства (где заседал Конгресс). Я точно знаю, сколько времени мне потребуется, чтобы дойти туда; и мне, как Президенту, не пристало отсутствовать в час заседания”.

Мистер С. Вашингтон отличался такой же пунктуальностью, как и ее прославленный муж. Однажды, во время отсутствия генерала, он написал ей, чтобы мистер Джеймс Пил написал ее портрет в миниатюре и отправил ему. Миссис Вашингтон написала записку искусствоведам, в которой говорилось, что ее присутствие дома необходимо, когда генерал в отъезде, и ей будет неудобно присутствовать в его мастерской живописи. Поэтому она попросила его приехать к ней домой на сеансы и предложила устроиться в любое время, когда ему будет удобно находиться вне своей студии. В своем ответе мистер Пил назначил семь часов утра. Когда он вышел из дома, чтобы присутствовать на первом сеансе, ему пришло в голову, что леди, возможно, не совсем готова к встрече с ним в столь ранний час. Соответственно, он шел дальше медленнее, чем обычно. Миссис Вашингтон встретила его замечанием: “Мистер Пил, я была на кухне, чтобы отдать распоряжения на день; прочитала газету и послушала, как моя племянница играет на арфе, и все же прождала вас двадцать минут”.

Джентльмен, конечно, почувствовал себя крайне оскорбленным и заметил, что, если бы у него была встреча с генералом Вашингтоном, он почувствовал бы важность быть пунктуальным с точностью до минуты; но он счел необходимым уделить леди немного больше времени.

“Сэр, - ответила миссис Вашингтон, - я пунктуальна, как генерал”. Можно предположить, что мистер Пил позаботился о том, чтобы быть в доме на следующий день в назначенное время.

Данлэп в своем наброске художника описывает своего сына и двух дочерей как перенявших профессию своего отца. Так поступили *три* дочери из пяти, проявивших талант к искусству, а именно Анна, Сара и Маргаретта. Сын, Джеймс Пил, с ранней юности проявлял замечательный талант к пейзажной живописи. Его зарисовки с натуры вызывали восхищение. В течение многих лет, хотя он и не был профессиональным художником, он выставлял изысканные картины на каждом открытии ежегодной выставки Академии изящных искусств в Филадельфии.

Анна родилась в Филадельфии и с детства проявляла незаурядный талант к искусству. Когда ей было около четырнадцати лет, она скопировала масляными красками две картины Верне; и они, отправленные на публичный аукцион, принесли ей тридцать долларов, что тогда считалось хорошей ценой за первые попытки. Воодушевленная такой наградой за свой труд, она решила упорствовать и со временем обрела независимость. У ее отца была большая семья, которую он должен был содержать благодаря своей профессии портретиста и миниатюриста, и его дочь с удовольствием искала подопечного при мысли о том, что будет помогать ему, а не обузой. Однако только через два года после этого она смогла всерьез заняться искусством. Только одну попытку она предприняла масляными красками; маленький кусочек фрукта от *nature*. Ее отец считал миниатюрную роспись по слоновой кости наиболее подходящим занятием для леди и убеждал ее испытать свои силы в этой области. Она многому научилась, часами стоя за его стулом и наблюдая за его успехами. Он приложил немало усилий, обучая ее, указывая на

особые штрихи, которые производили наилучший эффект, придавая очарование выражению лица.

Мисс Пил не только усердно изучала изысканные миниатюры своего отца, но и скопировала несколько работ выдающихся художников в этой области. Одна из них, с картины знаменитого Дюшенна "Портрет Наполеона", была продана одному джентльмену в Филадельфии за сто пятьдесят долларов. Ее стремление достичь совершенства, теперь изрядно разгоревшееся, побудило его заняться трудолюбием и предприимчивостью. Она написала миниатюру Вашингтона с портрета, который купил ее отцу один из его друзей и однополчан Революции, полковник Аллен Макклейн. Первыми миниатюрными портретами с натуры, которые она сняла, были портреты доктора Спенсера Х. Коуна и его достопочтенной матери. Они, вместе с одним или двумя другими, были представлены на ежегодной выставке Академии изящных искусств. Она и ее сестра, мисс Сара М. Пил, были избраны почетными членами этой организации. Эта сестра сделала своей профессией портретную живопись маслом.

Начавшаяся таким образом артистическая карьера протекала наиболее успешно. Хотя мисс Анна Пил ничем не была обязана публичному признанию своих талантов, она вскоре нашла себе занятие в рисовании миниатюрных изображений. Однако ее здоровье пострадало из-за непрестанных трудов, и она была вынуждена повысить цену за свою работу, чтобы сократить количество обращений. Ее так часто просили нарисовать детей, и она находила их такими неприятными объектами, что брала за них двойную цену.

Считается, что с момента начала работы над картиной мисс Пил до выхода ее сестры на арену в качестве художника-портретиста в течение нескольких лет она была единственной профессиональной женщиной-художницей в Филадельфии. Сестры, после того, как приступили к своим трудам, проводили время попеременно в Филадельфии и Балтиморе; в последнем городе они получали безграничное внимание и поддержку от семей высочайшей респектабельности. Их не только хорошо приняли как артистов, но и приняли как друзей и гостеприимно развлекли. Они были очень обласканы семьей достопочтенного Чарльза Кэрролла из Кэрролтона. Мисс Сара написала маслом портрет его дочери, миссис Кейтен.

После этого сестра отправилась в Вашингтон, чтобы написать портрет генерала Лафайета, который позировал для него по их просьбе. Зимой 1819 года Анна провела в Федерал-сити со своим дядей Чарльзом М. Пилом, который отправился туда с целью написать портреты людей выдающихся членов Конгресса. Они работали в одной студии. Генерал Джексон был одним из их натурщиков. Мисс Пил сохранила его портрет, и он до сих пор находится у нее. Президента Монро также сфотографировали, и президент и его любезная жена часто веселоразвлекали художников в "Белом доме". Во время своего пребывания в Вашингтоне мисс Пил была занята заказами; она нарисовала нескольких членов Конгресса, среди которых были Генри Клей и К.олонел Р. М. Джонсон.

В следующем году мисс Пил снова посетила Вашингтон. Она нарисовала миниатюрное изображение этого замечательного персонажа, Джона Рэндольфа из Роанока. Сейчас оно находится у нее. Ее работа была настолько постоянной, что в течение лета ей приходилось путешествовать, чтобы поправить здоровье и дать отдых глазам. Несколько раз на них нападало воспаление, и одно время у нее были причины опасаться полной потери зрения. Некоторое

время спустя после этого периода она посетила Бостон, где написала несколько портретов. Дэниел Уэбстер дважды позировал для миниатюры, которую она так и не закончила до конца.

В 1829 году мисс Пил обратилась к преподобному доктору Уильяму Стоутону, баптистскому священнику, обладавшему большой образованностью и выдающимися качествами. Примерно в то же время его избрали президентом Теологического колледжа в Джорджтауне, штат Кентукки. Они поженились 27 августа 1829 года и уехали из Филадельфии к месту будущих трудов мужа. Пока они были в Вашингтоне, доктор Стоутон заболел. Он умер в начале декабря, чуть более чем через три месяца после свадьбы. Вдова вернулась в Филадельфию следующей весной. Она возобновила свою профессию и рисовала с таким же большим успехом, как и прежде.

Можно сказать, что ее второй брак с генералом Уильямом Дюканом, джентльменом, пользующимся большим уважением в общественной жизни, положил конец ее карьере художницы, хотя ее любовь к искусству никогда не пропадет. В своем счастливом доме, окруженная образованными родственниками и любимая большим кругом друзей, она с гордостью вспоминает те дни, когда она трудилась, чтобы добиться расположения Музы живописи, и до сих пор признает правдивое замечание немецкого поэта:..."

“Тот, кто не может постичь Прекрасное, не имеет сердца к Добру”.

Единственным человеком, которому миссис Дункан когда-либо давала уроки миниатюрной живописи, была ее племянница Мэри Джейн Саймс, ныне жена доктора Джона Йейтса из Балтимора. Эта дама - художница, пользующаяся немалой известностью.

Мисс Сара М. Пил преуспела не только в написании портретов маслом, но и в создании натюрмортов. Последние десять лет она прожила в Сент-Луисе, куда ее побудили отправиться многочисленные друзья. Она нашла там такую поддержку и успех, с таким теплым отношением со стороны своих друзей, что до сих пор не нашла времени оставить свои увлекательные занятия ради поездки в родной город. Ее разнообразные таланты и дружелюбный характер по достоинству оценены, и она собрала вокруг себя большой и уважаемый круг. В дополнение к другим своим достижениям, она обладает прекрасным музыкальным талантом.

О миссис Рембрандт Пил говорят как о художнице, работающей масляными красками.

Мисс Розальба Пил - художница-любительница, и, как говорят, она была первой леди-членом любой Академии искусств в Америке.

ЭНН ЛЕСЛИ.

Выдающийся художник поместил имя Лесли в числосамых выдающихся людей этого столетия, и его сестра внесла свой вклад в его известность. Она родилась в Филадельфии; ее родители, Роберт Лесли и Лидия Бейкер, уехали в Лондон в 1793 году, когда она была младенцем, и вернулись в 1799 году. В детстве она проявила склонность к рисованию, но не занималась этим на постоянной основе до 1822 года, когда она снова была в Лондоне, в гостях у своего брата. Она скопировала несколько его картин и две или три работы сэра Джошуа Рейнольдса, помимо того, что написала портреты своих друзей. В 1825 году она вернулась в Филадельфию вместе со своей сестрой, миссис Генри Кэри, и шурином, но четыре года спустя нанесла еще один визит в Лондон. Несколько копий, сделанных ею с фотографий, были выгравированы для журнала

Atlantic Souvenir. Одна из картин “Санчо и герцогиня” была признана равной оригиналу по исполнению. Она была великолепна в имитации раскрашивания, но она привыкла делать контуры механически.

Ее жизнь прошла в веселой и довольной деятельности. Несколько лет она прожила в Нью-Йорке, где занималась в основном копированием картин. Она умерла летом 1857 года.

Мисс Сара Коул, сестра знаменитого художника, обладала большим талантом и не только копировала картины, но и создавала оригинальные композиции. Она родилась в Англии, но большую часть своей жизни провела в Соединенных Штатах. Она умерла в 1858 году.

МИССИС УИЛСОН.

Миссис Ли упоминает миссис Уилсон из Цинциннати как проявившую большой оригинальный талант в скульптуре. Следующий отчет взят из письма моего друга:

“Она жена врача из Цинциннати и родилась, я полагаю, в Куперстауне или недалеко от него, штат Нью-Йорк. Ее первые впечатления о людях и вещах выражаются в ее разговоре. Она совершенное дитя природы, импульсивная, но удивительно проницательная и обладающая такой свежестью, что к ней тянутся все умственные люди. Ее младенчество и юность были в значительной степени омрачены семейными страданиями, возникшими, поначалу, из-за потери большого состояния ее отцом, который в результате переехал на Запад. Он умер, когда она была совсем юной. Она вышла замуж за доктора Уилсона, замечательного человека из семьи квакеров. Все обстоятельства были таковы, что ее художественные способности не были раскрыты рано. Посетив мастерскую скульптора, десир впервые проснулась; умный друг подбодрил ее и посочувствовал, а миссис Уилсон закупила материалы. Ее чувства были настолько сильны, что их невозможно было подавить. Ее муж был первым объектом ее внимания. Она работала с такой энергией, что иногда теряла сознание, и в один из таких случаев он сказал: ‘Если ты не будешь вести себя умереннее, я выброшу эту штуку в окно’. Но она была закончена, доказав совершенное сходство, и она высекла ее в камне. Он находится в ее гостиной в Цинциннати, очень красивый бюст, поразительное сходство, и кажется чудом, учитывая, что это была ее первая попытка.

“Еще одна замечательная работа - фигура ее сына. Однажды утром он бросился на пол в позе, одновременно поразительной и живописной. Чтобы справиться с этим, требовался идеально верный глазомер или знание анатомии. Она отважно попыталась это сделать; поза была повторена, и ее успех был триумфальным. Это всего лишь слепок, и слепок не отдает должного завершению ее работы, но она не смогла раздобыть кусок мрамора для копии. Эффект замечателен своим духом и точностью анатомии. Она приступила к другим сюжетам, но некоторые из них не закончены, а с другими произошли несчастные случаи.

“У нее семья, полная детей, и она преданная мать. Мы думаем, что у *Стоун* будет мало шансов с теми существами из плоти и крови, чьи умы и сердца она тщательно моделирует. Возможно, семейные заботы и есть истинный секрет, почему женщины-скульпторы так редки; но мы поздравляем эту леди с тем, что у нее истинное восприятие прекрасного, и совершенно уверены, что это смягчит страдания хрупкого здоровья и разбросает ароматные цветы и целебные травы на порой неровных путях исполнения долга”.

Джентльмен, знакомый с миссис Уилсон, упомянул случай, произошедший во время путешествия в Мамонтову пещеру в Кентукки. Пораженная видом выдающегося человека в труппе — мистера Эмерсона, — скульпторша велела остановиться возле банки с мягким красным молокомэи, и, протянув одну руку, чтобы взять достаточную порцию материала, другой она сделала знак своему объекту оставаться неподвижным. За несколько мгновений она смоделировала очень правдоподобное сходство с автором.

МИССИС ДЮБУА.

Миссис Корнелиус Дюбуа, сейчас проживающая в Нью-Йорке и посвятившая себя благотворительному учреждению "Ясли и детская больница", проявила большой талант к скульптуре и вырезанию камеи. Миссис Ли описывает ее как случайно обнаружившую, примерно в 1842 году, пристрастие к моделированию, в старой манере: "Бюст ее отца был сфотографирован. Перед кастингом он спросил свою дочь, что она думает о подобии. Она указала на некоторые дефекты, которые художник исправил в ее присутствии, после чего воскликнула: "Я могла бы это сделать!" - и попросила скульптора дать ей немного глины, из которой она без особого труда вылепила бюст своего мужа и чрезвычайно преуспела в изображении. Затем она решила брать уроки, но болезнь помешала ее планам, и она отказалась от задуманного издания и работала над ним самостоятельно, просто получив указание скульптора поддерживать глину влажной до завершения работы.

"Когда ее здоровье достаточно восстановилось, она продолжила лепить и, среди других работ, создала изображения двух своих маленьких детей, группу Купидона и Психеи, копию; и новичка, оригинальное произведение. Она также вырезала голову Мадонны из мрамора; кропотливая и увлекательная работа, которая повредила ее здоровью до такой степени, что врач запретил ей заниматься искусством.

Затем она отправилась в Италию, где хотела, чтобы первый художник по камням давал ей уроки. Когда он увидел кое-что из того, что она вырезала, он сказал ей, что ничему не может ее научить; ей нужно только изучать антиквариат.

"Ее работы в камнях - "Св. Агнес Нес и ее ягненок", "Алкивиад", "Ангел Гвидо", "Надежда Рафаэля" и "Аполлон". Она сняла более тридцати эпизодических ролей, потребовав всего часового сеанса, после чего они были закончены.

"Несмотря на заботу о большой семье, надзор за образованием ее дочерей и печальный недостаток в виде плохого здоровья, энергия никогда не подводила ее. Она всегда протягивала руку помощи и ободряющую улыбку молодым художникам, один из которых работал в студии Брауна; другой - скульптор "Матери, потерпевшей кораблекрушение", который упоминает о ее доброте в своей короткой автобиографии.

Но, поднимаясь по лестнице славы, ее продвижение было остановлено плохим здоровьем, и теперь она живет только для того, чтобы почувствовать, как, по ее словам, мало она сделала по сравнению с тем, что могла бы сделать, если бы посвятила себя искусству. Стремясь передать другим этот великий дар и стимулировать своих соотечественниц к развитию любого скрытого таланта, которым они могут обладать, она сформировала группу молодых леди и совершенно бескорыстно посвятила их обучению определенную часть своего времени в течение нескольких месяцев.

В то время как все, кто ее знает, восхищаются художницей за ее таланты, неиссякаемую энергию и филантропические усилия, они видят в ней хорошую жену, мать и друга, а также элегантную и компанейскую женщину, возглавляющую круг общения. Ее сердце остается верным нежным влияниям природы, в то время как ее гений всегда отзывчив на бессмертное искусство”.

ЭНН ХОЛЛ.

Энн Холл родилась в Помфрете, штат Коннектикут. Она была третьей дочерью доктора Джонатана Холла, выдающегося врача. Ее талант к искусству проявился рано, и ее отец, любивший живопись, старался воспитать в ней надежду детства. Посетитель подарил ей коробку с красками и карандашами, и она начала пользоваться ими; и ее отец, довольный ее успехами, достал для нее коробку с красками из Китая. У нее был брат, который восхищался картинами и ценил их, и чья похвала поощряла ее продолжать свои детские попытки. Он снабжал ее необходимыми для рисования материалами, которые она в девичество использовала. Каждый намек, который она получала от художников, принимался во внимание, и она с энтузиазмом отдавалась любимому занятию. Ей нравилось подражать природе; и фрукты, птицы, цветы и даже рыбы и насекомые были объектами для ее карандаша; но особое удовольствие она получала от создания портретов своих друзей. Живя в уединенной части страны, она долгое время не имела доступа к ценным картинам; но, будучи отправленной в гости к родственнику в Ньюпорт, Род-Айленд, она получила некоторые инструкции по рисованию на слоновой кости от мистера Сэмюэля Кинга, который был первым учителем Олстона, а также Малбоуна. Однако мисс Холл получила меньше знаний от уроков своего учителя, чем от копирования некоторых картин старых мастеров, которые ее брат позже отправил домой из Кадиса и других мест Испании. Они были точно скопированы на слоновой кости в миниатюре. “Мать и спящий ребенок”, все еще находящаяся у нее, показывает ее прогресс в это время. “Мать в слезах”, скопированная с гравюры на слоновой кости, вызвала всеобщее восхищение как свидетельство точности копирования и мастерства раскрашивания. Изучая картины, приобретенные ее братом, она научилась ценить их превосходство, в то время как, сравнивая их с натурой, она смогла избежать формальности простого переписчика. Теперь она начала придавать форму и колорит представлениям своего воображения и попыталась создать оригинальную композицию.

Мисс Холл брала несколько уроков живописи маслом у Александра Робертсона в Нью-Йорке, но в основном посвятила себя живописи акварелью по слоновой кости. Ее заслуги были признаны самыми выдающимися художниками Нью-Йорка и различных частей Соединенных Штатов как высочайшего порядка. Среди ее миниатюрных копий картин маслом старых мастеров особенно выделялись две работы Гуидо, выполненные с удивительной энергией и богатым сиянием красок. Ее группы детей из “лайфа” были выполнены с виртуозным мастерством и со вкусом и изысканностью, которые могла продемонстрировать только женская рука. Ее портреты в миниатюрной технике были признаны обладающими изысканной утонченностью и красотой. Мягкие цвета, кажется, нанесены на слоновую кость, а не кистью. Миниатюрная группа часто продавалась за пятьсот долларов.

Данлэп упоминает одну из своих композиций как “отмеченную прекрасной простотой некоторых детских портретов Рейнольдса или Лоуренса, демонстрирующую виртуозный подход и сияющую восхитительным колоритом”.

Мисс Холл была единогласно избрана членом Национальной академии дизайна в Нью-Йорке. Ее портрет изящной гречанкис природы был выгравирован, и редкая красота картины получила всеобщее признание. Ниспадающие шелковистые волны волос создают непревзойденный эффект. Группа из двух девочек и мальчика восхитительна по композиции, цвету и выразительности. “Забота мисс о красоте младенцев” действительно непревзойденна; ее цветы и дети, по словам Данлэпа, “сочетаются в элегантно букете”.

Одна из лучших ее оригинальных композиций — группа матери и ребенка - миссис Джей и ее младенец. Первое, ЦРУвесна младенца к своей груди, имеет Мадонна, как красоти; ребенок совершенное в отношение и их свободное выражение. Другая группа, состоящая из матери и двух маленьких детей, вдовы и сирот покойного Маттиаса Бруена, обладает самым очаровательным выражением лица. Один из детей был изображен в виде херувима на отдельной картине, которая высоко ценилась художниками как редкий образец мастерства. Мисс Холл также написала портреты в миниатюре многих людей, известных в лучших социальных кругах Нью-Йорка. Несколько ее групп были скопированы эмалью во Франции и, таким образом, стали неразрушимыми. Трое детей миссис Уорд с собакой и птицей; ребенок, держащий виноградную ветку; портреты миссис Кроуфорд, вдовы скульптора, миссис Диви Бетюн и дочерей губернатора Кинга, можно упомянуть среди многочисленных работ, одна из которых обладает достаточными достоинствами, чтобы подтвердить притязания автора на репутацию, которой она долгое время пользовалась, как лучший из американских миниатюристов.

МЭРИ СУИНТОН ЛЕГАРЕ (МИССИС BULLEN).

Семья Легаре (когда-то писавшаяся как L'Egarée) происходит из старинного рода французских гугенотов, в жилах которых текла лучшая кровь Каролины. Мадам Легаре, почтенная прародительница нашего субъекта, будучи убежденной гугеноткой, сразу после отмены Нантского эдикта отправила в Америку своего единственного ребенка Соломона, которому тогда было семнадцать лет; расставшись с ним, как она верила, навсегда в этой жизни, чтобы он мог быть спасен от опасности и не поддаваться искушению отказаться от своей веры. Этот мальчик, которого потомки называли “Гугенотом”, отправился сначала в Канаду, а в 1685 году - в Чарльстон, Южная Каролина. Он стал родоначальником многочисленного потомства, из которых во время революции тринадцать носивших это имя были солдатами-патриотами, активно сражавшимися за свободу Америки.

После смерти мужа мадам Легаре покинула родину Францию и переехала в Америку. Здесь она застала своего сына женатым и отцом девяти детей. Она отказалась от него ради религии; Бог вернул его в ее объятия, способного служить ей на склоне лет. Ее внук, прадед Хью и Мэри Легаре, умер в 1774 году в возрасте семидесяти девяти лет. Однако, когда колонии заключили договор по взаимной обороне, он решительно отказался включить их в Список для “престарелых и невоенные,” говоря, что он был в состоянии “плечо мушкет с любой человек,” кроме того, управление зарядным устройством равно любой боец; он “не был бы оскорблен быть отложены в сторону.” Таким образом, у нашей героини, помимо других родственников, были прадедушка и два дедушки в патриотической армии Революции, где юноши шестнадцатилет и восемнадцати часто сражались бок о бок со своими дедушками.

Отец мисс Легаре женился на леди, чей дед, Александр Суинтон из шотландской семьи, был прислан из Англии около 1728 года в качестве генерального инспектора провинции Южная

Каролина. Он потерял большое поместье из-за подлости душеприказчиков и опекунов; но после его смерти Хью Суинтон, его сын, был увезен своим дядей в Шотландию и получил образование, подобающее молодому джентльмену с происхождением и состоянием, будучи женатым на потомке того Джона Хейна, который бежал от преследований пуритан Карлом II и его епископами и обосновался в Каролине. Таким образом, с обеих сторон леди, занявшая достойное место в наших скромных анналах, унаследовала от своих предков наследие чести и религиозной веры.

Имя Хью Суинтона Легаре дорого всем жителям Южной Каролины, тем более что его гений и литературные достижения снискали известность по обе стороны Атлантики. Таланты его сестры не уступают его талантам, хотя она не заняла места ни в национальном обществе, ни при иностранных дворах, но в спокойной и не богатой событиями жизни произвела впечатление на социальный и интеллектуальный прогресс того времени. Младший из трех детей, кто пережил отца, она родилась в Чарльстоне, штат Южная Каролина, где ей Childhood и юность прошли. Госпожа Легаре, овдовевшая, не дожив до двадцати восьми лет, полностью посвятила свое время и средства воспитанию своих малышей. Она была женщиной с экстраординарными умственными способностями, и ее ум был усердно развит. Ее представления об образовании были широкими и всеобъемлющими, и ее усилия были направлены на воспитание своих детей таким образом, чтобы сделать их жизнь образцовой, полезной и счастливой, а также развить их интеллект. О том, насколько хорошо она преуспела, свидетельствует достойная карьера всех ее детей. Благородный характер и жизнь ее старшей дочери, Миссис Брайан, и блистательной славы, достигнутые сыном, добавят доказательств того, что она была одной из тех матерей, у которых потомство поднимется в КАЛл своего благоверного. Госпожа Легаре умерла 1 января 1843 года на семьдесят втором году жизни.

Не было ничего странного в том, что дети росли в глубокой и интенсивной любви к такой замечательной матери. Мэри, младенцем оставшаяся без отца, очень рано проявила любовь к учебе и особое пристрастие к языкам и изящным искусствам. Еще до того, как она научилась выражать эмоции восхищения или ликования, она проявила замечательную чувствительность как к мелодии, так и к цвету. Когда ей было меньше трех лет, различные музыкальные звуки трогали ее до слез или приводили в радостное веселье. Красивые картинки обладали для ее юного воображения непреодолимым очарованием в том возрасте, когда вряд ли можно было предположить, что она способна распознавать изображенные на них объекты. Ее мать часто замечала за своей маленькой Мэри, что, когда она проявляла признаки нетерпения или усталости или капризничала из-за отсутствия развлечений, все, что было необходимо, чтобы унять ее недовольство или очаровать, чтобы она стала счастливой, - это снабдить ее бумагой и карандашом. Девочка часами забавлялась своими рисунками. Ее несомненные таланты в музыке и живописи — в частности, в колористике — вскоре были замечены этой нежной матерью, которая решила оказать своей дочери всяческую помощь в развитии навыков, столь близких ее собственным, поскольку сама миссис Легаре была незаурядно развита в обоих этих женских занятиях.

Мисс Легаре решила овладеть языками еще до того, как научилась читать и писать по-английски с каким-либо большим мастерством. В этих и других областях науки у нее были лучшие преподаватели, которых только можно было найти. Ее мать была ее первым преподавателем музыки. Но иначе обстояло дело в искусстве, которому она твердо решила посвятить себя; эффективно учителя рисования найти не удалось. Хотя вознаграждение за

уроки было щедрым — выплачивалось тридцать долларов за семестр, — было почти невозможно найти кого-либо, способного провести надлежащее обучение. Поэтому молодая девушка была вынуждена заниматься без посторонней помощи искусством, которое она полюбила с возросшим энтузиазмом, и ее прогресс еще больше замедлялся из-за нехватки моделей или сцен на природе, которые могли бы ей понравиться. Низменность Южной Каролины — единственные пейзажи, которые она когда-либо видела, — изобилует плоскими и болотистыми районами. Для непривычного глаза есть много красоты в обесцвеченной сосновой глуши с ее величественными, торжественными рощами, сквозь которые ветер проносится с шумом океана; но она недоступна художнику. Так же, как и болото с его неизмеримой протяженностью леса и непроходимым подлеском, сквозь который время от времени можно увидеть темную мутную воду, пробивающуюся сквозь заросли спутанных сорняков, слизистое обиталище рептилий или убежище водоплавающих птиц. Здесь есть зеленые болота, заросшие растительностью, в которые никогда не проникают солнечные лучи; или над трясиной, покрытой гнилью, возвышаются гигантские деревья, увитые густыми лианами и окутывающие спутанный кустарник под собой черной тенью. Деревья часто покрыты серым свисающим мхом, который является украшением лесов в низинах. Смесь мрака и красоты, роскоши и ужаса — поразительная новинка для приезжего с Севера. Неровные заросли тоже чередуются с островками прелестной зелени; водяные лилии украшают темное озеро своими широкими листьями и белыми цветами; а изящные виноградные лозы украшают вечнозеленые растения, смешивая яркие цветы с их листьями темной зелени.

Такие сцены мало привлекали переписчицу, однако, несмотря на свои трудности и разочарования в живописи, мисс Легаре продолжала стремиться к идеалу совершенства в своем неискушенном воображении. Ее брат Хью обычно замечал, что “ее страсть заключалась именно в этом”, в искусстве художницы. Ше не находила особого сочувствия в этом избранном занятии, пока некоторое время назад, в 1827 году, она не познакомилась с джентльменом, обладавшим похожим вкусом, в высокой степени развитым превосходным знанием искусства. Это был полковник Джон С. Когделл, который в то время пользовался значительной известностью как художник-любитель. Мисс Легаре подвергла свои усилия его тщательной критике и получила от него необходимые инструкции. Она приписала свой последующий успех его помощи. Он раздобыл для ее изучения самыеновые фотографии, которые только можно было получить. Среди художников, с работами которых она теперь познакомилась, Даути стал, по ее мнению, идеалом совершенства в искусстве. Даже в детстве она привыкла с отвращением отворачиваться со словами “Это некрасиво, мам” из-за ярких или преувеличенных цветов на картинке. Приглушенный цвет лица Даути и мягкий, мечтательный стиль разожгли ее воображение и вызвали горячее подражание. “Могла бы я написать хотя бы одну картину, как у Даути!” — часто восклицала она; и можно сказать, что самым ранним приобщением к школе природы и постижению ее соблазнительной красоты она стала, увидев работы этого выдающегося американского пейзажиста, которому его страна позволила прозябать в горькой нужде из-за отсутствия должной оценки его гения. Первая попытка мисс Легаре скопировать одну из его картин увенчалась успехом, превзошедшим самые оптимистичные ожидания ее самой и ее друзей. Полковник Когделл еще больше подбодрил ее, сказав: “У вас есть нюх на цвет, который может гарантировать вам успех в копировании природы”.

По правде говоря, молодая художница недолго оставалась довольна тем, что тратила всю свою энергию только на копирование чужих работ. Хотя она никогда не бывала ни в каком другом регионе, кроме малолесистой местности своего родного штата, она пыталась создавать сцены, объединяя различные объекты в единую композицию. Пейзажи и деревенские сценки во всем их разнообразии приводили ее в восторг; и все же, никогда не видел ни гор, ни местности в каких-либо аспектах, отличающихся от однообразных видов по соседству, как она могла создать оригинальную картину? Как воздать должное тем силам, о которых она сознавала? Даме путешествовать было не так-то просто. Особенно на Юге, ей будут мешать во многих отношениях; и “Mrs. Гранди” приговорил бы к смертной казни через пытки любую молодую девушку, которая могла бы совершить такую отвратительную вещь, как отправиться в путешествие для наблюдения в одиночку! Мисс Легаре, таким образом, погрузилась в созерцание бескрайнего океана и почти столь же безграничного болотного леса. Темные сцены и глубокие тени на фоне теплого светящегося неба стали характерными чертами ее картин, а ее самые разнообразные деревья, чистая, глубокая вода и небо были признаны критиками превосходящими работы художников, которыми она больше всего восхищалась. В какой-то мере она переняла стиль Рейсдаля, смешав более нежные оттенки с теплотой Кайпа.

Летом 1833 года ее заветное желание было удовлетворено. Она отправилась в сопровождении своей матери провести теплое время года среди великолепных горных пейзажей Голубого хребта в Северной Каролине. Считалось, что этот регион превосходит по великолепию любой горный район Атлантических Штатов. Мисс Легаре была в гораздо большем восторге от этих гор, чем от пейзажей озера Джордж и Гудзона, которые она посетила годом ранее, обнаружив, что они, как и хребет Аллегани, не оправдали ее ожиданий. Но когда на подъезде к Эшвиллу ее взгляд остановился на неисчерпаемом разнообразии форм и оттенков, слившихся в мягкую гармонию, на далеком хребте Блюэ, красота и возвышенность этого пейзажа наполнили ее эмоциями, для выражения которых у нее не было языка. В открывшемся виде было ужасающее величие и трогательная прелесть. Фасга и окружающие ее пики, вздымающиеся ввысь — вершина, покрытая паром, который переливался великолепными цветами, как ало—золотая драпировка, — огромная масса, на которой играли сочные пурпурные и фиолетовые оттенки, свойственные высоким горам, — нежная лазурь, смешивающаяся с волшебными огнями золотисто-фиолетового цвета, - все это смягчалось в гармонии атмосферой, настолько прозрачной, что, казалось, движение птицы можно различить на расстоянии сорока или пятидесяти миль! Мисс Легаре впервые осознала то, что мало кто в Италии может осознать, - естественность фигур Клода и пейзажей; изысканное искусство его непревзойденного колорита, который придает его изображениям альпийских пейзажей такой удивительный эффект.

То, что мисс Легаре в течение трех месяцев наслаждалась красотами природы этого любимого региона, вызвало у нее непреодолимое отвращение к работе по копированию произведений любого художника-человека. Она всегда рисовала маслом и, не захватив с собой никаких материалов, не могла перенести на свои эскизы цвета, которыми так восхищалась, находясь на месте. Но память преданно хранила эти восхитительные картины, и по возвращении в Чарльстон она, не теряя времени, перенесла их на холст. “Вид на Суванни”, ныне находящийся во владении вдовы полковника Когделла, был объявлен им шедевром. Другой вид на французскую широкую реку, иллюстрирующий отличительные особенности пейзажей этой реки, был приобретен в 1834 году владельцами Союза художников в Нью-Йорке. Первая сцена, которая так поразила мисс Легаре, была написана в слишком крупном масштабе. Этим, однако,

многие восхищались; и тот же сюжет, изображенный меньшим шрифтом, считается более изящной картиной.

В пейзажах мисс Легаре она придает своему колориту и сочетаниям столько идеализации, сколько позволяет истина природы. Художница, которая была в восторге как от ее музыки, так и от ее живописи, сказала о последней своему брату Хью: “Это естественно, но красивее, чем природа; это поэтично”. Другая, когда Хью заметил, что она должна поехать в Италию, ответила: “Нет, твоя сестра изучает нашу собственную дикую природу — богатую, римскую, сияющую под тропическим солнцем, пышную, когда ее коснется иней; если она поедет в Италию или изучит старых пейзажистов, она, возможно, создаст более изящную отделку, но она будет искусственной”. Эти художественные критические замечания ободряли ее; и когда она повторяла мистеру Когделлу, что было сказано в похвалу ее работам, он торжествующе восклицал: “Я вам так и говорил, но вы мне не поверили!”

Ее насыщенный передний план, прозрачная вода и далекие горы, а также небо и листва были высоко оценены СуЛили и другими выдающимися художниками. Мистеру Когделлу она была обязана своим знакомством с наукой о перспективе, поскольку в своих первых попытках она привыкла руководствоваться только зрением. Знание анатомии оказалось полезным, поскольку она всегда добавляла фигуры на свои накладки lands, нарисованные с точностью и одухотворенностью. Кроме того, она преуспевает в описании животных, диких и домашних, особенно собак, коров и овец. Испанский пойнтер, нарисованный почти в натуральную величину, был настолько совершенен в анатомии, что доктор Сьюэлл из Вашингтона проноунавал его исследованием для студента своего отделения. “Гончие Сенбернара” - замечательная картина. Жалостливое, умоляющее выражение лица того, кто изображен воющим, зовущим на помощь, поразило даже каждого ребенка, который это видел. Маленькая девочка воскликнула: “Какой хитрый этот пес! он боится, что люди не придут”.

Помимо животных, мисс Легаре писала портреты; но это направление никогда не вызывало у нее энтузиазма — это были пейзажи.

После назначения ее брата членом кабинета президента Тайлера в 1841 году мисс Легаре сопровождала его в Вашингтон. Ее спокойная радостная жизнь вскоре была нарушена горем. В течение года она потеряла мать, сестру и брата. Она давно вынашивала цель посетить Западную страну, и в 1849 году в январе года отправилась в Айову. Найдя страну очень плодородной и хорошо подходящей для ведения сельского хозяйства, она послала за несколькими детьми своей покойной сестры. Они переехали со своими семьями в новый дом и образовали колонию из двадцати одного человека. Пейзажи Айове, хотя и часто красивые, скучноваты по сравнению с гористой местностью Атлантических штатов. Здесь представлены зеленые поля, пышные леса, окаймленные цветами ручьи и рощи, покрытые ковром из дикой травы, образующие очаровательное разнообразие ландшафтов; но есть несколько сцен, которые поражают своим великолепием. Мисс Легаре обнаружила, что новые заботы, окружавшие ее, и образ жизни, столь отличный от тех, к которым она привыкла, настолько обременяют ее занятиями, что ее любимое искусство было на время заброшено. Экономка Запада обычно находит мало времени для удовольствий воображения, но она была не из тех, кто забывает о наилучших интересах других, особенно своего пола. Она основала учреждение под названием “Legaré College” для гуманитарного образования женщин в Вест-Пойнте, в округе Ли, штат Айова. Ее таланты и вкус, ее разнообразная и незаурядная образованность и

энергия, а также ее средства были направлены на поддержку этого учреждения; но его цель слишком опережала возраст в Айове, или, скорее, его работе препятствовал тот утилитарный дух, который поставил свою тяжелую, неуклюжую ногу на все высокие устремления в этой стране и помешал продвижению женщины к совершенствованию, которое могло бы расширить сферу ее полезности.

Писательница, близко знакомая с мисс Легаре — ныне миссис Буллен — так отзывается о ее достижениях:

“Мировая литература, ее наука и искусство - все это для нее как домашние вещи. Они слетают с ее красноречивого языка, как музыка сарфы менестреля. Никакая сдерживаемая Утика не ограничивает ее силы — никакая ацтекская теория о женщине не парализует ее труд, не обедняет ее разум или ее политику. Миссисипское чувство, теория и действие приводят ее в действие, и мы все можем ожидать соответствующих результатов”. Ее влияние в сообществе, где она проживает, привлекло внимание как к искусству, так и к литературе.

Миссис Буллен намерена возобновить работу с карандашом, который она годами почти полностью откладывала в сторону. Она завершила дизайн картины, которая будет называться “Дом Скваттир.”. На ней изображен фургон в тени западной группы высоких деревьев, который служит ночлегом семье эмигрантов. Мать моется у ручья; дети собирают клубнику.

ЭРМИНИЯ ДАССЕЛЬ.

Миссис Дассел была уроженкой из Кенигсберга, Пруссия. Ее отца звали Борчард; он был банкиром и одно время состоятельным человеком, что позволило ему обеспечить своим детям отличное образование. Он потерял свое имущество в 1839 году из-за финансовых проблем в Америке; ликвидация его дел сократила его имущество до небольшой фермы, лишив его семью учителей, слуг, лошадей и экипажей, а также всех удобств, которыми они пользовались. На старших детей возлагались обязанности по ведению домашнего хозяйства и, в некоторой степени, поведению хозяйства, а также по обучению младших членов семьи. В это время Эрминия посвятила себя искусству живописи как профессии, надеясь получить от этого поддержку для себя и семьи. По утрам она занималась своими домашними делами, а затем с порт-фолиантом в руке брела по пыльной или грязной дороге в город и снова возвращалась, чтобы заняться цветами и капустой, а также приготовлением сыра и масла. Вскоре она получила удовлетворение от того, что получила заказ на портрет священнослужителя в натуральную величину; его она написала в церкви, со своей моделью на алтаре, а сельские жители стояли вокруг, изумленные и удивляющиеся, что такая крошечная девочка смогла сотворить такое чудо.

Вскоре она отправилась в Дюссельдорф, привлеченная картинами Сона, которые она увидела на выставке в своем родном городе. Она училась у этого художника четыре года, полностью поддерживая себя собственными усилиями. В продажу поступили ее картины, состоящие из таких сюжетов, как “Дети в лесу”, “Крестьянские девушки на винограднике”, “Дети, идущие на пастбище с козами” и др.

Вернувшись домой, она снова занялась портретной живописью, чтобы раздобыть денег, достаточных для поездки в Италию, которая была главной целью ее стремлений. Ей посчастливилось накопить за один год тысячу долларов. Из этой суммы она выделила своему

брату сумму, достаточную для получения им докторской степени, поскольку хотела, чтобы он сопровождал ее в качестве попутчика.

Все ее родственники были категорически против поездки в Италию; такая юная, свежая и миниатюрная девушка не могла защитить себя; она неизбежно столкнулась бы с серьезными несчастьями. Но ее решение было принято; она собрала свои вещи, попрощалась с друзьями и однажды утром отправилась в путь в Вену, велев брату следовать за ней. Она никогда не испытывала недостатка в друзьях; везде люди проявляли к ней интерес; когда у нее не было денег, они обязательно были на следующий день; и еговеру никогда не поколебали никакие несчастные случаи или трудности. В Вене она начала свое обучение, разыскивая моделей на улицах и приводя их к себе в комнату. Из Вены она переехала в Италию. О ее насыщенной жизни в Италии свидетельствуют многочисленные наброски.

Вспыхнувшая революция 1848 года вынудила Эрмению покинуть Италию, и поскольку путь в Германию был небезопасен, а она боялась стать обузой для своих друзей, она решила уехать в Соединенные Штаты. Представилась возможность попутешествовать в компании семьи, в доме которой она жила после того, как правительство отозвало ее брата домой. Она свернула свои наброски, положила их в жестяную коробку и отправилась в Ливорно. Когда она собиралась оплатить проезд, представленный ею набросок был отклонен. Она сидела, оплакивая разорванную встречу, а перед ней лежали письма от друзей из Рима и Германии, умолявшие ее отказаться от этого самоубийственного плана эмиграции; они убедительно описывали опасности путешествия, трудности, с которыми она столкнется в чужой стране, без денег и без друзей. Она спустилась к ужину. Только что прибывший путешественник, заметив, что ее глаза покраснели от слез, проявил к ней интерес; она рассказала о своих проблемах, после чего незнакомец изучил чек и, найдя его хорошим, дал ей за него наличные. Этот джентльмен был итальянцем, и она продолжала переписываться с ним. На следующий день она была на борту судна, направлявшегося в эту страну.

Она прибыла в феврале 1849 года. Единственное рекомендательное письмо, которое она привезла, было мистеру Хагедорну из Филадельфии, в котором она впоследствии нашла друга и защитника. Она приземлилась в Нью-Йорке и сразу же начала рисовать. Ее первые картины, изображающие итальянскую жизнь, выставленные в Союзе художников, вызвали большое восхищение, и некоторые из них были приобретены этим учреждением. Ш.е без труда заводил друзей.

Через пять месяцев после своего приезда она вышла замуж за мистера Дассела. После замужества она вела счастливую жизнь, с заботами и горестями, связанными с заботой о семье, и с трудной профессией. Однако она одержала победу над всеми и осознала все удобства, которые сопутствуют успеху.

Миссис Дассел добилась наибольшего успеха в написании детских портретов маслом и пастелью. Ее картина “Эффи Динс” привлекла большое внимание. Ее последние работы - копии “Фей” Штайнбрюка и “Отелло” в галерее Дюссельдорфа, которые являются необычайно успешными работами такого класса. Она неуклонно прогрессировала в своем искусстве и, несомненно, заняла бы видное положение, если бы дожила до того, чтобы развивать свои способности практикой и учебой.

Мы не должны отдавать должное этой благородной женщине, не упоминая о социальных добродетелях, которые вызывали симпатию у стольких друзей. Ей не на что было положиться, кроме собственных усилий, в ее семье была серьезная болезнь, и она никогда не была настолько бедна временем или деньгами, чтобы не интересоваться другими, более несчастными, чем она сама. Известны бесчисленные примеры ее услужливой доброты. Она приложила все усилия во время ужасного кораблекрушения "Хелены Сломан" и за несколько дней добыла личными усилиями сумму в семьсот долларов; и ее помощь бедным была постоянной в течение суровой зимы 1853 года. У нее, это правда, много равных в подобных актах милосердия, но мало кто практиковал поступки такого рода в положении, столь мало рассчитанном на то, чтобы развить их.

Миссис Дассел умерла 7 декабря 1857 года и была похоронена в Гринвуде.

Джейн Стюарт была младшей дочерью Гилберта Стюарта, выдающегося художника-портретиста. Как и многие ее сестры в искусстве, она унаследовала гениальность, которую обнаружила в своей прошлой жизни; но только после смерти отца талант, который она проявила, нашел развитие в художественной практике. Она долгое время жила в Ньюпорте, штат Род-Айленд, наслаждаясь известностью, которую приобрели ее таланты.

Миссис Хилдриетх из Бостона заслуживает упоминания, особенно за ее детские портреты цветными карандашами. Мисс Мэй писала пейзажи в стиле Олстона. Миссис Орвис была упомянута как художник-флорист с замечательным мастерством. Хойт заметил, что не знает ничего лучше в раскрашивании, чем ее осенние листья и полевые цветы. В этом стиле миссис Бэджер из Нью-Йорка приобрела репутацию благодаря своей книге "Полевые цветы Америки", опубликованной в 1859 году. Все рисунки были сделаны и раскрашены с натуры ею самой.

Миссис Хоторн из Бостона написала много прекрасных произведений. "Эдимион", которым все восхищались, она подарила мистеру Эмерсону. Она также смоделировала голову Лоры Бриджмен. Миссис Хилл - весьма успешная художница-миниатюрист.

Миссис Грейторекс - заслуженная художница-пейзажистка, быстро приобретающая известность. Она глубоко любит дикие горные и озерные пейзажи, темные леса и стремительные воды; и ее постановки отмечены энергичностью тона и лихой, безудержной свободой прикосновений, специально адаптированных к такого рода сюжетам. Этой счастливой смелостью она обладает в замечательной степени, и ее работы отмечены правдивостью, а также силой. Она написала много романтических пейзажей в Шотландии и Ирландии. Ее дружелюбный характер, ее готовность к сочувствию и доброжелательность заинтересовали многих друзей в ее успехе.

Миссис Джордж Вудман, старшая дочь мистера Дюрана, написала несколько превосходных пейзажей; также миссис Рагглз. Карандашные головки мисс Гоув были широко замечены и вызывали восхищение. Пейзажи мисс Кэролайн Мэй доказали ее притязания на двойной титул художницы и писательницы. Цветы мисс Грэнбери привлекали внимание на выставках Академии. На выставке 1859 года были представлены несколько симпатичных интерьерных сцен, написанных мисс Джулианой Оукли. Необходимо опустить многие имена художников, у которых еще недостаточно опыта, чтобы сдерживать общественное признание того гения, которым они обладают.

ГЛАВА XIX. ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК.

Миссис Лили Спенсер.—Раннее проявление таланта.—Переезд в Нью-Йорк.—В Огайо.—Жизнь на свежем воздухе.—Охота на оленя.—Встреча со свиньей.—Поднятие бревна.—Наброски на стенах ее спальни.—Поощрение.—Любопытство посмотреть ее картины.—Ее учеба.—Переезд в Цинциннати.—Ревность к художнику С.—Лорд Морпет.—Замужество Лили.—Возвращение в Нью-Йорк.—Учеба.—Ее картины.—Кухонные сцены.—Успех и слава.—Ее дом и студия.—Луиза Ландер.—Наследование таланта.—Страсть к искусству.—Развитие вкуса к скульптуре.—Проживание в Риме.—Ученик Кроуфорда.—Ее постановки.—“Вирджиния Дэйр”.—Другие скульптуры.—Поздние работы.—Мэри Уэстон.—Детская любовь к красоте и искусству.—Устройства для удовлетворения потребности в средствах.—Учеба.—Отъезд из дома.—Возвращен.—Упорство среди трудностей.—Поездка в Нью-Йорк.—Видит работу художника.—Находит друзей.—Визит в Хартфорд.—Возвращение в Нью-Йорк для занятий.—Замужество.—Ее картины.—Мисс Фримен.—Разносторонне одаренная.—Мисс Дюпре.—Мисс Уизерс.—Миссис Шевс.—Миссис Ханна.

ЛИЛИ М. СПЕНСЕР.

Высокое положение миссис Спенсер среди американских художников признано всеми в этой профессии. Благодаря своему своеобразному стилю, ее управленческий талант, вероятно, не имеет себе равных в стране. Она столкнулась со многими трудностями на своем пути к успеху, и взгляд на ее историю не обойдется без ободрения тех, кто унаследовал часть ее энергии и настойчивости.

Ее родители, которых зовут Мартин, родились во Франции, но вскоре после свадьбы переехали в Англию. Они были образованными, утонченными людьми с хорошим социальным положением. Мистер Мартин преподавал французский в академиях Плимута и Эксетера, а также читал лекции у себя дома по научным дисциплинам, особенно по оптике и химии. Миссис Мартин одно время преподавала в женской семинарии в Лондоне. Всеми своими знаниями Лили была обязана разумному обучению своего отца и никогда не ходила в школу. Ее талант к рисованию начал проявляться рано. Однажды, когда ей было около пяти лет, она взяла несколько диаграмм, которые ее отец подготовил к лекции по оптике, и так правильно нарисовала глаз, что сразу стало ясно, что она увлеклась искусством.

Она была старшей из четырех детей, и ей не исполнилось и шести лет, когда ее родители переехали в Нью-Йорк, где доктор Хосак и другие убедили мистера Мартина открыть академию. Мистер Джон Ван Бюрен был одним из его учеников. Рисунки Лили очень понравились маленьким ученикам, которые выпрашивали их у нее и взамен выражали самое лестное восхищение.

Между восемью и девятью годами ее отвезли в старую Академию дизайна. Там она выбрала “Ессе Ното” как особый предмет для подражания. Ученицы смеялись над ее вкусом, а Лили, смутившись, расплакалась. Мистер Данлэп, в то время учитель, подошел и спросил, в чем дело. Узнав об этом, он упрекнул девушек и предсказал, что о молодом незнакомце вспомнят тогда, когда все они будут забыты.

Ее способность копировать все, что нравилось ее детской фантазии, возросла, хотя тогда она не понимала необходимости терпеливого изучения элементарных принципов искусства. Ее здоровье в то время было настолько слабым, что ее родители опасались, что она не доживет до зрелости. Желание позволить ей насладиться загородным воздухом и физическими упражнениями при отсутствии очень привлекательных перспектив для их предприятия в Нью-Йорке побудило их отправиться на Запад. Они купили ферму в Огайо, в нескольких милях от Мариетты, где вскоре построили живописный швейцарский коттедж с прекрасным садом и кладовой с минералами, наполненной подарками бывших учеников мистера Мартина.

Лили была в восторге от перемены к обычной жизни и от свободы, которой она наслаждалась, бродя по своему желанию по лесам и полям, поскольку ее здоровье было выше всего, и на ребенка не было наложено никаких ограничений. Она проводила время в работе в своем саду, играя наперегонки с другими детьми, охотясь за насекомыми, ракушками и минералами, часто промокала по пояс в поисках, в то время как ее рисунок был забыт. Таким образом, постоянно находясь, подобно Розе Бонер, на свежем воздухе, она быстро восстанавливала силы и здоровье. Однажды, когда ей было около тринадцати лет, она гуляла в лесу со своим отцом. Олень, выпугнутый из своего укрытия, промчался мимо них, чтобы перепрыгнуть через забор. Лили захотела завести домашнее животное и тут же побежала за ним. Когда он перепрыгнул через забор, она схватила его за задние лапы и вцепилась в них, в то время как дуг ее отца душил пленника. Несколько человек сразу же подошли и, увидев девушку с окровавленным лицом, убили оленя, несмотря на ее мольбы пощадить его.

В другой раз они убивали свиней у мистера Мартина. Могучий молодой поросенок, брызгая пеной и чавкая, спасался от убийц своих собратьев и перелез через забор во фруктовый сад. Лили подбежала, чтобы остановить его бегство, и отчаявшееся животное бросилось на нее. Она попыталась схватить палку, чтобы защититься, но ее ноги поскользнулись на яблоках, которыми была усыпана земля, и она упала прямо в объятия свиньи. Обезумевшее существо могло бы смертельно ранить ее, но ее верный пес прыгнул на него и перенес его ярость на другого врага. Лили увидела, как его зубы вонзились в плечо бедной собаки, и, решив не бросать своего избавителя, нанесла свинье сильный удар и побежала; враг, все еще удерживаемый собакой, бросился в погоню. Ее настигли у водостока, в который трое сражающихся вместе свалились. В этот момент мужчины прибежали на место с тремя или четырьмя собаками и спасли и ее, и ее спасителя, который до последнего не выпускал свинью из рук.....Первой заботой Лили было вправить бедной собаке вывихнутое плечо.

Иллюстрацией ее импульсивной натуры готовности оказать помощь там, где это было необходимо, является инцидент, произошедший несколько месяцев спустя. Шесть или семь мужчин жгли бревна в поле. Она видела, как они из дома подавали сигналы, что им нужна еще одна рука, чтобы поднять бревно. Схватив бревно, молодая девушка подбежала к тому месту, подложила его под бревно и помогла поднять к горящей куче.

Вскоре ее любовь к рисованию начала возрождаться. На четырнадцатом году жизни ей захотелось увидеть эффект от нового фасона костюма, который, по ее мнению, был бы ей очень к лицу. Черными карандашами и крупным мелом она нарисовала на стене своей спальни женскую фигуру в таком наряде. Довольная своим творением, она подумала, что даму должны сопровождать восхищенные кавалеры, и добавила к нему фигуры двух джентльменов. Группа была нарисована однажды, когда другие члены ее семьи отсутствовали, и, опасаясь, что мать

рассердится на нее за то, что она разрисовала стены, она повесила свои платья поверх рисунка, чтобы скрыть его от посторонних глаз.

На следующий день ее младшие братья играли в мяч в ее комнате и случайно обнаружили группу на стене. Полные мальчишеского озорства, они решили, что богато одетая леди станет прекрасной мишенью, и, несмотря на протесты их сестры, начали бросать в нее мячи. Лили, очень расстроенная угрозой уничтожения своей работы, пожаловалась матери; и вместо того, чтобы получить выговор за порчу стены, ей было велено продолжать рисовать, в то время как мальчикам сделали выговор, и запретили входить в ее комнату. Воодушевленная полученной похвалой, Лили усердно работала. Она нарисовала колоннаду позади своих фигур, затем добавила другие группы, изображающие людей, развлекающихся в модном развлекательном заведении. Фоном был пейзаж холмов и долин, скал и моря. Эта картина вызвала всеобщее восхищение, и она продолжала покрывать стены своей комнаты от пола до потолка творениями своего романтического воображения. Колонны и статуи, фонтаны и гроты появлялись в сценах роскоши и великолепия; и ее пейзажи были столь же очаровательны, как и формы, которыми она их оживляла. На каждой панели была отдельная картинка. Все часы своего досуга, после дойки коров и уборки кукурузы, она посвящала этому развлечению. В отношении нее было правдой то, что, по словам Халлека, в отношении его девушки из Вайоминга было сомнительно, что она работала в поле, “неся за пазухой том Шекспира”; также с Сисмонди и томами по истории из великолепной библиотеки ее отца.

Фермеры из соседнего района, а также леди и джентльмены из Мариетты пришли посмотреть на любопытные наброски, как на стенах, так и на холсте, о которых они слышали. Субботняя вторая половина дня была назначена для приема посетителей. Слава о талантах Лили начала быстро распространяться, и она была с похвалой упомянута в нескольких газетных заметках. По настоянию отца она попыталась изучать перспективу и анатомию, но ее порывистой натуре было приятнее делать наброски по собственному пылкому воображению, чем разглядывать сухие кости и пластинки различных частей человеческого тела. В раскрашивании она также больше полагалась на свое интуитивное восприятие, чем на обычный курс обучения. Отец раздобыл ей муслин для экспериментов, и, пройдя много ярдов, она в полной мере осознала свои собственные недостатки, которые решила преодолеть. Ее нежелание учиться проистекало из уверенности в себе, из независимого характера, а не из преувеличенного представления о своих собственных достижениях.

Ее родители становились все более и более бережного к ней все преимущества, которые они могли достать; и письмо от состоятельного господина из Цинциннати, описывающее возможности, которые будут предложены для изучения в этом городе, определяемых их покинуть ферму и удаляет туда.

Картины мисс Мартин были выставлены в Цинциннати и привлекли внимание знатоков. Они были большими, поскольку ее фигуры в натуральную величину лучше всего привлекали ее собственные симпатии. Теперь ее битва с миром началась всерьез. Зависть художников-соперников была пробуждена той уверенностью, что среди них появился восходящий гений. Легкомысленные критики тешили окружающих и свое собственное тщеславие, порицая ее постановки. Но она продолжала рисовать, и иногда ей удавалось избавиться от своих картин, практикуя свое искусство с неослабевающим усердием и энтузиазмом, даже будучи обескураженной отсутствием покровительства.

Однажды она была в компании лорда Морпета. Обращаясь к нему “мистер Морпет, - отец отдельно напомнил ей, что она должна говорить “мой господин”. “Конечно, нет”, - ответила молодая леди. - “Я еще никогда не видела человека, которого назвала бы ”милорд””.

Мисс Мартин вышла замуж в Цинциннати за мистера Спенсера. Окруженная заботами молодой семьи, она продолжала рисовать, но ее стиль изменился. Сначала ее картины были поэтическими и полуаллегорическими. Ей нравилось воплощать какую-нибудь наводящую на размышления идею или целую историю в группе, как в нескольких ее сценах из Шекспира. Ее “Водяная фея”, олицетворяющая спасение Весны от зимы, относится к этому классу. После того, как она стала матерью, ее вкус был больше к мелочам домашней жизни, и она находила прозаические фотографии более продаваемыми, чем ее заветные идеалы.

Прожив около семи лет в Цинциннати, миссис Спенсер вернулась со своей семьей в Нью-Йорк, остановившись на год в Колумбусе, штат Огайо, где она писала портреты и причудливые поделки. В Нью-Йорке она посетила Академию с целью самосовершенствования, рисуя по образцу антиквариата, часто ходила туда вечером, поскольку днем ее поглощали труды и заботы, и сидела среди мужчин-студентов-искусствоведов. Один из них, заметивший тихую, скромно выглядящую девушку за работой, взялся указать на лучшие модели, но вскоре обнаружил, что пытается учить своего начальника. Ее сделали членом Академии. Ее “Майская королева” и “Выбирай между” получили высокую оценку на выставке Союза художников. “Веселая прачка”, проданная этим учреждением, стала знаменитой. Она была написана экспромтом со сцены на собственной кухне художника. Ценителю так понравилась одна из ее картин, что он настоял на том, чтобы заплатить больше, чем за нее попросили хана.

“Цветочница” и “Домашнее счастье”, выставленные в Филадельфии, вызвали всеобщее восхищение и доказали, что миссис Спенсер обладает талантом высочайшего порядка. Один ценитель отметил, что последняя картина превосходила все другие работы, которые появлялись в галерее с момента ее первого открытия. Его энергия и свежесть были столь же замечательны, как и его богатый и гармоничный колорит, в то время как рисунок и композиция были признаны достойными восхищения. Она представляет собой мать и отец гнуть Овер своих спящих детей, и нескольких художников, отметила, что они знали никого, кто бы мог превзойти живописи руку матери. Руководители Союза искусств в Филадельфии были так в восторге от этой картины, что немногие из их числа частным субсидировать для его приобретения, правила не позволяя директоров расходовать средства, за исключением картин, отобранных prizeholders. Позже она была продана ассоциации на Западе. Western Art Union приобрела несколько работ миссис Спенсер, и на ней была выгравирована надпись для их ежегодной презентационной таблички.

Миссис Спенсер нашла свои кухонные сцены настолько популярными, что использовала этот комический, знакомый стиль во многих своих картинах. “Пожмем друг другу руки?” изображает девушку, делающую выпечку и протягивающую посыпанную мукой руку с юмористической улыбкой. Этой манеры художница была вынуждена придерживаться из-за быстрой продажи таких картин, в то время как сюжеты, которые больше соответствовали ее собственному вкусу, пренебрегли. И все же она ухитрилась привнести мораль в каждое из своих совместных произведений для микрофона. “Контраст” воплощает трогательную историю. Это две фотографии: на одной изображена избалованная, капризная собачонка, лающая на незваного гостя со своей бархатной подушки, окруженной шелковыми драпировками; на другой

- тощее животное, кожа да кости, пробирающееся сквозь безжалостную снежную бурю в поисках пищи для своих детенышей. Миссис Спенсер превосходно рисует разных животных.

Некоторое время назад миссис Спенсер сделала серию оригинальных рисунков — двадцать или тридцать — иллюстрирующих сцены из сборника “Женщины американской революции”. Все это еще не опубликовано. Возможно, на ее картинах выгравировано больше, чем у любого американского художника. Все они ее собственного сочинения, и большинство из них представляют собой бытовые сцены. Одна называется “Pattycake” изображена молодая МОут, с ребенком на коленях, научить его хлопать в свои руки; другой, “как играть”, представляет отец дразнил маленькую девочку, удерживая воздушного шара просто вне ее досягаемости. Они выполнены в изысканном немецком стиле, принятом миссис Спенсер. Обычно она берет в качестве моделей своих собственных детей.

В “Пленнице” изображена рабыня на рынке, ее хозяин приподнимает покрывало, скрывающее ее прелести. Трогательное выражение картины достойно восхищения. В “Чтении легенды” изображена прелестная дама, слушающая чтение в віуглу благородного замка; но нам не нравится ни вкус костюма, ни отношение читательницы.

Миссис Спенсер столкнулась с серьезными трудностями в Нью-Йорке, прежде чем приобрела ту известность, которой пользуется сейчас. В 1858 году она купила прекрасный дом в уединенной части Ньюарка, штат Нью-Джерси, где сейчас проживает со своей счастливой семьей. Ее студия находится у подножия ее сада, в большом здании, стены которого увешаны эскизами, слепками и т.д., где художница усердно трудится. Гости из дальних городов приезжают к ней посмотреть на ее картины, и обычно у нее одновременно работает несколько работ. “Сплетники”, большая жанровая картина с десятью женскими и детскими фигурами, привлекла большое внимание. Сцена представляет собой двор многоквартирного дома, где двое мужчин заняты стиркой, консервированием фруктов, приготовлением пищи и другими видами работ. Они собрались группой, чтобы послушать какую-нибудь скандальную историю от незнакомца с корзинкой хлеба; а дети тем временем проказничают. Маленький мальчик упал в корзину с одеждой, в то время как девочка помладше неистово смеется над его неудачей; собака схватила мясо, за которым мальчик забыл присмотреть, а кошка на окне снимает пену с кастрюли с молоком. Персики в корзинке на переднем конце выглядят так, словно их можно сорвать и съесть, настолько насыщенной и свежей получается окраска. Эффект света на одной из женских фигур необычайно красив. Вся картина выполнена в высшей степени качественно, и ее достоинств достаточно, чтобы создать репутацию любому художнику.

Фотографии миссис Спенсер можно увидеть во многих магазинах, где продаются произведения искусства, и гравюр с них очень много. Теперь перед ней открывается перспектива независимости и успеха, и она может добиться триумфа большего, чем все, чего она до сих пор добивалась.

ЛУИЗА ЛАНДЕР.

Эта молодая леди уроженка Салема, штат Массачусетс, и происходит из старейших и наиболее уважаемых семей этого доброго старого города. Она дочь Эдварда Ландера и Элизы Уэст, на отца которых сэр Бенджамин Уэст во время визита в Лондон заявил права как на родственника.

Дед миссис Ландер по материнской линии, Элиас Хаскел Дерби, отправил первый американский корабль в Индию, придав первый импульс нашей торговле с этой страной. Это было первое американское судно, замеченное у мыса Доброй Надежды и острова Франция. Капитан Ричард Дерби, его отец, прославился в революционной борьбе. Он купил и подарил городу Салем пушку, которую пытался захватить полковник Лесли. Когда он потребовал оружие, стоя во главе своего полка, капитан Дерби ответил: “Найдите их и возьмите, если сможете; они никогда не будут сданы!” и его мужество сохранило сокровище. Он также сыграл важную роль в подстрекательстве своих соотечественников к подвигу по поднятию моста дробридж и затоплению лодок - первому отпору британцев в начале военных действий.

Полковник Ф. В. Ландер, исследователь Тихоокеанских железных дорог, является братом героя нашего очерка. В различных ветвях ее семьи проявился художественный талант. Ее бабушка и ее мать отличались любовью к искусству и продемонстрировали это в своих собственных работах. В старом семейном особняке, где прошло детство Луизы, есть резьба на стенах и надвысокими дверями, спроектированная ее бабушкой и выполненная под ее руководством. Подобные узоры, свидетельствующие как о вкусе, так и о мастерстве, украшали мебель из красного дерева; а балдахины и обивки мебели были вышиты леди в соответствии с модой того времени, ее собственная фантазия создала прекрасные узоры. Вряд ли можно сказать, когда началась творческая жизнь молодой девушки, воспитанной под таким влиянием. В детстве она была на редкость серьезной и вдумчивой; серьезной и сдержанной в любое время времени и твердой в своих суждениях, которые всегда соответствовали требованиям здравого смысла. Любовь к искусству, которую можно было бы назвать пылкой страстью, владела ее натурой с самых ранних лет. Однажды — впервые, когда у нее была возможность увидеть по-настоящему достойную работу, — она стояла тихо, погруженная в восхищение. Ее сестра, которая указывала на особые приемы мастерства, повернулась, чтобы спросить ее мнения, и увидела, что ее лицо залито слезами. Это была удивительная демонстрация для ребенка, который, как было известно, почти никогда не проявлял эмоций и чье самообладание было настолько необычным, что ее манеры обычно казались холодными. Кажется, что только искусство могло пробудить весь пыл и энергию ее духа.

Когда она была совсем маленькой, в разное время она лепила две головы для сломанных кукол. Один был сделан из светлого сургуча, и лепка обеих была настолько удивительно точной, что ее мать не разрешала девочке играть с ними, а хранила их как диковинки. В другой раз Луиза принесла из школы один из своих рисунков draw, выполненный так превосходно, особенно с изображением лица, что ее родственники сочли это прикосновение счастливой случайностью и были склонны не верить ее утверждениям, что она хотела произвести именно тот эффект, который был достигнут на ее картине.

После того, как ее талант к скульптуре был достаточно развит, она решила посвятить всю свою жизнь этой отрасли искусства. Ее обостренное восприятие прекрасного и наслаждение им пробудили в ней жажду, которую можно было утолить только у истоков источника; и, движимая, так сказать, этим страстным желанием, она покинула свой счастливый дом в Салеме — круг любимых родственников и близких друзей — чтобы отправиться в неизведанные места, остановившись в Риме. Там она быстро приобрела репутацию, которая привлекла к ней друзей, заинтересованных в прогрессе и триумфе гения. Она была ученицей оплакиваемого Кроуфорда — единственной, кого он когда-либо соглашался впустить в свою студию, поскольку разглядел в ее ранних работах обещание будущего возвышения. Она с самого начала проявила

замечательную силу в портретах, улавливая самые тонкие оттенки сходства. Одна из ее работ - бюст губернатора Гора, выполненный по двум портретам маслом; сложная работа, поскольку портреты не были похожи друг на друга, поскольку были сделаны в разные периоды его жизни. Главный судья Шоу и другие, кто помнит губернатора, отметили, что бюст имеет превосходное сходство. Мисс Ландер отделала его мрамором для библиотеки Гарварда. Он будет размещен в Гор-холле в Кембридже.

Этот талант к подобию обнаруживается в первых попытках мисс Ландер. Когда она была совсем маленькой, еще до того, как начала заниматься лепкой, она вырезала из старых алебастровых часов перочинным ножом несколько голов и граней в виде барельефов. Это заметила подруга, которая дала ей кусочек ракушки и несколько гравиров, и она сразу же, без малейших инструкций, вырезала голову камеи. Были сделаны портреты ее матери и других друзей, которые были очень поразительны. Ее первой моделью был барельефный портрет ее отца; за ним последовал бюст ее брата, покойного верховного судьи территории Вашингтон.

Ее работа "Сегодня" была замечена Кроуфордом в "амбротипе" по ее приезде в Рим, и его восхищение ею, возможно, побудило его принять ее в качестве своей ученицы. Эта фигура является эмблемой нашей молодежной страны. Голова увенчана венком с утренней листвой; драпировка представляет собой американский флаг, украшенный звездами на груди и плече. Его устремленность вперед олицетворяет прогресс настолько энергичным образом, что на первый взгляд можно было бы поразиться очевидному движению жизни. Цветок, спадающий с волос на шее сзади, усиливает эффект движения. Мощь и дух - характерные черты работы. Эта модель с ее "Галатеей", фигурой, полной грации и нежности, была создана перед поездкой мисс Ландер в Италию. Она также закончила прекрасный бюст своего отца, совершенное подобие и изящно высеченный из мрамора.

После того, как мисс Ландер уехала в Рим, она выполнила множество портретных бюстов, среди них прекрасный бюст Хоторна и барельеф Маунтфорда. В письме из Рима описывалась увиденная в ее мастерской "очаровательная статуэтка Вирджинии Дэйр" высотой около трех футов. Этот ребенок был внучкой Джона Уайта, губернатора колонии Вирджиния во время одной из первых катастрофических экспедиций сэра Уолтера Рэли.

"Примерно в августе месяце 1587 года миссис Дэр, дочь губернатора, родила в Роаноке дочь, которая была крещена на следующий день Господень и названа Вирджинией, став первым английским ребенком, родившимся в стране. Перед концом августа губернатор, по настоятельной просьбе всей колонии, отплыл в Англию за припасами. Неудачный поворот дел на родине помешал другой экспедиции добраться до Вирджинии до 1590 года, когда, по прибытии было обнаружено, что дома бывших поселенцев были разрушены, хотя все еще окружены частоколом, и большая часть запасов была обнаружена зарытой в землю; но никаких следов несчастной колонии так и не было найдено. Банкрофт утверждает, что, когда губернатор отплыл в Англию, он оставил младенца и ее мать в качестве заложников, и предполагается, что они были уведены в плен индейцами, поскольку после этого в индейском облике стали прослеживаться европейские черты.

"Мисс Ландер представляет свою Вирджинию как воспитанную индийскую принцессу, демонстрирующую в своей прямой осанке и красивой фигуре бесстрашие, достоинство и грацию, которые могла бы придать такая жизнь. Голова и лицо очень изящны, демонстрируя задумчивость и одухотворенность, которые естественно вытекали из мечтательных

воспоминаний о ее ранней жизни. Фигура полуобнажена; драпировка в виде легкой рыболовной сети очаровательно задумана и выполнена, ее носят как индийское одеяло; а украшения выполнены из бусин вампума. Этот дизайн, обладающий очарованием новизны и историческим интересом, показывает, что у нас в стране есть богатые образцы скульптуры, не прибегая к старой языческой мифологии”.

Позже мисс Лэндер изготовила мраморную статую Вирджинии в натуральную величину. Ее лежащая статуировка ”Евангелины” составляет прекрасный контраст с этим: “одна полна силы и энергичности, вся жизнь и движение; другая такая тихая и безмятежная в своем сладком, глубоком сне. Она изображена в тот момент, когда, измученная своими скитаниями, она спит подкедром на берегу реки,

“Ибо эта бедная душа бродила,
истекая кровью и босиком, по осколкам и шипам существования”.

Ее глубокий покой напоминает не столько дремоту, сколько состояние человека, находящегося в трансе. На мраморе это в точности отражено в ее позе, как будто она упала от крайней усталости; ее драпировка тяжело обвисает на ней, и еще тяжелее опускается ее рука; вся фигура выражает глубокий покой — почти болезненный, если бы не прекрасное лицо, озаренное "мыслью в ее сердце", что ее возлюбленный рядом, и что

“По темным проходам, по которым габриэль бродил до нее,
Теперь каждый взмах весла приближает его все ближе и ближе
(Теперь она спала под кедром).
Таково было видение, увиденное Эванджелиной, когда она дремала под ним;
ее сердце наполнилось любовью, и рассвет разверзшихся небес
осветил ее душу во сне великолепием небесных областей.

Она очень красива; и, когда я смотрела на нее, мне казалось, что я слышу плеск весла Габриэля, когда он скользит за "пальмовой завесой", невидимый, и готова была воскликнуть:

- “Ангел божий, неужели нет никого, кто мог бы разбудить деву?”

Еще одна работа мисс Ландер — “Елизавета, изгнанница из Сибири”, где изображена энергичная, но женственная фигура, “очень хорошенькая в своем пикантно-турецком костюме - коротком плаще, русских сапогах и плотно сидящей шапочке”.

Этот одаренный молодой художник закончил статуэтку “Ундина”. Это поникшая фигура с выражением, полным печали, только что поднявшаяся из фонтана, чтобы посетить землю в последний раз. Основание фонтана окружено раковинами, образующими водяные струи; Ундина находится в центре, и драпировка, падая из ее рук, падает в воду. Она также закончила “Цереру, оплакивающую Прозерпину”. Богиня опирается на сноп пшеницы; ее руки и голова опущены, как будто она планирует побег своей дочери. “Сильфида”, только что появившаяся — воздушная, парящая фигура, ее озадаченное внимание приковано к бабочке, — еще одно творение мисс Ландер.

МЭРИ УЭСТОН.

История этой леди иллюстрирует развитие в неблагоприятных обстоятельствах той энергии, полагающейся на собственные силы, которая часто является характерной чертой уроженцев Новой Англии. Дух независимости в сочетании, как в ее случае, с женской мягкостью и изяществом облагораживает любую женщину, и его применение одновременно интересно и поучительно.

Мэри Пиллсбери родилась в Хевроне, штат Нью-Гэмпшир. Ее отец был баптистским священнослужителем, придерживавшимся самых строгих догматов кальвинизма. В своем скромном доме среди гор, хотя и окруженном дикой красотой природы, девочка не нашла ничего, что дало бы ей представление о том, чего может достичь искусство. Тем не менее, она видела объекты с художественным восприятием и особенно любила изучать лица. Когда ее водили в церковь, она сидела, глядя на окружающих, и жалела, что каким—то образом - о чем пока не имела ни малейшего представления — не может скопировать их черты. Однажды, когда между семь и восемь, она заметила красивую женщину, и, вернувшись домой, ВэньТ спокойно ее отец исследования—ползучую, как она была заперта, через две форточки окно, в которое она залезла на стул, на кровать—в поисках грифельную доску и карандаш. С этими словами она начала делать набросок лица, которое ее очаровало. Она сделала общий контур, но не смогла передать выражение рта и глаз. С острым чувством разочарования она отказалась от безнадежной задачи. Но в ней пробудилась страсть к творчеству.

Она любила читать книги о художниках больше, чем кто-либо другой, хотя вообще любила учиться, и ее пристрастие к рисованию потакали всякий раз, когда у нее была возможность. Понаблюдав за работой профиль-резак, который случайно пришел в район, она упорно продолжала попытки портреты, и практически КНИ вырезав их из листьев и бумаги. У нее была красивая молодая сестра, и она часто уговаривала ее позировать, день ото дня совершенствуясь в своих неискусшенных усилиях, пока, наконец, не смогла на глаз получить правильное сходство.

Ее следующим достижением стало копирование фигур и украшений индейских вождей, которые нередко появлялись в маленькой деревне. Пятнадцатилетняя служанка, работавшая в семье своего отца, умела рисовать эскизы домов, и этим знанием охотно поделилась с маленькой Мари. Ее картины, хотя и грубые по замыслу и исполнению, пользовались большим спросом у ее школьных товарищей; но миссис Пиллсбери считала, что изучение живописи помешает более важным отраслям и что сначала следует получить основательное английское образование. Однако молодой девушке ничто не могло помешать наблюдать за уроками рисования других учеников. Она будет практиковаться дома; и ее старания были настолько серьезны, что вскоре у нее получился рисунок, который, по общему мнению, превосходил упражнения обычных учеников.

Для раскрашивания своих цветов Мэри использовала свекольный сок, экстракт листьев фасоли, приготовленный ею самой, и т.д., пока долгожданный подарок в виде коробки красок не сделал ее независимой от подобных ухищрений. Романтический пейзаж, окружавший ее дом, теперь приобрел новое очарование. День за днем она бродила по полям и лесам, делая наброски и предаваясь мечтам о художественной жизни. Когда двенадцать лет, в один

прекрасный день она в сопровождении своих родителей Саттон, в штате Нью-Гэмпшир. Затяжной дНГ прошел, и ее отец был проповедовать. Уделяя мало внимания провозглашаемым доктринам, Мария, как и прежде, занималась изучением новых лиц в сельском собрании. Рядом с местом встречи был колоссальной фигурой богини Свободы, Richly одевался, и окрашены в цвета по свободной воле баптистский проповедник. Во время одной из служб она заняла место поближе к окну и внимательно изучала то, что казалось ей совершенным триумфом искусства. Вернувшись домой, она сделала искусный набросок этого. С этого времени богини свободы множились в ее руках и стали известны в школе и по соседству. Одна из них была напечатана в журнале. Они считались настолько похвальными, что одна довольно беспринципная молодая девушка из числа ее знакомых подарила один из них своему возлюбленному как свою собственную работу; и когда он предложил ей изготовить другой, она пришла, чтобы убедить Мэри сделать его для нее.

Мало заботясь о развлечениях своего возраста, Мэри имела привычку запирается в кабинете отца и, сидя на полках, снова и снова перечитывать биографии великих мужчин и выдающихся женщин. Тем временем она опережала всех школьниц и совершенствовалась в рисовании в те часы, которые были украдены у нее за прядением и обязанностями, связанными с заботой о других детях. Теперь она приступила к чтению стандартных и классических произведений, хранившихся в библиотеке ее отца, и, казалось, перед ней открылся новый мир. Честолюбивые устремления и мечты нарушили монотонность ее одинокой жизни. Она решила стать художницей, как те люди, о которых она читала, и добиться признания со стороны мира. Но способ осуществления ее желаний приводил ее в замешательство. Она понимала, что придется покинуть дом и попытаться счастья среди бродяг; но ей нравилось представлять себе день, когда она вернется, обремененная почестями и богатой наградой за свои труды, когда ее семья будет гордиться ее успехом.

Когда ей было около четырнадцати лет, она решила сделать первый шаг к цели, о которой, задыхаясь, говорила рич. Тайком она покинула свой дом, взяв с собой только смену одежды, и отправилась пешком через лес в Хопкинтон, по дороге в Конкорд, где намеревалась временно поселиться, чтобы заработать немного денег своим трудом, а затем устроиться художницей. В тот день она прошла тридцать миль и очень поздно вечером подошла к маленькому домику за городом, у которого остановилась, попросив разрешения согреться и отдохнуть. Простые люди, казалось, были удивлены, увидев, что такая юная девушка путешествует одна и так далеко от дома. Они с любопытством расспрашивали о подробностях ее истории и настойчиво уговаривали ее остаться на всю ночь. Она согласилась, и для нее был приготовлен ужин, после чего она отправилась спать, утомленная дневным путешествием.

Проснувшись на следующее утро, она услышала странно знакомый голос. Она поспешно оделась и спустилась в гостиную, где нашла своего дядю, который проделал такой долгий путь в поисках ее. Обе заплакали от неожиданной встречи; но когда Мэри оправилась от своего замешательства, она стала умолять разрешить ей поехать в Конкорд. В этом ей было решительно отказано, и, неохотно и огорченная провалом своего романтического предприятия, она была вынуждена согласиться, чтобы ее отвезли домой.

Ее семья встретила ее со слезами и объятиями, и ни слова упрека, ни даже отдаленного намека на ее непослушание не последовало за ее попыткой вырваться из-под родительского контроля. Семья, по-видимому, понимала, что с ней обошлись несправедливо; ведь мечты юной надежды

имеют значение, и природным наклонностям не следует слишком грубо перечить. С этого времени больше снисходительности стали проявлять к ее частому пренебрежению работой, от которой она не испытывала никакого удовольствия, и к ее преданности книгам. Она занялась учебой более увлеченно, чем когда-либо.

Мистер Пиллсбери не был богат, и его дочери грозила перспектива того, что в конечном итоге ей придется жить на свой заработок. Это было ее желание как можно скорее вступить в жизнь, с трудностями которой она ожидала столкнуться и преодолеть. Она хотела отправиться за горы, в прекрасный мир по ту сторону. В ее воображении мягкие и розовые оттенки, покоящиеся на этих далеких вершинах, были символом ожидающих ее наслаждений. Но родители воспротивились ее желанию и настояли, чтобы она осталась с ними, по крайней мере, на несколько лет.

Ей было около девятнадцати, когда, находясь в гостях у Линн, она увидела портрет, написанный дамой, который привлек ее внимание среди коллекции безразличных картин. Желание снова стать художником овладело ею с такой силой, что она почувствовала в этом непреодолимую страсть. Ее первым планом было поехать с леди в Вашингтон и брать уроки, но от этого плана отказались. Примерно через год после этого она поехала в Бостон. Проходя мимо витрины магазина, она увидела прекрасную картину, которая еще раз разожгла в ее душе пламя творческих амбиций. Ее решимость была сформирована. С оптимистичными надеждами юности она воображала, что годичная подготовка позволит ей работать профессионально. Соответственно, с этой целью она посвятила себя практике своего искусства. Ее друзья высмеивали идею о том, что она может стать художницей, чтобы заработать на жизнь, и предсказывали провал ее плана без могущественного покровительства.

Но такого рода оперативная позиция больше не обескураживала ее, хотя ей сильно мешала нехватка времени. Быстро приближалась зима, и она чувствовала, что она не должна пройти без некоторого прогресса в ее любимых занятиях. Теперь она решила уехать куда-нибудь на юг, где она могла бы увидеть работу художника, и писать дешевые картины для собственного пропитания, просто живя в деревне, пока не закончит уроки. Казалось, она должна либо сделать это, либо умереть.

Ни с кем не посоветовавшись, имея при себе всего двенадцать долларов, она покинула Бостон ранним утренним поездом, оставив свой чемодан и взяв только корзину с несколькими сменами одежды. Это начинание не обошлось без молитв о благословении Провидения, которое наблюдает за всеми человеческими делами. Ее отец ненуждался во всей помощи, которую она могла ему оказать; он много страдал, и болезнь в его семье подорвала его скудные ресурсы. Мысль обо всем этом и о том, что она могла бы сделать, если бы ей позволили выработать свои собственные идеи, мучила Мэри и приводила ее в отчаяние. Теперь, в пылу ее решимости, препятствия казались пустяками; она была полна решимости добиться успеха.

Пожилой мужчина, сидевший напротив нее в машине, заметил ее и задал много вопросов. Когда они остановились в Провиденсе, его явное любопытство так раздражило и встревожило ее, что она со всех ног бросилась к пароходу, направлявшемуся в Нью-Йорк. По дороге она разговорилась со стюардессой и спросила, не знает ли та какого-нибудь респектабельного дома в городе, где она могла бы получить питание. Стюардесса ничего не знала о Нью-Йорке,

но спросила клерка, и он направил мисс Пиллсбери в дом профессора Гуро, известного в то время учителя танцев.

Придя сюда, она узнала, что профессор не принимает постояльцев, но ему порекомендовали поискать дом на Канальной улице. Тут ей пришло в голову зайти в магазин модистики; она знала, что там должно быть много девушек, респектабельных, хотя и бедных, и подумала, что через кого-нибудь из них она могла бы услышать о ночлеге. Она получила направление к дому пожилой леди, куда и направилась. Когда ее попросили дать рекомендации, она откровенно призналась, что у нее их нет, и в качестве лучшего объяснения, которое она могла предложить, рассказала свою историю. Хозяйка квартиры услышала об этом от благочестивой подруги из Бостона — миссис Колби, леди, хорошо известная своей доброжелательностью, — из стрдевушки Эндж, которая хотела стать художницей, и она охотно приняла "странника".

На следующий день мисс Пиллсбери узнала, что по соседству живет художник, и отправилась к нему посмотреть, как используются масляные краски. Ей разрешили понаблюдать за ним, пока он рисовал портрет по. После этого она отправилась к Дешо, который в то время держал небольшой магазинчик красок, и, снабдившись художественными принадлежностями, всерьез взялась за работу. Маленький внук ее квартирной хозяйки был ее первым объектом, и она нарисовала его хорошее изображение, которое было частично оплачено за питание. Даже художник был удивлен ее успехом и предсказал, что она преуспеет после года учебы.

После того, как она пробыла неделю в Нью-Йорке, ее хозяйка посоветовала Мэри поехать в Хартфорд, штат Коннектикут, и сдала ее в аренду преподобному Генри Джексону того места. Она отправилась туда и была любезно принята. Находясь там, она нарисовала маленького мальчика и добилась удивительного сходства. Ей пришлось самой приготовить холст и растереть краски на тарелке с помощью канцелярского ножа. Примерно через неделю после ее приезда в Хартфорд сквайр Райдер и его жена из Уиллингтона приехали с визитом к мистеру Джексону. Они были так довольны картинами, сделанными Мэри, что пригласили ее вернуться с ними домой и нарисовать членов их семьи по пять долларов с человека. Она должна была подготовить холст, пока они будут искать краски.

Миссис Колби тем временем написала мистеру Джексону, прося его перевести деньги на ее счет мисс Пиллсбери, если это будет необходимо; но у Мэри не было денег больше, чем она могла заработать. Она написала в Бостон за своим сундуком и получила его. К этому времени ее родители узнали, где она находится, и больше не противодействовали ее стремлению к независимости.

Она написала портреты всех Всадников и тридцати других людей в Уиллингтоне. Среди ее натурщиков были члены семьи Джонатана Уэстона, эскайдера. Несколько человек собрали сумму по подписке на покупку портрета Миранды Винтон, бирманской миссионерки. Мисс Пиллсбери много раз предлагали приют и приглашали проводить время в разных семьях, но она предпочитала жить исключительно ради своего искусства.

Вернувшись в Хартфорд, она написала еще несколько портретов. Дочь мистера Уэстона стала ее близкой подругой, и Мэри всегда была тепло принята в доме своего отца.

Дядя молодой леди, мистер Уэстон из Нью-Йорка, приехал навестить своего брата и проявил большой интерес к картинам Мэри. Он уговаривал ее приехать в Нью-Йорк и совершенствоваться с помощью уроков и учебы. После его ухода, она стала еще более

пос.располагает огромным стремлением вернуться в город и найти какой-то способ делать более быстрого прогресса. Она получила письмо от дочери этого джентльмена, в котором та приглашала ее немедленно приехать в Нью-Йорк, где она могла бы воспользоваться наставлениями опытных искусствоведов.....истов. Перспектива была заманчивой, но мисс Пиллсбери чувствовала, что не может позволить себе роскошь подобных уроков. Она сообщила об этом в своем ответе на письмо-приглашение.

Вскоре после этого пришло еще одно письмо от мисс Уэстон, в котором она более настойчиво призывала приехать. Ее отец, сказала она, найдет ей учителя и займется приготовлениями к зиме. На нее давили, чтобы она поселилась в его доме; и, если она не преуспеет в своем начинании, он пообещал сам проводить ее в целости и сохранности обратно к ее друзьям.

Это заманчивое предложение было принято. Всю зиму мисс Пиллсбери посвятила копированию картин. Вскоре она, должно быть, сделала открытие, что другое чувство, помимо желания воспитать гения, побудило мистера Уэстона такрадоваться ее присутствию. Достаточно сказать, что через три месяца она стала его женой, понимая, что должна без ограничений заниматься выбранной ею профессией.

В течение нескольких лет миссис Уэстон упражнялась в живописи в обстоятельствах,которые отвлекали ее внимание. Она стала матерью двоих детей, и забота о них занимала большую часть ее времени. Несколько ее копий имеют большие достоинства. Ее большая картина "Ангел и младенец спаситель," от Мурильо, в отрядыСион Мистера Генри Стеббинс, который женился на дочери Мистера Уэстона. Она сделала очень точную копию "Беллы Донны" Тициана и "Сибиллы Самии" Гверчино. Копия "Беатриче Ченчи" была признана восхитительной. Она также нарисовала "Форнарину".

Однажды дажена водопое, на первом балу, который миссис Уэстон когда-либо посещала, она была поражена внешностью леди, которая прошла мимо нее, опираясь на руку своего мужа. Прекрасные характеристики этого незнакомца, ее чистой и сияющей, ее глаза заблестели, как Wi- го веселый добра, и неопределенное грация во всех ее движениях, впечатлили художника, как будто она видела видение. Несколько лет спустя она встретила миссис Ковентри Уодделл и узнала в ней очаровательный идеал, который был запечатлен в ее памяти. Ее портрет этой леди принадлежит мистеру Джорджу Вансандворду из Трои.

То, что миссис Уодделл высоко ценила способности миссис Уэстон и ее дружбу, оказалось ценной помощью художнице, которая иногда впадала в уныние.

Телесные оттенки миссис Уэстон особенно естественны и красивы, и она придает высокую отделку своим копиям картин. Произведения старых мастеров и другие обладают такой замечательной верностью, что ее достижений в этой области было бы достаточно, чтобы создать репутацию. "Сцена с ведьмой" Тенирса достойна восхищения. Оодной из ее собственных композиций является "Сцена из Лаллы Рук", и она писала как пейзажи, так и портреты с натуры. Она по-прежнему проживает в Нью-Йорке.

АННА МЭРИ ФРИМЕН (МАДАМ ГОЛДБЕК).

занимает высокое положение среди художников-миниатюристов в этой стране. Онадочь американского художника, хотя родилась в Манчестере, Англия, где ее родители прожили несколько лет. Она приехала в Соединенные Штаты совсем юной и рано посвятила себя

занятиям искусством, в котором она на протяжении десяти лет черпала свою поддержку.....Она одарена по-разному; она написала несколько превосходных стихов и рассказов и известна как опытный оратор, с успехом выступавшая с чтениями в Нью-Йорке и других местах. Однако ее способности художницы проявились наибольшей пользой.

Джулия дю Пре, уроженка Чарльстона, Южная Каролина, получила образование в школе миссис Уиллард в Трое, штат Нью-Йорк. Окончив школу, она поехала с матерью и сестрой в Париж. Госпожа дю Пре хотела максимально развить таланты своей дочери в музыке и живописи и предоставила ей возможность пользоваться услугами лучших иностранных мастеров. Они пробыли во Франции три года, когда внезапная перемена лишила их богатого состояния; и все же, с ограниченными средствами, они остались еще на год, чтобы Джулия могла посвятить себя изучению живописи маслом. Вернувшись в Чарльстон, миссис дю Пре и ее дочери открыли школу для юных леди, которую с успехом посещали. Однако постоянное занятие преподаванием лишало Джулию времени и возможности для серьезной учебы, необходимой для совершенствования в искусстве, которому она хотела посвятить свою жизнь. Каждый свободный час, который у нее был, она посвящала написанию портретов и изготовлению копий с произведений, вызывавших восхищение. Многие из них были выполнены с большим мастерством и заслужили похвалу Салли и других выдающихся критиков. Один из ее лучших портретов - портрет графа Альфреда де Виньи, который был близок с ее семьей во время их пребывания в Париже. Мисс дю Пре также сделала прекрасную копию с картины Пармеджано "Одеве с младенцем" и "Дидоны на погребальном костре" Джулио Романо. Эти и другие картины снискали ей значительную репутацию как художнице. Она вышла замуж за Генри Боннето, художника-миниатюриста признанных достоинств, и продолжает проживать в Шарлестоне, штат Нью-Йорк. Лето 1856 года она провела в Париже, чтобы совершенствоваться в живописи пастелью, и недавно закончила несколько изысканных работ в этом стиле. "Любовное письмо", находящееся во владении ее шурина, доктора Диксона из Филадельфии, "Лиазонс" и "Эспаньоль" получили высокую оценку среди них.

Подарки миссис Боннето сочетаются с самыми прекрасными чертами женского характера. Ее уважает и любит большой круг друзей в Чарльстоне, среди которых одни из самых образованных мужчин в этой стране.

Мисс Уизерс из Чарльстона, Южная Каролина, рисует маслом и акварелью и вырезают камеи с большим умением. Они также успешно моделировали группы и фигуры и посвящают себя этим отраслям искусства.

Миссис Чарлотта Чивс - художница-любитель, которая могла бы прославиться, если бы всю свою жизнь посвятила изучению живописи. Ее звали мисс Маккорд, и она родилась в Колумбии, Южная Каролина. Она вышла замуж за мистера Лэнгдона Чивза и живет на его рисовой плантации, почти противоположной южной Саванне. Она рисует миниатюры на слоновой кости, некоторые из них превосходно повторяют друг друга и выполнены с большой деликатностью. Она также писала картины маслом и превосходно рисует пастелью и карандашными набросками. Она тоже музыкант и обладает очень прекрасным голосом.

Еллен Купер, младшая дочь знаменитого доктора Томаса Купера, была уроженкой Колумбии, Южная Каролина. Она обладала тонким вкусом и большим мастерством в живописи и орнаментальных работах, а также отличалась интеллектуальной культурой и знанием общей природы. Она прожила несколько лет в Мобиле со своей сестрой и там вышла замуж за

мистера Джеймса Ханну, который увез ее жить на свою сахарную плантацию недалеко от Тибодо, в Луизиане. Она умерла в октябре 1858 года. Ее сестра - одна из самых выдающихся художниц-любителей в Южных Штатах.

Около семи лет назад мисс Гамильтон открыла Школу дизайна для женщин, которая при поддержке добровольных взносов имела обнадеживающий успех. В настоящее время он принят попечителями Института Купера, и ежегодно выделяется определенная сумма на поддержку учителей. Посещаемость учеников в 1859 году была вдвое выше, чем в любой предыдущий год.

Мэри Энн Дуглас, ныне миссис Джонсон, уроженка Уэстфилда, штат Массачусетс, где она в настоящее время проживает. Она вышла замуж в восемнадцать лет, и стала женой за четыре года до того, как началась ее творческая жизнь. Находясь взаперти в своей комнате из-за болезни, она развлекалась тем, что копировала пейзаж масляными красками. Успех этой попытки открыл для нее новый источник активности и удовольствия. Она посвятила себя изучению живописи и трудилась с такой серьезностью и преданностью, что ее усилия увенчались успехом, превзойдя все ее ожидания. Особенно ее внимание было приковано к портретам. Последние четыре или пять лет она работала почти исключительно карандашом и обнаружила, что работа очень высокооплачиваемая. Визит в Нью-Лондон, штат Коннектикут, продлился до девяти месяцев, настолько велика была популярность ее работ в этом месте; и во время поездки в центр Нью-Йорка он написал много портретов маслом по отличным ценам. Ее неутомимое терпение в проработке деталей, точность ее сходства и тонкое совершенство отделки на ее картинах замечательны. В общественной жизни миссис Джонсон показала себя дружелюбной и самоотверженной. У нее нет ни одного знакомого, который не радовался бы столь достойно одержанным победам, несмотря на многие разочарования.

ГЛАВА XX. ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК.

Эмма Стеббинс.—Благоприятные обстоятельства ее юности для изучения искусства.—Образцы ее мастерства, демонстрируемые в частных кругах.—Получает наставления от Генри Инмана.—Правильность ее портретов.—“Молитвенник”.—Возрождает вкус к иллюминации.—Ее портреты карандашом.—Копии картин.—Занимается многими видами искусства.—Становится скульптором.—Проживает в Риме.—Инструкция, полученная от Гибсона и Эйкерса.—Поздняя работа ее стамески.—“Шахтер”.—Харриет Госмер.—Жилище скульптора Гибсона в Риме.—Его студия и рабочая комната.—“Синьорина”.—Американская актриса.—Ее детство.—Физическая подготовка.—Школьная жизнь.—Анекдоты.—Учеба дома.—В Сент-Луисе.—Ее независимость.—Путешествие по Миссисипи.—“Геспер”.—Отъезд в Рим.—Решение мистера Гибсона.—Выдержка из письма мисс Госмер.—Оригинальный дизайн.—Поворот судьбы вспять.—Тревога.—Разрешение.—Промышленность, экономика и успех.—Поздние работы.—Визит принца Уэльского.

ЭММА СТЕББИНС.

Немногие женщины-художницы в этой или любой другой стране были окружены обстоятельствами, более благоприятными для развития гения. Ее детство прошло среди людей, обладающих культурой и утонченным вкусом, и она была знакома с элегантными украшениями жизни. Она рано научилась воплощать нежные творения своей фантазии в песнях или картинах, а также имитировать то, что ей нравилось. Ее семьи ближайший круг друзей были готовы — как это бывает не всегда — оценить и поощрить ее усилия. Но, хотя на раннем этапе у нее не было трудностей, с которыми приходилось бороться, крутой и тернистый путь к выдающемуся успеху не мог быть сглажен рукой избранныцы, и она прошла через все уроки и упражнения сил, необходимые для достижения величия, как от тех, к кому благосклонна фортуна, так и от тех, кому капризная богиня стала сводной сестрой.

Мисс Стеббинс - уроженка Нью-Йорка, где в течение нескольких лет применяла редкие навыки, приобретенные ею в различных областях искусства, на радость своим друзьям или в благотворительных целях. Несколько художников заметили в прекрасных образцах, которые были показаны в различных кругах в качестве ее работ, свидетельство более чем обычного таланта. Среди них был Генри Инман, выдающийся художник. Он пригласил молодую девушку посетить его мастерскую и предложил обучить ее живописи маслом. Она никогда раньше не брала уроков и была довольна перспективой учебы. Она совершенствовалась под руководством своего учителя, и этой помощи некоторые из ее друзей приписывали виртуозную правильность и изящество, проявленные в ее портретах, за что впоследствии ее карандашные наброски вызывали всеобщее восхищение.

Одной из ранних работ мисс Стеббинс был том, которому она дала название “Молитвенник”. В нем содержится несколько прекрасных образцов ее поэзии, но в основном он примечателен своими изысканными иллюстрациями. Это была одна из первых попыток возродить этот стиль иллюстрации; а оригинальность, изящество и красота рисунков в сочетании с тонкой и продуманной отделкой исполнения сделали ее настоящим шедевром искусства. Некоторые другие книги были проиллюстрированы мисс Стеббинс той же манере.

Любовь к искусству в гениальном ребенке “растет за счет того, чем он питается”, и требует безраздельной преданности своим занятиям. Возможно, ни один вид знания не является столь захватывающим, когда вкушаешь его плоды. Мисс Стеббинс не находила никакого очарования в имевшихся в ее распоряжении светских мольбах, которые могли бы отвлечь ее внимание от живописи. В конце концов она решила полностью посвятить свои таланты искусству, сделав это единственным делом своей жизни. Она решила поехать в Рим.

Несколько ее портретов карандашом, выполненных в Риме, получили самые высокие оценки признанных судей этого города. Копия, которую она сделала с “Св. Джон” из Дю Бюфа и одна из картин в галерее Лувра, изображающая “Девушку, диктующую любовное письмо”, были отмечены среди ее работ маслом. Ее “Мальчик и птичье гнездо” было выполнено в стиле Мурильо. Ее картина пастелью “Две собаки” получила высокую оценку.

Почти все направления имитационного искусства в разные периоды культивировались мисс Стеббинс, и ее успех доказывает размах многогранности ее таланта. Помимо живописи маслом и акварелью, она практиковалась в рисовании по дереву и резьбе по дереву, лепке из

глины и работе с мрамором. Вероятно, именно в сложном искусстве скульптуры она оставит Америке работы, в которых она будет наиболее широко известна.

Она, как и мисс Госмер, пользовалась советами и наблюдением Гибсона и тщательными инструкциями Эйкерса. Работа, выполненная ее резцом весной 1859 года, получила самые высокие оценки. Мистер Хекшер, крупный владелец угольных шахт в Соединенных Штатах, попросил мисс Стеббинс выполнить для него две типичные статуи — одну, изображающую промышленность, другую - коммерцию. Образ промышленника завершен, и художник с изяществом изобразил его в образе шахтера. Критик говорит:

“Это фигура атлетически сложенного юноши с превосходными пропорциями, который несет на правом плече кирку, а в передней части его живописной шляпы с опущенными полями - шахтерский фонарь. Вес тела легко и естественно переносится на правую ногу, а левая рука с небрежностью мужественной силы опирается на мраморную глыбу, просверленную и обтесанную на манер куска угля. Симметричный силой фигуры, достойна восхищения, как это, это не более удивительно, чем высокие, ingeni подразделения красоте классической головы и лица, затаившись в отношении столь же непринужденно и яркий, на изящную, хорошо округлены горло. Драпировка широкой рубашки, открытой у шеи и плотно присборенной на талии, выполнена с особым мастерством; и хотя вся фигура поразительно напоминает одного из тех великолепных готических королей, изображения которых стоят в вестибюле *Музея Бурбоников* Неаполе, дух и аура ее чисто современные и американские. По правде говоря, это одно из самых удачных для нас сочетаний повседневной национальной правды с непреходящей и космополитической правдой искусства, когда-либо виденной, и это работа, которая в равной степени делает честь полу и стране художника”.

Мисс Стеббинс поселилась на постоянное жительство в Риме, среди этого окружения и ассоциаций, которые художники всех наций считают наиболее благоприятными для их прогресса. В течение некоторого времени она занималась лепкой из глины в нескольких группах, которые, хотя и были еще не закончены, были благосклонно раскритикованы знатоками и друзьями.

ХАРРИЕТ ГОСМЕР.

На Виа Фонтанелла в Риме — улице, примыкающей к прекрасной Пьяцца дель Пополо и идущей под прямым углом от Бабуино к Корсо, в нескольких шагах от Бабуино слева — находится большая, грубая, изъеденная червями дверь, которая, очевидно, видела хорошее обслуживание и по внешнему виду которой ни один случайный и непосвященный прохожий не заподозрил бы, какие сокровища искусства она скрывает и защищает. Небольшой кусок шнура для плетения с узлом в качестве ручки выходит из перфорированного отверстия, с помощью которого - при приведении в действие небольшого колокольчика — можно попасть в мастерскую величайшего из ныне живущих мастеров скульптуры Англии Джона Гибсона.

Порог переступил, посетитель попадает сразу в самый разгар этого художника многочисленных подразделений работ. В большом сарае, похожем на амбар, с земляным полом, на пьедесталах из различных материалов, форм и размеров стоят прекрасные Купидон и Бабочка, раненая Амазонка, Парис и Прозерпина, собирающие цветы, очаровательные группы Психеи, которую несут Зефиры, Гиласа и Водяных нимф, благородный барельеф Фазтона и Часовые, выводящие коней Солнца, и, возможно, бюст или фигура, незавершенная мастером, в

обязанности которого входит содержать мастерскую и обслуживать многочисленных мастеров. Напротив только что описанной входной двери находится ее аналог, выходящий в сказочный квадратный участок сада, заполненный апельсиновыми и лимонными деревьями и розами, а весной благоухающий голубыми и белыми фиалками, капским жасмином и лилиями валилии; в то время как в тенистом углублении, заросшем папоротником, бьет неиссякаемый фонтан с кристально чистой водой. Солнце заливает этот крошечный сад с его золотистым светом, он хотел решетчатые ходит с разбитыми тенями, и ухаживания его путь, рояль и неотразимой-Ло - Вер, как он есть, о более скромных цветочных богов, место, укрывшись под своими зелеными листьями, или в превосходной тени аканта. Прелестен эффект этого яркого солнечного света, когда стоишь в тени студии, благоухающей пышными цветами Юга; прелестен аспект как природы, так и искусства, в присутствие которого нас так внезапно и неожиданно вводят с уродливой, грязной улицы снаружи. Насмотревшись здесь досыта, мы выходим в сад и, повернувшись к буровой машине, если мы являемся почетными посетителями, друзьями или друзьями друзей, то затем нас проводят в святилище самого мастера, которого мы, вероятно, застанем занимающимся лепкой и от которого мы, несомненно, получим добрый прием, признающий всеслучаи, когда у нас есть какие-то претензии за наше вторжение в его частную жизнь.

Эта комната, длинная и узкая, обшита досками и претендует на некоторый комфорт; но во всех мастерских бросается в глаза отсутствие заботы и внимания, особенно потому, что в Риме сейчас модно делать мастерские как художников, так и скульпторов как можно более удобными и пригодными для жилья. Из комнаты мистера Гибсона нас ведут в другой грубый сарай, где продолжается процесс превращения гипса в мрамор и где частые посетители не могут не заметить огромную разницу в мастерстве и природных способностях многочисленных нанятых рабочих.

Поскольку различные процессы создания скульптуры малоизвестны, возможно, будет уместно пролить на них немного света. Художник сам лепит фигуру, бюст или группу, что бы это ни было, из глины, тратя все свое мастерство, время и труд на этом первом этапе. Когда работа завершена — а на выполнение этой задачи уходят многие месяцы, иногда даже годы неустанного изучения, — с глиняной фигуры снимается гипсовый слепок, по которому рабочие переводят объект в мрамор, художник наблюдает за ней и оставляет за собой более деликатную задачу отделки. Торвальдсен, говоря об этих процессах, говорит, что “глиняную модель можно назвать творением, гипсовую - смертью, а мраморную - воскресением”. Несомненно то, что глиняная модель и мраморная статуя, когда каждая из них получила завершающий штрих, более тесно связаны, более тождественны одна другой, чем любая из них с гипсовым слепком. Скульпторы настолько живо осознают тот факт, что их работам причиняется вред из-за того, что их видят в гипсовых слепках, что они прилагают огромные усилия, обрабатывая их вручную, чтобы восстановить хоть что-то от тонкости и шарма, которые были разрушены в процессе лепки. Пауэрс, американский скульптор, был настолько впечатлен этим, что, благодаря изобретательности своей страны, ему удалось сделать гипс твердым, почти как мрамор, и который с равной безнаказанностью выдерживает напильник, резец и полировщик.

В Риме есть мастера, занимающиеся изготовлением определенных частей фигуры, задрапированных или без задрапировки; например, один человек отличается своим умением обрабатывать волосы и ограничивается этой специальностью; в то время как другой известен своим методом передачи качества плоти, а третьему нет равных в драпировке. Очень редко

случается, чтобы художнику посчастливилось обнаружить сочетание всех этих качеств в одном человеке, но иногда это случается; и мистеру Гибсону самому повезло, что у него есть работник, чье мастерство и способность манипулировать людьми во всех областях на высшем уровне. Римлянин по происхождению, красивый и высокоорганизованный Камилло, с его хрупкой фигурой и нежными, почти женственными руками, мастерски владеет молотком и резцом и с головы до пят передает и интерпретирует свою модель с художественной силой и чувством. Человек любит свою работу, и работа вознаграждает его за любовь, как это не бывает, начиная с возвышенных трудов гения и заканчивая самым скромным занятием на улице или переулке?

Возвращаясь к нашему отступлению; покинув мастерскую, мы пересекаем одну сторону маленького сада и через точно такую же грубую дверь, как те две, через которые мы уже прошли в первой студии, входим в еще одно просторное помещение, похожее на сарай, центр которого занимает раскрашенная Венера, столь дорогая сердцу мистера Гибсона, что, хотя она и выполнена на заказ, год за годом проходит, и он не может решиться расстаться с ней. По стенам этой просторной студии расставлены слепки "Охотника", одной из самых ранних и энергичных работ мистера Гибсона; "Королевы", колоссальной группы в Палате лордов и многих других. Осмотрев их на досуге и осмотрев Венеру с наиболее одобренной точки, вероятно, под наблюдением мастера, который никогда не устает распространяться о великих познаниях древних в раскрашивании своих статуй, занавес в левом углу мастерской приподнимается, и служащий осведомляется, примет ли "ла сигнорина" посетителей. Получив разрешение, мы поднимаемся по крутой лестнице и оказываемся в маленькой студии на верхнем этаже лицом к лицу с компактной фигуркой ростом пять футов два дюйма, в кепке и блузке, чьи короткие солнечно-каштановые кудри, нахмуренный лоб, открытое и решительное выражение лица создают на первый взгляд впечатление красивого мальчика. Однако только первый взгляд вводит человека в заблуждение. Подтянутая талия и хорошо развитый бюст безошибочно принадлежат женщине, а прямой взгляд, серьезные глаза, твердо сжатый рот и скромное достоинство в поведении свидетельствуют о том, что эта женщина обладает незаурядным характером и способностями.

Итак, читатель, мы познакомили тебя лицом к лицу с героиней этого наброска, Харриет Госмер, американской скульпторшей.

Родилась в Уотертауне, штат Массачусетс, в 1831 году Харриет Госмер - единственная оставшаяся в живых дочь врача, который, потеряв жену и ребенка от чахотки и опасаясь подобной участи для оставшейся в живых, подарил ей лошадь, собаку, ружье и лодку и настаивал на том, что жизнь на открытом воздухе необходима для здоровья. Бесстрашная наездница, хороший стрелок, искусница гребли, плавания, ныряния и катания на коньках, Харриет Госмер - яркий пример того, как разумная физическая подготовка помогает победить даже наследственные недостатки телосложения. Охотно соглашаясь с желаниями своего отца, деятельное дитя ухитрялось в то же время удовлетворять и развивать свои собственные вкусы; и много раз, когда достойный доктор, возможно, льстил себе мыслью, что его любимица занимается активными физическими упражнениями, ее можно было застать в некоем глиняном карьере, недалеко от отцовского дома, за ранними попытками лепки лошадей, собак, овец, мужчин и женщин или любого предмета, привлечшего ее внимание. И здесь, и впоследствии в Леноксе она с пользой использовала свое время, изучая естественную историю, а свое ружье -

добывая для себя образцы лесных обитателей, покрытых перьями и мехом; одних препарировала, а других собственноручно готовила и набивала начинкой. Стены комнаты, отведенной для ее особого использования в “старом доме у себя дома”, покрыты птицами, летучими мышами, бабочками и жуками, змеями и жабами, в то время как в различных бутылочках со спиртным стоят предметы, тщательно препарированные и приготовленные ею самой.

Изобретательность и вкус проявились в том, как молодая девушка использовала яйца и перья из украденных ею гнезд и птиц. Одна чернильница, очень раннего производства, демонстрирует механический гений и художественный вкус. Взяв голову, горло, крылья и боковые перья синей птицы, она выдула содержимое из куриного яйца и поставила его торчком, сформировав грудку птицы овальной поверхностью яйца, в то время как через открытый клюв и вытянутую шею был получен вход в полость яйца, содержащую чернила.

Никто не мог оглядеть эту квартиру, занимаемую ребенком и молодой девушкой, без того, чтобы сразу не признать силу и индивидуальность характера, которые с тех пор отличали ее.

Рассказывается множество анекдотов, полных веселья и резвости, о розыгрышах, совершенных с таким размахом, что доктор Госмер был доволен прогрессом в здоровье и силе, достигнутым его ребенком; и, безуспешно попытавшись отдать ее на обучение в дневные и еженедельные школы рядом с домом, он решил передать ее на попечение миссис Седжвик из Ленокса, штат Массачусетс. Туда юная леди, исключенная из одной школы и переведенная как неисправимая в другую, была соответственно отправлена со строгими предписаниями о том, что здоровье по-прежнему должно быть превыше всего, и что новой ученицы должна быть свобода ездить верхом и гулять, стрелять и плавать в свое удовольствие. В более мудрые или добрые руки юная девушка не могла бы быть отдана. Здесь тоже, она познакомилась с миссис Фанни Кембл, влияние которого, как правило, укреплять и развивать он уже решил, в вкусах и пристрастиях. Мы слышали, как молодая художница с благодарностью приписывает миссис Кембл поддержку, которая побудила ее избрать скульптуру профессией и посвятить себя и свою жизнь занятиям искусством.

Школьные товарищисс Госмер помнят множество шалостей и подвигов, которые демонстрировали ее смелый дух и любовь к шалостям. Одним из таких действий было поимка гнезда ястреба с вершины очень высокого лесного дерева, на которое она взобралась, рискуя своей жизнью. Ее комната была украшена, как и в доме, гротескными сохранившимися образцами, среди которых были разнообразные рептилии, обычно вызывающие ужас у молодых леди.

Примерно в это же время мисс Госмер была опубликована анонимная заметка о Бостоне и бостонцах. Розыгрыш над врачом из Бостона стал непосредственной причиной того, что ее отправили в Ленокс. Поскольку ее здоровье вызывало некоторое беспокойство у ее отца, джентльмена, о котором шла речь, врач с большой практикой, был вызван для оказания ей медицинской помощи. Довольно неуверенные визиты этого врача оказались источником большого раздражения и некоторых реальных неудобств для его пациентки, поскольку они мешали ее прогулкам верхом, стрельбе и прогулкам на лодке. Потерпев некоторое время неудобства, она попросила джентльмена, в качестве большого одолжения, назначить час для его визита, чтобы она могла соответствующим образом распорядиться. Врач согласился, но пунктуальность не всегда в компетенции профессионалов. Дела обстояли так же плохо, как и

прежде. Иногда назначенный на двенадцать прием откладывался до трех пополудни. В частности, однажды доктор ... опоздал на несколько часов. Между врачом и пациентом произошла шутивая ссора, и, когда он поднялся, чтобы откланяться, и предложил другую встречу, мисс Госмер настояла на том, чтобы он дал слово сдержать его.

“Если я буду жив, - сказал он, - я буду здесь”, назвав определенное время в определенный день.

“Тогда, если вас здесь нет, - последовал ответ, - я должен заключить, что вы мертвы”.

Так они расстались. Настал день и час, но врач не появился. В тот же вечер мисс Госмер прискакала в Бостон, а на следующее утро газеты сообщили о кончине доктора... Половина Бостона и его окрестностей бросилась к дому врача, чтобы оставить открытки и послания с соболезнованиями семье и узнать о причине этого внезапного и прискорбного события.

В 1850 году, когда ей было тогда девятнадцать, Харриет Госмер покинула Ленокс. Разумное обращение миссис Седжвик, а также мотив и поощрение, исходившие от миссис Кембл, придали правильный импульс той деятельности ума и тела, которую нужно было только направлять в законное русло. Она вернулась в дом своего отца в Уотертауне, чтобы продолжить изучение искусства и подготовиться к карьере, которую решила сделать. В то время у ее отца училась двоюродная сестра Мисс С. Госмер, между которой и ней самой существовали сердечные *товарищеские отношения*. Вдвоем провели много часов в разрезе, ноги и руки, и в знакомстве с человеком рамки, доктор Хосмер построив небольшой дом в Боттом его сад, чтобы облегчить эти исследования. Это были дни тщательного изучения и применения. Уроки рисования и лепки, для которых нашей юной студентке приходилось ездить в Бостон, на расстояние семи или восьми миль, и занятия анатомией со своей кузиной, чередовались с неизбежными прогулками верхом и катанием на лодке, на которых мудро настаивал ее отец. Река Чарльз протекает прямо перед домом, и на этой реке у Харриет Госмер был лодочный сарай, в котором стояли надежная широкая лодка и хрупкая, поэтично выглядящая большая гондола с посеребренным носом, радость ее сердца и ужас ее менее опытных и неплавающих подруг. Жизнь молодой девушки в тот период была полна серьезной цели и благородных амбиций, и неутомимая энергия и настойчивость, которые отличают ее сейчас в такой замечательной степени, проявились именно в это время.

Смоделировав одну или две копии с антиквариата, она затем попробовала свои силы в создании портрета-бюста, а затем вырезала бюст Наполеона Кановы из мрамора, полностью обработав его собственными руками, чтобы стать хозяйкой процесса. Ее отец, видя, что она предана своим занятиям, всячески поддерживал их и предложил отправить ее к своему другу, доктору Мак-Дауэллу, профессору анатомии в колледже Сент-Луиса, чтобы она могла пройти курс регулярного обучения и таким образом получить основательную подготовку для выбранной ею отрасли искусства. Молодая художница была слишком рада принять предложение, и осенью 1850 года мы застаем ее в Сент-Луисе, проживающей вместе с ее любимой школьной подругой из Ленокса, завоевавшей сердца всех ее членов своим откровенным, жизнерадостным характером и постоянным прилежанием, а во главе всего этого - того, кого она искренне и энергично называет “лучшим другом, который у меня когда-либо был”.

Ее независимость манер и характера в сочетании с тем фактом, что она поступила в колледж в качестве студентки, не могли не вызвать неприязни, и было сфабриковано и распространено

множество историй о молодой жительнице Новой Англии, которая, как говорили, носила пистолеты в кармане и была готова лишить жизни любого, кто ей помешает. Возможно, в данных обстоятельствах не было никакого недостатка в том, чтобы находиться под защитой такого человека. Колледж находился на некотором расстоянии от жилой части города, и ранним утром и поздним вечером, расхаживая туда-сюда с другими студентами, не исключено, что совершенной безнаказанностью, с которой она бросала вызов условностям, она была обязана мужеству и мастерству обращения с огнестрельным оружием, которые сопровождали ее.

Доктор М'Доуэлл, очарованный талантом и серьезностью своей ученицы, предоставлял ей все, что было в его силах, предоставляя ей полную свободу действий в колледже в любое время и иногда устраивая ей частную лекцию, когда она приходила посмотреть, как он готовит вскрытия для публичных. Приятно и обнадеживающе находить способных и выдающихся мужчин, которые так охотно помогают женщине, когда она сама готова помочь себе. Карьера этого молодого художника до сих пор была отмечена теплой и щедрой поддержкой первыхпервоклассных людей, от профессора Мак-Дауэлла до Джона Гибсона, и приятно обнаружить нежную и благодарную оценку такой доброты, превращающую временную связь учителя и ученика в постоянную испытанную и ценную дружбу. “Я вспоминаю профессора Мак-Дауэлла, - пишет мисс Госмер, - с большой любовью и благодарностью, как самого тщательного и терпеливого учителя, а также во все времена хорошего друга”.

Всю зиму и весну 1851 года, фактически в течение всего семестра, Харриет Госмер занималась своими занятиями с неослабевающим рвением и вниманием, а в конце была награждена “дипломом”, или сертификатом, свидетельствующим о ее анатомических способностях. Во время своего пребывания в Сент-Луисе в знак своей благодарности и уважения мисс Госмер вырезала из бюста профессора Мак-Дауэлла работы Клевенджера мраморный медальон в натуральную величину, который сейчас находится в музее колледжа. Возможно, стоит отметить, что Клевенджер и Пауэрс оба изучали анатомию у этого профессора.

Получив “диплом”, нашамолодая претендентка была настроена увидеть Новый Орлеан, прежде чем вернуться в свой дом в Новой Англии. Это было время года, неподходящее для подобных путешествий, и по той или иной причине ей не удалось уговорить кого-либо из своих друзей сопровождать ее. Хотеть и делать - синонимы некоторых слов; и вот, Харриет Госмер, задумав совершить экскурсию вниз по Миссисипи в Кресент-Сити, в одно прекрасное утро села на борт парохода, направлявшегося в Новый Орлеан. Река была неглубокой, навигациязатруднена; много лодок миновало нашу предприимчивую путешественницу, но удача, как обычно, была на ее стороне, и она благополучно добралась до места назначения. Погода стояла очень теплая, но наш юный друг, ничуть не обескураженный, увидел все, что можно было увидеть, вернувшисьночью переночевать на борту парохода, стоявшего на своем месте у дамбы, и по истечении недели вернувшись на нем в Сент-Луис. Прибыв туда, вместо того чтобы присоединиться к своим друзьям, она отправилась на лодке к водопаду Святого Антония в верховьях Миссисипи,остановившись по пути в Дубьюке, чтобы посетить свинцовую шахту, в которую она спустилась с помощью ведра, и чуть не попала в аварию, которая неизбежно должна была закончиться смертельным исходом; катастрофа, которая, поскольку никто не знал, где она находится, вероятно, навсегда сохранила бытайну. У водопада Святого Антония она пошла к индейцам, к их большому удивлению и веселью, и унесла с собой трубку, подаренную

вождем в знак дружбы. Она также совершила восхождение на гору, на которую никогда прежде не поднимала женщина; и зрители были так восхищены ее мужеством и ловкостью, что настояли на том, чтобы узнать ее имя, чтобы отныне гора могла называться в ее честь. Во время последующего визита в Сент-Луис мисс Госмер обнаружила, что ее деревенские поклонники сдержали свое слово, и “Рост Госмера” остается свидетельством честолюбия и мужества “маленькой леди”.

По возвращении в Сент-Луис, где ее длительное отсутствие вызвало немалую тревогу, она пробыла совсем недолго и, попрощавшись со своими добрыми друзьями, направилась обратно домой.

Это было осенью 1851 года. Не успела Гарриет Госмер вернуться домой, как принялась за создание идеального бюста Геспер, продолжая свои анатомические занятия со своей кузиной и используя свободные минуты для чтения, верховой езды и катания на лодке. Теперь последовал период серьезной работы, воодушевленной видениями успеха, выполненной цели, реализованных высоких замыслов, которые преследуют молодого и полного энтузиазма стремящегося и окружают дни юности гения ореолом, придавая колорит всей карьере. Как мудро и поэтично говорит Лоуэлл,

“Великие мечты исключают низкие цели”.

Лучше стремиться и потерпеть неудачу, чем не стремиться вообще; лучше познать сон, лихорадку и пробуждение, если это необходимо, чем пройти от колыбели до могилы на ровном плане довольства вещами такими, какие они есть. Может быть стремление без гениальности; не может быть гениальности без устремления; и там, где гениальность подкрепляется трудолюбием и выходным пособием, стремление одного периода встретит свое воплощение в другом.

Поехать в Рим, познакомиться со всеми его сокровищами искусства, древнего и современного, учиться и работать так, как до нее учились и работали мастера обоих периодов, — вот что было теперь мечтой нашей юной художницы; и все это время она сердцем и душой трудилась над “Геспером”, первым творением своего гения, наблюдая за его ростом под своей рукой, как молодая мать наблюдает шаг за шагом за развитием своего первенца; замешивая в пластичной глине все те тысячи надежд и страхов, которые, чередуясь, очаровывают и волнуют всех, которые стремятся. Наконец глиняная модель была готова, была отыскана глыба мрамора, которую принесли домой, в сарай в саду, до сих пор предназначавшийся для препарирования, но теперь приспособленный под мастерскую. Здесь своими собственными маленькими руками юная девушка, невысокого роста и хрупкого телосложения, любая вещь, но крепкая здоровьем, с помощью стамески и молотка заделала бюст, а затем с помощью рашпиля и филе довела его до последней степени совершенства в манипуляциях. На это ушли месяцы, часы и дни спокойного труда и терпения; но эти крылья гения, настойчивости и трудолюбия принадлежали ей, а любовь придавала работе изюминку. Был конец лета 1852 года, когда “Геспер” был полностью достроен.

Критик из New York Tribune так написал об этой работе:

“У него лицо прекрасной девушки, мягко засыпающей под звуки далекой музыки. Ее волосы изящно уложены и перевиты капсулами мака. На лбу у нее сияет звезда, а под грудью лежит

полумесяц. Вечерняя тишина веет от безмятежного лица и тяжело опущенных век.... Округлость щек и бюста подобна чистой, молодой, здоровой плоти, амышцы красивого рта так изящно очерчены, что кажется, будто он дышит.

“Поэтическая концепция предмета — это творение ее собственного ума, и все это воплощено ее собственными руками - даже жесткие, грубые, механическиеэлементы работы. Она наняла человека отколоть несколько больших кусков мрамора; но, поскольку он не привык помогать скульпторам, она не рискнула поручить ему резать в нескольких дюймах от поверхности, которую она намеревалась обработать”.

“Теперь, - сказала она отцу, -я готова отправиться в Рим”.

- И ты отправишься туда, дитя мое, этой же осенью, - последовал ответ.

Как ни стремился доктор Госмер всячески способствовать карьере, которую выбрала его дочь, была еще одна причина отправиться в Италию до наступления зимы. Изучение аи нервное возбуждение наложили отпечаток на хрупкое от природы телосложение, и короткий сухой кашель встревожил достойного доктора за здоровье его ребенка.

В октябре 1852 года отец и дочь были на пути в Европу, диплом Сент-Луиса ирисунки Геспера дагерра были бережно убраны в самый безопасный угол чемодана как свидетельства того, чего молодая художница уже достигла, когда, прибыв в Рим, она должна была обратиться за наставлениями к одному из двух мастеров, одна только мировая слава которых моглаудовлетворить амбиции нашей соискательницы. Ее желание добраться до Рима было таким горячим, что на поездку в Англию была отведена всего неделя; а затем, присоединившись к нескольким друзьям в Париже, вся компания отправилась в Рим, прибыв в Вечный город вечером 12 ноября 1852 года.

Вчерез два дня дагерротипы попали в руки мистера Гибсона, когда он сидел за завтраком в кафе "Греко", известном месте отдыха художников.

Теперь да будет известно, что в качестве предостережения женщинам не следует легкомысленно подходить к какой-либо карьере, следует так же легкомысленно относиться к первой возникающей трудности, что в Риме существовало предубеждение против женщин-художниц из-за притязаний, с которыми некоторые отправились туда, и благодаря которым им удалось получить доступ в некоторые из лучших студий и инструкции отмастеров-наследников, отказываться от этих ценных возможностей при первом возникшем препятствии. Мистер Гибсон, как говорили, сам был таким образом жертвой и раздосадован, и мисс Госмер это было представлено как сомнительное. в крайнем случае, если бы он захотел либо взглянуть насвои дагерротипы, либо выслушать предложение о том, чтобы она стала его ученицей. Однако перед ним положили дагерротипы; и, взяв их в руки — один изображал бюст в полный рост, а другой в профиль, — он несколько мгновений сидел молча, пристально вглядываясь в них.Воодушевленный этим, молодой скульптор, взявшийся представить их, принялся объяснять намерения и пожелания мисс Госмер, что она уже сделала и что надеется сделать. Мистер Гибсон по-прежнему хранил молчание. Наконец, закрывая дела,

“Пришлите ко мне молодую леди, - сказал он, - и она научится всему, что я знаю и чему смогу ее научить”.

Меньше чем через неделю Харриет Госмер обосновалась в студии мистера Гибсона, в уже описанной комнате наверху. Вскоре между учителем и ученицей возникла поистине отеческая и сыновняя привязанность, источник огромного счастья для них самих и удовольствия и забавы для всех, кто их знает и ценит, из-за любопытного сходства, но в то же время непохожести, которая с самого начала существовала в мисс Госмер с мистером Гибсоном и которую ежедневное общение не имеет тенденции уменьшать.

В одном из своих писем она пишет:

“Самое заветное желание моего сердца исполнено тем, что Гибсон признал меня своим учеником. Он живет в Риме тридцать четыре года и возглавляет *van*. Мне очень повезло. Он только что закончил модель статуи королевы, и, поскольку его комната свободна, он разрешает мне воспользоваться ею, и теперь я нахожусь в его собственной студии. У меня также есть небольшая комната для работы, которую раньше занимал Канова, и, возможно, вдохновение можно черпать из стен”.

Первую зиму в Риме мистер Гибсон провел, занимаясь лепкой по старинке: он хотел убедиться в правильности взгляда мисс Госмер и основательности ее знаний; Геспер продемонстрировала, что обладает богатым воображением и созидательной силой. С самого начала мистер Гибсон выразил свое более чем удовлетворение ее способностью имитировать округлость и мягкость плоти, сказав однажды, что он никогда не видел, чтобы это превзошло и не часто могло сравниться.

Ее первой попыткой создать оригинальный дизайн в Риме был бюст Дафны, за которым быстро последовал другой бюст Медузы — прекрасной Медузы — и это прекрасная вещь, безупречная по форме и интенсивная в выражении ужаса и агонии, не затрагивающая физическую боль.

Мы уже говорили о теплом друге, которого мисс Госмер приобрела во время зимы в Сент-Луисе, в лице главы семьи, в доме которой она была гостьей. Этот джентльмен, желая помочь молодой художнице в ее путешествии в Рим, послал ей накануне отъезда заказ на крупную сумму на первую фигуру, которую она должна была смоделировать, предоставив ей полную свободу выбора времени и темы. Результатом стала статуя Ноне, которая сейчас находится в доме мистера Кроу в Сент-Луисе и которая доставила такое удовлетворение своему владельцу и его землякам, что мисс Госмер был направлен заказ на статую для Публичной библиотеки Сент-Луиса на тех же самых либеральных условиях. Беатриче Ченчи, получившая так много положительных отзывов от критиков и знатоков, была отправлена в Сент-Луис во исполнение этого заказа.

Лето в Риме, как всем известно, тяжелое для местных жителей и полное опасностей для иностранцев. Доктор Госмер, убедившись, что его дочь окончательно устроилась, вернулся в Америку, оставив ей строгое предписание искать на лето какое-нибудь целебное место в соседних горах, если она действительно не поедет в Швейцарию или Англию. Рим, однако, был центром притяжения; и после первого сезона, проведенного в Сорренто, на берегу Неаполитанского залива, мисс Госмер никак не удавалось уговорить покинуть пределы видимости его величественного купола и благородных сокровищ искусства. Наступило третье лето, и, прислушиваясь к советам своих друзей и повинаясь прямому желанию отца, она приготовилась к поездке в Англию. День был назначен, чемоданы упакованы; она была накануне отъезда, когда пришло письмо из Америки, в котором сообщалось о тяжелых потерях,

понесенных ее отцом, что, должно быть, потребовало сокращения расходов любым возможным способом, отказа от карьеры в Риме и немедленного возвращения домой.

Новость обрушилась на нее подобно удару грома. Ошеломленная и сбита с толку, она в тот момент не знала, что делать. Единственный ребенок в семье, которому до сих пор потакали все прихоти и капризы, это положение было действительно поразительным и озадачивающим. Отказ от своей художественной карьеры был единственным, что она считала невозможным; что бы еще ни случилось, этого не могло быть, не должно быть. И вот теперь в игру вступила та истинная независимость характера, которая у хитахерто проявлялась в основном в диких выходках. Вместо того чтобы прибегнуть к помощи друзей, чьи средства, как она знала, будут в ее распоряжении в этой чрезвычайной ситуации, она отправила посыльного за молодым скульптором, который показал дагерротипы мистеру Г.Ибсону и который, сам зависящий от своих профессиональных усилий, был, по ее мнению, наиболее подходящим человеком, с которым она могла посоветоваться относительно своей будущей карьеры. Он повиновался поспешному призыву и увидел радостное, смеющееся лицо, которое он всегда знал, бледное и как бы внезапно изменившееся, превратившееся из лица юной девушки в лицо женщины, полной забот и тревог. Он едва ли мог поверить в эту информацию, но письмо было недвусмысленным, призыв домой был безапелляционным. “Уходи, я не уйду”, - было ее единственным разумным решением, и они склонили головы друг к другу. Мисс Госмер была владелицей красивой лошади и дорогого английского седла; они были обречены сразу. Было решено провести лето в самом Риме, в течение которого проживание там практически ничего не стоит; и в течение этих летних месяцев мисс Госмер должна была смоделировать что-нибудь настолько привлекательное, чтобы обеспечить быстрый заказ, и, соблюдая строгую экономию, начать с этого момента независимую карьеру художника, какую с успехом сумели сделать многие из тех, кто ее окружал, с меньшим талантом и подготовкой. Сказано - сделано; чемоданы были распакованы; друзья, которых она собиралась сопровождать, отбыли без нее; о неудачах ее отца было объявлено просто и прямолинейно, и она сразу же занялась тем направлением промышленности, и экономии, которое они с подружкой избрали.

Говорят, что дружба между молодым человеком и молодой женщиной едва ли возможна, и, возможно, при обычных обстоятельствах, когда у женщины нет собственных всепоглощающих интересов, нет определенной цели и костюма в жизни, это может быть так. Здесь, однако, был случай искренней и полезной дружбы, одинаково почетной для умов и сердец обоих. Под опытным руководством своей подружки мисс Госмер вела свои дела осмотрительно и экономно и в то же время с должным вниманием к здоровью. Лето миновало, и ни лихорадка, ни какие-либо другие напасти не напали на нашего юного друга. Она усердно трудилась и вылепила статую Пака, такую одухотворенную, оригинальную и веселую, что не успела она закончить, как поступил заказ отделать ее мрамором. Это повторялось снова и снова, и в течение последующей зимы только для Англии было заказано три экземпляра — один для герцога Гамильтона. Начав таким образом свою самостоятельную деятельность, мисс Госмер столкнулась с тем успехом, которым никогда не отказывает талант в сочетании с трудолюбием и энергией.

Зимой, когда Ченчи отливали из мрамора, она была занята лепкой памятника в память о красивой молодой католичке, предназначенного для ниши в церкви Сан-Андрео-делле-Фратте, на Виа Мерседе, недалеко от площади Испании. Портретная фигура молодой девушки в полный

рост, в натуральную величину, полулежит на низкой кушетке. Поза легка и естественна, и безмятежный сон смерти превосходно передан отличием от теплого сна жизни в Ченчи.

Зимой 1858 года мисс Госмер была занята лепкой фонтана, для которого она взяла историю о Гиласе, спускающемся за водой, когда, согласно мифологии, его схватили водяные нимфы и он утонул. Гилас образует венец пирамиды, в то время как нимфы, обвинившиеся вокруг ее основания, с вытянутыми руками пытаются утащить его вниз, в воду, где дельфины выбрасывают струи, которые переплетаются друг с другом. Двойной бассейн, верхний, поддерживаемый лебедями, принимает каскад.

Весной 1859 года мисс Госмер работала над своей статуей Зенобии, сделанной на заказ в Америке. Молодой принц Уэльский посетил ее мастерскую, чтобы увидеть эту незаконченную работу, которой он очень восхищался. Он купил "Шайбу", сделанную ее рукой, чтобы пополнить свою коллекцию. Мисс Госмер исполнила, в качестве дополнения к этому, "Блуждающий огонек", который, как говорят, был даже превосходен.

КОНЕЦ.

⇒ Каждый номер журнала Harper's содержит от 20 до 50 страниц — и читается от трети до половины больше, чем любой другой в стране.

ЖУРНАЛ HARPER'SINE.

Издатели считают, что девятнадцать томов журнала Harper's Magazine, вышедших в настоящее время, содержат больше ценного и привлекательного материала для чтения, чем можно найти в любом другом периодическом издании того времени. Лучшие серийные рассказы выдающихся романистов времени: "Морис Тирней" Лавера, "Мой роман" Бульвера Литтона, "Холодный дом" и "Крошка Доррит" Диккенса, "Новые книги" и "Виргинцы" Теккерея - последовательно появлялись в журнале одновременно с их публикацией в Англии. Были тщательно отобраны лучшие рассказы и зарисовки из зарубежных журналов, а оригинальные материалы были предоставлены Чарльзом Ридом, Уилки Коллинзом, миссис Гаскелл, мисс Малок и другими выдающимися английскими писателями.

Большая часть журнала, как всегда, была посвящена статьям на американские темы, написанным американскими писателями. Материалы приветствовались из всех регионов страны; и при принятии решения об их принятии Редакторы стремились руководствоваться исключительно внутренними достоинствами статей, независимо от их авторства. Были приняты меры к тому, чтобы журнал никогда не стал органом какой-либо местной литературной клики или какой-либо секционной политической партии.

Никогда с момента основания Журнала его литературные и художественные ресурсы не были более обширными и разнообразными; и Издатели ссылаются на содержание Журнала за прошлое как на лучшую гарантию его будущих претензий на покровительство американской общественности.

УСЛОВИЯ.—Один экземпляр на один год - \$ 300; Два экземпляра на один год - \$ 5 00; Три или более экземпляра на один год (каждый) - \$ 2 00; “Harper's Magazine“ и ”Harper's Weekly“ - на один год - \$ 4 00. И *Дополнительный экземпляр, бесплатно, для каждого Клуба из Десяти Подписчиков.*

Священнослужители и учителя поставляли книги по два доллара заухо. Полугодовые тома, переплетенные в ткань, по 2 50 долларов за штуку. Муслиновые обложки, 25 центов каждая. Почтовые расходы за журнал Harper's Magazine оплачиваются в офисе, *где он был получен.* Почтовые расходы составляют *тридцать шесть центов в год.*

Издательство "ХАРПЕР И БРАТЬЯ", площадь Франклина, Нью-Йорк,.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК HARPER'S WEEKLY.

ЖУРНАЛ ЦИВИЛИЗАЦИИ.

Первоклассная иллюстрированная семейная газета.

ЦЕНА ПЯТЬ ЦЕНТОВ.

Harper's Weekly существует уже два года. В течение этого периода не жалели усилий, чтобы сделать ее как можно более Семейной газетой для американского народа, и владельцы убеждены, что в той специфической области, которую она занимает, ни одно существующее периодическое издание не может сравниться с ней.

Каждый номер Harper's Weekly содержит все новости недели, отечественные и зарубежные. Считается, что полнота этого раздела не имеет себе равных ни в одном другом еженедельном издании. Каждое заслуживающее внимания событие богато и точно иллюстрировано в момент его возникновения. И хотя на приобретение оригинальных иллюстраций не жалеют средств, позаботились о том, чтобы представить читателю каждую иностранную картину, которая, по-видимому, представляет всеобщий интерес. Одним словом, Подписчик Harper's Weekly может рассчитывать на получение Наглядной истории того времени, в которое мы живем, собранной и проиллюстрированной самым совершенным и полным из возможных способом. Считается, что одни только Иллюстрированные Биографии— которых уже опубликовано около ста пятидесяти, стоят для читателя гораздо больше, чем вся стоимость его подписки.

Литературные материалы Harper's Weekly публикуются одними из самых способных англоязычных авторов. Каждый номер содержит серию рассказов первоклассного автора - “Что он будет с этим делать?” Бульвера целиком появилась в его колонках; один или несколько коротких рассказов, лучших, которые можно купить дома или за границей; лучшие стихи дня; поучительные эссе на темы, представляющие всеобщий интерес; Комментарии к

событиям того времени в форме передовиц и философских сплетен "Бездельника" и "аму"; пытливая, но щедрая литературная критика; шахматная хроника; и полные и тщательные отчеты о событиях прошлого. Рынки денег, товаров и продукции.

Устанавливая цену своей статьи на столь низком уровне, всего в пять центов, Издатели отдавали себе отчет в том, что ничто, кроме огромной продажи, не сможет их вознаградить. Они рады сообщить, что поступления уже оправдали их ожидания и оправдывают дальнейшие усилия по превращению Harper's Weekly в незаменимого гостя в каждом доме по всей стране.

УСЛОВИЯ.-Одна копия на двадцать недель, \$ 1,00; Одна копия на один год, \$ 2,50; Одна копия на два года, \$ 4,00; Пять копий на один год, \$ 9,00; Двенадцать копий на один год, \$ 20,00; Двадцать пять копий на один год, \$ 40,00. *Дополнительная копия будет разрешена каждому Клубу из Twelve или Двадцати пяти Подписчиков.*

Уильям К. Прайм.

Жизнь на яхте в Египте и Нубии.

Жизнь на лодках в Египте и Нубии. Уильям К. Прайм, автор книг "Старый дом у реки", "Последующие годы" и др. Иллюстрации. 12то, муслин, 1 доллар 25 центов.

Палаточная жизнь на Святой Земле.

Уильяма К. Прайма, автора книг "Старый дом у реки", "Последующие годы" и др. Иллюстрации. 12то, муслин, 1 доллар 25 центов.

Старый дом у реки.

Уильяма К. Прайма, автора "Писем из Совиного ручья". 12 мес., муслин, 75 центов.

Последующие годы.

Автор: ВиллияМ. К. Прайм, автор книги "Старый дом у реки". 12то, муслин, 100 долларов.

ИСТОРИЯ КОНСТИТУЦИИ КЕРТИСА.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, ФОРМИРОВАНИЯ И ПРИНЯТИЯ КОНСТИТУЦИИ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ. Джордж Тикнор Кертис. Готово в 2 томах. 8vo, муслин, \$ 4,00; Овца-закон, \$ 5,00; Половина теленка, \$ 6,00.

Книга, столь тщательная в понимании своего предмета, столь беспристрастная в обобщении своих суждений, столь хорошо продуманная в своем методе и столь правдивая по своему содержанию, может смело вызвать самую исчерпывающую критику. Конституционная история нашей страны ранее не становилась предметом специального трактата. Мы можем поздравить себя с тем, что нашелся автор, способный отдать ей должное в полной мере; то, что эта работа займет свое место среди общепринятых учебников нашей политической литературы, не будет подвергнуто сомнению никем, кто внимательно ее прочитал.—*National Intelligencer*.

Мы не знаем человека, который был бы более квалифицирован (теперь, когда покойного Дэниела Вебстера больше нет), чтобы взяться за эту важную историю.—*Boston Journal*.

Она займет свое место среди классиков американской литературы.—*Boston Courier*.

Автор посвятил годы предварительным исследованиям, и ничто не ускользнуло от него в терпеливых и добросовестных исследованиях, которым он посвятил так много времени. Действительно, работа была выполнена настолько тщательно, что ее больше никогда не придется делать заново; поскольку источники исчерпаны, а материалы собраны с таким продуманным и художественным мастерством, что вкус и чувство завершенности полностью удовлетворены. —*Нью-Йорк Дейли Таймс*.

Самый важный и ценный вклад в историческую и политическую литературу Соединенных Штатов. Все публицисты и студенты, изучающие публичное право, будут благодарны мистеру Кертису за усердие, с которым он раскрыл огромный запас дипломатических знаний, заложивший основы американской конституции, и за свет, который он пролил на его обширную и трудную тему. —*Лондон Морнинг Кроникл*.

Проследить историю формирования Конституции и объяснить обстоятельства времени и страны, из которых выросли различные ее положения, - задача, достойная высочайшего таланта. Выполнить эту задачу удовлетворительным образом - это достижение, которым вполне могут быть удовлетворены благородные амбиции. Мы можем честно сказать, что, по нашему мнению, мистер Кертис справедливо заслужил это звание.—*Нью-Йорк Курьер энд Инкуайер*.

Мы не видели истории, которая превосходила бы ее по основным качествам стандартного произведения, которому суждено занять постоянное место в беспристрастном суждении будущих поколений.—*Путешественник из Бостона*.

Если второй том сохранит характер первого, мы не рискуем утверждать, что все издание носит характер стандартного произведения. Она послужит единственным надежным руководством к толкованию Конституции, исторически раскрывая потребности, которые она должна была удовлетворить, и зло, которое она должна была устранить.—*Рекламодамель Boston Daily*.

Этот том является важным вкладом в нашу конституционную и историческую литературу. * * * Каждый истинный друг Конституции с радостью примет его. Автор представил повествование ясно и интересно. Это свидетельствует о тщательном исследовании, умелом обращении с

материалом, ярком изложении и желании писать в тоне и манере, достойных великой темы.—
"Бостон пост".

Опубликовано издательством HARPER & BROTHERS,
Франклин-сквер, Нью-Йорк.

* Harper & Brothers отправит вышеуказанную работу по почте с оплаченными почтовыми расходами (на любое расстояние в Соединенных Штатах менее 3000 миль) после получения денег.

Произведения Томаса Карлайла.

История Фридриха Второго,

называется Фредерик Великий. 4 тома. 12 штук, муслин, по \$ 1,25 каждый. Тома. I. и II., с Портретами и Картами, уже готовы.

Французская революция.

История. Недавно переработано автором, с указателем и с. 2 тома. 12то, муслин, 2 00 долларов; Половина теленка, 3 70 долларов.

Письма и речи Оливера Кромвеля.

Включая Дополнение к Первому изданию. С пояснениями и связующим повествованием. 2 тома. 12то, муслин, 2 00 долларов; Половина теленка, 3 70 долларов.

Прошлое и настоящее.

Чартизм и Сартор Резартус. Новое издание. Полное в 1 т. 12то, муслин, \$ 1,00; Половина теленка, \$1,85.

Опубликовано издательством HARPER & BROTHERS,
Франклин-сквер, Нью-Йорк.

⇒Harper & Brothers отправит любую из вышеперечисленных работ по почте с оплаченными почтовыми расходами (на любое расстояние в Соединенных Штатах менее 3000 миль) после получения денег.

Каталог Harper's.

Новый описательный каталог публикаций Harper & Brothers с указателем и классификационным оглавлением готов к распространению, и его можно получить безвозмездно, обратившись к Издателям лично или отправив письмо с вложением шести центов почтовыми марками.

Вниманию джентльменов, живущих в городе или сельской местности, задумавшихсоздать библиотеки или пополнить свои Литературные коллекции, с уважением предлагается этот Каталог, который, как вы обнаружите, включает значительную часть стандартных и наиболее уважаемых произведений английской литературы —ОБЪЕМОМ БОЛЕЕ ДВУХ ТЫСЯЧТОМОВ — которые предлагаются, в большинстве случаев, менее чем за половину стоимости аналогичных произведений в Англии.

Предполагается, что этот Каталог окажется особенно ценным в качестве справочного пособия для библиотекарей и других лиц, связанных с колледжами, школами и т.д., у которых может не быть доступа к надежному руководству по составлению истинной оценки литературныхпроизведений.

Чтобы избежать разочарований, предлагается, чтобы в тех случаях, когда книги невозможно получить ни у одного книготорговца или местного агента, заявки на перевод средствследует направлять непосредственно Издателям, которые будут незамедлительно удовлетворены.

Примечания переписчика

Исправлены пунктуационные ошибки.

Страница 93: “выгравировано и оправдано” заменено на “выгравировано и выполнено”

Страница 116: “камни, мускулы” заменено на “камни, мидии”

Страница 161: “Робусти Тинторетти” заменено на “Робусти Тинторетна”

Страница 243: “Библейская стипендия” изменена на “Библейская стипендия”

Страница 308: “подход к Эшвиллу” изменен на “подход кшевиллу”

Страница 343: “The Liasons” заменено на “the Liaisons”

Страница 379: “Девятнадцать томов” заменено на “Девятнадцать томов”